

АНДРЕЙ МОЛЧАНОВ

АНТИФАДА

*Андрей Алексеевич Молчанов
родился в 1953 году в Москве.
Окончил Литературный инсти-
тут им. А.М.Горького в 1982 году.
Живет и работает в Москве.
Издано 15 книг прозы. Постоян-
ный автор журнала «Москва».
Член СП СССР.*

РОМАН

Вечерний рейд

Их можно было смело назвать организованной преступной группой, хотя к такому определению каждый из них отнесся бы с изрядной долей скепсиса. И в самом деле — чем они занимались? Мелочевкой, магазинными кражами, да и то в свободное от основной работы время.

Все трое жили в Бруклине, в районе русскоязычной эмиграции Брайтон-бич, хотя легальным статусом обладали двое: профессиональный вор Марк и бывший капитан-морпех Виктор, третий, Юра Жуков, бывший десантник, уже десять лет проживал в Америке нелегально, ничуть, впрочем, не удручаясь подобным положением.

Виктор работал менеджером в огромном супермаркете «Стоп энд шоп», что означало «остановись и купи», Юра трудился строительным рабочим, специализируясь на укладке паркета и электрике, а Марк занимался исключительно криминальными деяниями, в которые год назад вовлек вышеозначенную парочку.

В данный момент проржавевший трудяга «вэн» вез лихую троицу в пригород Нью-Йорка, за аэропорт Кеннеди, к месту сосредоточения нескольких торговых центров.

— Сегодня выхожу на дежурство в ночь, — озабоченно говорил Виктор, поглядывая на свой фальшивый «ролекс». — Хорошо бы нам управиться до восьми вечера, если хотите взять продукты; после восьми публика сваливает, зал прозрачный, будем как на ладони...

Юра и Марк молча кивнули. Пожелание приятеля в комментариях не нуждалось. Вечером Виктору предстояло облачиться в голубенький нейлоновый халатик с опознавательной биркой на груди и встать на пост возле касс супермаркета, регулируя поток покупателей и собирая скопившуюся наличность. В это время подельники, блуждая по огромному, как стадион, залу,

* Журнальный вариант.

заставленному стеллажами, должны были доверху набить объемистые тележки деликатесами, чтобы в итоге двинуться к проходу, курируемому приятелем.

Далее менеджеру вручались платежные карточки, следовали определенные манипуляции, имитирующие процесс расчета, после чего, снабженные липовыми чеками, Юра и Марк спокойно катили тележки приятелем к машине. Стоимость содержимого тележек порой превышала тысячу долларов.

Данной махинацией они не злоупотребляли, навещая супермаркет разок в неделю, но и этого хватало, чтобы до упора забить холодильники бесплатной провизией самого высокого качества. Менеджер Виктор, естественно, по окончании трудового дня получал свою натуральную долю.

— Значит, так, — обращаясь к Юре, продолжил продуктовый менеджер. — Мне возьмишь два фунта тигровых креветок со льда, больших — джамбо — не надо, слишком они здоровые, птеродактили прямо какие-то... А! Гусиный паштет в кулинарном отделе — тоже два фунта, ну... икорки, стейки рыбы-меч... Потом не забудь про соус чесночно-томатный к креветкам, большую лохань бери... Пльзеньского пивка пару упаковок, угря, хвосты лобстеров, чего еще?

— Ну, понял, понял, все как обычно, — откликнулся Жуков, вольготно раскинувший свою мускулистую stodвадцатикилограммовую тушу на заднем сиденье машины. На его плоском лице с квадратной челюстью искрились веселой хитрецей узкие зеленоватые глаза.

Взгляд Виктора, плечистого брюнета, напротив, был угрюм, темен и нес в себе привычную стылую угрозу.

— Чего-то не нравится мне мой старший, Джон, поосторожнее сегодня надо вынос делать, — продолжил он. — Просек этот негритос наши завихрения, в прошлый раз цап меня с картой, перепроверил расчетик, хорошо, клиент правильный был, все до цента сошлось... Извинился, паскуда, но все равно на измене, точно. — Он помолчал. Затем продолжил с сомнением в голосе: — А может, сегодня не будем впрягаться, а? Чего-то у меня чувство...

— А у меня чувство голода! — напористо произнес Жуков. — И кило чистого холода в морозильнике. Специально ничего не покупал, на тебя рассчитывал... А он — нате, включает заднюю передачу!

Марк повернул к товарищам аккуратную, коротко остриженную голову. Задумчиво погладил глубокий шрам, пересекавший щеку.

— С «шахтером» надо поаккуратнее, — согласился озабоченно. — В случае чего — сделаем перерыв. У меня Зинка кассиром на Брайтоне, тоже бери, чего хочешь, но двадцатку она в кассу пробьет, иначе — никак...

— Дама в доле? — спросил Виктор.

— Какая еще доля... — горестно вздохнул Марк.

— Так ты это... за продукты — натурой? — понятиливо расхохотался Жуков.

— Вообще-то — из элементарного уважения к нелегкой судьбе одинокой женщины, которой уже не сорок, но еще не пятьдесят, — сказал Марк. — Так что все красиво. Ладно, пошли, — сосредоточенно процедил Марк, — действуем по плану. Лишку не грузите, выносить мне, а у меня шов плохо зарос...

Недавно Марк перенес операцию по удалению аппендикса и вынужден был сделать некоторый интервал на поприще магазинных хищений, сопряженных с перемещением порою внушительных грузов. Его же миссия в трио была наиболее ответственной и опасной: он осуществлял завершающую фазу операции в выносе краденого товара с торговых площадей. Подобную роль обуславливали несколько обстоятельств: во-первых, в отличие от подельников с их бандитскими физиономиями и шкафообразными фигурами, на лице Марка, пусть и отмеченного ножевым шрамом, лежала печать некоего благородства и интеллекта, а взгляд боль-

ших серых глаз был младенчески и распахнуто честен, во-вторых, он говорил на безупречном английском, в-третьих, отличался утонченно галантными манерами и, наконец, в-четвертых, имел медицинскую справку, утверждавшую, что ее обладатель — инвалид по психическому заболеванию и за свои действия отвечает не в полной мере. Последний фактор был решающим и здорово облегчал дело, связанное с полицией и разного рода карательными санкциями.

Впрочем, шансы погореть были минимальны: Виктор, работавший в торговле, прекрасно знал все системы внутренней безопасности, сразу же определял детективов, выдававших себя за покупателей, мгновенно определял «мертвые» зоны камер; Жуков безошибочно обнаруживал потайные чипы в товаре и избавлялся от них, а Марк дирижировал стратегией и тактикой операций. Его артистизм и раскованность вызывали в сотоварищах изумление вперемешку с растерянностью.

Входя в дорогие магазины Манхэттена, Марк не таился от персонала, а, напротив, тут же окружал себя продавцами и менеджерами; выспрашивал о качестве товара, советовался, — идет ли ему та или иная одежда или нет? Скрывшись в примерочной, требовал принести туда то одно, то другое; перебирал горы тряпья и, наконец, купив две-три дорогие вещи, раскланиваясь, уходил. Внешне — точье-в-точье таким, каким и входил в магазин, однако каким-то чудесным образом он выносил на себе целый дорожный гардероб, умело сокрытый под надлежащей одеждой, — зачастую — под просторным спортивным костюмом. Затем, обливаясь потом, как луковницу от чешуи, освобождал себя от похищенного товара в салоне «вэна». Вечером шмотки за тридцать процентов своей номинальной стоимости продавались обитателям Брайтон-бич, а купленные вещи сутками позже сдавались обратно, как правило, в другой магазин, но с аналогичной торговой маркой. Уплаченные деньги, соответственно, возвращались.

В зал вошли через разные двери, выказывая отчужденность друг от друга.

Цель операции была определена заранее: вынос самых дорогих бритвенных лезвий. Каждая кассета, вмещавшая четыре лезвия, стоила пятнадцать долларов; коробки, стоящие в глубине стеллажей, содержали таких кассет добрую сотню, оптом сдававшуюся на Брайтоне за шестьсот зеленых, а коробок предстояло похитить десяток, что в итоге пахло наваром в шесть тысяч.

Лезвия в любых количествах и без торга брал околачивающийся на углах Брайтона косматый Лева Шкиндер — продавец краденых часов, будмажников и фотоаппаратов.

Бестрепетной рукой катя сетчатую хромированную телегу по навозшенному пластиковому покрытию, отражавшему блики многочисленных ламп, стратег Марк приближался к главной цели — закутку с промышленно-хозяйственными товарами, где высились внушительные коробки с кухонной техникой, разборными стеллажами, гладильными досками и, главное, пылесосами. Да, именно этот полезный предмет быта наиболее интересовал хитроумного Марка, однако подобрать пылесос в подходящей упаковке требовало немалых специальных знаний.

Отвечающий нуждам операции аппарат представлял собой внушительную платформу, заключавшую основной механизм и — длинную хромированную ручку, позволявшую комфортно передвигать пылеулавливающий агрегат по заданной поверхности.

Таким образом, громоздкая упаковка пылесоса, доходившая Марку едва ли не до подбородка, практически была пуста, ибо платформа занимала ее низ, а направляющая и руководящая рукоять обреталась в пустоте.

В проходе мелькнул грузный, однако по обыкновению стремительно и легко передвигавшийся Жуков. На его голове не было кепки, что означало: сноровистый паркетчик уже заложил в телегу лезвия и теперь маневрирует по залу, совершая примерки и любопытствуя товаром, дабы ввести

в заблуждение возможное за ним наблюдение со стороны охраны. Следом мелькнул Виктор — также с непокрытой головой.

Марк деловито перекантовал коробку поближе к тележке; лезвие, зажатое в кулаке, переместилось в пальцы. Вжик! — и на ленте, прихватившей картонные края, возник разрез.

Марк вскрыл упаковку, сунул в нее нос, убедившись в присутствии пылесоса и в надлежащем объеме необходимого пространства, затем косо глянул на потолок, где зловеще чернели подвесные колпаки, скрывавшие камеры наблюдения. Громоздившиеся друг на друге бастионы коробок своей высотой надежно перекрывали фискальный обзор, да и сам Марк, сразу же двинувшийся в отдел крупных агрегатов, едва ли заинтересовал своей персоной службу безопасности, в отличие от Юры и Виктора, крутившихся в отделах дорогостоящей мелочевки.

Впрочем, и тот и другой уже уложили лезвия на дно телег, забросав их для вида ворохом рубашек, свитеров, иного тряпья, и теперь ломаными маршрутами продвигались к заветной финальной точке, где их поджидал заскучавший компаньон.

С разных сторон войдя в проход, где томился Марк, поделщики мгновенно извлекли из тележек коробки с лезвиями и сунули их внутрь упаковки пылесоса, заполнив ее практически доверху. Марк уже собрался захлопнуть картонные уши, но следом Виктор уместил еще пару упаковок — с неясным содержимым, но очевидно увесистых.

Задавать вопросы не было времени, счет шел на секунды. К тому же, как назло, в проход устремилась посторонняя публика, хорошо — широкие спины бывших десантников заслоняли финальное действие, а оно требовало особой сноровки: одним движением Марку предстояло выдернуть из липкой ленты, таящейся в рукаве, заготовленный край, кашлянуть, заглушая треск натягиваемого пластика и — ровно уложить его вдоль прежнего разреза.

Что он блистательно исполнил.

Виктор и Юра подвинулись, пропуская какого-то латиноса, принявшегося рассматривать микроволновки, затем по просьбе Марка взгрузили пылесос на его пустую телегу и вновь разошлись в разные стороны.

В течение трех минут они еще поблуждают по залу, а затем, оставив телеги с барахлом, один за другим выйдут на улицу и перейдут на другую сторону площади, встав за выездом из торгового центра. Там, в безопасной зоне, они дождутся машину с Марком, ибо в случае провала операции их возьмут на стоянке магазина всех троих, а групповое преступление во всех странах и кодексах расценивается куда серьезнее.

Виктор уселся на крыло припаркованного к тротуару «форда», закурил, нервно поглядывая по сторонам. В разрезе его рубахи из легкого шелка болталась на волосатой груди тяжелая золотая цепь. Крепкие узловатые пальцы, удерживающие сигарету, слегка дрожали, но лицо как всегда было стыло-непроницаемым.

— Ну, что? — Жуков кивком указал на магазин, где еще находился Марк. — Вернется камикадзе с задания?

— Чего с ним будет, — отмахнулся Виктор. — Справка «по дурке» в лопатнике, а на крайняк сыграет припадочного, он умеет, мне Жора Спазман рассказывал, они с ним когда-то в паре шакалили...

Подъехавший Марк был зол, как цепной пес.

— Идиоты! — просипел, едва Юра и Виктор плюхнулись на сиденья. — Не помните, что я вам сказал? Коробку надо класть так, чтобы компьютерный код был обращен к кассе! А вы код низом уместили, кретины!

— Да там латинос этот стремный, — примирительно молвил Виктор. — Косанул на нас — ну точно, натуральный мусор...

— Ага, и вы обделались и сквозанули как из пулемета... А я на кассе встал, кассирша со сканером код полезла искать, а он — внизу... Хотела

коробку перекантовать, а там сразу все ясно, какой пылесос, там тонна в этой коробке... Я ей: извините мисс, женщина не должна ворочать тяжести... И сам этот сундук перекрутил с любезной улыбкой...

— Ну и чего? — озадаченно спросил Жуков. — Подумаешь...

— У меня швы разошлись, в госпиталь сейчас едем! — с яростью прошипел Марк. — Подумаешь! Кстати, — неприязненно скосился он на Виктора, изображавшего удрученность и сочувствие. — Ты чего там за коробки вдогонку затырил? Что за дела?

— Это... утюг, — пробормотал тот и, поежившись виновато, оглянулся на приветливые огни обесчещенного магазина. — Сгорел у меня вчера... А я как раз собирался...

Жуков залился нервным, но жизнерадостным смехом.

— Да ты... — У Марка отяжелели скулы и сузились глаза. — Вообще охренел, падла! Твой утюг одну кассету с лезвиями стоит!

— Если как мы сдаем — то четыре, — возразил Виктор.

— Да я... — ощерился в сторону морпеха Марк, но, видимо, прикинув, что сегодня предстоит навесить бесплатный гастрон, да и не только сегодня, обострять отношения с кормильцем не стал, а тоже хохотнул принужденно, заключив: — В следующий раз тебя к кассе отправлю, посмотрим, как оно разрулится... Сквалыга... А во второй упаковке что?

— А это — на всех! — с решимостью в голосе сказал Виктор. — Зубная паста, шесть тюбиков в упаковке. Знаешь, почему взял?

— Ну?..

— Тридцать долларов за тюбик, ты когда-нибудь такую дорогую пасту видел? Какая-то новая...

— Да лучше бы лишнюю коробку лезвий! — раздраженно произнес Марк. — Ты простой, как вода в унитазе. Это про тебя сказано, что экономика не на математике держится, а на человеческой глупости!

Заехали в госпиталь, где Марку наложили дополнительный шов, а после двинулись в «Стой и купи». Виктору отчетливо не хотелось рисковать, но, в свете своей оплошности возражений высказывать не приходилось, и вскоре, облаченный в служебное одеяние, он принимал от партнеров тележки, доверху набитые отборной провизией.

Все сложилось замечательным образом: черного Джона в зале не было, охрана взидала на манипуляции Виктора с равнодушием, продукты уместились в заднем отсеке «взна» по соседству с пылесосом, и машина двинулась к дому Марка, где обычно производился раздел трофеев.

Удачный воровской день следовало отметить, а потому Жуков плеснул пиво на дно кастрюли и загрузил креветки, поставив емкость на газ. Марк раскладывал по тарелкам разносолы, группируя их вокруг объемистой бутылки водки.

— Пылесос завтра сдам обратно, потом сплужу лезвия, так что вечером можете приходить за монетой, — говорил он Жукову.

— Это кстати, а то я весь в долгах, — кивал тот, засыпая в кастрюлю черный перец и лавровый лист.

— Откуда долги? — удивился Марк. — Работаешь за зарплату, со мной хулиганишь, тебе купюры складировать в пору...

— Да Лора все чудит... — кисло промямлил бывший десантник.

Лора являлась его законной супругой.

— Чего чудит?

— Все бабки на ее банковском счету, — пояснил Жуков. — У меня же социальной карты нет, а потому нет и счета... Вот и крутит ими... Какие-то машины закупила, отправила в Россию, ждет навару...

— Так она их полгода назад отправила! А карту тебе в свое время не сделала, чтобы ты на нее пахал!

— Это точно! — со вздохом признал Жуков. — Но чего теперь сделаешь? Я ее тут взял за глотку, гони, говорю, деньги, за квартиру уже три месяца не платим, телефон вот-вот выключат, а она: не дают, мол, их в банке...

— Как это не дают?

— Да я тут... — засмутился Юра, — по пьяному делу глаза ей выколол...

— Чего?

— Ну, в паспорте, на фотографии. И она говорит, что по такому документу денег не дают. Подала заявку в посольство на новый паспорт, а он только через полгода подоспеет...

— Мозги она тебе делает, — сказал Марк. — У нее на лбу печать: «Аферистка». И нашел же ты такое счастье...

— А чего теперь делать? — Жуков развел руками. — Закопать ее? Тогда денег точно не видать! А по морде я ей тут съездил, она в полицию кинулась. Еле замял дело. А полиция для меня — сам знаешь. Не успеешь выкнуть, уже в депортационной тюрьме. А дальше — встать, суд идет и — Москва. Кстати, я ей три тысячи баксов простил за синяк. И еще полтинник с меня за интим сняла... Мол, выполняю обязанности в состоянии морального ущерба.

— Завтра бабки получишь, заныкай понадежнее, — сказал Марк. — А вообще надо выходить на масштабное мероприятие. — Ну, заработали мы сегодня по два косаря, и что?

— Нормальные бабки, — пожал плечами Жуков. — А закончу на следующей неделе объект, там циклевка и лак остались, поедем в круизик...

Под «круизиком» подразумевалось путешествие на нескольких машинах по близлежащим штатам и, соответственно, планомерное осваивание многочисленных торговых центров, где, в отличие от криминального Нью-Йорка, в провинциальной тиши, службы безопасности не представляли опасности, уповая не столько на камеры слежения, сколько на благонравие местного сельского люда.

«Круизики» приносили изрядный доход.

Звякнул дверной звонок.

Жулики замерли, привычно насторожившись.

Марк молча подошел к домофону, нажал на кнопку. В сером экранце возникла размытая в свете уличного фонарика знакомая долговязая фигура Виктора.

— Хо, — удивленно промолвил Марк. — Откуда это он нарисовался?

— Прогульщик, — оптимистично поддакнул Жуков.

Внезапно явившийся прогульщик с порога с горечью выдохнул:

— Ну, все, попали, привет!

— Чего такое? — недовольно спросил Марк, жестом приглашая товарища в гостиную.

— Только вы уехали, наши «тихушники» в зал нагрянули, — сокрушенно объяснил Виктор. — Ну и припутали меня... Джон этот гадский... У монитора сидел, поняли? За мной сек! Задавлю, гниду! Пойдет, падла, ко дну, без права на всплытие! С отрицательным дифференлом! Кстати, еще бы минута, и вас бы захомутали, хорошо, вы резвый старт сделали...

— О как... — растерянно выдохнул Жуков. — И теперь чего?

— Завтра явиться для разборов, — горестно молвил Виктор. — А пока свободен... Только хрен я явлюсь.

— Дело могут начать... — сказал Марк.

— Как начнут, так и закончат, — проронил Виктор. — Я ж с самого начала знал, что в блудняк влипну с этим магазином, потому по чужой ксиве устроился... Вернее, по своей, но там только фото мое... — Глядя на вопросительное выражение лица Жукова, пояснил: — Я сюда в начале девяностых попал... Прошлого уже столетия. Ну, бланки советских паспортов достать была не проблема. Клей свое фото, бери любую фамилию, шлепай печать хоть из каблука вырезанную, а потом встраивай липовую рабочую визу... Если виза рабочая — должен платить налоги. То есть — получи-те автоматом пенсионную карту. А есть карта — открывай счет в банке. Ну и права получай. Вот я десяток комплектов документов и сделал. Один комплектик сегодня сгорел, так что — наливайте.

— Э, — озабоченно почесал темечко Марк. — Так у тебя десять банковских счетов? И налоги ты не платишь?

— Я безработный, чтобы ты знал, — сказал Виктор. — Бедный американский безработный.

— А каждый банк предоставляет кредит, — вдумчиво продолжил Марк. — И сумма кредита, и чековые бонусы с каждым годом увеличиваются...

— И все десять банков можно кинуть, — продолжил Виктор. — Но всему свое время, как говорил один часовщик, выслушивая претензию за ремонт...

— Тогда надо помянуть «Стоп энд шоп», — сказал Марк, усаживаясь за стол.

Жуков раскладывал половником по тарелкам дымящиеся креветки.

Застолье затянулось до позднего вечера.

Обсуждались перспективы дальнейших деяний, произносились краткие тосты за удачу и процветание, сетовали на возросшую бдительность полиции и всяческих фискальных органов в свете борьбы с терроризмом и нелегальной эмиграцией.

— Они сами этот терроризм и придумали, — умудренно говорил Виктор. — Им теперь деньги куда-то вкладывать надо, вот и конопатят мозги...

— Да вообще тут Советский Союз строится, — соглашался Марк. — Абсолютно мусорская страна стала, не продыхнуть... Где это видано, чтобы улицы перегораживались и каждый водила в трубу дул — пил или нет? А если хрястнул пивка, то — тюрьма! Да еще на бабки разведут и вроде хотят закон ввести о конфискации тачек на месте!

— Вышки еще построили для фиксации всех номеров на трассах, — прибавил Жуков.

— И, кстати, во всем мире смертную казнь отменили, а тут — хренушки, — продолжил критику американского империализма морпех. — Я, конечно, не имею в виду всяких арабов и другие малокультурные расы, где царят террор и реакция...

— А у нас смертников на ядерные рудники отправляют, — сказал Жуков. — Раньше, по крайней мере...

— Гнилая байка, — возразил Виктор, с силой утрамбовывая в пепельнице окурки. — История для лохов. У нас для этого в Союзе существовали исполнительные тюрьмы. Несколько. Одна, точно знаю, Новочеркасская, под Ростовом-на-Дону. Там работал палач. Штатный. Причем перед расстрелом обязательно температуру мерили...

— Палачу? — недоуменно спросил Жуков.

— Не, потерпевшему... То есть этому, кого казнить собираются. Если температура повышенная, то надо сначала вылечить...

— Слушай, ты, сказочник, — холодно сказал Марк, — хорош брехать, о чем не знаешь. Никто никого в Новочеркасской тюрьме не стрелял. А везли оттуда напрямик в Ростовское УВД. Въезжали через отдельный шлюз. И вот там-то была исполнительная камера. Стены обшиты резиной. Умывальничек. И находилась камера прямо под кабинетом начальника УВД. Хотя почему — находилась? И до сих пор там находится. В законсервированном состоянии. А последним кончали в ней маньяк Чикатило. Теперь — о палаче. Их не один, а много. И не обязательно местные. Некоторые в командировки из Сибири в тот же Ростов ездили. Имею в виду ментов. И у каждого за время службы по шесть исполнений — максимум. Потом психологи с ними работали... А один говорит: на хрена мне ваш психолог, давайте я еще парочку злодеев хлопну, теряем время...

За столом повисло молчание. В тоне Марка сквозили такая ленивая уверенность в своих словах и безусловное знание предмета, что и Виктор, и Юра почувствовали явственное внутреннее неудобство.

— Откуда... знаешь? — стесненно кашлянув, спросил Виктор.

— А! — безмятежно отмахнулся Марк. — С кем только судьба не сталкивалась... Был один хороший знакомец, знавший, как и что... Который как

раз температуру мерил... Ладно, ребята, пора отдохнуть, разбирайте продукты и — врассыпную... — Он понял, что сболтнул лишку, посеяв сомнения в умах собутыльников, и теперь пытался сгладить впечатление. — Кстати, — указал на упаковку с пылесосом. — Утюг свой не забудь и пасты мне два тюбика обещал...

— Это можно, — согласился Виктор, доставая упаковку.

Попрепившись еще с пяток минут, начали расходиться.

Очутившись на улице, Виктор и Юра побрели в сторону набережной — жили они в домах по соседству, у самого океана.

— Слышь, — покосился морпех на приятеля, — а о расстрелах-то он как говорил, а? Будто сам...

— А может, и сам, — спокойно отозвался Жуков. — Кто его знает?

— Но тогда какой он блатной? Тогда он — мент! — с напором продолжил морпех.

— Да хоть бы и так, тебе что за разница? Мы тут все одинаковые в этой Америке, что менты, что уркаганы. Ты чего-нибудь плохого от него видел?

— Ну... Это да...

— А я тебе так скажу, — продолжил Жуков. — Все эти блатные «понятия» и чиха не стоят. Их воры выдумали, чтобы в первую очередь ту братву, что под ними, разводить. Законы всякие... Кстати, к любым верхам законы не очень-то и относятся. А вор чего хочет? Имею в виду вора авторитетного? Власти. И дай ему высшую власть, куда он денется без своей полиции? А кого шефом полиции назначит? Своего же удобного ему жулика. И думаешь, не пойдет такой жулик на ответственный пост? Пойдет. Только предложи. И если надо, ответит по понятиям: пошел, чтобы больше украсть...

— Как твоя-то? — перебил рассуждения товарища Виктор. Близость к дому ассоциативно подтолкнула его обсудить дела семейные. — Деньги вернула?

— Да куда там...

— Моя тоже чудит...

Жена Виктора Марина, дама с университетским образованием, работала на престижной должности в крупной американской компании, и отношения супругов с некоторыми пор отличала натянутость, — дипломированный специалист тяготился жизнью с грубым и пошлым, находящимся внизу социальной лестницы супругом.

— Она у американцев сейчас много чего нахватается... — многообещающе изрек Жуков.

— Уже нахваталась! — с горячностью поддакнул Виктор. — Тут представляешь... — Он остановился, дернув товарища за рукав. Возмущенно выпучив глаза, поведал: — Купила себе трусы... Какие-то непонятные, резинка в кружевах... — Расставив ноги, выразительно провел ребрами ладоней по паху. — Ты понял? Зачем ей такие трусы? Я вот не понял... Хотя подозреваю.

— Будут сложности, — прокомментировал Жуков.

— Н-да... Хорошо, я зарплату за неделю получил, — невпопад отозвался Виктор. — Ну, в «Стоп и шоп». А то бы сгорели денюжки... Куда теперь приткнуться — не представляю...

— Жизнь сама направит, — сказал Жуков. — Причем в самом непредсказуемом направлении.

Через несколько минут, поднимаясь в лифте на свой этаж, он забыл эти слова и уж совершенно не представлял, насколько пророческими они окажутся в отношении его собственной персоны через каких-то два дня.

Максим Трофимов

Мы возвращались с разведздания, продвигаясь по лесополосе, густо заросшей кустарником, ступали неслышно, мягко раздвигая хлесткие вет-

ви, и профессиональная выучка не подвела: в распадке, поросшем сочной июньской травкой, покидав по сторонам автоматы, предавались походной трапезе бородачи в камуфляже — десять относительно беззащитных на сей момент головорезов.

Обсуждение ситуации никому из нашей пятерки не требовалось. Обзор противника, секундный анализ его близости к оружию и — мгновенный вывод: перед нами — боевое подразделение, либо идущее на очередное злодеяние, либо, что плохо, уже успешно с него возвращающееся. Малейший промах, то бишь любой шорох, слово или звяк, сулят нам бой с неизбежными потерями, а удержание преимущества и грамотная подготовка к бою, а вернее, к бойне — легкую победу.

Помог один из бородатых, что-то бубнивший в микрофон рации. Оторвавшись от наушников, он передал соратникам полученное сообщение, боевики радостно загалдели, и это дало нашей пятерке возможность относительно безопасно рассредоточиться по огневым позициям и жестами определить индивидуальные цели. Каждому — по две.

Мне достался радостный радист и какой-то парень, показавшийся знакомым, хотя на раздумья, где я мог его видеть, времени уже не было. Палец повел спусковой крючок, и вторым планом я отстраненно удивился, когда только успел спустить скобу предохранителя? Бухнул, утонув в череде себе подобных, первый выстрел, разнеся голову «знакомца», прицел переместился на радиста, дернувшегося к оружию, и тут уже было не до снайперской изощренности: я твердо зафиксировал верхнюю часть корпуса с запасом его перемещений в пространстве, и вновь вдавил спуск. На деле эта пара выстрелов едва ли заняла две секунды.

Да, две секунды. И десять мертвых тел. Прости нас, Господь! Мы не могли иначе. Не поручусь за всех, но лично я куда бы с большим удовольствием пленил врага и передал его в соответствующие инстанции, но, во-первых, вряд ли бы враг такое позволил, а во-вторых, тащить боевое отделение противника по горам, кишащим его дружками, — занятие благодарное, но неблагодарное. Хотя на всякий случай у каждого из нас припасены притороченные к поясам наручники. Но это на тот случай, если зацепим каких-нибудь подозрительных хмырей поблизости от позиций федеральных войск.

Рация еще работала, и когда я приложил наушник к щеке, различил взволнованный и очень близкий голос с вопросительной интонацией, что мне не понравилось, — значит, выстрелы и, вероятно, предсмертные выкрики долетели до ушей противника. Теперь нам предстояло спешно уносить ноги, ибо новичку ясно, что связь велась с базовым отрядом, возможно, располагавшимся неподалеку. Однако предстояло доделать обычное военное дело — пополнить полезными трофеями боекомплект, изъять документы и вывести из строя ненужное нам оружие.

Я обыскал «знакомца», лица которого, впрочем, теперь не смог бы узнать и самый ближайший родственник.

Карманы камуфляжных штанов пусты, футболка, почерневшая серебряная цепочка с медальоном в форме львиной головы, пояс с кобурой, в ней — потерянный «макаров»...

— Да вон его шмотки, — кивнул мне лейтенант Рогальчук, лобастый, конопатый дылда, с интересом изучающий плоские и, сразу видать, дорожные швейцарские часы, снятые им с радиста. Посоветовал мне: — Куртец там нормальный, примерь, а то поободрался, как бродяга захолустный.

Действительно, в стороне от труп, плотно свернутые, лежали очень полезные вещицы: импортный бронежилет, камуфляжная курточка с тонкой шерстяной подкладкой, с иголки, и — отечественный «калаш» со сдвоенными магазинами, перехваченными изолентой.

Я примерил куртку, скинув свою — пропотевшую, с лоскутами прорех, полученных от двух ночных неудачных падений на горных тропах.

Ощупал карманы. Так... Вот оно — паспорт! Ого, британский...

— Похоже, — сказал Рогальчуку, — завалили мы, братцы, подданного ее королевского величества...

— То-то я вижу, он не такой шерстяной, как эти... — откликнулся Рогальчук, подразумевая растительность на телах кавказских орлов и ее практическое отсутствие на видимых частях тела убитого европейца. — Хе, — продолжил он без удивления, взглядевшись в фото на паспорте. — А этот... как его... Томас Левинтон... На тебя, Макс, в натуре смахивает. Вы глядите, ну точно наш Макс! — обратился к ребятам, шмонающим трупы, но те лишь досадливо отмахнулись — мол, не до праздных бесед, пора уходить!

Ах, вот откуда этот момент узнавания... Да, парень был похож на меня. Не скажу, чтобы уж очень, но что-то такое...

— Двигаем! — донесся голос командира, и вслед за этим прошуршала в листве отброшенная в сторону затворная рама от пистолета, дабы оружие не досталось врагу. Хотя враг тут все наверняка обнюхает в радиусе ста метров. И все для себя полезное соберет и должным образом скомпонует.

— Сколько еще до наших-то ковылять? — донесся риторический вопрос.

Ответ командира был уклончив, хотя и оптимистичен:

— Не переживай, в любой лес мы заходим максимум до середины, а после мы уже идем из леса...

И опять мы двинулись путаными тропами через враждебно тыкающиеся в лицо ветви, и каждый ощущал тревогу: мы явно и серьезно засветились с этим побоищем, а впереди двадцать горных километров до базы. На маршруте — скалы и заросли, но что всего хуже — участки с открытым пространством. Их преодоление — под прикрытием товарищей, поодиночке, требует полной выкладки, а значит, ночлег будет на голой земле, сыр, тревожен и зябок, а после начнется не менее коварное утро, а вот чем утро закончится и перейдет ли оно в день — вопрос безответный.

Лично же я — Максим Трофимов, капитан спецназа ГРУ, прошедший все чеченские войны без единого ранения и считавшийся счастливым, находился в данный момент в самом бесперспективном положении среди своих боевых сослуживцев. На текущем отрезке времени рисковали мы все одинаково, но если те, кто шагал рядом, предвкушали все прелести казармы — горячую жратву, двести грамм, а то и всю поллитру, приятное и очень надежное общество соратников, а затем — уютную койку аж с простынями, то я таковыми видениями будущего не утешался. Наоборот, полагал, что ждет меня не халва с мандаринами, а хина и плесень... И, ступая десантными башмаками с мыска на каблук привычной бесшумной походкой, вминая в травку прошлогодний ветхий лист, думал не столько о хорошем, сколько ничего хорошего не предвещающем.

Вообще-то я дурак. И человек неосторожный. Хотя окончил разведшколу и научен, казалось бы, истине истин в своей профессии, а именно: слова и поступки умей анализировать, а затем, исходя из анализа — прогнозировать. Вот, скажем, сейчас, когда мы уходим с места побоища, то знаем, что превосходящие силы противника рано или поздно это место навестят и если займутся нашим преследованием, оно будет подобно гонкам, поскольку окопаться на данной местности нам негде, рассредоточиться — бессмысленно, а маршруты движения — наперечет. Вернее, маршрут для нас приемлем лишь один — самый короткий. На длинном нас перехватят. И как бы не исхитриться, а следопыты у них не чета нам, они эти горы и тропы с детства знают, и никого мы тут не запутаем. Значит, прогноз номер один такой: кто быстрее к финишной ленте придет, тот и выиграл. Но есть и прогноз номер два: вполне возможно, мы движемся в сторону засады. Тогда — привет всем ныне живущим! Существует, правда, и прогноз номер три: вокруг нас несколько группировок, и сейчас они берут нас в «коробочку». Судя по сведениям, которые мы получили во время вылазки от агентуры, этот третий поганый прогноз очень даже реален.

Но толку от этих прогнозов? Эх, сбиваюсь я с темы... Прогноз моих сегодняшних, действительно неотвратимых уже неприятностей мог бы сде-

лать и самый тупой обыватель, сознающий элементарную ответственность за незаконное хранение оружия. В домашних, естественно, условиях. Сознавал я ее, ответственность? Да. Но так, отстраненно. Подобно моим друзьям, перетаскавшим из воюющей Чечни в мирную Москву горы опасного железа благодаря личным связям с нужными контролирующими инстанциями в военном аэропорте... Кто-то, может, стволы и для продажи «контрабасил», но в основном везли для себя. Руководствуясь «сувенирным синдромом», вероятно. А ведь действительно — какая страна, такие и сувениры. Из страны Чечни лично я притащил немного, но и немало: «кипарис», «кедр», «калашников» — это автоматы; «ТТ», «макаров» и «глок» с заводским долгоиграющим глушителем. Ради чего? Чтобы потешить мужское самолюбие, да и вообще, дожив до старости, поглаживая неверной рукой вороненую сталь и высокопрочный пластик, умиляться воспоминаниями? Нет, скорее я руководствовался распылчатой, но практического свойства мыслишкой: время на дворе беспокойное, вдруг чего, а тут «чистый» ствол — надежа и опора...

А дальше злой дух, который эти мыслишки нашептывал и к авантюризму подзуживал, вел уже свою работенку по накатанной колее... Вот кто все детально, долгосрочно и без осечек спрогнозировал! А мне бы и одной осечки хватило для полного счастья, и дорого бы я за эту осечку дал! Но пистолет «глок» на нее, увы, не сподобился...

Дело же было так. На выходные я с подругой Татьяной поехал на дачу. Дача у меня папина, в советские времена построенная, удобства на улице, участок десять соток, и выходит участок на край глубоко заболоченного леса. Сначала идет ивняк, потом болото, а потом уже болото в лесу. Еще с незапамятных времен поставил папа в пролет забора, выходящего на эти безлюдные хляби, огромный толстенный щит из обитого жестью бруса. На щит крепились мишени, и я, малолетний стрелок, лупил по ним из духовушки, постигая азы стрелкового мастерства; потом, сообразно моему растущему возрастному цензу, папа — отставной полковник милиции, доверил мне находившийся в его владении мелкокалиберный пистолет системы Моргулина, и под родительским контролем я начал осваивать навыки пулевой стрельбы.

Затем я отслужил в армии, папа умер, пистолет куда-то задевался, а щит как стоял, так и остался стоять. А бумажный рулон поясных мишеней хоть и покрылся легкой плесенью, и пожух, валяясь без дела на шкафу в одной из дачных комнат, но дошло до него: заставил меня развернуть его злой дух!

Летние выходные, благословенная пора! Вся Москва рвет колеса на природу. Железнодорожные и автомобильные.

Мама сослалась на плохое самочувствие, оставшись в Москве, и решили мы с Татьяной позагорать на природе вдвоем. Тем более я пребывал в краткосрочном отпуске. «Глок» только что привез из Чечни и на дачу его взял не без повода: спрятать в тайнике. Тайник оборудовал еще батя, там он держал мелкашку и два кавказских кинжала, оставшихся мне в наследство, — хорошие клинки еще девятнадцатого века, боевые, без украшательских изысков. Куда вот «моргулин» делся? Но эта пропажа, похоже, так и останется загадкой.

Тайник в общем-то прост: стены гаража секционные, двухслойные, заполненные пенопластом; одна секция со съемной панелью. Но кто догадается, что панель можно снять! Тем более надо открутить восемь ржавых болтов. Там-то, за этой панелью, в промасленной мешковине и хранятся боевые трофеи. Вот спроси: а зачем? А на всякий разный случай... На какой? А вот на всякий!

Туда было предназначено кануть и «глоку», но сначала «глок» должен был выстрелить!

Танька — баба заводная, с характером авантюрным, рыжая, голубоглазая бестия — отчего-то испытывала к оружию абсолютно неженскую

страсть и вцепилась в этот «глок» мертвой хваткой, после чего заныла: мол, дай хоть разок стрельнуть, любимый...

Мне было жаль дорогих импортных патронов, но парочкой я решил пожертвовать: как не уступить даме в предвкушении ответных услуг? И, развернув увядший рулон с мишенью, прикрепил его на щит.

Нужно заметить, что до момента приготовления к прицельной стрельбе мы угостились шашлыками и разнообразными спиртными напитками у нашего соседа по даче дяди Левы и находились в легкой степени опьянения.

Татьяна изготавлялась к стрельбе, палец ее уже давил на спуск, когда скрипнула глухая входная калитка, возле которой я оставил грабли; затем послышался короткий мат, мы с Таней синхронно обернулись, и, прежде чем я понял, что к нам притащился по неведомому поводу сосед дядя Лева, наступивший на долбанувшие ему по лбу грабли, шелкнул затвор «глока», выбросив гильзу, и сосед, повторив нецензурное слово, вывалился навзничь за пределы двора.

Меня обдало горячечным жаром. Я выбил «глок» из руки Татьяны и поспешил к поверженному телу. На рубашке дяди Левы расплывалось кровавое пятно.

Далее события понеслись вскачь. Страх и растерянность сменились некоторым облегчением, когда выяснилось, что пуля навывлет пробила край грудной мышцы, и опасности для жизни ранение не представляет. После подруга, работающая медсестрой в военном госпитале, отзвонила знакомому хирургу, с истерикой в голосе описала ему произошедший кошмар, присовокупив, что сегодня точно не ее день, не Татьянин; хирург срочно прибыл к пострадавшему, оказал необходимую помощь, оставил нам столь же необходимые медикаменты для дальнейшего лечения и отбыл обратно.

Дядя Лева, крепкий милицейский пенсионер, сослуживец покойного папаша, произведенные над ним процедуры перенес относительно спокойно, хотя не без злобных матерных комментариев, конечно. Мужик он язвительный, вредный и жадный, но долгое наше соседство сыграло свою положительную роль: автора выстрела он не рассмотрел, вину я взял на себя, а сдавать меня он не собирался, хотя сразу же заявил о необходимости денежной компенсации.

Размер компенсации уточнился на следующее утро, когда мы с Татьяной явились под его испытующие очи.

— Десять тысяч долларов, — вместо приветствия молвил дядя Лева.

Сторговались на пяти. Как раз пять тысяч трофейных долларов, изъятых с трупа одного из бандитов, я привез из командировки. Но потратить их мне была теперь не судьба.

Я рассчитался с соседом, полагая, что лучше было съездить на эти деньги не на дачу с кривобокой печкой, а на какие-нибудь острова с кондиционерами и джакузи.

А потом минуло воскресенье, а заодно и мой отпуск, и я вновь отправился в беспокойную Чечню.

Там-то меня дядя Лева и достал!

Под вечер, когда я культурно отдыхал с друзьями, поедая баранину под гитарный перезвон и стук стаканов, позвонила Татьяна.

Нет, дядя Лева не намеревался нарушить наш добрососедский договор, ни в коей мере не намеревался! Однако, навестив сбербанк, куда понес свой гонорар за бытовое ранение, был в данном учреждении задержан, препровожден в отделение милиции, где ему доходчиво объяснили, что пять тысяч долларов, которые он пытался сдать на ответственное и взаимовыгодное хранение, оказались высококачественной фальшивкой, и теперь следует объяснить природу происхождения данных нехороших денежных знаков.

Тут дядю Леву, заслуженного милиционера, отсидевшего в обезьяннике с хулиганами, проститутками и бомжами, понесло в даль признатель-

ных показаний без намека на тормоза. И я его понимал. Сначала граблями по башке, потом пуля едва ли не в сердце, а после подстава с американскими тугриками!

В общем, дядя Лева сдал меня с потрохами. И радостные менты, прихватив умную собачку, тут же нагрянули ко мне на дачу и без особых временных затрат, как поведала Татьяна, обнаружили мой сверхнадежный тайник со всем огнестрельным арсеналом.

— Макс, — прочувственно сказала мне подруга, — прости, конечно, но мне пришлось подтвердить: стрелял ты... Случайно, естественно...

— Ну, так оно и было, — подтвердил я, понимая, что разговор вполне могли фиксировать, а неприятностей Таньке я не хотел.

— И что теперь? — спросила она.

— Теперь у меня просьба, — ответил я. — Колбасу мне в камеру носи твердую, долгоиграющую. И такой же сыр.

— И ты еще шутишь!

— Это не шутки, Танечка. Это как раз очень важная вводная.

Буквально через час меня вызвал командир, сказав, что по поводу моей персоны пришла телеграммка из Москвы — дескать, отправить с первым же бортом в столицу. Я честно обрисовал ему ситуацию во всех деталях, на что получил задумчивое резюме: давай-ка завтра двигай в тыл врага, будет неделька форы на раздумье, а там посмотрим...

Ну и чего смотреть? Побыл я в тылу и возвращаюсь. А вернувшись, полечу в направлении тюрьмы. С наилучшими характеристиками — единственное, что утешает.

Главное, не брать на себя контрабанду. Оружие приобретено мною или же найдено в Москве. Фальшивые доллары? Ну, всучили их год назад при продаже автомобиля. Остается незаконное хранение огнестрельного оборудования и неосторожное нанесение телесного повреждения. С дядей Левоу на материальной почве, думаю, сойдемся, деньжат под займу, накаатет он бумагу об отсутствии претензий, и, приняв во внимание два моих боевых ордена и три медали, влепят мне условный срок...

Вот такая оптимистическая трагедия. Остается, правда, много всяческих «если» и «но». И зависят они от упертости следствия, прокуроров и судей. И коли будет упертость, будет и основательный срок. Но и при самом благоприятном развитии событий в ГРУ меня держать не станут, это даже не обсуждается, капитанские погоны сорвут и — куда подаваться? Специальность в дипломе у меня специфическая: командир диверсионно-разведывательного отряда. С ней только в частные охранники. Но с судимостью в охранники устроиться весьма проблематично. Короче, как ни крути, а прошлая жизнь со всеми ее достижениями и планами уже неотвратимо катится под откос.

И угол наклона этого откоса неизвестен.

Генри Уитни

Я так и знал, что этой икебане из безответственных дураков и лодырей, именуемой моим семейством и прислугой, нельзя доверить присмотр за какой-нибудь черепахой в аквариуме, а уж что говорить про надзор над семилетним, гормонально-возбужденным котом! Они мне напоминают вентиляторы: крутятся весь день, а толку — один ветер.

Да, я специально отказался кастрировать Патрика: в конце концов, это надругательство над природой. Да, к ночи он лбом вышибал входную дверь и орал как ошпаренный, стремясь к свободе и к неведомым подругам, но ведь поутру всегда приходил обратно — благостный и смиренный, пускай порой ободранный конкурентами и изгвазданный, как пехотинец после полевых учений. Всего-то дел: помыть kota и обработать его царапины. Согласен: Патрик благодаря своим сиамским кровям обладает нравом ре-

шительным, бескомпромиссным, и ближние мои его всерьез опасаются, ибо, что не по нему — он превращается в монстра, способного сигануть на высоту человеческого роста и разорвать все, что попадется под его мощные клыки и бритвенной остроты когти. При этом его не утешит никто и ничто: помню, как он загнал в угол пнувшего его телемастера, и тот, обливаясь кровью, визжал от ужаса, покуда не пришел я и не утихомирил своего паршивца. Кстати, мне от него тоже доставалось: однажды прокусил руку, и я лечил ее едва ли не месяц. Но дело не в этом. Можно, в конце концов, надеть толстые перчатки и втроем его удержать. Один — голову, второй и третий — лапы; четвертый, шофер к примеру, в это время вполне способен дезинфицировать рану на голове, от которой и пошло заражение.

Нет! Лишь я отлучился из дома, эти болваны напрочь забыли про моего кота! И всю неделю, покуда я находился в Англии, Патрик был предоставлен сам себе. Лишь когда дело дошло до предсмертных конвульсий, они вызвали врача, сказавшего, что надежд практически нет. Я побросал все и вылетел в Вашингтон. Перед глазами же стоял мой красавец кот. Он красив и огромен. Палевый, с голубыми глазами, черно-коричневой мордахой и такими же чулками на мощных, приземистых лапах.

Мы живем за городом, в замкнутом поселке с большими участками, и здесь, под сенью вековых дубов, на солнечных лужайках, Патрику раздолье. Если бы еще не соседские коты и собаки. Собак, впрочем, Патрик не боится. Напротив, все псы в округе, поджав хвосты, убираются восвояси, только завидев забияку. Соседскому ротвейлеру он задал такую трепку, что дело едва не кончилось судом, хорошо, хозяин собаки мне прекрасно знаком — мы с ним когда-то служили в ЦРУ и теперь захаживаем друг к другу в гости.

Мой бедный кот! Он лежал на подстилке, застеленной простыней, редко и тяжело дыша, но, заслышав мой голос, открыл глаза и посмотрел на меня с такой тоской и отчаянием, что сердце мое оборвалось.

Я не отходил от него, поглаживая бедовую головушку, крутолобую, с многочисленными шрамами от былых стычек, и с содроганием смотрел на свежую повязку, наложенную врачом. И во взоре Патрика отчетливо читались и благодарность, и радость встречи со мной, и надежда.

По-моему, старея, я становлюсь все более сентиментальным и придаю главенствующее значение тем вещам, мимо которых раньше бестрепетно проходил мимо. Хорошо это или плохо — не знаю.

Я позаботился о том, чтобы толстая Клэр, в чьи обязанности входила стряпня, отныне стала сиделкой; далее договорился с ветеринаром о его следующем визите и об услугах медицинской сестры, должной делать регулярные уколы и чистки раны. Отдавать Патрика в госпиталь я не пожелал — он должен находиться в своем доме, с близкими, а не в какой-то ужасной клетке, рядом со страдающими животными.

Затем я устроил большой разнос. Досталось всем. И жене, и дочери, и сыночку, не говоря о прислуге. Досталось даже охраннику, хотя парень был со мной в Лондоне и повлиять на случившееся не мог. С другой стороны, профилактика не повредит. Пусть бездельники знают свое место!

Жена Барбара лепетала, что не различила в поведении Патрика ничего настораживающего, а рану просто не разглядела. Естественно! Тщательно она разглядывает только свою физиономию, бриллианты и платья, которых у нее хватило бы на десяток бутиков!

Уткнувшиеся в свои компьютеры дочь Нина и сын Марвин вообще продемонстрировали вопиющую отстраненность от произошедшего, — дескать, кот признает только меня, их не воспринимает вовсе, к тому же существует прислуга, а они заняты куда более весомыми проблемами.

Какими еще проблемами?! Сидеть день и ночь, упершись носами в эти мерзкие бездушные мониторы? Впрочем, тут я не совсем прав. Нина — целеустремленная девочка, ей двадцать пять, она искусствовед, окончила

университет и ныне учится на режиссера, желая голливудской карьеры. Что же, я не против и помочь ей, связи с серьезными продюсерами у меня есть. Она очень красивая, с великолепной фигурой, ясными голубыми глазами, обожает теннис и плавание; единственное, что всерьез заботит меня — стаи настырных женихов, крутящихся вокруг нее, как осы у банки с медом. И еще — ее бесконечные путешествия по миру в компании разного рода балбесов. И ладно бы — путешествия респектабельные, с остановками в приличных отелях, однако — ничего подобного! Они едва ли не пешим порядком пересекли вдоль и поперек Индию, Таиланд и какие-то африканские территории, питаюсь черт знает чем и ночуя порой под открытым небом!

Стоп. Я становлюсь сварливым снобом. Когда мне было двадцать, и я впервые попал в Азию, то был очарован ее дикими красотами и сумасшедшей экзотикой. И даже ел жареную кобру. По вкусу — рыба и рыба... Пил кровь, выпущенную из ее сердца и даже разбавленный спиртом яд... Сейчас же — откровенно недоумеваю над такими своими выходками. И не нахожу ни на йоту завлекательного в этих странах третьего мира — серых и грязных, наполненных бесчисленными опасностями. Насекомые, змеи, вирусы, наконец, нищета и преступность... Да, культуры третьего мира любопытны и заключают в себе немалые ценности сегодняшней цивилизации, однако изучать данные ценности можно в тамошних музеях, куда приезжаешь из отеля с бассейном и рестораном на машине с глухо закрытыми окнами, которые то и дело царапают местные нищие своими грязными ногтями.

Я объездил весь мир и пришел к выводу, в котором меня не переубедит никто: самая лучшая страна — это наши Соединенные Штаты. Есть еще Западная Европа, где каждое государство отличают свои прелести, но скученность, сомнительная экология и неясные политические перспективы никогда бы не подвигнули меня переехать туда. Благословенное пространство Америки, защищенной двумя океанами, ее земли, протянувшиеся от полярных широт до коралловых тропиков, заключают в себе, пожалуй, все, что может выбрать для себя человек. И даже в самой дикой глуши моей страны один шаг до всех благ цивилизации.

Я люблю свою страну. Она дала мне все, чем я горжусь. Образование, семью, положение в обществе. Я — глава крупнейших корпораций, член Большого Совета и являю собой часть того организма, отделение от которого сродни ампутации. А таковая вероятна лишь в том случае, если я буду являть собой опасную для организма патологию. Что едва ли возможно, хотя в нашей среде бывали огорчительные прецеденты. Достаточно вспомнить Кеннеди. Но в данном случае проблема заключалась в неспособности вознесшегося на вершину власти человека проявить добрую волю к компромиссу. Хотя — о какой такой вершине власти я говорю? Да и кто такой наш президент? Что нынешний, что предыдущие? Эти ребята — чемпионы, выигравшие помпезное соревнование. Это — символы, знаки, олицетворения империи, но и только. Глашатаи власти. Они ничего не решают, и любого из них безболезненно меняет другой, подобно афише очередной премьеры на фасаде кинотеатра. Вот оно — главнейшее достижение нашей Системы! Системы, стабильно живущей в каркасе идеологии и экономики, нерушимом и прочном, как гранитная скала! Хотя...

Да, есть всякого рода сомнения. Надеюсь, они субъективны. Но погружаться в них не время. Время разобраться с текущими делами. Через час — совещание с управляющими компаний, затем встреча с людьми из конгресса, они активно лоббируют наши инициативы, связанные с ракетостроением, и, наконец, к вечеру мне надлежит быть у председателя Большого Совета. Подозреваю, по вопросу деликатному, связанному с моими конкурентами, парнями чрезвычайно влиятельными. Вот тут-то и предстоит тот самый компромисс, которого я втайне весьма опасуюсь... Ибо стоит компромисс будет многие миллионы.

Я прошел в комнату к сыну, потрепал парня, раздраженно отмахнувшегося, по упрямой голове в знак примирения — я вообще-то отходчив, в отличие, кстати, от своих домашних; затем прошел в спальню, где у трюмо застал наводящую косметический лоск супругу.

Ее лиловое вечернее платье лежало на покрывале постели. На платье — колье из отборных розовых жемчужин. Судя по всей этой шелухе, она намерилась выбраться в свет.

— Куда-то собираешься?

— Сегодня нас приглашают Джексоны...

О Боже! Переться к этому отставному сенатору, тупому болвану, выслушивать его излияния о необходимости своего политического воскрешения и о кознях врагов, не дающих ему развернуться... Наши жены, впрочем, дружат и, зацепившись языками, щебечут часами о всяческой муре, не в силах оторваться друг от друга.

— Сегодня я вызван к Большому Боссу, — сказал я веско. — Кроме того, у меня совещание в Вашингтоне и визит в Нью-Йорк.

— Летишь вертолетом? Как я боюсь этих вертолетов...

— На машине мне не угнаться за моим графиком.

— Нет проблем, — отозвалась она, тщательно подводя карандашом края губ. — Я съезжу одна, не привыкать. — В тоне ее сквозило холодное разочарование.

Я появился, не зная, что сказать. Наконец произнес:

— Думаю, Патрик выкарабкается.

— О, наш бедняжка! — произнесла она с искренним вздохом.

Я подумал, что бы сказать еще. Спросить, будет ли ее сопровождать Майк? Этот красивый тридцатилетний организм с недавней поры — ее неразлучный охранник. Большая молекула.

— Майк едет с тобой? — Мой голос звучал нейтрально.

— Да, а что?! — Барбара повернулась ко мне. В тоне и взгляде ее сквозил явный вызов.

— Ничего... — Недоуменно передернув плечами, я вышел из спальни.

Диалог мог развиваться и по-иному сценарию. К примеру, я мог заметить, что мне не очень понятна ее привязанность к этому биороботу с идеальной прической, мужественным лицом и парой извилин в мозгах, если таковые вообще имеются. Однако мой намек на адюльтер получил бы достойный отпор, ибо я, увы, был пару раз по собственной оплошности уличен в похождениях на стороне, и эта «пара раз» вспоминается при каждом удобном случае. В свою очередь я никакими свидетельствами в отношении неверности Барбары не располагаю, да и располагать не стремлюсь — к чему? Нам обоим под пятьдесят, мы явно охладели друг к другу, близость с ней подчас означает для меня выполнение необходимой обязанности, и это угнетает.

Чего греха таить, я люблю позабавиться с девочками, а кроме того, у меня есть любовница и пара устойчивых связей с женщинами, давно и искренне мне симпатизирующими. Одна живет во Флориде, другая — в Нью-Йорке. Эти связи уже практически родственные, и никакими взаимными обязательствами нас не обременяют. Секс в данном случае скупен (по крайней мере, для меня) и напоминает естественное приглашение на чашку кофе, когда заходишь к знакомым или в какой-нибудь офис.

Свою жену я люблю и очень к ней привязан. Она хороший и добрый человек. В ней сразу чувствуется порода: предки ее — английские и германские аристократы. Высокая, с прекрасной фигурой, я с гордостью показываюсь с ней на людях. В юности она была красоткой, и, когда я впервые увидел ее, мое лицо просто жаром обдало. Я сразу же понял: это — моя судьба! Она казалась мне воплощением мечты — сладостным, невероятным чудом. Сам я из довольно простой семьи, родом из Флориды, где и до сей поры проживают все мои родственники, а Барбара — дочь магната, и в семью его я попал через многие тернии. Меня вообще воспринимали там

как надоедливое насекомое, и кто знает, отчего ее папаша не прихлопнул меня как комара? Думаю, все решила наша отчаянная любовь. Я, как мой бедолага кот, стремящийся к своим подругам, вышиб бы лбом все стоящие на пути к ней двери. И, как понимаю, ее покойный отец решил: пускай девчонка поразвлечется с этим дурно одетым провинциалом, которого, увы, придется устроить на приличную должностенку в одной из компаний. А потом бросит его, получив хороший урок. Желаящие занять вакансию из своего круга всегда найдутся. Тем более у Барбары были два старших брата, наследники состояния, на которых отец сильно уповал. Очень толковые и симпатичные ребята, но так вышло, что в один год заболели каким-то жутким гриппом и один за другим скончались. Это был страшный удар! Я в свою очередь очень тепло относился и к тестю, и к теще, никогда не зарился на их капиталы и вкалывал без продыха на государственной службе, самостоятельно устраивая свою жизнь. Однако после трагедии с сыновьями все внимание тестя переключилось на меня, и я не подвел старика. Постепенно бразды правления его корпорациями перешли ко мне, и мощь их я увеличил на десятки порядков! Уже на склоне лет мой тесть, питавший ко мне безусловные отцовские чувства, ввел меня и в Большой Совет, о существовании которого я лишь догадывался. Точнее, слухи о Совете витали в обществе постоянно, подобно рассказам об инопланетянах, но кто и когда этих инопланетян доподлинно видел? На прошлой неделе, кстати, один тип из телевизора утверждал, что наш президент имел сексуальный контакт с инопланетянкой, и в доказательство ссылаясь на то, что президент не выступил с официальным опровержением.

Мы с женой просто обхохотались. У нее редко бывает такое веселое настроение, обычно она замкнута, хотя и приветлива. Думаю, тут дело во мне. Она подозревает, что близость с ней для меня в тягость. И это правда, но пересилить себя не могу. Все началось года два назад, когда я увидел на ее спине небольшую папиллему. Она, видимо, откладывала визит к врачу в боязни неминуемой операции и скрывала это от меня, а я сделал вид, что ничего не заметил, дабы не испортить ей настроение, зато здорово испортил его себе. Нас связывают привычка, дети и наше общее состояние. Мы оба подумываем о разводе и оба знаем, что каждый подумывает о нем, но никогда не заводим об этом речи, даже когда крупно ругаемся. В первую очередь нам не даст развестись именно состояние, поскольку его раздел практически невозможен. Раздел способен потрясти национальный рынок. Да и не только национальный. И этого никто не допустит. И моя супруга понимает это ничуть не хуже меня. Иной раз мне кажется, что, случись с ней какая-нибудь автокатастрофа, это решило бы много проблем в мою пользу и повернуло бы жизнь к лучшему: я хотя бы избавился от какой-то внутренней, гложущей меня зависимости, однако я стыжусь подобных мыслей и прошу за них прощения у Создателя.

Впрочем, что за праздные мысли о разводах и разделах? Мы вполне ладим друг с другом, а разрываться между семьей и медициной в нашем положении не приходится. Из властей предрежащих эту роскошь позволяют себе единицы, но дело, как правило, кончается плачевно. Лично мне достаточно примера британской королевской фамилии. Бедная глупышка Диана, поплатившаяся головой за свою детскую непосредственность... А вернее, за полное непонимание своей ответственности и безответственности, когда она, принцесса, была готова родить брата наследника престола от какого-то безродного, пускай и состоятельного араба. Настоящая аристократка тем и отличается от уличной шлюхи, что знает правила игры и неукоснительно придерживается их. Как человек, пришедший на работу в ЦРУ, твердо знает, что за нарушение установленных правил ему грозит смерть, так и дама, вышедшая замуж за принца, попадает в особую сферу юрисдикции. Но хорош и этот принц Чарльз, от которого буквально несет кретинизмом... Вот они — закат и деградация монархий, — институтов клоунад, давно утративших свое былое сакральное предназначение. Впро-

чем, их представители — те же шоумены, они на виду, как павлины в зоопарке, а мы — имею в виду Большой Совет — в публичности не нуждаемся и отсутствием популярности в массах не тяготимся.

Максим Трофимов

Привал устроили в небольшой ложине, повалились, ощущая гуд в ногах, на сырую травку и некоторое время не произносили ни слова. Заодно напряженно прислушивались: не скрипнет ли ветка, не идет ли за нами враг.

— Шашлычка бы сейчас, — произнес я, сглотнув голодную слюну.

— С винцом кисленьким, — поддакнул мне Рогальчук, отвинчивая крышку с походной фляги.

— По пути есть одно село...

— Ша! — вскакивая на ноги, проронил командир, видимо, что-то услышавший. — К бою!

И в считанные секунды мы рванули на уже примеченные, поросшие кустарничком и молодым папоротником позиции по краям ложинки, превратившейся в окоп.

Вжавшись в землю, замерли, настороженно вслушиваясь в лесную тишину, и, едва я подумал, что тревога была ложной, окружающее пространство внезапно словно бы сузилось, сжатое грохотом и пламенем первых яростных взрывов.

Противник ударил всей боевой мощью, и по плотному свисту пуль, выстилающих над нами свинцовую смертоносную сеть, по настырному уханью гранат, гвоздящих сырую почву, не дающих поднять голову, я понял, что мы капитально и цепко окружены бандой, численно переваливающей за сотню столов. И, судя по прицельности огня, враг превосходно знал место нашей диспозиции, а в озлоблении, с которым палил патроны, отчетливо сквозила жажда праведной мести за уничтоженный нами отряд. И кто из нас был на правой стороне — не понять. Мы защищали целостность своей страны, они — своей. Разница была в том, что мы без единого сомнения полагали, что их страна — это мрак и ад для всех в ней живущих, это рабство, насилие и нищета, а они полагали такой ад единственно для себя приемлемым, ибо были в нем хозяевами-демонами, готовыми расширять свою преисподнюю бесконечно. Однако сейчас ни нам, ни им не приходилось размышлять о природе обоюдного застарелого конфликта; мы были поглощены самой сутью войны, выраженной в стремлении убить и выжить.

Мы слепо лупили из автоматов по зарослям, оглохнув от разрывов начиненных тротилом болванок и упруго поющего свинца. В его уходящем в никуда вое словно чувствовались досада промаха и неутоленность своего губительного предназначения.

Пороховая гарь въедалась в потные, оцепенелые от напряжения лица, приторно било в ноздри запашком оружейного масла и горячей стали.

И вдруг наступила тишина. Прострекотал одиноко и хлопотно, как швейная машинка, вражеский пулемет и — замолк, словно захлебнулся.

Я наобум повел ствол в сторону этого стрекота, нажал спуск и расслышал лишь беспомощный щелчок бойка. Патроны в последнем магазине кончились.

Я потянулся к кобуре пистолета, хотя прекрасно понимал смехотворность данного оружия в таком боевом раскладе, однако внезапно уяснил, что левая моя рука странно задеревенела. А затем почувствовал противную тяжелую влагу, напитавшую рукав.

Следом долбанула сверлящая боль в плече. Пуля, доставшаяся мне, не свистела, был просто хлопок, да и тот я пропустил мимо сознания, воспаленного боем. Значит, вот оно, то самое первое ранение, которое я безрадо-

стно ждал и, увы, дождался. Но что это ранение, да и вообще все предыдущие неприятности в сравнении с тем, что меня ожидает в самые ближайшие минуты? Так, чепуха. Нас не просто убьют. Нас... Впрочем, не будем хныкать. Я знал, на что шел, выбирая профессию, знал, что такое война и знал, что подобный финал более чем вероятен. И не раз думал о той финальной пуле, что собственной рукой придется пустить себе в башку, дабы избежать участи живую разделанного барана. Господь, полагаю, такой шаг оправдает. Ибо шансов...

— Спецназ, сдавайся, лучше будет! — энергично и зло выкрикнули из зарослей.

Я оглянулся на своих ребят и — содрогнулся. Гранаты сделали свое дело. Вокруг меня, ничком уткнувшись в пологий откос, лежали трупы в камуфляже, испортом десятками осколков.

Далее я действовал, руководствуясь спасительной мыслью, хотя и сознавал некоторую ее порочность, не отвечающую моральному облику го-тового биться до последнего вздоха бойца.

Хлопнул себя по нагрудному карману, ощутив под ладонью тонкую книжицу иностранного паспорта, мысленно оценил свою одежду, — нет ли в ней чего-либо вызывающе-спецназовского? — и, решив, что нет, а доставшаяся иностранная куртка как раз кстати, сполз на дно ложины. Вытащил из вещмешка веревочный стандартный кляп с валиком, сунул его себе в рот, подтянул петлю; после переложил содержимое своего мешка в мешок Рогальчука, опорожненный брезент откинул в сторону, а далее, стиснув зубы от осекающей дыхания боли в плече, завел левую руку за спину, туда же последовала и правая с уже застегнутым на ней наручником, и, едва челюсти его замкнулись на свободном запястье, вновь грянула пальба.

Замельтешила в воздухе скошенная пулями трава над краем обрывчика, взметнулись земляные фонтанчики, затем рванула очередная граната, сыпанув на меня комок тяжелой и влажной глины.

Противник осторожничал: подросшая трава, валуны и холмистая земля по краям ложины укрывали нас, а вернее, теперь уже одного меня, закрывая обзор, и «духи» полагали возможность дальнейшего сопротивления, способного нанести им урон, никак не представляя себе единственного оставшегося в живых подранка с пистолетиком, пригодным разве что для совершения суицида.

Противник вновь нарастил плотность огня, и я спешно пополз к глубокой трещине в склоне обрыва, из которой струился тонкий мутноватый ручеек. На пути ручейка лежала оброненная кем-то из наших походная фляжка в защитном, уже черно-подмокшем брезентовом чехле.

Я ощутил саднящую сухость во рту, но внезапную жажду пришлось пересилить: буквально каждым кончиком волос я ощущал, что пространство вокруг меня, подобно взбешенному рою диких пчел, заполняет шмыгающий в поисках своей кровавой добычи горячий рваный металл.

Поднатужившись, я начал втискиваться в глинистую податливую трещину, но тут последовал новый торжествующий «ух»; звездопад, плавающий в моих глазах от боли в плече, застила оранжевая мгла, сменная волной сухой горячей черноты, и я растворился в ней безропотно и безоглядно, как капля дождя в океане.

Жуков

С мистером Уитни Жуков познакомился год назад, когда в составе многочисленной строительной бригады реконструировал его дом под Вашингтоном. Дом был огромен и роскошен, да и хозяин, чувствовалось, не испытывал в жизни никаких материальных затруднений: платил, не торгуясь, материалы выбирал самые дорогие, а паркет заказал из какого-то реликтового дуба — твердого, как гранит и прозрачно-теплого, как янтарь.

Жуков сразу понял, что этот мистер — не просто преуспевающий обыватель, а персона из самых высших кругов. Его «ролс-ройс», сделанный на заказ, занимал своей длиной половину улицы, а, сунувшись как-то в салон, Жуков обнаружил там просто-таки зал для заседаний с сиденьями из крокодиловой кожи, баром и небольшой спальней с телевизором. Для переговоров с водителем к стойкам были прикреплены телефоны, а по толку и полу тянулись световые неоновые дорожки. А чего стоила охрана этого босса! Все — как из специнкубатора — одинаково холеные, в итальянских костюмах, с модельными прическами, ростом за два метра и с мускулатурой прирожденных атлетов. Кем именно являлся этот Уитни, Жуков не знал, да этим и не заботился, главное — тот его работой остался доволен, потрепал за плечо, а домоуправитель, помимо оговоренной суммы, дал еще двести долларов чаевых, явно хозяйских, что являло несусветную щедрость для американцев. Жуков в свою очередь оставил домоуправителю свой телефончик — мол, коли возникнет нужда, милости просим, никогда не откажем, тем более богатый клиент для трудового человека всегда счастье. В том, впрочем, редком случае, когда богатство уживается со щедростью души его обладателя.

С другой стороны, надо было отдать дань и Жукову — не просто сноровистому работяге, а кропотливому виртуозу своего дела. Он подбирал доску к доске, выстраивая мозаику законченного рисунка, сглаживал мельчайшие зазоры, а уж как клал лак! Шкуркой молодого барашка разгонял упругую капризную лужу по циклеванной плоскости словно сросшихся паркетин, и сразу проступала фактура дерева, и переливы узора, точно им предугаданные, соединялись и вились, как иней на деревенском окошке в крещенский мороз.

Но только в тех краях, где обитал ныне искусный паркетчик Жуков, ни о каких крещенских морозах и слыхом не слыхивали. И хотя случались в Нью-Йорке, где Юра пребывал уже десять лет, зимы промозглые и снежные, устойчивых холодов здесь не наблюдалось. И о российских метелях и выюгах он начал уже подзабывать, как, впрочем, и о тех первоначальных приступах ностальгии, что тяжко мучают эмигранта, долго и больно прививающего свои обнаженные корни к новой почве чужбины.

Кульбит с эмиграцией был абсолютно внезапным событием в судьбе Жукова, никогда ни к каким зарубежным далям не устремлявшегося. В прошлой российской, а вернее, в советской действительности, он, крепкий и ловкий паренек, москвич, едва окончивший школу, сразу же загремел в армию, в воздушно-десантные войска, где остался на семь лет сверхсрочной службы, а затем вернулся в столицу, в тесную квартирку, к пожилым родителям.

Он ничего не придумал лучшего, нежели пойти в таксисты, — работа живая, со стабильной копеейкой в кармане, с множеством знакомств по женской линии... В течение нескольких лет сменил двух жен, затем возникла потрясшая его воображение своими белокурыми локонами и безупречной фигурой Лариса Голубец, родом из Киева, экс-балерина. Закрутился роман, однако перспектива романа вышла скособоченной: на Ларисе висело уголовное дело, ибо, работая делопроизводителем в суде, она охотно посредничала во взяточничестве и попала под следствие, а горячий парень Жуков как-то ненароком набил морду хамоватому пассажиру такси, оказавшемуся, на беду, прокурорским чином, и тоже прочно устроился под статью, грозившую неотвратимым сроком.

Таким образом, влюбленных отныне соединяли не просто взаимные чувства, но и общие проблемы — в частности, подписки о невыезде и регулярные походы в следственные органы. И всякий такой поход был для парочки подобен прыжку в темную ночь с ненадежным парашютом.

Спасла вакханалия перестройки, ее мутные воды. Дезориентированные правоохранительные органы работали спустя рукава, компьютеризация только начиналась, и сработал задуманный изворотливой Ларисой план:

добыть «левые» загранпаспорта, проставить в них настоящие визы и выехать с тургруппой в никуда, то бишь в США, где у Лоры обреталась давняя подруга.

Лихое время разброда! Время серпастых паспортин уже несуществующего государства, розово-голубых чернильных американских виз, таможенной и пограничной неразберихи, попрания знамен тоталитаризма, подмены законов постановлениями — словом, революционное времечко! Однако — буржуазно-революционное, с какой-никакой милицией и прокуратурой, от чьих происков Лоре и Юре выпало счастье успешно драпануть.

После года скитаний по подвалам Бруклина, нищеты и всяческих злоключений, судьбы супругов определились: Юра пошел в строительные рабочие, быстро приобрел необходимые навыки, а Лора же определилась по старой специальности, именуемой работой с людьми: устройством браков, приглашений в США, содействием в получении местных водительских прав; короче, деяниями сомнительными, порою откровенно мошенническими, однако приносящими ей порой и внушительные дивиденды.

Тысячи отщепенцев, беженцев, авантюристов, искателей лучшей доли из распавшегося Союза заполняли Нью-Йорк, и в этом круговороте человеческого судеб Лора чувствовала себя вольготно и празднично, раскладывая пасьянсы мелких афер, что всегда сходили ей с рук.

Подурнела и постарела бывшая балерина, высохла, превратясь из золотой рыбки в серую воблу, поредели и поседели златые кудри, впали щеки и тронулся вперед нос, заметно выступая из лица, черты которого, благодаря, может, вытянувшемуся органу обоняния, приобрели приметы откровенно мошеннические и порочные. А бывший десантник, напротив, раздобрел, похорошел, и на супругу давно уже перестал поглядывать с вожделением, зато на окружающих дам, к ее неудовольствию, начал засматриваться с возрастающим интересом. Однако удержать простодушного и отходчивого мужа в узде особой сложности для Ларисы не составляло. Выправив себе социальную карту, она открыла счет в банке, и отныне все заработанные супругом чеки и наличные становились ее безраздельной собственностью. На вопрос Жукова, почему бы подобную карту не выправить и ему, Лариса Голубец искусно ссылалась на те или иные технические сложности.

Каждодневно потный, покрытый древесной пылью, мастеровой Жуков ползал в истертых пластиковых наколенниках по паркетным плоскостям, а Лора, облаченная в очередное шикарное платье, сидела в своем иммиграционно-аферистическом офисе на Брайтон-бич и, изящно покуривая через длинный мундштук тонкую сигарету, дурила головы клиентам, содействуя в делах брачных, устройствах политического убежища и работы. Убежище обещалось либо по линии еврейских общин, либо баптистской церкви, либо шарашки «свидетелей Иеговы», заполнялись анкеты и прошения, дела длились годами и, конечно же, проваливались, но деньги за хлопоты Лора получала исправно и планомерно. На разного же рода претензии ее реакция отличалась наивностью и участливой простотой: дескать, ваша фактура не соответствует требованиям властей, однако не отчаивайтесь, мы устроим вас в США через брак, это будет стоить всего ничего... И не горюйте о потерянных деньгах, они пыль и прах в сравнении с ущербом, наносимым вами собственной нервной системе...

Как часто, прибыв с работы и включив запись автоответчика, Жуков выслушивал истерические матерные определения в адрес Лоры одураленных ею простаков, но супругу данные звонки ничуть не смущали, к ним у нее выработался прочный иммунитет и твердое знание: по телефону не изнасилуют, а дальше эмоций дело не двинется. В полицию бесправные клиенты не пойдут, да и не дело полиции выяснять, кто кому и за что должен, а вот тронь беззащитную женщину Лору Голубец хотя бы кончиком мизинца, тут уж полиция сработает на всю свою правоохранительную мощь! Так что бояться кого-либо Лоре не приходилось. Разве супруга, что

спьяну позволял себе рукоприкладство, чреватое при его огромной физической силе не только увечьями, но и конкретным летальным исходом.

Пил Жуков редко, но метко. И в состоянии опьянения отличался агрессией и непредсказуемостью. И даже пару раз попадал в участок, но каким-то непостижимым образом из передряг выпутывался. Последний раз, впрочем, влип он крепко, расквасив патрульным носы и выбив пару зубов, но и тут ему повезло: помог мистер Уитни.

Его домоуправ позвонил Юре неожиданно, через год после последней встречи, сказав, что в одном из офисов хозяина в Нью-Йорке прорвало воду, залило два этажа и теперь требуется замена паркета. Жуков с готовностью согласился. И, получив аванс, совпавший с питейным настроением, двинулся к сверкающим витринам алкогольного магазина.

Дальнейшие события вспоминались урывками, но в итоге, обнаружив себя в полиции и ознакомившись с предъявленными обвинениями, понял, что скоро его ждет незабвенная Родина.

Лихорадочные соображения — как выбраться из полицейского капкана? — привели его к образу уважаемого работодателя, и, через череду секретарш и помощников соединившись с домоуправом американского босса, он воззвал о помощи. Буквально через пятнадцать минут полицейские, укоризненно и мрачно поглядывая на присмирившего дебошира, вывели его за порог карательного заведения и дали пинка к свободе.

Дома Жукова ожидало тяжкое похмелье, угрозы Лоры отправить его обратно в каталажку, а оттуда в Москву, и — тоска, тоска...

Утром следующего дня он уже кантовал листы гнилой тяжелой фанеры, разбухшей от прорыва воды, загружая ее в мусорный строительный контейнер.

Особняк, в котором работал Жуков, представлял собою громоздкое четырехэтажное здание, выстроенное еще в начале двадцатого века, с помпезными колоннами, стрельчатыми витражными окнами, светлыми мраморными лестницами, позолоченной лепкой, фресками по потолкам, изображающими сцены античной мифологии, и многочисленными скульптурами, происхождения явно древнего и благородного.

Особняк был буквально напигован рослыми, с одинаково каменными лицами охранниками, а по этажам ходили хорошо одетые, молчаливые люди — видимо, служащие.

«Таинственная лавочка!» — сделал для себя вывод паркетчик, ни малейшего любопытства, впрочем, ни к роду деятельности этих людей, ни к назначению самого особняка не испытывающий.

Задача была проста и привычна: уложить паркет, получить не чек, а наличные, ибо Лоре доверия не было, и перебираться на другой объект.

От протечки пострадали два кабинета на третьем этаже и один кабинет на втором, хотя даже не кабинет, а зал, ибо площадь помещения была внушительной, но, поскольку к ней примыкала туалетная с джакузи и душем, Жуков решил, что это рабочее логово какого-то здешнего босса — возможно, и самого мистера Уитни. К тому времени, как он приступил к ремонту, мебель из пострадавших комнат убрали, и они зияли гулкой пустотой, не дававшей и намек на то, что в них происходило доньше. Лишь в большом кабинете оставалось вмонтированное в стену, окантованное узорчатой бронзой огромное зеркало, чье изъятие и перемещение, видимо, было трудоемким и нецелесообразным делом, однако роскошь и основательность данного предмета давала отчетливое представление о помпезности бытующей здесь обстановки.

Каждый раз Жуков проходил через несколько кордонов охраны, придиричиво и неприязненно осматривающей его. Затем шел колотить паркет, но то и дело в помещение совался чей-то настороженный нос, и Юра физически ощущал себя в атмосфере постоянного недоверия, как забредший за милостыней в богатый дом бродяга, способный и из прихожей свистнуть перчатки или шляпу.

Жуков посмеивался про себя над чудачествами бдительной стражи, но втайне ощущал себя униженным от такого открытого недоверия и готовил месть, которая, к его удовольствию, успешно состоялась, когда начался циклевочный процесс. Помещения заволокло непроглядный туман древесной пыли, в очередной раз сунувшийся нос долго не мог прочихаться, а уж когда началась вонючая и едкая лакировка, этаж вымер напрочь, и теперь в глазах охраны ему виделся лишь жалостливый вопрос: когда же ты, милоч, избавишь нас от этого кошмара?

Сетовать на Жукова тем не менее не приходилось: работал он ударно, халтуры не допускал, и, когда расправился с верхними кабинетами, шеф охраны — высокий, проворный брюнет Ричард с невыразительными и застывшими глазами, как пуговицы в башке снеговика, позволил себе нецензурно восхититься и скорчить одобрительную гримасу.

Переодеваться, принимать душ после работы и даже курить Жукову позволялось в туалетной комнате, примыкающей к большому кабинету. Там же, в углу, застеленном плотным картоном, он хранил инструмент.

Работа продвигалась к финалу, Юра торопился, поскольку через два дня его услуг ожидали в огромном пентхаузе на Вест-сайд, и все бы было хорошо, если бы не точила его досада от бесперывности и однообразия этого ежедневного каторжного бытия. Пусть сытного, но в свою очередь сжирающего и его.

Каждый раз, ложась спать, он с унынием представлял обычную перед забвением картину: бесконечные ряды бесконечного паркета, и картина, едва он смеживал веки, мгновенно возникала — неотвязная и прилипчивая, как настырный кошмар.

Жуков безрадостно вздохнул, озирая новенький дубовый настил с белесыми разводами шпаклевки, заполнившей трещинки и вмятины от крепежных скоб. Пора было приступать к циклевке.

Он прошел в туалет, стянул прилипшую к рабочему комбинезону стружку, натянул респиратор, но тут стукнула входная дверь, ведущая в кабинет, донеслись чьи-то голоса, и, заглянув в щель приоткрытой двери ванной комнаты, он увидел шефа безопасности Ричарда и своего благодетеля Уитни. Судя по тому, как выгибался шеф безопасности, было件нятно, что мистер Уитни не просто его хозяин, а босс крупного артиллерийского калибра.

— Когда заканчивается ремонт? — Уитни, высокий, с легкой сединой в волосах, в золотых очках, с властным лицом и горделиво вздернутым подбородком, сложив руки на животе и недовольно раздув ноздри, обозрел помещение.

Голос Ричарда был учтив, а голова почтительно склонена вбок, как у заинтересованной невесты чем собаки.

— Думаю, день-два... Если вы вернетесь в Нью-Йорк на следующей неделе, все уже наверняка будет закончено.

— Я вернусь сюда минимум через неделю, — ответил Уитни. — Недели вам хватит? Кстати, а где рабочие?

— Рабочий, — поправил его Ричард. — Кстати, хочу пригласить его переложить паркет у меня дома. Очень толковый специалист.

— А где он?

— Думаю, вышел пообедать...

— Хорошо, Ричард, вы свободны...

Данный диалог Жуков понимал лишь отчасти, улавливая исключительно его суть, несмотря на долгие годы, прожитые в Америке, к освоению языка не стремился, ибо в Бруклине, где жил, английский был без надобности, все общались на русском. Но какой-то словарный запас естественным образом скопился, выручая его в трудные минуты общения со здешними иностранцами.

Юра стоял у двери, замерев, как наступивший на мину сапер. Отчего-то ему казалось, что именно так он и должен себя вести — не показываясь никому на глаза, затаившись как мышь...

Далее произошло удивительное событие.

Подозрительно покосившись на захлопнувшуюся за подчиненным дверь, Уитни подошел к вмонтированному в стену зеркалу, большими пальцами обеих рук с силой нажал на круглые декоративные заклепки в его окантовке, и зеркало медленно, словно на гидравлических рычагах, вывалилось из стены, затем повернулось по оси, и Жуков увидел скрытый в нише сейф.

Уитни просунул руку в верхнюю щель стенной ниши, кряхтя, нащупал в ней какую-то, видимо секретную, кнопку, последовал короткий электронный писк; затем, чертыхнувшись, он стряхнул с ладони приставшую пыль и принялся крутить во все стороны регуляторы шифров, а когда раздался мелодичный, как из музыкальной шкатулки, перезвон, достал из кармана ключи, вставил один из них в прорезь механического замка и открыл тяжелую толстенную дверцу.

Еле дыша, Жуков наблюдал, как тот вытащил из сейфа какую-то папку, полистал ее, после, словно встрепенувшись, приблизился к входной двери и, убедившись, что за ней никого нет, вернулся обратно.

Некоторое время он всматривался в бумаги, небрежно перелистывая их, а Жуков между тем различал содержимое секретного ящика: сафьяновая бордовая коробка, бумаги, папки, а внизу, во втором отделении, ровные пачки денег — штук десять, не меньше... Если же принять во внимание глубину ящика...

Уитни закрыл папку, замешкался, не зная, куда ее приткнуть; сокрушенно качнул головой, оглядев пыльный пол; наконец сунул папку под мышку и, неловко удерживая ее, закрыл сейф, после чего возвратил зеркало на положенное место.

Прошелся по зале, остановившись возле окна.

Теперь он находился буквально в одном шаге от покрывшегося испариной Жукова.

С минуту постоял, постукивая кончиками пальцев по подоконнику, видимо раздумывая о чем-то, затем грустно хмыкнул, подытожив свои размышления, и направился восвояси к выходу.

В этот момент вновь растворилась входная дверь, и вежливый голос Ричарда бархатно и внушительно доложил:

— Сэр, вертолет готов к вылету.

— Хорошо, я уехал, — отозвался Уитни.

В зале воцарилась тишина, и Жуков вздохнул с облегчением: пронесло!

Выждав четверть часа, он принялся циклевать паркет и к вечеру практически закончил основную работу.

Позвонила Лариса, сказала, что ждет его в офисе, откуда им предстоит направиться в ресторан. С какой стати — не уточнила, но Жукову и без того было ясно, что приглашение исходит от кого-то из ее клиентов, завожженных обещаниями светлого американского будущего и стремящегося таким образом задобрить помощницу адвоката — так Лора всем представлялась. Сам же адвокат, на чье всемогущество Лора постоянно ссылалась, существовал исключительно в ее воображении, хотя она всерьез подумывала взять на данную роль какого-нибудь солидного дядю, умеющего сносно говорить по-английски и надувать щеки, дабы показывать его хотя бы разок в неделю клиентам как ученую обезьяну. Однако отыскать подходящий типаж на Брайтон-бич было непростой задачей, как выудить сома в пруду с карасями. Обращаться же к коренным американцам с подобным предложением она попросту опасалась: сдадут властям, не отвертишься.

Прибыв в офис, Юра застал там супругу, сидящую за заваленным иммиграционными прошениями столом и что-то вдохновенно втолковывающую обретавшемуся напротив нее на стуле пожилому усатому грузину в жеваной кожаной куртке, грязных блу-джинсах и стоптанных кроссовках.

До Юры донеслось:

— Таких, как вы, Вахтанг, я устроила здесь десятки!

Данную фразу Жуков перевел следующим образом: такими, как вы, я обычно закусываю на завтрак...

— Позвольте представить... мой муж... — встрепелась Лора, увидев появившегося в дверях Жукова.

Вахтанг уважительно наклонил лысую голову и протянул Юре маленькую волосатую кисть.

— Вахтанг приглашает нас в ресторан, отметить свое появление на американской земле, — внушительным тоном произнесла Лариса.

Жуков изобразил подобающую гримасу, означавшую: рад, всецело одобряю данное появление, жду указаний...

— Итак, — деловито подытожила Лора, вставая из-за стола, — завтра я передам ваши данные адвокату, а сейчас вы можете оставить депозит...

— Тры тысящи? — с трагедией в голосе спросил Вахтанг.

— Голову с меня снимет адвокат за такие льготные ставки! — удрученно ответила Лора. — Но, — продолжила, обращаясь уже к Юре, — ты же знаешь, я всегда вхожу в положение людей... Пройдет месяц, и эти три тысячи покажутся ему тремя копейками, вернее, центами... Что такое три тысячи для Америки? — патетически обратилась она к потолку, а затем выглянула в окно, словно ответ на подобный вопрос мог прийти именно оттуда. — Так, вечерок в Атлантик-сити... Я извиняюсь, конечно.

— В Грузии за такой дэнги как цар год живи! — прокомментировал Вахтанг, отсчитывая требуемую сумму.

— А где-нибудь в Гваделупе и всю жизнь, — покладисто согласилась Лора. — Но вы можете представить себя в Гваделупе, я извиняюсь, конечно?

— Где-где? — спросил Вахтанг с подозрением.

— Есть такая страна. По-моему.

— Это остров, — встрял Жуков. — Не путай с Гватемалой.

— Зачэм мнэ остров? — сказал Вахтанг, передавая Ларисе деньги. — Тут свой остров, Манхэттен. Лучше никакой остров нэт!

— Вы — умный человек! — польстила ему Лора, убирая мзду в свою изящную сумочку, подаренную ей Жуковым. Сумочку Юра свистнул накануне на одной из распродаж в Манхэттене. — Ну, мальчики, куда движем? — Достав помаду и зеркальце, Лора сноровисто подвела губы.

Ресторан выбрали средненький, но уютный, с грузинской кухней. Официантами здесь служили соотечественники Вахтанга, и будущий эмигрант, заслышав родную речь, приободрился и приосанился.

— Сейчас станет рассказывать, какой он был большой начальник, — улучив момент, шепнула Лора на ухо Жукову.

— Это развэ вино? — пригубив бокал, молвил Вахтанг. — Ай, какой вино у меня в Мцхета! Шампанский просто, как король Лудовик пиль! У мэня все наш начальник прыезжал, все министр, даже внутренний дел и государственный бизопасность! Мое вино самый луший был на вэс Кавказ!

— И чего ты уехал? — чокаясь, спросил Жуков. — Пил бы да пил...

— А, слушай, что делать там, а? — ответил Вахтанг. — Свэт нэт, газ нэт, дэнэг ниоткуда нэ взять, а я прокурор был, должен платыт за то, что прокурор, а как платыт, если народ бэдный? Мнэ баран нэсут, курица нэсут, а как я с курица к прэзиденту пойду?

— Вы знаете президента? — с уважением спросила Лора.

— А, дорогая, всэх знаю! Всэ жулики! Им зарплату США платит, а минэ кто? Я думаль, думаль, пусть и мне зарплата в Амэрике тоже будэт, правильно гаварю? Ты минэ только документ хороший сдэлай, слушай, я тибэ потом тоже буду платыть всу жизн, я такой благодарный, ты нэ знаешь просто...

— За грузинское гостеприимство! — вставил Жуков.

— Тем более мы все христиане, — смахнув умильную слезу, поддержала Лариса. Затем, обратившись к Жукову, стальным голосом произнесла: — Только поprobуй нажрись!

— Конечно, христианэ! Давно уже... Я даже когда член коммунистический партии, все равно христиан был! Хочу тост за Сталин сказать!

— Великий человек, — поддакнула Лора, погрозив Юре пальцем.

— М-да... — невпопад произнес Жуков, размышляя, что бы сделал великий человек, попадись ему под руку такая честная компания.

Был произнесен тост за Сталина, за Грузию и ее отдельные регионы, за Америку и будущее процветание в ней Вахтанга. Затем крепко выпившая Лариса принялась убеждать беженца-прокурора обязательно выучиться на здешнего юриста, обещая ему поддержку лучших нью-йоркских адвокатов, якобы — ее партнеров и попечителей. А после очередной бутылки, счет которым уже не велся, она заявила, что все судьи, полиция и прочие юриспруденты Америки существуют лишь благодаря ее доброй воле и ей впору баллотироваться в мэры, однако это скучно и хлопотно; далее грянул оркестр, ресторан заполнила вечерняя публика, и время понеслось вскачь.

Беспрестанно текло вино, попадая как в бокалы, так и на скатерть и платье Лоры, которая, регулярно произнося сакраментальное: «Я извиняюсь, конечно...» — то и дело уходила в туалет; Вахтанг и Жуков, сидя в обнимку, клялись друг другу в дружбе до гроба, но апогеем праздника стали танцы.

Вахтанг, несмотря на джинсы и скособоченные кроссовки, увлеченно изображал джигита, балетно семенящего на мысках под народную кавказскую мелодию, а бывшая балерина Лора, оступаясь на высоких каблуках, вела, картинно размахивая руками, женскую партию, позволяя себе порой рискованные пируэты, в которых просматривалась нарушенная алкоголем координация.

«Навернется — и поделом!» — мстительно подумал Жуков, а затем, ловким движением подвинув к себе сумку супруги, расстегнул молнию и, одной рукой добродушно помахивая танцующей парочке, другой принялся шарить в недрах жениного ридикюля, нащупывая заветные купюры.

«Возьму пятьсот, — напряженно размышлял он. — Или тысячу? Так и так на меня все стрелы сойдутся. Все надо брать! На аванс меня кинула? Будет счет ноль-ноль. И начнем новую жизнь».

Под пальцами ощущались какие-то шпильки, салфетки, частью заскорузлые; попался тюбик с вульгарного вида помадой, вызвавший в нем досаду, а затем Жуков укололся о какую-то булавку и, вскрикнув, сунул палец в рот.

В голову невольно пришла мысль о возможном СПИДе...

Злобно зыркнув на рьяно отплясывающую парочку, он уже откровенно распахнул сумку, вперившись взором в ее внутренности, но ничего, кроме различного рода дамских причиндалов, в ней не обнаружил.

Деньги словно испарились в никуда.

Отставив ридикюль, он разочарованно потянулся к бокалу, бросив косой взор в сторону супруги, и тут, будто сраженная его взглядом, Лора, едва закончившая очередное па, неловко попятилась спиной к двери для служебного персонала и, всплеснув потерянными руками, внезапно исчезла, словно стертая невидимым ластиком.

Жуков тупо посмотрел на ридикюль, затем в глубь служебного помещения, где виднелись какие-то ящики и черные пластиковые мешки — видимо, с мусором; затем на фальшивой и длинной ноте замолк оркестр, и публика хлынула к проему, в котором случилось чудо дематериализации.

Чудо, впрочем, вскоре было развенчано: Лора упала в раскрытый люк грузового лифта, перемещавшего из подвала в ресторан разные разности.

Пробившись через толпу любопытствующих к люку, Юра узрел в подвальной темноте две недвижимые кривоватые конечности в модельных туфлях, паралитически вздетые вверх.

В этой неподвижности сквозила такая мертвенная обреченность, что Юре мгновенно полезли в голову мысли о дорогостоящих похоронах, недо-

ступном для него банковском счете супруги — пропали деньги! — наконец, о том, как он будет выживать здесь один и в состоянии ли Вахтанг расплатиться за сегодняшний ужин...

Роем пронесли эти мысли в голове Жукова, после чего из люка донесся надрывный стон, загалдели вокруг возбужденные голоса, двое добровольцев полезли во тьму извлекать тело, а после прибыла «скорая». Юру и горестно восклицавшего Вахтанга оттеснили санитары. В итоге общими усилиями охаживая, бессмысленно таращащуюся по сторонам Лору извлекли на свет божий и, запаковав в носилки, уместили в медицинский автомобиль.

Жуков, испытывающий чувство некоторого разочарования, кинулся к ридикюлю. Ридикюля на месте не было: мародеры не мешкали.

Сплюнув, он поспешил к экипажу «скорой», представившись мужем пострадавшей, и был допущен в салон, где наткнулся на участливо склонившегося над Лорой Вахтанга.

Горю кавказского человека, казалось, не было предела.

Машина тронулась, унося потерпевшую и сопровождающих ее лиц.

— Какой бэда, слушай, какой катастроф! — сетовал горец. — Ты минэ свой тэлефон давай, дэржи минэ в курсе, очень пэрэживаю, слушай...

Однако он вовремя совладал с собой и, когда машина проезжала мимо его дома, требовательно остановил ее, сэкономив, как уяснил Жуков, на такси. И само собою — на ужине, находчиво скрывшись в салоне казенного транспорта от официантов, чьи ищущие растерянные взоры в царившей сутолоке Юра хорошо запомнил.

«Одни аферисты вокруг», — горестно вывел он для себя, когда автомобиль остановился у приемного покоя муниципального госпиталя Кони-Айленд.

Ларису, находящуюся в бесчувственном состоянии, унесли в холодно сияющие люминесцентными лампами просторы учреждения, а к Жукову мгновенно приклеился местный менеджер, принявшийся выяснять, кем он приходится пострадавшей, где его документы и документы Ларисы. Юра остро почувствовал, что дело пахнет финансовой ответственностью за медицинские услуги, и он вполне может влипнуть в неясную историю, а потому поспешил заверить настырного служащего, что является попросту сердобольным свидетелем, а после под предлогом отлучки в туалет ретировался прочь, пешим порядком добравшись до близкого отсюда дома.

Стояла глубокая ночь, за окном мерно шумел неразличимый океан с мерцающими бортовыми огнями далеких судов, редко вскрикивали чайки.

Не утруждаясь раздумьями, Жуков завалился на широкий матрас и тут же заснул: впереди маячил напряженный трудовой день, и надо было набраться силенок.

Когда полумрак туманного рассвета заполнил комнату, едко скрипнула входная дверь, и приоткрывший сонные веки Юра различил перед собой знакомый силуэт супруги.

Поначалу Жукову показалось, что ему явилось привидение: Лора была боса и одета в застиранную ночную рубашку в мелкий цветочек. На ее голове возвышался марлевый тюрбан, формой напоминавший помятое ведро.

— Вставай, Жуков! — весело изрек призрак.

Издав изумленное мычание, Юра приподнялся на локте.

— Как видишь, жива... — Призрак взял с туалетного столика сигареты, и по комнате потянулся синеватый дымок.

— Ты откуда? — пролепетал Юра.

— Сбежала, — беспечно пояснила Лора. — Страховки нет, а в госпитале пристали: кто такая и давай свой социальный номер! — не отвертись. Ну, я изобразила беспамятство, а сама думаю: ведь насчитают столько, сколько весь их госпиталь стоит... Ну и сдернула. Платье, конечно, жаль, да и туфли...

— А диагноз какой? — окончательно проснулся Жуков.

Пожевав задумчиво губами, Лора неверной рукой ощупала повязку. Шмыгнула плаксиво носом.

— Сотрясение мозга четвертой стадии.

— Во! — сказал Жуков.

— Замерзла, давай кофе пить... — Лора зябко передернула плечами.

— Так ты так и шла? Босиком, в ночнухе?

— Ну... — степенно ответила Лора и хитро осклабилась. — А чего? — беспечно, по-обезьяньи развела руками. — Здесь знаешь сколько сумасшедших? Главное, иди своей дорогой и никого не трогай.

— Что здесь дурдом, это точно, — поскреб Юра затылок. — Да! — припомнил он. — Ридикуль твой свистнули, представляешь? А там же деньги...

— Ага! Я их сразу в трусы в туалете запрятала, мало ли что... — И Лора покровительственно рассмеялась. Затем с болезненным вздохом потрогала повязку на голове. — Надо же, как все получилась... — промолвила сокрушенно. — А этот грузин очень волновался, я помню...

— Конечно, бабки отдал, а тебе — каюк, разволнуешься! — подтвердил Жуков.

— Ему уже горевать поздно, поезд ушел, — загадочно сообщила Лора.

— Ты мне когда мои бабки вернешь? — с напором спросил Юра. — Три тысячи получила? Давай сюда!

— Это на адвоката... — вполне серьезно объяснила Лариса. — Это не прикосновенно.

— Какой еще адвокат! — Жуков подпрыгнул на матрасе. — Мне-то ты чего втираешь!

— В данном случае дело ведет адвокат, — мерно и убежденно произнесла супруга. — С Вахтангом я шутить не буду. Сам знаешь... — Тон ее приобрел доверительный оттенок. — Грузинская мафия, сплошные воры в законе...

— Он же прокурор!

— Тем более.

— Вот ща врежу тебе, и тогда посмотрим...

— И пойдешь в полицию, — холодно сообщила Лора. — А потом — в Москву! — Добавила с угрозой: — Хочешь? Прямо сейчас устрою...

— Даю два дня, — сказал Жуков устало. — Океан рядом... — Многозначительно кивнул на окно, за которым занимался солнечно-голубой рассвет. — Думай. — И принялся одеваться, пропуская мимо ушей ядовитые реплики, сопровождающие его заявление.

Закрывая входную дверь, он, вытянув шею, заглянул в глубь спальни: Лора уже спала, натянув на себя пухлое одеяло. Виднелись только больной тюрбан и длинный нос, чутко водящий ноздрами.

Юра сплюнул и, горя безысходным чувством мести, отправился на привычную каторгу.

Генри Уитни

Большой Босс — удивительное существо. Удивительное прежде всего тем, что, не представляя собой ничего особенного, вызывает у всех безоговорочное почтение и даже искреннюю сердечную приязнь — хотя с чего бы? Я знаю его больше десятка лет и к стойким его качествам отношу двуличие, беспримерный цинизм и ледяной расчет, хотя кто из нашего круга лишен подобных достоинств? Но что не отнять от Большого Босса — его обаяние, несомненную эрудицию и умение завораживать своими доводами и глобальными прогнозами, которые на моей памяти сбывались, впрочем, достаточно редко. Перед тем как уйти в сенат, а затем в правительство он, как и я, какое-то время трудился в ЦРУ, где заслужил репутацию блестящего аналитика, и сам всякий раз это подчеркивает, однако лично я к подобному утверждению отношусь с немалым сомнением. Но сомнение придерживаю при себе, позволяя в отношении

босса определения исключительно превосходной степени, как все из нашего окружения. Что странно — я ни разу не заметил фальши в его сторонних характеристиках, и это меня озадачивает: то ли я единственный заблуждаюсь относительно достоинств шефа, то ли единственный не поддаюсь гипнозу, то ли члены нашего кружка, то бишь Совета, осторожничают в боязни ляпнуть крамолу, а то ли и в самом деле уверились в его непогрешимости.

Последнее — плохо и даже опасно для дела. Я сужу по своим подчиненным. Когда те из них, что занимают среднее положение, начинают верить собственным доводам, это отлично, ибо придает им искренности и убежденности, что само по себе уже превосходная реклама для корпорации. Кроме того, данный фактор определяет ту преданность и тот фанатизм, без которых нет добросовестного работника. Но для высшего руководства подобное недопустимо: когда ты начинаешь свято верить, будто все, что говоришь, и есть истина, то теряешь при этом способность в нужный момент изобретательно и умело соврать. Помимо всего, притупляют чувство опасности и видение перспективы.

Однако Большому Боссу такого рода заблуждения не грозят; критическое восприятие действительности — основа его мировоззрения.

Большой Босс поднимается с кресла, обходит стол и учтиво протягивает мне свою маленькую, сухую ладонь.

Сколько его знаю, он совершенно не меняется: с пышной седой шевелюрой, бело-розовой девичьей кожей, узкими плечиками и слегка горбатой спиной. Ноги при ходьбе он ставит широко и неуверенно, как вышедший из долгого плавания на сушу моряк или как будто в штаны наделал, но суть здесь, видимо, в какой-то болезни. Он вообще не блещет здоровьем: перенес уже две операции на сердце и, говорят, страдает почками, хотя позволяет себе выкурить сигару и не прочь пропустить стаканчик-другой виски.

Я и Босс — практически ровесники, он старше меня всего на три года, но отчего-то и физически, и умственно я ощущаю себя в его присутствии озорным мальчишкой, а его — умудренным старцем, доживающим считанные годы. Может, такое же впечатление он производит и на остальных в нашей команде, отсюда столь безоговорочное почтение? Даже со стороны президентов — прошлого и нынешнего, это я не раз наблюдал воочию. Хотя, как и они, он выпускник Йельского университета и, подозреваю, причастен к общим забавам молодежного общества «Череп и кости», вздорной секты со своим мавзолеем возле студенческого городка Нью-Хэвен, где неопитам надлежит переспать ночь в обнимку со скелетом, после чего покаяться в вечной дружбе и взаимовыручке.

— Ну-с? — Он скользит по мне рассеянным взглядом. Глаза у него бездонно-черные, и особенно подчеркивает эту черноту ослепительная седина взбитой, тщательно уложенной прически. — Как Лондон? Я не был в нем уже добрый десяток лет...

Некоторое время мы рассуждаем о провинциальности британской столицы и одновременно ее чопорности и дороговизне. Я замечаю о перенасыщенности Лондона всяким отребьем из Азии, Африки и сетую на излишнюю лояльность тамошних властей, что в итоге обойдется Англии потрясениями и деградацией, на что Босс заявляет о неизбежности данного процесса, зашедшего уже безвозвратно далеко.

— А Франция? — вопрошает он. — Сплошные арабы... А турки в Германии? А наши чернокожие бездельники? Мы, белые люди, платим за прошлые колониальные удобства. И нам придется до поры соблюдать правила подобной игры.

— До той поры, пока они не начнут нам диктовать свои правила? — острою я.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — многозначительно поднимает брови Большой Босс.

Я не хочу уточнять, что он имеет в виду, поскольку нам обоим ясно, что именно. Вопрос деликатен, требует особого обсуждения, а таковое возможно после завершения целой серии изысканий и экспериментов, связанных с расовой генетикой и, соответственно, с изобретением средств, способных радикально повлиять на проблему. Работа по данной теме, насколько знаю, кипит.

Невольная ассоциация заставляет нас вспомнить о положении в Китае. Этот затаившийся до поры монстр приводит меня в содрогание своей ежечасно наращиваемой мощью. Древнейшая из культур возродилась в своей чудовищной ипостаси, и сколько мы сможем противостоять ей — вопрос крайне болезненный. Сотни миллионов дисциплинированных муравьев, чье мироощущение словно пришло к ним из иного космоса, непонятного и недоступного нам, людям западной культуры. Однако при всей разнице философий как им, так и нам надо есть, спать, а потому, несмотря на всю сложность и многогранность проблемы, в итоге она сводится к понятным, арифметического порядка истинам. Но истинам неутешительным. Одна из них: планета способна произвести определенное количество пищи, а значит, Китаю необходимо жизненное пространство. Самое доступное и ближайшее находится на севере. То есть в России. А это — зона и наших жизненных интересов. Вопрос: кто успеет первым и в каком качестве? Территория, занимающая тринадцать процентов суши, с населением, должным вскоре приблизиться к одному проценту от мировой популяции, — стратегический сырьевой резерв. И не китайцы, а мы грандиозными усилиями придали ему невероятную доступность!

— Есть, правда, один сдерживающий фактор, — замечаю я. — Их язык и иероглифы. Не будь они так сложны, еще вчера нас бы смела китайская экспансия, а она не может развиваться стремительно без понятного другим народам языка.

— Да, первенство тут за нами, — соглашается он. — Вы, кстати, часто бываете в России, и, как я слышал, английский там прививается успешно?..

Я покладисто киваю, уясняя, что старый лис наконец-таки начал свой заезд по кривой...

— Меня беспокоят ваши отношения с «Боингом», — роняет он. И вскидывает искательно свои черные глазищи, выдерживая паузу.

— Я всячески стремлюсь к паритету, — обтекаемо произношу я.

— Это правильно, — столь же обтекаемо произносит он.

Компания «Боинг» — мой конкурент. Давний и непримиримый, хотя первое лицо из его руководства входит в Совет и мы подчиняемся общей дисциплине и решениям. С крахом коммунизма мы действовали на российском рынке подчеркнуто независимо и теперь пожинаем плоды собственных недоговоренностей.

«Боинг», один из лидеров авиастроения, активно принялся разрушать соответствующую промышленность России, навязывая свою продукцию и всячески препятствуя производству продукции местной. Более того, было пролоббировано межправительственное решение о запрете на ее использование в западных странах — якобы в силу несоответствия современным техническим требованиям. Политика вполне понятная, логичная и несущая нашей нации очевидные выгоды. Однако когда был объявлен конкурс на создание новых ракетоносителей под развитие телекоммуникаций — а это уже мой бизнес! — «Боинг» влез и сюда, причем используя свое влияние в конгрессе, добился решения об объявлении победителями конкурса двух компаний — своей и моей, хотя мой ракетоноситель, снабженный русским двигателем, был абсолютным и безоговорочным лидером. Для России же появление в тендере «Боинга» носило роковой и дискриминационный характер, поскольку общий контракт НАСА на двигатели теперь разбивался на две части. Положение дел, конечно, выправляла моя компания, спасающая ракетную фирму русских от банкротства и неминуемой разрухи.

— До того момента, покуда не начались трения, — сообщаю я Большому Боссу, — я уже инвестировал в российскую экономику около миллиарда, и этот факт вам хорошо известен и вами одобрен. Сто тридцать семь миллионов ушло под проект нового двигателя, и я заинтересован не только вернуть эти деньги обратно, но и получить прибыль от использования спутников. Что инвестировал «Боинг»? Что инвестировал его покровитель мистер Пратт?

— У вас разная политика...

— У меня политика серьезного и глобального бизнеса, — говорю я. — А вы знаете, сколько приходится преодолевать сложностей в той же России? Хотя бы связанных с ее крючковатым законодательством, с ее тотальной коррупцией и взятками? Пратт мыслит линейно: конкурента надо уничтожить, не идя на затраты. Подобно мыслили монголы, оставляя за собой выжженные селения.

— Не только монголы...

— Да, но я полагаю, что селения и умелые руки надо сохранить. Как? Купить. Недорого и выгодно. Все это в итоге будет работать на нас. Под снос должна идти явная рухлядь. А что получается? «Боинг» заинтересован в блокировании интересов не только России, но и моих. Он хочет заграбастать весь контракт на полтора миллиарда долларов.

— Но это невозможно... — кривится Большой Босс. — Для этого им придется произвести двигатели в США дешевле, нежели они производятся в Москве.

— Именно. Или — опорочить российские технологии, чем они и заняты. Кроме того, в Москве у них нет никакого прямого влияния в ракетной фирме.

Тут я прикусываю язык. Говорить о том, что я пытаюсь завладеть блокирующим пакетом российского предприятия через махинации с использованием местной финансовой структуры, не следует. Пратт покуда до этого не додумался, а я уже поставил идею на прочные рельсы.

— Но вы же не против, если контракт будет разделен поровну? — с нажимом вопрошает Большой Босс.

— Он и так разделен поровну, — отвечаю я.

Повисает пауза. Ее следует срочно заполнить, ибо, дай я сейчас лживые гарантии, что откажусь от элемента соревновательности и стану прилежным мальчиком, пляшущим под дуду мистера Пратта, — попаду в неловкое положение. В итоге меня объявят вероломным обманщиком. А не бери я на себя никаких обязательств, не будет и претензий.

— В конце концов, я не лезу в авиацию, пускай они оставят в покое космос, — говорю я, заведомо сознавая всю глупость подобного заявления. Но оно, как и предполагалось, сбивает строй мыслей Большого Босса.

— Вы рассуждаете наивно, Генри... — В голосе его звучит участливая покровительственность.

— Да, я говорю о желаемом... Но если такое желаемое претворится в действительность, хуже не будет.

— Хорошо, я готов выступить в качестве рефери, — подводит итог Большой Босс, очевидно, утомившись от моего отпора и от всей сложности обсуждаемого вопроса.

Наверняка после моего ухода он свяжется с Праттом и скажет ему, чтобы тот сбавил обороты и выждал время. При этом сошлется на какие-нибудь таинственные события, должны произойти в скором будущем, то есть невеста когда, и благотворно повлияет на проблему. Это его обычный прием. Большой Босс любит принимать неопределенные решения — авось жизнь сама рассудит, что к чему. А если принимает определенные решения, то формулирует их также неопределенно, понимай как знаешь. Если исходить из подобной логики, он наверняка страдает запорами.

По-моему, он все-таки лентяй, не желающий ни с кем из нас, своими финансистами, обострять отношения, хотя все мы его всерьез побаиваем-

ся. Вернее, мы побаиваемся друг друга, но наши страхи проходят через него, как через фильтр, концентрируясь в нем. Посему Большой Босс воплощает саму реальность опасности. Но эта его половинчатость нас всех когда-нибудь погубит, точно.

— Как дочь? Ты еще не ждешь внуков? — переводит он разговор на нейтральную тему.

Я горестно вздыхаю, а затем сетую на никчемность и разбросанность нашей молодежи.

— Пора думать о преемниках... — веско и двусмысленно произносит Большой Босс.

— То есть? — невольно настораживаюсь я.

— Знаете, Генри, — тон его приобретает дружескую конфиденциальность, — я хотел бы поговорить с вами об одной существенной вещи... Мои проблемы со здоровьем зашли далеко, и я волей-неволей озабочен, вероятно, скорой передачей дел... Не перебивайте! — Заметив, как я возмущенно подскакиваю в кресле, он выставляет вперед ладонь. — Я готов остаться в Совете в качестве доверенного лица председателя, но о кандидатуре самого председателя уже сейчас следует крепко подумать. И такой кандидатурой я вижу именно вас.

Мимикой я изображаю недоумение, но одновременно и уважительное внимание к его монологу. Подозреваю, лукавому. Задушевную беседу на данную тему эта бестия, возможно, вела или будет вести не только со мной. Опять-таки один из его приемчиков. Внести выгодное предложение, обязывающее тебя к тому или иному компромиссу или услугам, а после непринужденно предать предложение забвению — дескать, изменились обстоятельства. С кем все-таки еще он мог говорить об этом? Жаль, что никого не спросишь, а спроси — тут же ему и доложат, и с набранных очков отпадет целая гроздь...

Занять его место — нешуточное дело. Большому Боссу подконтрольна святая святых — Федеральная резервная система, неподвластная ни президенту, ни правительству, ни министерству финансов, а лишь властительным акционерам всех ее трех составляющих в Кливленде, Бостоне и Атланте.

— Я говорю искренне, это не какая-нибудь дешевая проверка, — откликаясь на мои мысли, продолжает он усталым голосом. — Я просто более всего доверяю вам, Уитни. К тому же вы человек специальной закалки, мы прошли одну и ту же школу...

Это намек на наше прошлое рыцарей плаща и кинжала. Кстати, к моему давнему роду деятельности сей образ вполне применим. В молодости мне приходилось обстреливать горяченькие делишки, на которые едва ли сгодились бы чистоплюи из аналитического департамента, если и нюхавшие порох, то только в комфортабельном тире.

— Коли речь идет о моем согласии, — говорю я, — можете им заручиться, хотя, надеюсь, наш разговор преждевременен и никаких обязательств с собой не несет.

Все-таки во мне пропал великий дипломат... Я великодушно даю ему фору для дальнейшего маневра. Будет ли она оценена в должной мере?

— Разговор, увы, актуален, — звучит ответ. — Не чересчур, но позаботиться о преемнике мне уже следует. Будьте поблизости от меня на следующей неделе, ожидается приезд саудовского принца и еще парочки шейхов, вам следует познакомиться с этой публикой поближе, нам с ними предстоит многое обсудить... Ах, вот еще что! — вспоминает он. — Курт Эверхарт — ваш родственник, если не ошибаюсь?

Курт — мой покойный двоюродный брат. Впрочем, даже не брат. Сын мужа сестры моей матери от первого брака. Я не видел его около тридцати лет, с той поры, когда он уехал в Германию к своим истинным родственникам, женился там и прочно обосновался.

— Давно ничего о нем не слышал, — отвечаю я.

— Тут случилась одна занятная история, — говорит Босс. — На горизонте возник ваш племянник... Вы хоть знаете, что у него был, то есть существует сын? Его зовут Роланд.

Я и в самом деле чего-то слышал, а потому киваю.

— Он профессиональный военный, правда, в отставке...

— Сколько же ему лет? Или его выгнали со службы? — догадываюсь я.

— Что-то было, не знаю, дело не в том... Он полезный парень, работал на нас...

— В смысле?

— В смысле — на нас... — с нажимом сообщает Босс.

— Ах, вот как... — Я принимаю глубокомысленный вид, хотя мало что понимаю. То ли имеются в виду секретные службы, то ли Совет? Хотя одно другому нисколько не противоречит, даже наоборот.

— Последнее время он воевал в России, в Чечне, был там то ли инструктором, то ли... В общем, неважно. Возвращаться в Германию ему сейчас нецелесообразно, там некоторые проблемы... Короче, за него попросили, и это понятно: мы не можем разбрасываться кадрами или же предоставлять их на волю рока. Я могу и сам устроить его здесь, но согласитесь, Генри, коли у парня в Америке имеется родной дядя, вы — куда лучшая кандидатура для оказания ему помощи.

— И какой же именно помощи?

— Пусть пересидит в Америке некоторое время. Возьмите его... охранником... Или дворником, например... Переводчиком, вот! Вы ведь ведете дела с Германией... Он знает и русский, а с Россией ваш бизнес обширен... Впрочем, я вас не упрашиваю. Готов пристроить вашего родственника по собственному усмотрению.

— Я надеюсь, он не бандит? — срывается у меня невольный вопрос.

— Он профессионал, но вполне цивилизованный...

— Представляю себе...

— Так вы против?

— Ладно, давайте посмотрим... Когда он появится здесь?

— Точно не знаю. Это предварительный разговор.

Секретарша приносит нам кофе, печенье и фруктовые сладости.

Секретарши у Большого Босса — как на подбор, все лапочки и все с изюминкой. Нынешняя — худенькая, изящная шатенка с гибкой фигурой и нежным личиком, просто заглядение. Я еще в приемной ее отметил — прелесть девочка! А улыбка, обнажающая здоровые ровные зубки, досадно напоминающие мне о собственных протезах, просто обезоруживает. Если бы еще не опыт в глазах... Что ж, жизнь беспощадна.

— Хороша, да? — кивая на дверь, за которой, вильнув, скрылась округлая попка, спрашивает меня Большой Босс. — Если есть желание, могу взять ее на какой-нибудь раут... Ты только позвони и напomini.

— Следует подумать, — соглашаюсь я. — Этот мой... родственник... Роланд Эверхарт, м-да. Какие у него неприятности в Германии? Мне все-таки хотелось бы знать.

— Ну... Печальные события одиннадцатого... — мямлит Большой Босс. — Он был связан с теми, кто... Вы понимаете... Некоторое время исполнители жили в Германии, общались с ним; теперь имя его всплыло, к нему есть вопросы со стороны всякого рода властей... Вопросы общего порядка, но... Но зачем они ему и тем более — нам?

Данный ответ переводится так: арабские террористы, взорвавшие Торговый центр, некоторое время жили в Германии, на их тамошний след вышли и теперь распутывают клубок их связей. Мой якобы племянничек в данном расследовании фигурирует. И думается, существенным образом.

— Понятно, — равнодушно роняю я, вставая из кресла.

Поднимается из кресла и Большой Босс, обходит свой роскошный письменный стол, уставленный шкатулками из малахита, наборами золотых перьевых ручек, внушительными сафьяновыми папками с разно-

образными гербами. С нарочитой учтивостью склоняясь, пожимает мне руку.

О Пратте — ни слова. Хорошо это или плохо — не знаю. Я спешу ретироваться.

Настроение у меня подпорчено. Я опять вижу перед собой картины, которые стараюсь изгнать из памяти. Первая: сияющий над Манхэттеном солнечный день, синь океана, стеклянная стена зданий делового центра, их нерушимая, казалось бы, цитадель, а слава и гордость ее — два стремительно уходящих в небо параллелепипеда «близнецов» с неразличимыми ячейками окон... И картина вторая: беспомощно машущая какой-то тряпчонкой, как флагом капитуляции, из одного окна рука уже обреченного человека и — неловко заваливающаяся в клубах черного дыма крыша небоскреба...

Знать ничего не хочу! Не хочу — и баста! Лично я никогда бы не пошел на такое, будь оно оправдано всеми национальными интересами и самым светлым будущим нашей империи. Но попробуй что-нибудь пикни против наших гиеноподобных стратегов! Я часто задаюсь вопросом: а может, они вовсе и не люди? Может, в их оболочке — какие-нибудь пришельцы из дальнего космоса?

Все они достаточно почтенного возраста, дружелюбные, степенные и удовлетворенные. Учтивые и безмолвные, когда выслушивают доклады на наших совещаниях, они похожи на мертвецов. Они восседают на олимпах своих корпораций и не утруждают себя никакой текучкой, принимая лишь генеральные решения. Они лишь в общем знают, кто и какими делами заправляет в их конторах, но, главное, дела идут. Я, впрочем, в этом смысле ничем от них не отличаюсь. Единственно сомневаюсь, что вся их политика, направленная сугубо на благо нации, кончится добром. И таким же образом, каким рассыпались в едкий и вонючий прах сияющие башни Манхэттена, рухнет, превратившись в окаменелое дерьмо, вся наша цивилизация. Благодаря нашим же благим намерениям.

Тут уместно припомнить прогнозы Большого Босса. Мол, теперь, после чудовищного (какой лицемер!) сентябрьского взрыва, у нас полностью развязаны руки, и для борьбы с терроризмом мы получаем зеленый свет на всех путях и дорогах. А борьба — это укрепление доллара, победоносное военное присутствие везде и всюду, тотальный контроль над нефтью... И где все это?

Да, Америке придано движение, но теперь только попробуй мы сбавить темпы!

Еще мальчишкой во Флориде, ловя на удочку с бота небольших акул и помещая их в пластиковую бочку, стоящую на борту, я с жалостью и недоумением наблюдал, как ловкая и стремительная рыба, теряя возможность движения в замкнутом пространстве, утрачивает и возможность дышать, мгновенно и неотвратимо погибая. Акула не может жить без движения. Мы также обречены на это.

Но для движения вперед необходим оптимизм. В первую очередь тем, кто возглавляет движение. Среди этой категории наличие вдохновения и надежды я вижу лишь в дураках, которые, дай им волю, разворотят всю планету, как обезьяны сливочный торт.

Лично мной уже давно руководит стылый героический пессимизм.

У меня куча всяких болезней. Пока, правда, мелких, но когда-нибудь объединенными усилиями они устроят мне одну, а то и две внушительных. У меня проблемы с зубами, и каждый год мне вставляют имплантаты. Это страшно и больно. У меня скрытый разлад в семье и двое детей, в чей мир нет доступа, абсолютно равнодушных ко мне и к моим делам, но которых я люблю и о которых забочусь. В моих компаниях работают сотни неблагополучных людей с нездоровой психикой, и у многих из них такие же проблемные семьи. Душу постоянно гнетет неосознанная тревога. В голове крутятся мысли о возможном крахе доллара, волне сепаратизма,

уже зародившегося в Техасе, эпидемии наркомании и всякого рода вирусов, фатальном изменении климата, лжи и порочности человеческого бытия, уже полностью зависимого от технократии. Эти компьютеры, мобильные телефоны и спутники, эти уже привычные протезы нашей цивилизации, ничего стабильного нам не сулят. Вокруг — сплошное насилие и скрытно диктующий все человеческие устремления секс. Повсюду извращенцы и сумасшедшие, маскирующиеся под нормальных людей. Они — постоянная угроза и для меня, и для моей семьи, даже не представляющей всей опасности нашего положения. Катастрофа может грянуть тогда, когда меня настигнет старость и я не смогу помочь ни себе, ни им. Мой мальчик уткнулся в компьютер, потому что не знает, чем ему заняться, не знает, кем станет, когда вырастет, да и не хочет этого знать. Моя дочь индифферентна ко всему на свете, хотя воплощению некоторых своих капризов отдана беззаветно. Но чувствую, внуков от нее мне не дожидаться. И это очень горькое опасение. Думаю, ее сегодняшнее увлечение Голливудом быстро пройдет. Ей просто необходимо какое-то увлечение, как и каждому из нас. Вполне вероятно, что такое увлечение для меня — Совет. Остается утешаться, что Голливуд лучше, чем наркотики. Кстати, начальник моей службы безопасности тайно берет анализы отправок моих детей, но покуда, слава Богу, не обнаружил в них ни малейшего следа какой-либо гадости. Но гарантий на будущее, естественно, никаких.

И вот на своем старом горбу я должен вынести агонию американской цивилизации и всю несостоятельность нашей нынешней политики, экономики и нравственности. И в скором времени предполагается, что я возглавлю Большой Совет. У меня нет на это ни сил, ни духа. Но я с недоумением сознаю, что это место мне нравится, и я совершенно не против занять его.

Максим Трофимов

Я вынырнул в довольно странную реальность, поначалу показавшуюся мне сном. Я лежал на широкой и низкой кровати в полутемной комнате с тяжелыми шторами на окнах. Пробивающийся в их щели свет тускленько озарял крашеный коричневым суриком деревянный пол, простенькую мебель — стол с парой стульев, тумбочку с телевизором в дальнем углу и завешанные коврами стены.

Как нечто привидевшееся я вспомнил бой, свое падение в черноту, но последующее ощущение тупой боли в плече подтвердило, что бой был, и закончился для нас плачевно, а вот каким образом я оказался в мирной и сонной комнатке неизвестного населенного пункта — загадка.

Скрипнула дверь, и в проем вошла любопытствующая бородатая физиономия.

Одного взгляда на физиономию мне хватило, чтобы осознать свое положение: я у чеченских боевиков. А судя по тому, что лежу на чистой простынке, а на плече у меня беленькая, отпахивающая йодом повязка, мой спасительный план сработал: меня приняли за Томаса Левинтона, захваченного в плен российским спецназом, и, соответственно, из плена вызволили.

Заметив мой осмысленный взор, торчащая в двери голова с иссиня-черной бородой осведомилась:

— Ты как, брат?

Вопрос прозвучал по-русски, с явным местным акцентом. Из всех кавказских народов только у чеченцев такой акцент — резкий, с оттенком угрозы и пренебрежения.

— О'кей... — обтекаемо выдохнул я.

Вслед за головой в комнату протиснулось громоздкое, широкоплечее туловище в камуфляже.

Подойдя к кровати, бородач присел на ее край и, бесстрастным взором уставившись на меня, продолжил:

— Ты у своих, не беспокойся. Раны твои — пустяк, но сутки должен отлежаться. — Не дождавшись от меня ответа, с некоторой растерянностью произнес: — Аслан сказал, по-русски ты понимаешь, ведь да?

Я кивнул.

— С Асланом мы связались, он хотел сюда с ребятами идти, но сейчас нельзя: русаки все перекрыли, скоро появятся здесь.

Хорошо, что здесь не появится этот самый Аслан, подумал я, представив себе нашу встречу и мое плачевное будущее, связанное с ней.

— Пришел приказ от твоих, — сказал бородач. — Обрати тебе надо. Домой. Аслан сказал, через Грузию поедешь. В Грузию сегодня бы надо идти. Как, сможешь? Русаки кольцо замкнут, тяжело будет...

Я снова кивнул и сделал попытку встать с кровати. С помощью бородача, участливо поддерживавшего меня под локоть, попытка обрести вертикальное положение мне довольно легко удалась.

Босой, в одних трусах, я осторожно прошелся по комнате, прислушиваясь к своему организму. По-прежнему ныло плечо, и затаившаяся боль была готова вернуться при любом резком движении, но онемение руки спало, я свободно шевелил кончиками пальцев, а вот голова была тяжелой и мутной, но, главное, соображала. И еще: очень хотелось есть. Но в первую очередь предстояло определиться, на каком языке общаться с горными орлами. Я решил оперировать рублеными фразами, привнося в них умеренный английский акцент.

— Давай еда, — сказал я.

— О! — радостно осклабился бородач. — Хорошо сказал! Все сейчас будет, сюда принесут! Аслан верно говорил: этот парень из скалы сделан, таких убить никаких пуль не хватит!

Для англичанина хватило одной, подумал я, но озвучивать данную мысль воздержался.

Подойдя к окну, пальцем отодвинул штору и выглянул на улицу.

Сюрприз! Я находился в хорошо знакомом мне поселке, который не единожды проезжал на броне. Глухие железные ворота, находившиеся напротив, отлично помнил. Вернее, три пулевых пробоины в одной из их створок, окрашенных голубенькой масляной краской, — следы бесконечной здешней войны.

Значит, тащили меня сюда с десятков километров, не меньше. Сейчас утро. То есть в беспамятстве я пребывал неполные сутки. Исходя из слов боевика, запоздавшее подкрепление нашло нашу разгромленную группу, и сейчас принимаются широкомасштабные меры по розыску отрядов противника. В скором времени в поселок войдут войска. Встреча с ними в планы «духов» не входит, им надо раствориться в горах, прихватив с собою меня — важного, как понимаю, иностранного соратника.

Лично мне топать в горы без надобности, а тем более перекочевывать с плохими ребятами в недружественную на сей исторический момент Грузию. Сослаться на неважное самочувствие? Можно, но согласятся ли боевики на то, чтобы оставить меня в селении? Если Томас Левинтон — потенциальный источник серьезной информации, то такой подарок российским спецслужбам никто не преподнесет. Значит, дело пахнет ликвидацией.

В комнате появились две молчаливые женщины неопределенного возраста, в сереньких платьицах, платках, с одинаково невыразительными лицами.

Одна из них принесла одежду, положив ее на стул, другая — пластиковый поднос с едой.

Не проронив ни слова и ни разу не взглянув в мою сторону, женщины вышли.

Первым делом я решил подзаправиться. И было чем: огромное блюдо с горячей постной бараниной, усыпанной зеленым и репчатым лу-

ком, свежие молодые огурчики и — теплый белый хлеб домашней выпечки.

Запив обильную трапезу горячим крепким чаем, я принялся одеваться. И едва зашнуровал ботинки, в комнату вновь шагнули знакомые бородачи.

— Хорошо поел?

— Спасибо, — ответил я по-английски, исподлобья глядя на них.

— Гут, гут, — усмехнувшись, произнес рыжебородый. — Готов идти?

— Ноу проблем, — ответил я.

Такой ответ боевикам понравился. Выжидающая напряженность их лиц смягчилась.

— Паспорт? — спросил я.

Порывшись в нагрудном кармане куртки, чернобородый извлек мой паспорт, вежливо передал его мне. Такой поступок я посчитал благоприятным знаком, хотя тешиться иллюзиями не стоило. С изысканным вероломством горцев — чутких и тонких психологов, я сталкивался не раз.

Мы вышли из дома. На заднем дворе, возле ветхого сарая, сидели на корточках, локтями подобрав к животам автоматы, еще трое «духов». Бород у них не было, но зверские морды отличала изрядная небритость. Из дощатого сортира, застегивая на ходу штаны, вышел еще один персонаж — тощий, долговязый негр с курчавой бородкой. На голове его красовалась милицейская кепчонка с матерчатым козырьком. С отодранной российской эмблемой, само собой.

— Хелло, — равнодушно бросил он мне.

— Хай, — в тон ему отозвался я.

После мне был вручен небольшой автоматик «Кипарис» — вероятно, в расчете на мое сегодняшнее слабосилие. Боевики были вооружены «калашами» старого образца, с деревянными прикладами, оружием громоздким, но незаменимым в условиях гор. Мне оно, ясное дело, не подходило.

— Уходим! — приказал рыжебородый.

Компания молча поднялась и, подхватив потертые вещмешки, двинулась к плетеной изгороди, за которой начинался пологий каменистый откос.

На утреннем солнце редко вспыхивал кварц в россыпях корявых булыжников на едва различимой тропе.

Один из боевиков, как я заметил, сильно хромал, и это меня, покрывшего от внезапной слабости противным холодным потом, порадовало: темп будет неспешным, я его выдержу. В Грузию, видимо, уходят на лечение подранки.

Мы двигались цепью, и в ней я шел вторым, причем данное место мне было ненавязчиво, но весьма определенно указано. Что наводило на размышления. Меня явно держали под неусыпным контролем, хотя героической возможности перебить врагов и попытаться возвратиться к своим не было никакой. С каждым часом мне все труднее давались шаги, совершенно онемела левая рука, висевшая на матерчатой перевязи, а в плечо будто вставили паяльник.

Хорошо, мне не вручили еще вещмешок, ибо даже компактный «Кипарис», болтавшийся у пояса, и тот казался чугунной гирей.

Чеченцы, напротив, шагали пускай и неторопливо, однако без признаков какой-либо усталости, и первый привал устроили исключительно ради меня.

— Отдохни, не торопись, — сказал мне рыжебородый не без доли участия. — Еще час пройдем, легче станет, русаков дальше нет, наши места начнутся...

— Вот когда к ущелью подходить будем, там плохая тропа, — обратился ко мне другой боевик.

— Пограничники? — спросил я.

— Не, десант засады выбрасывает, — ответил он. — Но где — мы знаем. Там ночью пойдем. Ты не волнуйся, брат, я двадцать раз туда-сюда, каждый камень знаком...

— В туалет, — коротко сообщил я и поплелся за огромный валун, где, в закуточке справив нужду, заодно осмотрел «Кипарис». Осмотр принес ожидаемый результат: в ударно-спусковом механизме автомата отсутствовал боек. Мне всучили бессмысленное железо.

Стало не по себе. Никаких подходящих версий, объясняющих подобное недоверие, в голову не приходило. Если бы чеченцы раскусили меня, цацкаться со мною не стали. Может, существуют проблемы у незабвенного Томаса Левинтона? Вернее, существовали и стали теперь моими проблемами? Главное, нет никаких вводных, любой вопрос может оказаться проверкой, любой мой неверный ответ — роковым приговором, да еще этот негр... Заговори он со мной по-английски, наверняка поймет, что я не носитель языка, и разоблачение последует незамедлительно.

Я вернулся к банде. Попросил, коверкая русский язык, полить мне на руки воды из фляги. Затем сунул «Кипарис» рыжебородому. Сказал угрюмо:

— Зачем его дал? Боёк нет.

— Про-оверил... — глумливо протянул тот. — Шпион, вот что значит, а? — Оглянулся на усмехающихся соратников. — Умный...

Я отчужденно молчал.

— Ладно, скажу: такой приказ был, — без тени смущения пояснил бородач. — Хочешь знать, да? Хорошо, знай. Нарвемся на русаков, ты живой быть не должен. В твоей голове много чего. Это война, ее закон. Есть вопрос?

— О'кей, — процедил я сквозь зубы. Испытывая, впрочем, некоторое облегчение. Значит, я мыслил в правильном направлении. Англичанин располагал информацией, ни в коем случае не должной попасть к противнику. Теперь под конвоем он выводится из зоны активных действий.

Судя по всему, боевой опыт господина Левинтона был богат, разнообразен, и при намерениях конвоя его уничтожить сопротивление бы он оказал. Как оказал бы его и я. Так что насчет бойка — логично.

Привал между тем продолжался.

Хромой боевик, задрав штанину, осматривал повязку, перехватившую икроножную мышцу. Края повязки туго врезались в опухшую бордовую кожу — признак серьезного нагноения.

— Конэц нога, — вздохнул он.

— Ничего, протез будет, — беспечно откликнулся негр.

Злобно уставившись на него, хромой сказал:

— Тэбэ ничего, да.

— Сейчас протез лучше, чем настоящий нога делают, — утешил негр. — Только деньги плати. А деньги есть, не за просто так воеваем!

Противоречить данному утверждению никто из нашего собрания не стал. Я, кстати, давно заметил, что проповеди о великой и могучей мусульманской империи, должной в ближайшее время раскнуться от Памира до Балкан, за чье будущее величие воевали боевики, эти проповеди воспринимались ими благосклонно, но как-то вскользь. К оплате же за боевые услуги, напротив, проявлялся энергичный и весьма конкретный интерес, перекрывавший все идеологические постулаты. А вот наши ребятки в большинстве своем лили тут кровь бесплатно. И добровольно. За Россию-матушку. Хотя и подворовывали. И редко кто брезговал трофеями. Что сказать? Не идеален человек. Но, так или иначе, героизм наш несомненен, хотя бы потому, что лезть под пули, зная, что деловая публика сколачивает на войне и на твоей шкуре состояния и предаст тебя, не раздумывая, это какой же логикой надо руководствоваться?

Типично русской...

— Ему хорошо, — сказал негр, указав на меня. — Деньги сразу в банк, с собой не носи, нигде не прячь... Так, да?

Вместо ответа я посмотрел на него с холодным выразительным недоумением и, поняв, что пояснений с моей стороны не последует, чернокожий наймит придал теме иной оттенок:

— Сколько здесь денег под камнем лежит, только Аллах знает, — продолжил он. — А хозяева теперь к нему в гости пошли...

— Пять лет пройдет, никому эти доллары не нужны будут, — заметил рыжебородый.

— Почему? — угрюмо спросил я.

— Тут государство Ичкерия будет, — назидательно ответил он. — Свои деньги иметь будем.

— Не-ет... — протянул негр. — Здесь будет часть от большой государства с мусульманский король. И столица наверно Аддис-Абеба.

— Какой еще «аддидас»? — с пренебрежением спросил хромой.

— Такой есть мой город, — заявил негр.

— Мулла сказал, столица Мекка будет, а еще вторая — в Чечня, — возразил один из боевиков.

— Никакой не Чечня! — замотал головой негр. — Что Чечня? Она меньше моя жопа. А вы тут триста лет порядок никак не сделаете! Без нас тут русский давно тебе башка оторвал!

— Ты почему Чечня жопа сказал? — окрысился хромой.

— Потому что... она далеко от голова, — простодушно сообщил негр и картинно развел руками — длинными и сухими, как лапы паука.

В свою очередь хромой тоже дернул рукой в коротком и брезгливом жесте, направленном в сторону оппонента, и тот, к немалому моему удивлению, вдруг выпучил изумленно глаза и начал медленно заваливаться на бок. После негр засучил ногами, будто вытирал подошвы о каменистый грунт и — затих. Только тут я заметил торчащую из его груди рукоять ножа.

— Ты чего сделал, Тимур?! — вскричал, вскакивая с места, рыжебородый.

— Он Родина моя оскорбил, урод тропический, — веско объяснил хромой, приступивший к осмотру карманов убитого. — И вчера в карты неправильно со мной играл, на три тысячи меня, шакал, обманул.

Из-под куртки покойника он выдернул кожаную поясную сумку, расстегнул ее, вытряхнув на землю документы и несколько пачек долларов.

— Три — мои, поровну другие, — провозгласил деловито и умиротворенно.

— Все поровну, — грозно и тихо поправил его рыжебородый.

С внимательной неприязнью посмотрев командиру в глаза и встретив ответный взор, не предвещающий и намек на компромисс, хромой, поиграв бровями, покладисто заявил:

— Тимур никогда жадный не был, сам знаешь.

Разделив деньги, бандиты, не удосужась даже прикопать труп, собрались в дальнейшую дорогу.

— Пошли, — стесненно кашлянув, обратился ко мне рыжебородый. Подумав, добавил: — Ты бы никогда так о моей страна не сказал, правильно?

Я ответил неопределенным кивком.

«Кипарис» он забрал себе, и мы тронулись дальше.

Жуков

На работу Жуков ехал в состоянии оцепенелой подавленности. Случилось то, что в принципе он ожидал в своих наихудших опасениях, но во что категорически не хотелось верить. Вчера, вернувшись домой с рыбалки, где провел выходные, он обнаружил на столе в гостинной записку, накорябанную Лорой. Смысл записки сводился к тому, что у Лоры случились неприятности с бизнесом, и она вынуждена срочно уехать в Чикаго, дабы разобраться там со своими недобросовестными компаньонами.

В реальности это означало следующее: двадцать пять тысяч, выклянченных ею у Жукова на бизнес, безвозвратно пропали, и Лора в справед-

ливой боязни оказаться инвалидом решила от греха подальше смыться. Изучив содержимое гардероба, Жуков обнаружил в нем отсутствие всех ее сколь-нибудь стоящих вещей. Исчезла даже повседневная косметика, но, когда взгляд обманутого и покинутого мужчины остановился на вазочке, куда обычно помещалась денежная мелочь, и не узрел в ней даже почерневших медных центов, в кровь Жукова резко хлынул адреналин, и он поспешил в ванную; подцепил отверткой одну из плиток, хитроумно державшуюся на магнитах и... с ужасом обнаружил, что его замечательный тайник, где обретались последние шесть тысяч долларов, совершенно и принципиально пуст...

Ведьма подсмотрела, когда он лазил в него! Наверняка!

Перед отъездом на рыбалку он заметил странный взор Лоры, остановившийся на баллоне от акваланга, где до сей поры хранилась основная часть денег, и, истолковав нехорошую пристальность такого взгляда как разоблачение хитроумной заначки, поспешил переместить средства в ванную, на чем и погорел.

Кроме того, перед отъездом он вновь пригрозил супруге пучиной океана, причем самым серьезным тоном, и это дало свои ядовитые плоды.

А попадись эта бестия ему в руки, все равно бы вывернулась: дескать, ехать в Чикаго предстояло срочно, денег на поездку не было, пришлось, дабы не пропали инвестиции, позаимствовать из заначки.

Жуков присел на диванчик и пригорюнился. Хотелось напиться, но тогда завтрашний день наверняка пойдет насмарку, а с ремонтом в логове олигархов он и так затянул — выгонят на кислород, и останешься вовсе без средств. Хотя с другой стороны, что решают эти средства, если учесть все Лорины долги за квартиру, телефон, штрафы за парковку и неоплаченное обязательное страхование машины? А еще трехмесячный долг за стоянку у дома — триста баксов... А деньги, одолженные ей у знакомых, — там тысяч пять... А оформленный на него, Жукова, кредит на шубу... Кроме того — счета за кабельное телевидение и аренду подвала, где хранились какие-то гинекологические прокладки, купленные Лорой с целью перепродажи, но так и не нашедшие конечного пункта назначения...

Помимо всего, свинью подложил и мистер Уитни. Его холуй Ричард внезапно сообщил, что за работу хозяин платит банковским чеком, а не наличными, и, видимо, Юра неправильно понял первоначальную договоренность из-за слабого знания английского. Горячие протесты Жукова были им категорически отвергнуты.

Не желая вручать чек Лоре — иначе пиши пропало! — Юра кинулся по знакомым, но все бубнили что-то о вычете налогов и отсрочке платежа во времени, покада не будет установлена действительность финансового документа. За минусом изрядного процента чек согласился принять на свой счет морпех Виктор.

Позвонил Марк, предложил совершить вечерний променад на Стейтен-Айленд, пошакалить на предмет шмоток, но от предложения поделника Жуков отказался, сославшись на плохое самочувствие. Какой еще Стейтен-Айленд! Там нужны кураж и собранность, а не глухой, как гнилое полено, ступор.

— Лорка меня кинула, — не удержавшись, сообщил Юра приятелю. — Свинтила со всеми бабками. Заначку раздербанила...

— Веселая крыса, — откликнулся Марк. — Я так и думал, что этим кончится. Говорить тебе не хотел.

— Да мне самому давно ясно было... — вздохнул Жуков.

— Ничего, переживем, — на мажорной ноте уверил Марк.

— Ну, давай, пока, — в миноре завершил разговор Жуков, понимая, что переживать придется не Марку, а исключительно ему.

Ночью он спал беспокойно, а утром явился «супер» — то бишь смотрящий за домом, с кем у Юры были отношения самые задушевные: «супер»

предоставлял ему клиентов для укладки паркета, получая свой посреднический процент.

Горестным голосом «супер» сообщил, что у него есть самые точные данные, будто владелец дома не сегодня завтра вызывает службу «маршала», должного выселить нерадивого жильца из квартиры.

— Срочно давай мне чек! — сочувственно завершил «супер». — А машину со стоянки уберу немедленно, иначе увезут, понял?

Запарковав автомобиль на улице, Юра двинулся на работу. Единственное, что слегка утешило — прошел в служебную дверь сабвея, не уплатив за проезд: воспользовался тем, что продавец билетов в будке наклонился, уронив на пол мелочь на сдачу.

И вот теперь, катя через приземистый, заштрихованный серым дождичком Бруклин к небоскрегам Манхэттена, Жуков размышлял о перспективах.

Одолжить денег не у кого. Из квартиры его вышибут точно. Что-то можно продать — технику, к примеру. Золотой браслет. Хотя сколько дадут за браслет? Ну, сотен пять — максимум. «Маршал» может приехать под вечер. Куда прикажете податься? Кантоваться по углам у знакомых? А ведь какую квартиру он теряет! Окно с видом на океан, шикарная кровать, новая мебель... Э-эх!

Помещение большого кабинета встретило его гулкой пустотой и унылой запыленностью дубового паркетного настила, посреди которого возвышался циклевочный агрегат.

Пройдя в ванную комнату, Жуков понуро опустил на низкий пластиковый стульчик, со спинки которого свисал к полу его рабочий комбинезон. Он напряженно раздумывал... И в раздумьях этих были и текущие его неприятности, и размышления над жизнью как таковой, и крутились слова о недельном отсутствии хозяина сейфа, а до сейфа рукой подать...

Затем взгляд Жукова скользнул в угол, застеленный картоном, где навалом лежал необходимый инструмент: отвертки, дрели, коробки с шурупами, стамески, а под ними — дисковая машина для резки металла и бетона. Отчего-то в его родной стране она получила наименование «болгарка».

Далее его действия отличали неторопливость и абсолютная бесстрастность. Был включен циклевочный агрегат, помещение заполнил рев мощного мотора, взвесь паркетной пылицы и шпаклевки; кто-то — вероятно, отвечающий за охрану здания Ричард — сунул нос в дверь, но тут же с коротким проклятьем ее захлопнул; а Жуков, переведя аппарат на холостой ход, подошел к зеркалу, нажал на потайные бронзовые кнопки и, отведя раму в сторону, в точности как это проделывал Уитни, демаскировал сейфовую нишу.

Пошарив по верху сейфа ладонью, нащупал секретную кнопку, надавил на нее. Кнопка утопилась и, шелкнув, осталась в зафиксированном положении.

Не теряя времени, Юра подключил к электрическому удлинителю дисковую пилу с новеньким отрезным кругом.

Брызнул оранжевой искрящейся струей рассекаемый абразивом металл.

Работа оказалась непростой: прежде чем распилились запорные штыри, руки Жукова налились от агрессивной вибрации машины чугунной тяжестью, а лицо и грудь залил обильный пот. Однако же одним диском, хотя и истерзанным до основания, без всякого перерыва он выпилил сейфовую дверцу и в какой-то миг нутром ощутил: все, амба! — дрогнула она и словно провисла беспомощно в петлях, не препятствуя доступу к неведомым сокровищам.

Отключив горячую, как уют, пилу, он, предварительно отжав кнопку, вернул зеркало на место, поправил респиратор, вылил пот из защитных очков и вновь принялся циклевать паркет.

Когда древесный туман плотно заволок помещение, в дверь снова сунулся кто-то из любопытствующих и снова поспешно ретировался.

Саркастически усмехнувшись, Жуков вернулся к сейфу.

Вставив крепкую отвертку в паз замка, без труда растворил дверцу.

Вот они — заветные пачки долларов — сотнями, в бумажных банковских перетяжках...

В сейфе лежали какие-то бумаги на английском и сафьяновая коробка с золоченым замочком — видать, как решил Юра, с драгоценностями.

Раздумывать было некогда: изъяв коробки и наличность, Жуков, орудуя отверткой как рычагом, не без труда втиснул дверцу на прежнее место, горестно покачал головой, обзвывая уродливый паз распила, и наконец замаскировал свое надругательство над чужой буржуазной собственностью запыленным зеркалом.

После вернулся в туалет, сложил трофеи в спортивную сумку и, покуривая сигарету, задумался о дальнейших действиях.

Теперь все пути к отступлению были, конечно же, отрезаны. Этой самой дисковой пилой. Напрочь.

Малодушно хотелось сполоснуться на скорую руку, переодеться и, оповестив охрану, что, мол, отойдет на часок перекусить, смыться куда подальше. Однако Жуков решил иначе.

Во-первых, он не мог бросить работу незаконченной, считая это весьма непорядочным по отношению к клиенту. Во-вторых, ему оставалось всего лишь пропылесосить помещение и приступить к процессу лакировки. После чего, как он сметливо сообразил, раскрытие кражи уверенно отодвинется на двое суток, ибо в помещение, покуда не устоится лак, не сунется никто.

Следом его посетила еще одна практичная мысль: набрав по мобильному телефону номер одного из начинающих коллег-паркетчиков, бывших у него в выучке, он предложил ему выкупить весь свой инструмент и дорожную циклевочную машину, взятую в аренду, всего за тысячу долларов, на что получил горячее и немедленное согласие.

Коллега прибыл через пару часов, забрал необходимые причиндалы, рассчитался, а Жуков, к тому времени закончивший процесс уборки помещения, смыл с себя пот, вынес на лестницу вещички и — принялся за процесс грунтовок.

Ядовитый запах химиката заполнил все пространство лестничного пролета. Находящийся в здании люд, не стесняясь в беспомощных ругательствах, хлынул на дождливую улицу, сгрудившись под козырьком здания.

Впрочем, едкий раствор в считанные минуты впитался в дерево и быстро выветрился.

Натужно пытаясь в респиратор, Жуков открыл наконец ведро с лаком. Лак тоже пованивал, но так, терпимо.

К вечеру зал представлял собой сияющее великолепие.

Мистер Ричард, брезгливо кривясь от остаточных химических благовоений, тем не менее одобрительно обозрел янтарную гладь, с уважением выслушал наставление Жукова о неприкосновенности помещения в течение двух суток, а затем вручил работяге загодя приготовленный чек.

Покачиваясь от изнурительных трудов — праведных и не очень, — Юра, крепко держа сумку с валютой и, как он предполагал, бриллиантами, вышел из особняка. Первым его желанием было вернуться домой на такси, но затем он решил не шиковать, да к тому же в вагоне подземки лучше думать о перспективах, которые были весьма туманны.

Несомненным оставалось одно: в течение суток предстояло бежать из Нью-Йорка, распродав имущество.

Из вагона подземки, следующего из Манхэттена в Бруклин, Жуков позвонил Марку и Вите, предложив выкупить сегодня же и немедленно телевизор, диван, кое-что из одежды и вообще все, что понравится. Затем,

прибыв по месту жительства и от души поплескавшись в душе, достал из сумки заветную коробку.

Наступил торжественный момент, чье предвкушение достигло своего апогея. Орудия Лориной шпилькой, Юра без труда вскрыл замок.

О судьба с ее безжалостными ударами! Бриллиантовое зарево ожидаемых коле, перстней, диадем и всякого рода ювелирных излишеств подменял собой тускленький блеск стандартных компьютерных дисков в прозрачных чехольчиках.

Юра привычно сглотнул горькую слюну очередного разочарования.

Затем посмотрел на настенные часы. Вот и вечер настал... Заодно прикинул, что за часы долларов десять Марк отдаст без вопросов... А Марк должен прибыть с минуты на минуту.

Небрежно перебирая диски, Юра увидел, что каждый был помечен непонятной надписью на английском и датой, а на одном красно и жирно выделялось: 11 СЕНТЯБРЯ. Эта дата, знаменовавшая крушение небоскребов Торгового центра, заваливших, кстати, любимый магазин Жукова — «XXI век», из которого он потаскал массу замечательных вещей, заставила его, преодолев навалившуюся усталость, включить проигрыватель и телевизор.

Диск скрылся в недрах устройства. На широком экране появились люди. Пятеро. В одном из них он тут же признал мистера Уитни. Люди сидели за огромным столом в каком-то сумрачном, хотя и роскошно отделанном резными дубовыми панелями помещении и что-то неторопливо обсуждали.

Еще два лица показались Жукову знакомыми — точно где-то он видел этих типажей... Да по телевизору он их видел! Какие-то важные деятели...

Юра прислушался к беседе, но ничего не понял.

Американцы говорили между собой на языке, категорически паркетчику недоступном. Им различались лишь отдельные слова.

Скрипнула незапертая входная дверь, и на пороге появился Марк.

Жуков ругнул себя за невнимательность, но теперь уже было поздно.

— О! — сказал Марк, шагнув в гостиную. — Чего смотрим? — Он мельком оглянулся на экран. — Новости с секретного фронта?

— То есть? — удивился Жуков.

— Ну как... — Марк указал на телевизор. — Бывший директор ЦРУ... — Затем осекся, прислушавшись.

Замер и Юра, постигая, что крупно и непоправимо влип. Так человек, чувствовавший себя до поры до времени здоровым и деятельным, вдруг ощущает в себе признаки начинающейся болезни — уже неотвратимой, с каждой секундой набирающей силу...

— Это чего такое? — подозрительно скосившись на Жукова, спросил Марк.

— Да кто его знает... Нашел вот... — откликнулся тот.

Марк подвинул стул, уселся поближе к телевизору. В отличие от простака-паркетчика, он очень хорошо знал английский язык, благо, очутившись в Штатах, его освоение поставил первоочередной задачей.

Оба молчали. Говорили только люди в телевизоре, и с каждым их словом лицо Марка мрачнело все больше и больше.

Внезапно запись оборвалась.

— Что-то я не понял... — Марк подозрительно покосился на Жукова. — Откуда это взялось? — Он вновь кивнул на телевизор, экран которого застилала васильковая астральная синь.

— Да чего там такого-то? — с возмущенной ноткой откликнулся Юра.

— Одиннадцатое сентября помнишь? — утвердительным тоном произнес Марк. — По всему выходит, эти деятели если не устроили известное

всем шоу, то были в курсе, что оно состоится. Вот так. Конечно, если записать не хохма какая-нибудь... Так откуда кино?..

— Ну... особняк этот чудной знаешь, да? В котором паркет я кладу? — К Жукову вернулось хладнокровие. — Я же тебе рассказывал... Про этого Уитни, про «роллс-ройс» его... Короче, он — птица высокого полета. Во-от. Ну, в общем, там, в особняке этом...

— В общем, там ты кое-что тяпнул, — вдумчиво продолжил Марк. — И теперь линияешь... И правильно делаешь. Только если эти ребята узнают, что у тебя есть такое кино, я за твою шкуру дам... Вернее, не дам ни цента. А Уитни твой не птица, а бомбардировщик. И готовься принять от него на свою голову весь боезапас. И меня ты, кстати, впутал...

— Да ладно тебе, — отмахнулся Жуков. — Ну, прилип диск и прилип...

— Значит, так, — сказал Марк. — Я ничего не видел и не слышал. Давай показывай барахло, я «вэн» подогнал, грузимся, и я тебя больше не знаю, усек?

— Да чего ты тут драму с трагедией... — начал Жуков, но Марк категорическим жестом рубанул перед собой воздух, сказав:

— Слышь, ты, высокомолекулярное соединение... Ты себе закажи плиту надгробную с эпитафией: «Он был оптимистом...» Если нас теперь и пронесет, то только чудом. Ты попал и сам это знаешь. Другое дело — может, не понимаешь до конца... Но конец будет. Хочешь совет?

— Ну...

— Ни о чем не спрашиваю, потому что ни о чем знать не хочу, но лично я теперь заинтересован в одном: чтобы ты грамотно «сделал ноги». В Штатах тебя вычислят в три приема. А может, и в один... Линияй в Рашку. И затеряйся там в ее глубинах. Ксивы сообрази новые, со старыми поговоришь. — Он задумался, покусывая нижнюю губу. — Знаешь, — произнес невесело, — пожалуй, — не нужно мне твое барахло... Пожалуй, нужно мне отваливать на всех парах...

— Ну а с дисками чего делать? — растерянно спросил Жуков.

— Ха... Так он не один? Ты их побереги, — рассудительно промолвил Марк. — Они тебе еще очень даже пригодятся.

— В смысле?

— Когда тебе в зад раскаленный лом вставят, то будет такой расклад: или лом дальше двинется, или наружу выйдет, — объяснил умудренный урка. — В обмен на диски. Так что они тебе здорово облегчат дальнейшую жизнь и смерть.

Брякнул входной звонок.

— Кто это? — напрягся Марк, побледнев.

— Витька, наверное...

И это действительно был Виктор. Вошел, обозрел компанию веселым бесшабашным взором.

— Значит, — резюмировал жизнерадостно, — звезда нелегальной эмиграции Лора Голубец ретировалась с нашего небосклона. А ты, — обратился к Жукову, — решил последовать ее примеру. Ну и куда теперь?

— Говорит, в Сан-Франциско едет, — угрюмо сказал Марк. — Кореш там у него, строительная компания...

— Чудо-город, — откликнулся Виктор. — Климат — сказка! Круглый год — лето с бодрящей прохладцей.

— Угу, — невпопад высказался Жуков, с благодарностью поглядев на Марка.

— Покуда, братцы, — отклонялся тот. — Не пропадите. Особенно ты, — скоился на Жукова.

Когда за Марком захлопнулась дверь, Жуковым овладело тупое равнодушие и отчаяние. Он понял, что все его неприятности лишь начинаются, и что самое главное: прогноз их абсолютно невозможен.

Не слыша слов, он кивал Виктору, ощупывавшему его пиджаки и рубашки, называвшему какие-то цены, затем была кутерьма с погрузкой мебели и чемоданов; после, уже поздней ночью, оставшись в пустой квартире, Жуков постелил на паркете старые одеяла, улегся и под мерный шум атлантических волн за окном погрузился в тревожное ломкое забытие.

Марк

Ни Жуков, ни Виктор, да и вообще никто в среде эмиграции, где вращался Марк, даже представить себе не мог, кем воистину является этот прожженный мошенник, живущий исключительно криминальным промыслом. Не было представления о прошлом Марка и у властей США, ибо легализовался он в стране через законный брак, выехав в Америку по гостевой визе в конце восьмидесятых годов.

Во всех анкетах во избежание лишних вопросов Марк писал, что трудился разнорабочим, липовая трудовая книжка у него имелась, хотя ее никто не спрашивал, а между тем прошлое его было весьма интересно и витиевато.

Отслужив срочную во внутренних войсках, в охране зоны строгого режима, Марк поступил в школу милиции и по окончании ее был распределен на должность опера в убойный отдел Ростовского УВД. Опер из него вышел толковый, рискованный и хваткий. Однако поощрениями и почестями начальство его не отмечало: Марк был неуправляем, дерзок, критичен по отношению к руководству, открыто презирал прокуратуру и — совершенно аполитичен. И если бы не блестящие результаты в оперативной работе, бесстрашие и способность сутками пахать без роздыха, долго бы он в милиции не задержался. Кроме того, пару раз Марку довелось выступить в качестве исполнителя высшей меры наказания, и начальник УВД, посвященный в этот секретный факт его трудовой деятельности, поневоле относился к палачу с некоторым снисхождением: ведь что ни говори, а взять на себя смертный грех по служебной необходимости — заслуга немалая.

Тем не менее, неоднократно и успешно внедряясь в среду криминала, Марк очень быстро пришел к истине, что жизнь честного милиционера в этой стране невозможна по определению, как невозможно бороться с преступностью, опираясь исключительно на силу закона. Подбросы оружия и наркотиков, тайные обыски, несанкционированное прослушивание телефонов — все эти недобросовестные с точки зрения классической юстиции приемы он применял, не мучаясь никакими сомнениями. Равно как не гнушался и мародерством, и взятками, и крышеванием входивших в круг его агентуры спекулянтов и перекупщиков краденого. Легальной коммерции в ту пору в государстве развитого социализма не существовало.

Моральные принципы в своей работе для Марка, конечно же, существовали: он никогда бы не выпустил на свободу убийцу, он без раздумий вступал в поединки с опасными бандитами, но снять с трупа того или иного уголовника дорогие часы или же выпотрошить его бумажник казалось ему столь же естественным, как расписаться в ведомости за грошовую премию в милицмейской бухгалтерии.

В итоге именно на часах он и погорел. И заложил его сослуживец, недовольный разделом трофеев. Инспекция по личному составу к тому времени уже располагала массой фактов по злоупотреблениям ушлого оперуполномоченного, дело пахло посадкой, но в итоге обошлось увольнением из органов. А буквально через месяц, покинув комнату в коммуналке, с двумя крупнокалиберными бриллиантами в желудке, выкупленными у барыги-агента на все сбережения, Марк вылетел в город Нью-Йорк — с

липовым приглашением в кармане, тремя сотнями законных «зеленых» и неясной перспективой дальнейшего существования на чужбине.

Помыкавшись в пятидолларовых ночлежках с матрацами на земляном полу, он вскоре удачно бриллианты продал, переехал в приличную квартиру, нашел себе увядшую невесту, чей возраст приближался к полувековой отметке, и — понеслась американская жизнь!

Легенду «блатного» с двумя судимостями Марк придумал для себя не случайно. Оказавшись на Брайтон-бич, в среде таких же авантюристов и проходимцев, он моментально уяснил, что представляться расстригой-ментом здесь глупо и неприлично: даже та благостная провинциальная публика, приехавшая сюда по официальным каналам еврейской эмиграции, была в своем отношении к криминалу куда более лояльнее, нежели к правоохранительным органам и их представителям.

Таким образом, ему предстояло выбрать для себя роль, вжиться в которую не представляло особенных затруднений. И Марк выбрал обратную сторону медали, врученной ему судьбой. Из бывшего опера он органично трансформировался в актуального уголовника. И данный образ ни в ком не вызвал сомнений. Правда, у Марка отсутствовали наколки, но если и возникал подобного рода вопрос, то, презрительно усмехаясь, он пояснял, что профессионалам особые приметы нужны как бездомному фрак.

Опер в уголовной среде — словно попадая в доме терпимости. Однако как ни коробило Марка поначалу от новой своей ипостаси, выбора для него не оставалось: вливаться в овечьи ряды американских тружеников он не хотел, да и не мог; сыщик по профессии и самому своему естеству, он был абсолютно не востребоваан на новой почве; карьера полицейского для него, эмигранта, исключалась по определению, как и позорная стезя осведомителя, а частные сыскари занимались здесь мелочной и ущербной бытовухой, не стоившей и его насмешки.

Кроме того, Марку был необходим адреналин. Адреналин и азарт. И дать ему их мог лишь криминальный бизнес, в котором он — профессионал, все рассчитывал и прогнозировал так, что вызывал у местного жулья безоговорочное почтение.

Понимая, что среда его обитания густо нафарширована полицейскими осведомителями и завистниками, он приближал к себе немногих, но, с другой стороны, поднять хоть какое-нибудь стоящее дело без помощников было затруднительно, а потому приходилось идти на заведомый риск.

Аферы с поддельными кредитными картами, квартирные кражи, фальшивые доллары, мошенничества с дорожными авариями и медицинскими страховками — всего, чем занимался он, было не перечислить, однако сколько веревочке ни виться...

И вот в составе организованной им преступной группы Марк предстал перед американским правосудием. И — выпутался, искусно изобразив невиняемого. Не зря в течение двух лет он готовился к неминуемому провалу, изучая психиатрию, посещая университетские лекции и заведя знакомства среди опытных врачей.

Из-под стражи он был освобожден, получил инвалидность по психическому заболеванию, соответствующую пенсию, льготы — и затаился, полагая, что в череде афер и походов надо выдержать некоторый интервал.

С супругой, благодаря которой он получил американский паспорт, уже давно случился развод, Марк подумывал о приличной молодой девке, с кем пора бы было завести семью и детей, но только найди эту приличную в местном гадюшнике, хоть в Россию за невестой езжай...

Один день сменял другой, жизнь была гулко пуста, как шляпная картонка на пыльной полке старого гардероба. Марк прогуливался к океану, блуждал под эстакадой Брайтон-бич, закупая себе провизию и расклани-

ваясь со знакомыми. Изредка выезжал на распродажи в Манхэттен и в тюрьму, навешая томящихся за решеткой подельников.

Через пару месяцев, на пандусе плавающего казино, поуживая мелких акул и камбалу, он познакомился с двумя рыбаками — бывшими советскими десантниками Жуковым и Виктором.

Жуков рассматривал даль океана через мощный бинокль, наслаждаясь видом могучей водной шири.

— Не видать ли Красной Армии? — со смешком спросил его Марк.

Остроту отставные военнослужащие оценили положительным образом. Предложили свежую наживку — маленьких крабиков, на которых активно клевала придонная блэк-фиш, похожая на измазанного в мазуте карпа. Завязалось непринужденное общение.

К вечеру новая банда была готова.

В течение недели Марк стажировал неофитов в тонкостях магазинных хищений, затем пошла практика, а уж после — профессиональные выездные сессии в соседние штаты по намеченным масштабным целям.

Нужно ли это было Марку? Скорее всего, нет. В банковском хранилище у него лежал неполный миллион наличных, легализовать который в силу своего статуса он не мог; первый этаж дома, сдаваемый им в аренду, закрывал текущие финансовые проблемы, однако — где азарт, игра, где жизнь? И вообще — чем заняться? Ну, хоть этим, коли не дано другого... Примерно так же мыслили и его новые партнеры, не бросавшие своего основного стабильного занятия в сфере строительно-ремонтных услуг и рассматривавшие криминальные вояжи по магазинам как увлекательное хобби.

Марк ждал некоего события, с которого начнется отсчет нового бытия, наполненного значимостью и смыслом, и тайне полагал, что, несмотря на возраст, цинизм и неверие, его все-таки постигнет какая-то любовь и ему будет о чем заботиться и ради чего жить, но данная мечта никак не воплощалась, а вот событие подкатило само собой и, увы, ничего позитивного ему не сулило. Напротив, ему представлялось сосредоточение и концентрация на далеком горизонте покуда еще неведомой, но неотвратимой силы, способной дотла разорить и разрушить его жизнь.

Выйдя из дома Жукова, он прошел на набережную, сел на лавочку, глядя на мерные океанские волны за песчаной полосой пляжа, и призадумался.

Итак. Вопиющее в своей наглости и прямолинейности ограбление, естественно, безнаказанным не останется. Тем более похищена опаснейшая информация. Кому и для чего она предназначалась — безответный вопрос. Может, это часть некоего досье, хранящегося без движения до поры до времени. Ясно иное: тот, кто в принципе мог записать такого рода совещание, обладает возможностями широчайшими и той властью, что способна смести на своем пути всех и вся.

Известно следующее: существует некий мистер Уитни — владелец сейфа и одновременно лицо, присутствовавшее на собрании. Значит, инициатор записи он. Или один из инициаторов. Для чего ему запись? Для истории? Или для шантажа соратников?

«Что-то в этой идееке есть, какой-то ключевой момент, какая-то истина... — мелькнуло у Марка. — Но пока оставим это. Сегодняшняя проблема — Жуков. Через два дня его, как сбежавшую из зоопарка гориллу, активно начнут искать целеустремленные и безжалостные ребята. Что бы ты делал на их месте, а, старый опер? Минимум через сутки поисков понял, что объект отбыл в Москву. Тогда первым делом ты бы нашел Лору, взял ее за тухлые жабры и вытряхнул из нее все его местные и московские связи. Далее. Распечатка телефонных звонков. Особое внимание — звонкам накануне отъезда. Тут-то выплываешь ты, Марк. Здравствуйте, мы из полиции, расследуем совершенное вашим знакомым преступление — и пошло-поехало... А вероятно и иной сценарий: удар по

башке, размещение в багажнике автомобиля, затем укол в вену, допрос под наркоз и — прощальный круиз на яхте в сторону восходящего солнца. А если доберутся до Жукова, то одним из первых в списке вопросов к нему будет такой: “Кто помимо вас смотрел наше секретное кино?” И на вопрос наверняка будет дан правдивый и незамедлительный ответ.

Хлопнуть этого Жукова, что ли? И чего? Крупно этим подставиться. Возле дома камеры, выманить его куда-либо — пустой номер, парень он не промах, чуткий как зверь, а движется эта махина в сто двадцать кило легко и маневренно, как матерая акула. Да и вообще еще один грех на душу... Вот этих бы, кто на совещании, кто каждый день тысячами уничтожает людей во всех концах света своими деньгами и политикой, этих бы он грохнул, не задумываясь. Эти куда страшнее, чем казненные им в прорезиненной камере серийные убийцы... А может, отправить дискеты почтой адресату? Мол, чужого не надо? Глупость. В данной истории должна стоять твердая точка. И ее поставят. Значит, завтра Жукова надо проводить, снабдив соответствующими инструкциями. Далее. Арендаторам первого этажа следует рассказать следующую историю: хозяин уезжает на месяц-другой в Калифорнию — там ему, дескать, предложено интересное трудоустройство... С завтрашнего числа следует обзавестись новым мобильным телефоном, а уже сейчас и в самом деле заказать билет до Лос-Анджелеса и позвонить из телефона-автомата приятелю Мише, давно переехавшему в теплые края Западного побережья и неоднократно приглашавшего в гости. У Миши яхта с тремя спальнями, живи и грейся. Только что-то он, Марк, не додумал... Что-то очень важное... Нет, Калифорния потерпит. Вначале следует побыть здесь, в Нью-Йорке, хотя бы недельку. Вблизи от надвигающейся грозы. На бесплатном адреналине. И понаблюдать за действиями вероятного противника. Как наблюдать — я знаю. Научен».

Максим Трофимов

К границе с Грузией мы продвигались двое суток. Успешно пройдя тайными тропами мимо пограничных постов и десантных засад, к ночи мы спустились в обитаемое ущелье.

Около получаса провели в темени какого-то сада, скрывавшего беленый домик с узкими оконцами, за которыми тускло и красно мерцал свет. К домику пошел рыжебородый, оставив меня под присмотром своих псов. Вернулся быстро, в великолепном расположении духа. Коротко приказал:

— За мной!

Пройдя неосвещенную прихожую, вонявшую то ли псиной, то ли овечьими шкурами, мы оказались в просторной, освещенной керосиновой лампой комнате, обстановку которой составлял скособоченный дощатый стол, застеленный куском полиэтилена, кривые стулья и громоздкий темно-вишневый комод с бронзовыми ручками, тронутыми бирюзовой окисью.

Какие-то небритые парни в обвислых кожанках выставляли на стол жратву, при виде которой у меня потекли слюни. Дымящиеся чебуреки, отварная баранина, лаваш, огромное блюдо с сочными помидорами и всевозможной зеленью.

Затем хлопнула дверь, и в комнате появился человек лет сорока, в черных джинсах, модных кроссовках, тонком шерстяном свитере и легкой замшевой куртке.

Он был идеально выбрит, столь же идеально причесан, в карих глазах его сквозил порочный живой ум, а плотно сдвинутые тонкие губы были безгласно поджаты.

Небрежно кивнув компании едоков, пожал руку почтительно привставшему со стула рыжебородому и, остро покосившись в мою сторону, спросил:

— Как дошли?

— Без происшествий, — ответил рыжебородый и, указав на меня рукой, вдумчиво добавил: — Вот. Доставлен, как положено.

— Мы вас заждались. Отдохнете на базе, сейчас собирайтесь, выезжаем, — проронил аккуратный незнакомец.

Не пожав никому руки, я вышел из дома. На темном дворе смутно толклись какие-то личности; выступивший из тьмы молодой парень провел меня за калитку, открыл дверь стоявшего возле дома джипа, устроился на комфортабельном заднем сиденье, я уже принялся размышлять, каким образом, выбравшись из логова бандитов, свинтить в бега, но мысли мои были прерваны вторжением в салон троих громил, от которых пыточно разило потом и чесночным перегаром. Двое уселись рядом со мной, третий — впереди, а вскоре за руль уселся четвертый — тот самый таинственный гладко выбритый тип.

Заверещал стартер, рыкнул движок, свет фар выхватил из тьмы ухабистую, сухую дорогу, разномастные заборы вдоль нее, юркнувшую в лопухи кошку... И я снова двинулся в неизвестность.

Уже начинало светать, когда машина, свернув с трассы, остановилась у какого-то заброшенного кирпичного строения, заросшего молодыми деревьями и сорной травой. Рядом стоял микроавтобус с глухим, без окон, кузовом, выкрашенным в пятнистые защитные цвета.

Из автобуса навстречу нам вышли двое подтянутых парней в камуфляже, и на секунду я обомлел, увидев нашивки и знаки различия армии США.

— Приехали, — смерив меня доброжелательным взглядом, сказал водитель.

Я вылез из джипа, двинувшись, как сомнамбула, к встречающим военным. Механически пожал протянутые руки.

— Едем на базу, там отдохнете, — сказал один из американцев.

Далее потекли события весьма благоприятного свойства: микроавтобус привез меня на военную базу, я успел различить пятнистые транспортные самолеты, приземистые казарменные здания; после были горячий душ, бритье, чистое белье и — отглаженный камуфляж без опознавательных знаков. Затем санчасть, где пожилой врач долго манипулировал над моими ранами, комментируя их состояние, впрочем, довольно оптимистически. Говорил врач на столь сложном английском и с таким местечковым американским акцентом, что понимал я его едва ли на треть. Кивая и улыбаясь доктору — якобы в полном согласии с его словами, одновременно я с ужасом сознавал, что при первом же плотном общении с носителями языка буду расколот, как гнилой орех, и дальнейшая моя участь ничем от участи расколотого гнилого ореха не отличается.

Однако с доктором — обошлось, и вскоре я оказался в светлой комнате с солдатской узкой кроваткой и — провалился в долгий и освежающий сон.

Разбудили меня к ужину. Молодой черный солдатик принес поднос с едой и пластиковую бутылку с фруктовым напитком; я буквально в один присест, как удав, проглотил высококачественное питание армии США и уже собрался под душ, но тут в комнату вошел пожилой офицер с грузной фигурой и, радостно улыбаясь, протянул мне руку, представившись:

— Майк.

В ответ я тоже расплылся в улыбке, но никаких имен решил не упоминать.

Бесцеремонно присев на кровати, Майк, все так же радостно улыбаясь, проговорил:

— Относительно вас нам пришли указания... Возвращаться в Германию вам нельзя. Как понимаю — нежелательно. Почему — вы, думаю, знаете.

Я многозначительно кашлянул и соорудил умную физиономию. Одновременно с некоторым облегчением дошло, что речь Майка, в отличие от тарабарщины доктора, отчетлива и проста, слова он произносил, как бы намеренно отделяя их друг от друга, и это немало способствовало пониманию его речи.

— Завтра утром летите в Америку, — продолжил Майк. — Через Франкфурт. Документы вам сделают на месте. А ваш паспорт прошу отдать мне.

Я послушно вручил ему паспорт покойного британца.

Изучив паспорт и, соответственно, фотографию, что вызвало у меня некоторые неприятные эмоции, Майк произнес загадочное:

— Вы же немец, насколько понимаю...

Я неопределенно улыбнулся. В голове же лихорадочно пронеслось: неужели спасен? Неужели мой русский акцент проскочит за акцент немца? Ведь, как ни удивительно, а они практически аналогичны...

— Ну, впрочем, неважно, да и не мое это дело, — сказал он, убирая паспорт в нагрудный карман. — Я что-то разговорился, простите. Короче, уже завтра будете в Штатах. Дальше — как распорядится руководство. Теперь — о вашем здоровье. Врач сказал, что вы в полном порядке. Перед вылетом он еще раз вас осмотрит. Швы снимут в Америке. Вот и все. Отдыхайте. Из комнаты не выходите. Можете смотреть телевизор, спать... Утром разбужу. Есть вопросы?

— Ноу, — кратко ответил я.

— Отдыхайте! — И, горячо пожав мне руку, Майк исчез.

Завтра в Штатах?! Вот так фортель судьбы! Без документов и без единого доллара, зато — будто по волшебству! И безо всякой визы, за которую убиваются граждане слаборазвитых стран. Эту визу, по-моему, в России скоро не получишь и с фамилией Колумб...

Улегшись на чистенькие казенные простынки, я глубоко призадумался. В частности, над тем, роль кого отныне играю?

Итак... Существует некий иностранный инструктор или же наемник, направленный на какой-то период времени в Чечню. Кем направленный? С какой целью? Судя по всему, за этим парнем — силы, обладающие официальным статусом. И если сейчас его перекидывают на военном самолете в Америку, то он представляет собой некоторую ценность. Как специалист? Возможно. Он немец, значит, его британский паспорт — ширма, подделка, дабы в случае чего ввести в заблуждение, полагаю, российскую контрразведку. Но почему он не может вернуться в Германию? Накуролесил там? Скорее всего. Дальше. Вероятность провала в Америке абсолютно очевидна. Но что я могу сделать, когда из одних тисков плавно перемещаюсь в другие? Бежать с базы? Куда? К грузинским милиционерам? Или в чистое поле, где меня будут ловить грузинские милиционеры, чтобы передать в иные компетентные органы, патронируемые теми же спецслужбами США? Короче, побег — еще большая авантюра, нежели послушный перелет через Атлантику, хотя... чего тут угадаешь?

В дверь постучали.

— Входите, — буркнул я по-английски.

В комнате вновь появился Майк. На этот раз — с увесистой трубкой спутникового телефона. Рог антенны был отогнут от корпуса — видимо, кто-то находился на связи.

— Тебя, — сказал он.

— Да? — кратко спросил я, прижав трубку к уху.

— Рад слышать тебя, Роланд, — раздался мягкий, даже вкрадчивый голос. — Мне сказали, ты выбрался из колоссальной заварухи!

— О да! — согласился я.

— Слушай меня внимательно, — уже суховато продолжил собеседник. — Те парни, что были у тебя в Германии, установлены как участни-

ки известных тебе событий. К тебе могут возникнуть вопросы. Вернее, они уже возникли. Поэтому тебе надо сменить место проживания. Ты понял?

— Да...

— Думаю, через месяц увидимся в Штатах, я навещу тебя. Жить будешь у своего двоюродного дяди. Я имею в виду мистера Уитни. Надеюсь, твой покойный отец рассказывал тебе о родственниках в Америке?

— Конечно.

— Он очень богатый и очень серьезный человек. Уверен, вы найдете общий язык. И еще... — Собеседник помедлил. — Я же предупреждал тебя: держись подальше от этих смуглых ребят, а то их загар прилипнет к тебе... Мне было очень трудно тебя отстоять... Очень!

— Я понимаю...

— Ну, все. До встречи!

Я передал Майку трубку, тот нажал пискнувшую кнопку отбоя и — вновь исчез за дверью.

Затаив дыхание, я сознавал, что перескочил еще один смертельный капкан. Так о каких парнях говорил мой неизвестный покровитель? И от кого меня отстоял?

Как следовало из подтекста, смуглые парни могли быть исполнителями какой-то громкой террористической акции. Знать бы какой... А этот Роланд, чувствуется, из категории тех, кто слишком много знал. И теперь я, как подкидной дурак, оказался на его освободившемся в подлунном мире месте... И подозреваю, место это окажется для меня весьма горяченьким! В общем, я думал, что у меня черная полоса, а она была белой.

Спал я, однако, глубоко и кошмарами не мучился. А утром, после сытного завтрака, в сопровождении любезного Майка навестил доктора, после чего доехал на открытом джипе до транспортного угрюмого самолета непривлекательной серо-бурой расцветки, уселся вместе с толпой иностранных военнослужащих в просторном салоне и мысленно троекратно перекрестился.

Гигантская туша авиаперевозчика взмыла ввысь легко и стремительно, как подхваченная ветром чайка. Мелькнули в оконце вершины кавказских гор. При всей опасной неопределенности своего будущего тоски от расставания с ними я не испытывал.

Теперь мой путь лежал из протектората в империю.

Продолжение следует

АНДРЕЙ МОЛЧАНОВ

АНТИФАДА

РОМАН

Генри Уитни

Я решил провести в Нью-Йорке два-три дня. После нашей вашингтонской деревни я люблю окунуться в круговорот этого великого города. Я обожаю его. В нем всегда кипит жизнь, он вечно молод амбициями и надеждами своих новобранцев, его нервы на пределе, он — сосредоточение всего мира, его столица — котел, переплавляющий расы и племена со всеми их устремлениями и традициями. Правда, после переплавки начинается работать штамп, и в дальнейшую жизнь после отбраковки выбрасываются оставшие человечки-изделия, начиненные нашими американскими ценностями, а вернее, стереотипами жизненного уклада и всякого рода табу. Безусловно, основная наша ценность — доллары. И соответственно, умение и желание их зарабатывать. Поэтому все человеческие мечты и желания в своем предполагаемом воплощении сводятся к тому или иному количеству банальных денег. Как сводится к ним в итоге любой поступок и разговор, как бы издалека он ни велся. Практически все разговоры в мире — это разговоры о деньгах.

Да и я летел в Нью-Йорк зарабатывать деньги и вел бесконечные телефонные переговоры с людьми, жаждущими заработать на мне или же благодаря мне, а если не заработать, то сохранить заработанное. Их заботы, если мне не сулилось партнерства либо комиссионных, занимали меня разве из любопытства, однако в помощи я отказываю крайне редко: помощь — та же инвестиция; другое дело — сопряженная с риском неблагодарности, однако любой бизнес имеет издержки.

В Нью-Йорке я снимаю пентхаус в шикарном отеле возле Мэдисон-сквер-гарден. Двухъярусный, с высоченными потолками и стеклянной витой лестницей, ведущей в спальню, он напоминает мне фойе кинотеатра. Мне в нем неудобно, но посетители каменеют от восторга:

Продолжение. Начало — № 6.

из его окон виден Манхэттен во всей красе. Я держу его ради стороннего восхищения. Он закреплен за мной постоянно и оплачивается с корпоративного счета, — деньгам так или иначе уйти на налоги, а так от них небольшая, но польза. Ресторанные траты я неизменно отношу туда же, и мы с женой хохочем, когда, доставая карту, я объявляю, что питаемся мы за счет бедных афроамериканцев, воинствующих тунеядцев, презирающих всякий труд и живущих на пособия с наших налогов. Ужин, не разделенный с бездельниками из черных семей, наполняет нас мстительным торжеством. Досадно, что приходится тратить на пособия, но они тоже налог — на предотвращение революций.

Когда на горизонте замаячили зубья небоскребов Манхэттена, я набрал номер Алисы.

— Подлетаю, — сказал кратко.

— Я уже в номере, — еле донесся знакомый голос сквозь настырный шум винтов.

Вот же прыткая девка! Успеть за неполный час от Лонг-Айленда до Манхэттена! Как будто ждала от меня команду на выезд! С одной стороны, конечно, приятно. Значит, соскучилась и ждет свидания. Приятно и другое: Алисы не надо от меня ничего. Ничего, кроме меня. И — близости со мной.

Я познакомился с ней лет восемь назад. Смешно сказать — она работала продавщицей в «Мэйсис» на Пятой авеню, приехав в Нью-Йорк из какого-то дальнего селения на Аляске. Все ее предки — охотники и рыбаки. Я, помнится, покупал себе пиджак и пальто, и мне приглянулась ладная блондиночка со свеженьким личиком и аппетитной фигуркой, хлопотавшая вокруг меня. От нее буквально веяло непорочностью тех суровых краев, где она родилась; вся воплощение хрупкого девичьего целомудрия, как будто существовавшая вне этого города — агрессивного, циничного, пронизанного лживостью и пороком. А я, малый-симпатяга, увы, был лжив и порочен куда больше, чем весь этот город. И конечно же, совратил ее.

Помню ошеломление Алисы подаренным ей букетом из тропических цветов, ужином в престижном клубе, «роллс-ройсом», перелетом из Нью-Йорка в Атлантик-сити на собственном вертолете, номером шейха в отеле казино, знакомством с известной мне звездной парочкой из Голливуда...

Я помню ее неопытность, стыд, замешательство, горечь потери прежней себя; неловкие объятия, похожие на потерянные жесты, страдальчески закусенную губу от невыказанных страха и боли; ночное дыхание, сквозившее тревожной бессонницей...

Но я не обманул Алису. И не бросил. Хотя, надо сказать, не так уж она мне тогда и приглянулась. Дура дурой, постоянно щебетала о своей деревне, об увлечении музыкой — она играла на скрипке и пела в церковном хоре. Страсти в ней было не больше, чем в резиновой кукле, угловатая манерность вызывала раздражение, говорила она с преувеличенной вежливостью идиотки, однако что-то меня зацепило.

В ней был, полагаю, какой-то скрытый и весьма расчетливый авантюризм, расцветший впоследствии таким пышным букетом, какого я и представить не мог!

Знакомясь, я руководствовался примитивной логикой: непорочная девочка из заснеженной Аляски приехала в Нью-Йорк, ведомая безотчетным желанием обрести в первую очередь шикарную жизнь, ее интересовало то, что мог дать ей большой город, а значит, деньги. Их она могла получить, лишь выгодно продав себя. А точнее, свое тело. Продажа всегда осуществляется либо напрямую, либо через посредника, с извечным шкурным интересом. Эту посредническую роль я выбрал для себя мгновенно.

Но что забавно, деньги как таковые ее не интересовали. Деньги были продуктом промежуточным и скучным, а ее привлекал продукт конечный,

выраженный в блеске, праздности и роскоши. Замечу, не мимолетных, а гарантированно стабильных.

Это я понял. Как понял всю простоту и доступность схемы воплощения желаний Алисы, которые она и сформулировать-то не могла из романтического тумана, составлявшего содержимое ее красивой головки. Однако у девушки были два качества, гарантирующие успех: терпение и трудолюбие. А из романтического тумана мне предстояло материализовать свинцовые установки к действию.

Нутряным чутьем я ведал, что мне попался благодарный материал. И — не ошибся. Еще в ЦРУ меня считали одним из самых толковых вербовщиков, а здесь предстояло сыграть с ребенком, едва уразумевшим в жизненной игре лишь начальные ходы.

Я сразу расставил на места фигуры: себя, семейного человека, дорожающего всем имеющимся, и ее, должную заполучить все, о чем грезится. Кроме меня, разумеется. О чем напрямик и поведал.

Затем взял ее на работу менеджером в одну корпорацию, установив за ней ненавязчивое наблюдение.

Алиса оказалась толковым, легко обучающимся работником, доброжелательным и отзывчивым. Без какой-либо протекции быстро пошла на повышение.

Время от времени мы встречались, но секс был пресен, ее кудахтанье утомляло, но ее неуклонное женственное хорошение вызывало положительные эмоции. Сглаживались линии бедер и плеч, ухоженным атласом светилась кожа, тяжелели заманчиво и призывно округлые груди...

Я постепенно готовил Алису к браку, выгодному и ей, и мне. И против такой постановки вопроса она не возражала, пускай вопрос этот я ставил вскользь и крайне деликатно. Она попросту отвечала, что сделает все так, как я скажу. И я знал, что сделает. И еще я знал, что на все времена я — ее любимый и единственный и что никогда и никому, невзирая ни на какие секундные порывы, она не откроет ни нашу связь, ни чувства ко мне, ни мое имя.

А после я познакомил ее с мистером Праттом, недавно пережившим кончину жены, которому в ту пору подваливало к шестидесяти годам.

Объяснять тактику охмурения богатого вдовца Алисе не требовалось. Через три дня после первой встречи он предложил ей руку и сердце. Вердикт на данную сделку утверждал я, не без удовлетворения сознавая, что противоречить мне Алиса не станет в той же степени, как отключаемый от сети холодильник или пылесос.

Таким образом я получил стратегического агента в стане врага.

Но вот удивительно! С годами, умело и жестко отодвинув от основного состояния мужа всех его родственников, включая детей от прежнего брака, получив юридические гарантии корпоративных дивидендов, оформив на себя кучу недвижимости, Алиса осталась сама собой. И — моей неизменной любовницей, вечно ко мне стремящейся и выполняющей все мои указания, идущие порой поперек интересам компаний мужа.

Она его не любила. Она никого не любила, как я сейчас понимаю. Высшее чувство, доступное ей, было и есть чувство привязанности. В отношении меня это чувство развито куда больше, нежели в отношении Пратта. С другой стороны, в ней нет ни малейшей способности к агрессии. Результат она достигает не напором, а кропотливым, бесстрастным терпением. В ней есть потрясающее умение ждать. И способность учиться. Замечу, что она научилась больше слушать и меньше говорить, основательно поумнела, стала куда более предприимчивой в постели, напрочь избавилась от провинциальных манер.

В принципе же все мои размышления относительно нее едва ли способны претендовать на истину. Алиса — вне логики. По крайней мере — вне моей логики. Она — загадка. Я мог бы ее разгадать, если был хотя бы когда-то в нее влюблен. Но я не могу влюбиться. Эта способность утраче-

на. Когда-то я влюбился в свою жену, но этот запал сгорел. Иного же Бог не дал. К Алисе я попросту привязан. Возможно, когда-то это перерастет в своего рода любовь. Сладенькую и холодную, как остывший чай.

Интересен и другой факт: она родила ребенка. С появлением наследника ее супружеские позиции, естественно, укрепились. Даже в среде родственников мужа, открыто ее ненавидящих.

— Я их всех переживу, — помнится, смеялась Алиса, безмятежно заправляя пучок волос на затылке. — И его, надеюсь, тоже...

Такая постановка вопроса мне понравилась. Перейди компании Пратта к ней, да мы бы...

— А почему ты не захотела родить от меня? — спросил я.

— Я думала об этом, — непринужденно сказала она. — Но Пратт не дурак, он наверняка провел генетическую экспертизу. Ты же сам учил: сгораешь на мелочах...

Да, отнюдь не простушка. Вот и еще одно подтверждение: о чем бы ни велся разговор, он ведется о деньгах...

Чувствую, пришла пора научить ее, как угробить Пратта. Думаю, если внедрить надлежащий мотив, она сделает это не моргнув глазом.

Когда я вошел в номер, Алиса сидела в кресле за стеклянным столиком и перелистывала какой-то журнал. Отбросив его в сторону, победно и выжидающе уставилась на меня, еще в дверях сокрушенно всплеснувшего руками: мол, виноват долговременностью разлуки, но непременно исправлюсь...

Припал к ее губам, ощутив верткий, лукавый язычок и отмечая, насколько очаровательна ее крашенная в цвет осеннего льна прическа, изысканный духи с горьковато-волнующим запахом, безукоризненна кожа и опытные налитые дежурной страстью губы, вспомнившиеся иными — припухло и беззащитно девичьими, испуганно дрожащими в неловком поцелуе...

А как одета! Я мало что понимаю в женских тряпках, но строгое благородство стиля, что так ей шел, привлекало и одновременно заставляло выдерживать дистанцию, подчеркивая ее достоинство и неприступность. Конечно же, иллюзорные.

Алиса между тем неторопливо, со вкусом раздевалась. И право, ей было чем блеснуть передо мной. Совершенство белья, подогнанного к идеальным формам слегка загорелого тела, завораживало. Мне показалось, что не хватит и вечности, чтобы насладиться этой женщиной. Чувствую. Через десять—пятнадцать минут, увы, произойдет привычная переоценка...

Когда я навестил душ, она, сидя на кровати, сосредоточенно морщась, вдевала сережки в уши.

— Ты что, собралась уходить? — притворно изумился я, хотя понимал, что пороха в моих пороховницах не осталось ни крупинцы.

— Мне пора, — подыграла она.

— А... ужин?

— В следующий раз, милый.

Мы выпили по бутылочке сока из кухонного бара, посудачив о разных разностях.

— Что-то надо делать, — сказала она. — Я занимаюсь ребенком и домом. При всем том, что существует нянька и прислуга. Я просто тупею от скуки.

— Открой какой-нибудь бизнес, — вяло присоветовал я.

— Боже, ну какой бизнес!

— Какой-нибудь салон...

— Какой салон? Ради чего? Чтобы как-то убить время?

— А Пратт? Ты с ним говорила? Может, он даст тебе какое-то направление в компании?

— Он в принципе не допускает меня к делам. Его устраивает все так, как есть.

— Но ты же получила все, к чему стремилась! — хохочу я. — Вспомни девочку-продащицу, приехавшую на поиски счастья с Аляски...

— Ты думаешь, на этом следует остановиться? — Голос Алисы вкрадчив, но одновременно настойчив.

Во мне словно срабатывает какое-то реле. Это похоже на разработку. Неужели Пратт решил использовать ее против меня? Уличил в измене и перевербовал? Не удивлюсь, с него станется. И с нее тоже. Ее безнравственность, по-моему, не имеет предела.

— Заведи второго ребенка, — невпопад отзываюсь я.

— Ты имеешь в виду себя?

— Я имею в виду ребенка. Но если ты имеешь в виду, что ребенок будет от меня, я аплодирую такой идее.

— Это может произойти в том случае, если... — Взгляд ее уклончиво отведен в сторону.

— Понимаю. Но твой муженек бодр, здоров, и тут нужны кое-какие сторонние усилия...

— Ты мне поможешь? — с безмятежной улыбкой спрашивает она.

— Ты всерьез?

— Это решит все наши проблемы. В их династии, и ты это знаешь, все как на подбор долбожители...

— Крепкая порода! Я должен подумать...

— Тогда — я жду! — откликается Алиса. Уже одетая, в дверях, добавляет: — С раздумьями советую не медлить.

Глубокомысленно киваю, глядя на закрывающуюся дверь. Похоже, придется в очередной раз влезать в авантюру, попахивающую мерзким духом. Но что делать, если к этому подводит сама жизнь и ее логика. Если Пратт исчезнет, Алиса, думаю, будет надежным и послушным партнером. Так мне, по крайней мере, кажется, пускай это выглядит парадоксально. Парадоксально и другое: я действительно был бы не против заполучить от нее ребенка. Почему нет? Как мать она идеальна, я знаю, сколько времени и неподеленной ласки она тратит на сына. Наверняка это видит и Пратт, а потому боготворит ее, старый дуралей. Ее покладистость и терпимость к его похождениям на стороне также влияют весьма положительно на их отношения. А потому, если Пратта тем или иным образом укокошат, едва ли Алису посчитают заинтересованной стороной. У меня в какой-то степени полицейская психология, но будь я на месте сыщика, едва ли смог заподозрить ее в преступных намерениях.

Может, и моя женушка замышляет что-либо подобное? Кто знает... Мне очень неприятна симпатия Барбары к этому дебилу-охраннику, и если между ними возникла связь, это способно черт ведает к чему привести!

Как бы ни было омерзительно, обстоятельства их общения придется выяснить, поручив это главе службы безопасности Ричарду. Сегодня его стоит навестить. А заодно посмотреть, как отремонтировали помещения в особняке Совета.

Бренчит телефон. Ненавижу телефоны. Каждый звонок — это напоминание о каких-нибудь обязательствах и всяческие просьбы, которым несть числа.

— ...Роланд Эверхарт, — доносится до меня.

Кто? А, племянник, доходит не без труда. То бишь не племянник, а... кто он мне? Условный родственник. Вот же еще напасть...

— Он в Вашингтоне, — докладывает между тем секретарша Большого Босса.

— Устройте его в отель, — буркаю я. — Возвращусь через день-два, пусть пока отдыхает.

— Хорошо, сэр... Хотя нет, подождите...

Секретарша выслушивает какие-то указания, а затем сообщает:

— У него некоторые проблемы с документами, лучше, если он побудет у вас в доме.

Этого не хватало! Я наливаюсь раздражением, но, вспоминая обещание, данное Большому Боссу, беру себя в руки.

— Ладно, везите куда хотите...

Приходится звонить жене, дабы предупредить о незваном госте. Трубку снимает дочь. Это даже лучше, поскольку реакция жены непредсказуема. Она может обрадоваться внезапно обретенному племяннику, — именно так его надо представить! — а может и вспылить: визиты без приглашения ей были всегда не по нраву. А тут не только зову в дом кого попало, но еще и обустроиваю на ночлег.

Дочь Нина, как и ожидалось, воспринимает мое сообщение с совершенным равнодушием. Это ее не касается, что для нее самое главное. Некоторая досада в тоне все же присутствует: ведь ей надо встать, оторваться от компьютера, подойти к маме и изложить все, сказанное мной. Работа, как же!

Я начинаю одеваться.

Следующая цель — сенатор Мартин Брайс. На сей раз встреча сугубо деловая. Хотя наше праздное рандеву с Алисой, как оказалось, несло в себе значительный практический элемент. Имею в виду разговор о Пратте, подразумевающий злодеяние, передел собственности и бизнеса.

У сенатора свой офис в Нью-Йорке. В трех блоках от моего отеля.

Он в одиночестве сидит за столом, встречая меня улыбкой. Затем порывисто поднимается и, протягивая мне руку, неторопливо идет навстречу. Мартин всегда встречает меня и всех очень радушно, постоянно крайне внимателен. Что селит сомнения. Я опасаюсь таких людей. Нельзя привечать всех столь искренне. Это удел людей либо насквозь лживых, либо патологически трусливых. Ни тем ни другим довериться нельзя.

Впрочем, я не собираюсь доверяться елейному коррупционеру. Отношения с ним предельно просты. Он знает о возможностях Совета, способного, случись что, стереть его в пыль; он мечтает когда-нибудь войти в него и чутко реагирует на все просьбы, подкрепляемые весомыми подачками. Иной раз — и это стоит ему, чувствуется, немало усилия — он отказывается от вознаграждения, намекая, однако, что пора бы ввести его в круг избранных. Я туманно обещаю. Зная, что там ему не бывать. В нем нет законченности и силы. Он суетлив и аморфен — не нашей породы. И попади в круг, долго там не продержится. Дурашка не ведает, в какую стаю стремится. Кусок говядины волкам не партнер.

Люди подобного сорта вызывают во мне ироническое недоумение. Они полагают, что усажены в чиновные кресла благодаря своей исключительности, а не расчету со стороны; они верят в свою значимость и самостоятельность; они упиваются возможностями что-либо решать и приближенностью к высшей власти, объективно рассматривающей их как полезных насекомых. Это относится не только к нашим сенаторам и прочим функционерам, но и к лидерам разного типа стран. Хотя порою марионетки обретают инициативу и восстают против кукловодов. Мы выпестовали сотни мусульманских экстремистов, дабы опереться на них в дальнейшем — и к чему это привело? К тому, что оружие обратилось против своего создателя. Оказывая нам услуги, они тренировались, отрабатывая приемы будущей войны с нами. Другое дело, что устремления противника порой можно обратить против него. События одиннадцатого сентября — яркий тому пример.

Я не знаю всех деталей операции, но идея подобного теракта лежала на поверхности, ее хотели реализовать еще германские нацисты более чем полвека назад; надо было лишь подогреть с помощью агентуры такой замысел, затвердить его решением исламских авторитетов, а далее реализовать кадрово-техническую схему. Итог схемы: самоликвидация исполнителей и устранение посредников и наблюдателей. Далее в ход идут политические и военные демарши с понятным экономическим содержанием.

Мы пьем с сенатором чай со сливочным тортом, обсуждая текущие проблемы совместной коррупционной деятельности. Ее смысл состоит

в том, чтобы протолкнуть в текущий бюджет дополнительные ассигнования на научные разработки ракетных двигателей. Покуда я вывожу эти двигатели из России, не уплачивая никаких таможенных поборов, ибо данный груз, согласно закону, стратегический и разработан с помощью технологий, не применяющихся в США. Кое-кто — в частности, мистер Пратт — этим весьма недоволен. Производство такого двигателя в России стоит в пять раз дешевле, чем у нас. Мне это обходится еще дешевле, поскольку часть взаиморасчетов с российскими производственными начальниками я произвожу в наличных. На них они покупают себе особняки в Европе и «мерседесы». И возможность бегства на Запад. Мне известно, что Пратт способен поднять по данному поводу шумиху в сенате. Посему необходим упреждающий маневр. В одном из своих научных центров я уже открыл направление, должное, как заявлено, разработать двигатели, куда лучшие, чем русские. Это ложь, акция прикрытия. Однако наши ура-патриоты воспримут подобный шаг, отбив себе ладони в аплодисментах. Одновременно это и мое алиби. Мне, дескать, унижительно таскать железо из какой-то недоразвитой страны, пора учиться создавать его самим. Только дайте деньги на изыскания, проект сугубо национальный и откровенно оборонный...

А вот сколько продлятся изыскания — вопрос, конечно же, безответный, ибо чем дольше будет продолжаться беспощинный ввоз двигателей, тем большее количество внезапных технологических проблем встанет перед учеными разработчиками...

Хотя все русские технологии уже давно у меня в кармане. Придет черед отчитываться, я сразу же их предъявлю в качестве собственного откровения.

— Пратт не знает о ваших научно-исследовательских инициативах? — спрашивает меня Брайс.

— Надеюсь, нет. Если исходить из того, что он так и норовит засунуть мне гранату в штаны.

— Коли он решится затеять скандал, — говорит Брайс доверительно, — тот обернется против него. Мы подключим прессу и обвиним его в предвзятости и в личной корысти. Вы подготовили смету на расходы?

Я вручаю Брайсу увесистую папку. Некоторое время он старательно изучает документы, пытаясь таким образом показать мне, что старается вникнуть в суть.

Его притворства хватает минуты на три. Откинув в сторону десяток последних страниц, он останавливается на итоговой цифре. Уважительно чмокает.

— Думаю, процентов тридцать отрежут экспертные оценки, — говорю я нейтральным тоном, а затем, взяв из золоченой коробочки на столе чистый листок бумаги, пишу на нем цифру, должную подогреть усилия сенатора.

Он мелко трясет головой и, вздыхая, с чувством произносит:

— Я согласен с такой постановкой вопроса...

Мы крепко жмем руки, любуясь друг другом и едва не погружаясь во взаимные объятия, что было бы чересчур, как понимаем обоюдно.

Уже на прощание он сует мне какое-то письмецо с просьбой помочь от щедрот фонду по поддержанию индейских резерваций, и я обещаю разобраться с данным вопросом, хотя, едва увидев письмецо, принимаю решение затаскать и в итоге похоронить его в недрах инстанций, сославшись впоследствии на нерадивость сотрудников. Содрать с меня вдогонку на свои политические очки Брайсу вряд ли удастся.

От сенатора я отправляюсь в наш раззолоченный особняк. Едва машина въезжает в ворота, во дворе появляется гибкий, подтянутый Ричард. Он всегда выглядит как жених на венчании. Набриолиненные темные волосы уложены ровной волной, белая сорочка слепит глаза, галстук словно с витрины, синева выбритого волевого подбородка с трещиной ямки при-

водят к мысли о тоннах потраченной им за жизнь мыльной пены, а запах дорогого одеколона настырен и резок. Он столь идеален в своей чистоплотности, что после долгого общения с ним хочется понюхать скусна.

Протягивает мне руку. Ладонь его чиста, суха и прохладна.

Ричард превосходный полицейский профессионал. Стоило большого труда убедить его покинуть службу, отказавшись от блестящей — наверняка — карьеры. Хотя тут я могу ошибаться. В отличие от коллег, стада туповатого и в большинстве своем законопослушного, ему присущи авантюризм, независимость и инициатива — качества, необходимые разведчику. То есть тому типу людей, с кем я работал лучшие годы своей жизни. Может, именно эти свойства внушили симпатии к нему. Дуболом в службе безопасности мне не нужен. Тут необходим человек, способный выполнить деликатные поручения. Те, что выходят за рамки закона. И подобного рода поручения Ричарда никогда не смущали.

Мы проходим в кабинет, ощутимо посвежевший после ремонта. Все оттерто, отмыто, в воздухе, правда, еще сквозит духом лака и краски, но через неделю это пройдет.

Ричард показывает мне несколько досье на ведущих менеджеров с последними результатами негласного наблюдения, и с полчаса мы раскладываем пасьянсы из человеческих слабостей и пороков.

Затем я даю задание выяснить все детали организации службы безопасности Пратта и взвесить возможности технической разведки в его помещениях. Свои стратегические замыслы я не раскрываю Ричарду даже намеком. Он должен знать только то, что должен знать. Как и начальник моей технической разведки и контрразведки, с кем у Ричарда хронический антагонизм. Весьма устраивающий меня, ибо, если бы эти субчики спелись, Бог ведает, что из такого содружества вышло.

Я вовремя вспоминаю, что нуждаюсь в наличных. И лезу в сейф за зеркалом, в свое надежнейшее хранилище.

Когда зеркальная гладь в бронзовой окантовке отодвигается в сторону, протираю глаза, не веря, что передо мной следы варварского взлома надежной дверцы, хранящей за собой... о Боже!

Я не верю в реальность, дергаю ручку на себя, пытаюсь подлезть ногтями под край исполосованного какой-то пилой металла, но все усилия тщетны — дверца заклинена.

Остается надеяться, что неведомые злоумышленники так и не добрались до содержимого стального ящика.

Едва преодолевая дурноту, ору в телефон секретарше, чтобы ко мне вызвали Ричарда.

Далее начинается кутерьма с появлением в кабинете разнообразных персонажей, и заканчивается она тем, что изувеченную дверцу отделяют с помощью какого-то рычага от сейфа.

После чего я убеждаюсь в очевидном: диски пропали.

Диски и деньги. Остались папки с оригиналами тех документов, за которые мои враги — в частности, тот же Пратт — удавились бы, а значит, дело пахнет обыкновенной кражей.

Диски хранились в вычурной кожаной коробке с золотым запором; вор вполне мог принять ее за футляр для драгоценностей.

Лучше бы таковые там и находились! А сейчас я в полнейшем отчаянии, ибо, всплыви этот компромат где-либо, жизнь моя не стоит затертого цента.

— Пропали важнейшие материалы, — ледяным тоном сообщаю Ричарду. — Их появление на стороне... Продолжать дальше? Или вы без того представляете себе степень ответственности персоны, отвечающей за безопасность данного помещения?

Я вижу, как его белоснежная рубашка сереет от обильного пота, хотя кондиционер включен и в кабинете ощутимо прохладно. Пот выступает у него на побледневшем лбу и струится из корней волос, тускнеющих и

слипающихся, как на дожде. Побледнели даже синеватые выбритости, и, может, к завтрашнему утру он начнет сесть. Впервые, кстати, от него пахло чем-то ему несвойственным. И тут я понимаю, что это запах источаемого им ужаса. И начинаю видеть ситуацию уже его глазами. Устремленными на меня. А мои глаза — глаза василиска. Когда я в гневе — и это говорят многие — глаза у меня темнеют и источают такую угрозу, что ответным висельникам делается не по себе. Голос становится низким, хриплым и заволаживающим, как у демона, физиономия превращается в маску.

— Это тот русский эмигрант, — безжизненным голосом говорит Ричард. — Тот, что занимался паркетом. Помните... ваша рекомендация...

— Понятное дело! Виноват я, — киваю, испепеляя его взглядом.

— Сейчас мы просмотрим все дежурные пленки. Имею в виду наружные камеры и камеры в коридорах. Все встанет на свои места.

— На свои места должно встать то, что было в сейфе! — брякаю я кулаком по столу и осклаиваюсь невольно.

Ричард пятится к двери.

Я устало смежаю веки, застывая за столом.

Если все произошедшее — происки жалкого жулика, еще не все потеплеет. Жулика мы найдем. Главное, чтобы диски не попали в посторонние руки. Вернее, ни в чьи руки! Ни к дуракам, ни к умникам!

Я вел запись заседаний Совета. Очень не хотел этого делать, но все-таки после изрядного раздумья решился. Материалы представляли собой убийственные доказательства тягчайших преступлений. Часть тайной мировой истории, ответы на тысячи загадок. Я полагал, да и полагаю, что любой ближайший друг или соратник может в итоге превратиться в наизлейшего врага, и в критический момент нашего возможного противостояния мне надлежит запастись оружием. Пусть оно не пригодится, пусть, покрытое паутиной и ржой, таится в подполе, но какую силу оно придаст в час отражения атаки или необходимого нападения! Какую растерянность и панику вызовет в противнике!

Однако я никогда не думал, что меня так просто и нагло можно обокрасть. Особняк, напичканный охраной, электроникой и запорами, неприступный, как национальное хранилище, пал под вороватой рукой какого-то незамысловатого подонка...

Совет, стань я даже его главой, никогда бы не простил мне записи совещаний. Я совершил поступок, расплатой за который будет обращение меня в ничто.

И я готов смириться с наказанием, готов хотя бы потому, что уже обреченно принял свою смертность и возможность ухода в любую минуту, но в данном случае за меня пострадают безвинные близкие люди, пострадают жестоко и проклянут меня, ибо я осознанно рисковал ими.

И тут я начинаю понимать всю хитроумную безысходность капкана, в который угодил.

Если бы кто-то похитил собственность Совета, на поиски злоумышленника поднялись бы по тревоге государственные секретные службы. И в итоге все было бы шито-крыто.

В данном же случае я — частное лицо, решающее личные проблемы. У меня масса возможностей и рычагов, но, попади после успешных розысков материалы в лапы того же Ричарда и ознакомься он с ними — кто знает, как поведет себя? И как поведут себя те, в чьем распоряжении находятся диски сейчас?

В кабинет входит осунувшийся Ричард. Его положеньицу не позавидуешь!

— Шеф, это тот русский, — сообщается мне со скорбью. — Все сходится. Мне надо знать, каким образом он здесь оказался.

Становится несколько легче. Значит, мы имеем дело с обыкновенным вором. С глупым чужестранцем, приехавшим сюда в поисках лучшей доли и,

как голодная акула, схватившим блеснувшую перед носом золотую рыбку... С разведкой русских он не связан, логика его появления здесь банальна.

Я отбрасываю страх и сомнения. Тактика поисков уже выстроилась в голове. Дело за исполнителями, и главное — проследить за отчужденностью их друг от друга, чтобы исключить утечку информации.

От Ричарда уже ощутимо разит потом. В ближайшее время он провоняет насквозь.

— Так вот... Этот парень был рекомендован вами... — мямлит он.

— Вы что, пришли меня допрашивать? — мило интересуюсь я, замечая, как колени его дрожат, подкашиваясь. — Что же, во-первых, не мной, а домоуправом, не хватало мне водить знакомства со всяким сбродом. Во-вторых, заткнитесь и слушайте. Первое. Выяснить о нем все. Адрес, телефоны, близкие родственники, круг знакомств. Распечатки абонентов. Входящие и исходящие звонки в день кражи — наиболее актуальны. Далее... Срочно поднимите данные о продаже авиабилетов. В первую очередь в Россию. Теперь что касается наших взаимоотношений. Восстановление их будет возможно лишь после того, как исчезнувшее отсюда вернется обратно. Вы поняли?

— Абсолютно, сэр!

— Кстати, сегодня ваш первый по-настоящему рабочий день. То, ради чего вы находились здесь, свершилось. В плачевном для вас варианте. Поэтому советую в самом ближайшем будущем принести мне подходящие новости. А теперь проваливайтесь!

Жуков

Сознание в полной мере вернулось к Жукову уже на выходе из аэропорта Шереметьево — до сей поры, то есть в течение всего полета, он пребывал в состоянии стеклянного и категорически принципиального опьянения.

Холодом веяло из умных раздвижных дверей, хмурилось низкое подмосковное небо, густо воняло солярой от тыркавшихся под тесным навесом автобусов; непривычной, чужой и опасной казалась жизнь за анклавом порта, уже безнадежно вышвыривающего в нее похмельного и неустойчивого пришельца в смрад, в мокреть осеннюю, в черные ледоходные трещины между капотами и багажниками.

Полыхнуло: «Диски и деньги!» И тут же отлегло от сердца, мертво держала рука Жукова заветный кейс, и промелькнул этот кейс мимо полусонных ранних таможенников, как вороватая мышь под носом кемарящего кота.

На призывные крики таксистов Жуков внимания не обратил, мрачно и целеустремленно катя тележку с вещевым баулом к рейсовому автобусу. Вспомнил невольно, как катал такие же телеги на промысле с поделеньками, и — слезно обмерла душа в понимании безысходном, что вот и все, закончилась для него Америка. Закончилась навсегда, аминь, и нет возврата в ту прошлую жизнь, вылепившуюся вдруг округло-прекрасной, с осыпавшейся шелухой пустячных невзгод.

А что впереди?

Уместившись на автобусном сиденье и положив на колени кейс, невидяще смотрел Жуков на крыши легковушек, катящих по просторной трассе к его родному городу. Городу, где он был никому не нужен, где все следовало начинать сначала. Но вот только что начинать и как?

Марк, провожавший в аэропорт, долго и нудно, как гвозди в мозг забивал, напутствовал его на прощание, не уставая при этом сетовать на идиотизм всего Жуковым свершенного. «Ради чего?! — горестно восклицал он. — Ради ста тысяч? Но ведь их эквивалент в нынешней Москве — всего лишь захудалая квартирка и среднего класса машина. Так стоило

ли городить огород? Но коли нагородил, деваться некуда. Поливай и окучивай. Но помни: отныне ты, Жуков, мишень. И если развернешься туловом поперек жизненного течения, тут же уставится на тебя рыскающий в твоих поисках ствол. И спасение твое — в ежеминутной, тщательной конспирации».

Марк дал много толковых советов, оставил номер телефона для аварийной связи, и, припоминая советы, все более трезвел Жуков, и нутро его тяжелело от страха. Все отчетливее понималось, что ушел он как заяц от погони из одного леса в другой, в соседний, но если раньше тот соседний лес для волков из-за синего бугра заказан был, то теперь — тоже их вотчина. Опять-таки — стоило ли бегать? Марк предложил: «Оставайся, есть идеи, как твои проблемы разрешить...» Однако он, Жуков, и слушать не стал никаких предложений. «Не будет здесь счастья, бежать, бежать, бежать!» — колотилось в мозгу, и он сбежал. А вот теперь пришли первые сомнения. Но — что толку? Поздно!

По расчетам Марка у Жукова после прилета были в распоряжении вполне безопасные, не омраченные никакими передрыгками сутки. С натяжкой — двое. В течение данного времени следовало навестить родителей, найти тайник для денег, а для себя — прибежище, к которому не приведет никакая старая связь.

— Запомни, — говорил Марк. — Искать тебя будут по банковским вкладам, снятию ячеек, номеру мобильного телефона, регистрации машины. Долго Жуковым тебе не пробыть. Так что делай другой паспорт. И еще: все твои знакомые — это капканы. Захочешь навестить маму? Это можно, но — исключительно по приезде. Скажешь, что в командировке, проездом в Сингапур, а оттуда — обратно в Штаты. Это она впоследствии, поверь мне, передаст заинтересованным лицам. Думаю, они усмехнутся про себя и оставят старушку в покое. Единственно — сядут на ее телефон. И проверят заодно, не зарегистрировала ли она на себя какой-нибудь сотовый...

Жуков вытер со лба липкую, как кровь, испарину. Даже невольно посмотрел на руку — нет, ничего, пот как пот...

Уже в городе он поймал левака — в этом смысле здесь ничего не поменялось, разве левак был из дремучих кавказцев и город не знал. Однако экс-таксист Жуков скоренько вывел его кратчайшим закоулком на дорогу в Измайлово, сам же ахая про себя: выстроенные в его отсутствие эстакады, дома, расширенные трассы поменяли не только облик столицы, но и саму ее суть. И эта напроць незнакомая суть, вызревшая вне его и вне его устоявшаяся, висевшая в воздухе, как осенняя мгlistая морось, была враждебна и отторгала его, странника, чужака, словно вывалившегося из прошлого в будущее.

Оглушенный подмененностью знакомого, казалось бы, города, он вошел в подъезд родного дома, поразившись царившей в нем неухоженности и бесчисленным следам подросткового варварства; поднялся на лифте, смердящем, как армейский сортир, на этаж, коленом удерживая у стенки баул, дабы тот не касался грязных обрывков линолеума, и — нажал звонок...

А далее были рыдания матери, поцелуи, восторженность узнавания знакомых вещей — примет далеко отлетевшей юности; семейный стол, байки о том, что трудится, дескать, в американской компании и в Москве всего день проездом, рассказы об Америке и ответные откровения отца и матери о здешнем житье-бытье.

Жили старики туго, пенсия позволяла балансировать на грани нищеты, а потому сотня-другая долларов, присылаемая сыночком из страны их распространения, являлась для них буквально спасением, и благодарности родителей не было предела.

Захмелевший Жуков, готовый прослезиться от умиленных воспеваний его, кормильца, и окруженный в кои-то годы искренностью, сопереживанием и любовью, решительно шагнул в прихожую, раскрыл заветный кейс

и, выдернув пачку купюр из нутра, вернулся на кухню, брякнув на стол сверток в банковской упаковке.

— На первое время вам хватит! — провозгласил торжественно.

— Здесь сколько? — с испугом спросила мать.

— Десять тысяч!

— Сынок, да ты что!

— Хватит! — с горячностью повторил Жуков, потянувшись непослушной рукой к рюмке и — отключился.

Проснулся ранним утром, с абсолютно свежей головой, в первый момент подумав, что видит сон, а потом осознал, что он дома, среди родных людей и милой сердцу обстановки: вон письменный стол, за которым когда-то делал уроки, вон книжный шкаф и томик «Трех мушкетеров», прочитанный в детстве десятком раз, его юношеские фотографии на стенах... Как хорошо, как же хорошо, Господи! Возвращение в детство — солнечное, беззаботное, исполненное мечты и надежд...

А потом, словно крысы из щелей, полезли мысли о реальности, наполненной тревогами и опасностями. И главное, не было уже в ней полета и устремления, ожидания любви, чуда и волшебства, а была безрадостная нужда выживания в мире, похожем на шулера, только и сдающего тебе карты на отбой, причем козырной пиковой масти; и решающий туз явно в руках противника...

Поворочавшись в кровати с полчаса, он встал, прошел в сумеречную предрассветную кухню, порывшись в холодильнике, нашел початую бутылку коньяка из «Дьюти фри», отхлебнул глоток...

Скрипнула дверь, в коридоре появилась мать.

— Чего не спится, сынок?

— Да у нас же сейчас... — кивнул на настенные часы. — Шесть часов утра здесь, значит, десять часов вечера там. Самый ужин.

— Может, съешь что-нибудь?

— Разберусь, иди спать...

— Что ж ты коньяк-то...

— Слышь, мать, мне ведь не пятнадцать годков...

Она обняла его, прижав к груди голову, и он едва не расплакался от любви к ней, от своего рассеянного равнодушия к здешней жизни, от вины перед своим отчуждением, наслоенным той уже дальней, жестокой и теперь ненужной жизнью в Америке, а мать говорила тихо и виновато:

— Юрочка, ты выпил вчера, мы тебя с отцом уложили, все у тебя в порядке, а, сынок? Что-то ведь не так, да?

— Да ты чего, мам?! Конечно, в порядке, ты даже в голову не бери...

— А деньги зачем такие большие с собой возишь? Вчера вон, как барин в трактире...

— Слышь, мам... — Жуков овладел собой. — Ты это... без сравнений. Деньги и деньги. Твои. Всё!

— Десять тысяч!

— Ты на меня больше потратила! Никакими тысячами не измерить!

Долгое время они молчали, обнявшись, потом Жукову захотелось курить; он легонько подтолкнул мать в прихожую, сказал:

— Все, иди досыпай... — Потом, поразмыслив, добавил: — Может, еще на день задержусь, не знаю пока...

— Еще на день?! — с восторгом воскликнула она.

— Тихо, отца разбудишь... Да, если начальство разрешит. И если билеты свободные будут, в общем...

Поколобродив еще час по квартире, он все-таки заставил себя улечься в постель и, как ни удивительно, проспал до полудня; затем позавтракал и вышел на улицу. Обменял американскую сотню на непривычные здешние рублишки и пошел в магазин за продуктами, решив порадовать стариков какими-нибудь деликатесами.

Страх и ощущение опасности, доселе жившие в нем отстраненно и умозрительно, с каждой минутой обретали силу и ясность; он физически ощущал, как отпущенное ему время свободы и безопасности истает и пропадает в никуда; так волна отлива незаметно отступает в океан, открывая влажный песок, зовущий ступить на него, но надо бежать, скоро, застилая безмятежное небо, клубясь и наливаясь свирепой литой силой, нахлынет убийственная жуть...

Он перебирал варианты дальнейшего перемещения в какое-либо жилье, соображая при этом с указаниями Марка. Всех друзей, готовых принять его, знала Лорка, а значит, если ее возьмут за горло, она всех припомнит. Были всякого рода подруги, Лоре, естественно, неизвестные, но подруги знали друзья, что в сыске означало лишь отсрочку по времени. Существовало еще несколько людей, известных только Жукову, но где они сейчас и как воспримут его после столь долгой разлуки? И как им объяснить причину своего бездомья? Существовал и иной вариант, рекомендованный Марком: тупо снять квартиру. Хотя бы на месяц. Желательно — по частному объявлению, без посредничества риэлторов. Дальше появится какая-нибудь одинокая баба, и...

Он подошел к прилавку магазина, возле которого толклись два типа. Один — лысенький, явно нетрезвый, а потому неловко суетливый, горячо убеждал другого, мрачно-сосредоточенного:

— Гена, умоляю, бери две, Гена!

— Чекушку, — не обращая внимания на подпрыгивающего лысого, цедил тот.

— Две бери, две, Гена!

— Сдача семь рублей, — попытожила продавщица, ссыпав в блюдце мелочь.

— А на сдачу «Дирол», — проронил мрачный. — Ну, жвачку то есть...

— Гена, умоляю... Какой «Дирол»? Пусть его школьники жуют! Если бы он был хотя бы со вкусом пива...

Когда же чекушка скрылась в кармане обвислой куртки бесстрастного собутыльника, лысый с тоской выдохнул:

— Как же ты меня огорчаешь, Гена... Что тут пить? Потом же весь день сплошные судороги...

— Денег нет, — отрезал мрачный и, набычившись, шагнул к выходу. Но сделать этого не сумел: Жуков ухватил его за рукав.

— Генка, ты, что ли?

— Ты кто? — воззрился на него хмурый тип и вдруг расплылся в неожиданной улыбке, вмиг просветлившей нелюдимую физиономию. — Юрок! Вот те нате! Это ж сколько лет! Это ж с выпускного, считай, вечера...

— Не, после выпускного пару раз виделись, ты забыл! — подняв палец, поправил Жуков Гену, школьного приятеля, некогда жившего по соседству. Удрученно отметил, что жестокое время не пощадило дружка детства, превратив румяного огольца с очами ангела в сутулого субъекта с потухшим взглядом и обвислой, плохо выбритой мордой.

— Встречу надо отметить... — находчиво вклинился лысый.

Гена с сожалением поглядел на карман с емкостью, явно недостаточной для удовлетворения питейных нужд столь обширной компании, но Жуков в сей же момент указал продавщице на бутылку с литровым содержанием, отметив уважительные гримасы собутыльников, а затем попросту деморализовал их, набрав всевозможной закуски и запивки.

Сам он пить не желал, а благотворительность его диктовалась охватившей сознание эйфорией от встречи с персонажем из ушедшего детства, но так или иначе события обрели закономерную последовательность: Жуков был приглашен в квартиру Геннадия и усажен за кухонный стол для принятия участия в плановой, надо полагать, пьянке с неясным исходом.

Пока восторженный лысый хлопотал, расставляя закуску и рюмки на несвежей скатерке, Юра вел неторопливый разговор с бывшим товари-

щем, глядя из окна его кухни, расположенной на первом этаже, на окна третьего этажа дома напротив, где, собственно, проживали родители Жукова.

— Вот, — между тем повествовал Гена, — живу один. Мать давно померла, с женой развелся, а детей нет.

— Повтори попытку, — посоветовал лысый.

— Я за рекордами не гонюсь, — сказал Гена. — И бутсы на гвоздь повесил.

— Это в каком смысле? — спросил лысый с ехидным интересом, но его перебил Жуков, горестно поведая:

— А я три раза, и все не в масть!

— Зато я сегодня сковородой получу — точно! — поведал лысый, намекая, надо полагать, на свой стабильный и трудный брак. — Моя такая...

— А, вспомнил! — внезапно хлопнул себя ладонью по лбу Геннадий. — Мы ж после армии с тобой виделись, пиво пили... Мишка еще был, сосед мой...

— Жив?

— Кто знает... — покривился Геннадий. — Лет семь назад заложил хату под коммерцию, а потом сгинул куда-то. Может, в приличное место перебрался. А может, того, бомжует. Из наших многие поменяли квадратные метры на кубические литры. Тут сейчас гнусно, район стал: чечен-аул! Они весь наш подъезд как тараканы оккупировали, я ни с кем не общаюсь, одна сволочь вокруг... Весь Кавказ в Москву слетелся, как коршуны на падаль. Куда ни плюнь — одна чернота! Да и попробуй плюнь — разорвут! Их тут своры. И ладно бы трудились, сопя в две дырочки! Всю торговлю под себя подмяли, все хлебные места под их прицелом, даже памятники своим деятелям ставят! Думаешь, за просто так им все позволяется? Все купили! Это ж надо — памятник какому-то Алиеву возле своей шарашки водружают! Каким боком он вообще к Москве притулился, Алиев этот?

— А они не Алиеву, они себе ставят! Они так себя утверждают! — с напором провозгласил лысый. — Мол, шабаш, наш город! Во как! Хотя какой это город! Дом на дом налезает, не воздух, а гарь сплошная, вода в кране — хлор с бензолом... Я наливаю, Гена?

— Да уж чего... В смысле — конечно... А какая раньше Москва была! — мечтательно обратился Геннадий к Жукову. — Прозрачная, просторная... И сколько дней солнечных зимой... Тьма!

— Так тьма или солнце? — сострил лысый.

— Эх! — горестно отмахнулся Геннадий. — Было время: никаких тебе барыг, ни уличных грабежей... Не, случалось, конечно, но ведь в меру... Помнишь, Юрок? Утро красит нежным светом стены древнего Кремля... А я эти розовые рассветы помню...

Пока, перебивая друг друга, однокашники предавались воспоминаниям, лысый усердно налегал на закуску и то и дело подливал водку в рюмки, причем главным образом в свою, мгновенно ее опорожняя.

— А я в Америке жил, теперь съехал, — поделился Жуков, плеснув апельсиновый сок в алкоголь и осторожно пригубив его.

— О, и пьешь как американец, — заметил лысый.

— А чего съехал? — спросил Геннадий, с недоумением уставившись на бутылку, содержимое которой уже едва прикрывало дно.

— Достала меня Америка! — искренне произнес Юра. — Жена на все бабки кинула, цены и страховки душат... Да и кто мы там?

— Как здесь айзеры, — сказал лысый. — Кстати, не познакомились: Леня!

— Не угадал, — вяло пожимая его руку, сказал Юра. — Там тебя за бабки в кресло начальника ментовки не усадят и статую Брежнева на Брайтон-бич не поставят. У них там своих героев хватает, кому почести

оказываются. Они, я вам скажу, себя уважают. Только мы для них — хлам. И на их территории, и на этой...

— Для них все хлам, — пробормотал Гена рассеянно. — Слышь, Леня, ты, фокусник, куда водяра-то делаешь? Это как ты успел?

— Чекушка у нас еще, — успокоил тот нейтральным тоном. — Я открою, ты сиди...

— Во артист... — развел руками Геннадий.

— Ничего, китайцы им еще врежут! — пообещал лысый Леня, роясь в пакете. — Это такая нация... Я наливаю, а, Гена?

— Они и нам врежут, ты не беспокойся, — в свою очередь посулил Жуков.

— Ты-то чем здесь заниматься намерен? — спросил он Юру.

— Может, в такси... Может, на стройку... — пожал плечами Жуков. — Паркет я там научился класть. Шов в шов.

— Для этих профессий здесь своя эмиграция имеется, — сказал Гена. — Бывшие братские народы Эссе-се-сер. Э, Леня, ты чего без нас-то хлебаешь, змееныш?

— У вас все разговоры умные... — вздохнул Леня, пожав плечами.

— Да пусть человек выпьет, если душа просит, — сказал Жуков. — А ты где и кем?

— Свободный предприниматель, — ухмыльнулся Геннадий. — Так... Всякие делишки. Я ж на оборонном заводе работал, — поведал грустно. — Ну, фрезеровщик шестого разряда, потом классным лекальщиком стал, а что такое лекальщик? Высшая каста! Ловля долей микронов! И что? На заводе теперь пивной склад, куда станки делись — загадка, на лом пошли разве? На лом, точно! К ним умные руки нужны, а эти руки тоже на лом выброшены. Кстати, у нас один токарь в Штаты подался и пристроился там — будьте-нате! С ходу взяли!

— А вот ты зря не уехал, — икнув, скорбно качнул головой Леня, склонившийся над жестяной банкой с красной икрой, откуда скаречно выковыривал осклизлой вилкой липкие алые шарики и тут же судорожно их поедал. — Жил бы сейчас как мистер-твистер...

— А родителей больных куда деть? А язык? Да и вообще я русский... Этот вот, — кивнул на Жукова, — Юрка, всегда авантюрист был. Еще в школе помню... Подначил меня, хорека, по два дневника завести: один для родичей, другой — для учителей. Ну и раскрыли нас. Еще бы! Сплошные пятерки, дома зацеловывают, а в журнале — стаи «журавлей»... Месяца три кайфовали, а потом созвонилась завуч с мамами-папами, и — конец афере! Идем из школы, а он говорит: «Все, хана, здесь не жизнь, выпорют и сгноят за учебниками. У меня есть двенадцать рублей, давай бежать в Турцию...» На полном серьезе подбивал. До Батуми, мол, на крышах поездов доедем, а там — переплывем.

— Диссидент с детства! — клюнув носом, произнес Леня. Затем, двумя руками взяв опустевшие бутылки, уткнул горлышками в свою рюмку. Глядя на стекающие со дна капли, восхищенно прошептал: — Великая вещь сила тяготения!.. — Затем, неверной рукой выставляя тару под стол, сверзился с табурета и, попытавшись подняться, схватился за ручку холодильника, отлетев вместе с распахнутой дверцей прямо на колени Жукова, чудом удержавшегося на стуле.

— Готово дело, — угрюмо покачал головой Геннадий.

Стараниями собутыльников выведенный из строя товарищ был провожден в одну из комнат и помещен на диванчик, где тут же надсадно захрапел, уткнувшись носом в прокишшую подушку.

— Часок продрыхнет, отойдет, — умудренно рассудил Геннадий, возвращаясь с Юрой на кухню. — Пустой человечиска! Но так, кое в чем помогает...

— А ты чего, слесаришь? — спросил Жуков, разливая по стаканам сок из пакета.

— Так, частным образом.

— И чего именно?

— Разное... — прозвучал подчеркнуто-уклончивый ответ.

Замолчали, думая каждый о своем. Однако в размышлениях обоих несомненно общим было обреченное осознание безрадостности нынешнего бытия.

Они были осколками прежней советской системы. Ее обколотыми кирпичами, некогда сцементированными в монолите единого здания, что обветшало, пошло трещинами и в конце концов рассыпалось благодаря стараниям всякого рода внутренних и внешних разрушителей.

Для Юры же разницы между советским социализмом и американским капитализмом в принципе не существовало. Он всегда полагался на себя, не верил в лозунги, на пенсии и государственные подачки не рассчитывал, полагая, что надо всегда работать там, где можно еще и украсть. Украденное при социализме компенсировало спекулятивную стоимость дефицита, украденное при капитализме — расходы на текущую жизнь. К идеологическим постулатам любого толка он был абсолютно равнодушен, воспринимая их с уважительной глухотой.

— Слышь, Ген, — сказал Жуков вдумчиво. — Я здесь второй день. Ничего не понимаю, пень пнем, но дело такое... Наколобродил я в Штатах. И жить у родителей — стремно.

— Чего именно натворил?..

— Подделка кредитных карт.

— Значит, кинул Америку? — расплылся Гена в одобрительной улыбке.

— Типа того.

— Так ты ж герой! Нанес урон противнику!

— Который сейчас — начальник и командир. По всему миру, — скорбно сказал Жуков.

— Эт точно.

— Короче: я в бегах, и на первое время надо где-то упасть...

— Да живи! — развел руками Геннадий. — Три комнаты... И подсобка. Там иногда у меня товарищ ночует. Пожарный, классный мужик. Познакомлю...

— Не, я платить буду, ты не думай, что халява...

— Разберемся, — сказал Геннадий. — Ты не смотри, что я сегодня без денег, просто поистратился на запчасти для одного заказа. А послезавтра пару тысяч зеленых срублю, как саблей с куста. Кстати, можно подумать и о совместном бизнесе... Только пока без вопросов, понял? Я еще покумекать должен. Дела у меня... деликатные. Когда перебираешься?

— Что, если завтра с утра?

— С утра меня не будет. — Геннадий прошел в прихожую, порывшись в шкафчике, вернувшись на кухню с парой ключей. Протянул Жукову. — Держи.

Марк

Едва грузная фигура Жукова скрылась в суматохе толпы у входа в аэровокзал, Марк незамедлительно отправился к морпеху Виктору.

Им владели тревога и досада. Отъезд Жукова в Россию он расценивал как серьезную ошибку, способную обернуться плачевными последствиями. План дальнейших действий, уже окончательно утвердившийся в его сознании, требовал слаженной работы именно трех людей, сплоченных общими интересами, но тупой носорог Жуков ничего не желал слушать, захваченный стремлением к немедленному и, как ему казалось, спасительному бегству. Паникер — партнер ненадежный, а к тому же, как рассудил Марк, в той игре, что теперь предстояла, Жуков мог быть полезен в каче-

стве фигуры технической, но да и только. Пусть улетает. На развитие событий его исчезновение не повлияет.

Виктора он застал в состоянии крайнего и беспросветного уныния.

Облаченный в драные спортивные штаны и облезлую футболку, он сидел за бутылкой пива на кухне. Лицо его было печальным и тусклым. Угрюмо пригласил Марка составить компанию, а затем поведал, что вчера его покинула супруга, переместившись к какому-то перспективному американцу.

— Этого следовало ожидать, — пожал плечами Марк. — Девка с университетским дипломом, с языком, на хорошей работе... А теперь посмотри на себя. Грубиян, матерщинник, лицо без определенных занятий. С уголовными, замечу, наклонностями. Но может, оно и к лучшему.

— Что она свинтила или что я с наклонностями? — вяло поинтересовался Виктор.

— Что ты свободен от обязательств, — пояснил Марк. — Поскольку сегодня твоя жизнь в корне поменяется. Так что утри слезы, они тебе еще понадобятся. — И, не дожидаясь реакции компаньона на такое заявление, изложил ему суть случившегося с Жуковым.

Виктор слушал молча, поскребывая ногтем плотную щетину на подбородке.

Что удивительно, никакого возмущения или недоверия информации о том, что заправили самой — ха-ха! — демократической страны могли угробить сотни соотечественников и разворотить сердце Манхэттена, после чего преследовать с целью убийства тех, кто приблизился к их тайнам, Виктор ни в малейшей степени не выказал, приняв как должное и вполне естественное. А Марк в какой уже раз скучно убедился в несправедности этого мира, понятной в общем-то каждому. И в этом понимании существовало довольно циничное смирение, ибо без него невозможным становилось индивидуальное тихое процветание. Либо устремление к таковому.

— А если включить дурака? — спросил Виктор. — Ничего не ведаем, вообще какие претензии? Проблемы Жукова пусть решает Жуков.

— Наши проблемы в том, что мы свидетели, — ответил Марк. — И не по делу о кражонке в супермаркете. Нами займутся всерьез и предметно. А у тех, кто нами займется, поверь, логика бестрепетная. Цацкаться с какими-то невразумительными субъектами они не станут. Кто мы здесь? Мусор. И цена нам — цена двух патронов. Но если ты большой оптимист, продолжай пить пиво и жди, когда сюда придут нехорошие ребята.

— Ты знаешь, — раздумчиво произнес Виктор, — жизнь штука непредсказуемая. Может, не все так и сурово? Может, обойдется само собой, а мы сгоряча накуролесим чего и подставимся?

— Согласен, — кивнул Марк. — Вначале понаблюдаем за развитием ситуации. Но — со стороны.

— А как же работа, квартира...

— У меня есть деньги, — сказал Марк. — И я готов закрыть ими наши проблемы. И наши действия, если таковые потребуются.

— Какие действия? — приподнял лomanую, в шрамах, бровь Виктор.

— Нам надо устранить источник проблемы — мистера Уитни. Если все замкнуто на нем, есть шансы выжить. Если же существует коалиция, наша борьба безнадежна. Будем бегать.

— До первого полицейского, — заметил Виктор.

— Почему? У меня найдутся комплекты подходящих документов. Да и у тебя тоже. Главное — исключить прецеденты с отпечатками пальцев. То есть существовать законопослушно. И прилежно рассчитываться за покупки в супермаркетах.

— А жить где будем?

— У одной хорошей знакомой. Сегодня я тебя с ней сведу. Дама уже два месяца без мужского внимания. Ее приятель сидит за ограбления юве-

лирных лавок. Может, слышал? Там человек восемь по делу проходят... Дамочка нуждающаяся, раньше пела в ресторане на Брайтоне, сейчас списана с эстрады по возрасту. Но так, ничего еще... Денег за приют я ей подброшу. Легенда такая: у нас неприятности с ментами, надо на время заперошиться... Тема ей знакомая и понятная. Отношение к теме: привычно-уважительное. Но сразу предупреждаю: фактор материальный для нее не главное...

— Так. Вас понял, — вздохнул Виктор. — Ты ни при чем, а мне, значит, отдуваться?

— А как ты думал! Заодно отвлечешься от семейной драмы. Новые впечатления.... Это жизнь! Я уже напел ей про красавца из морской пехоты...

— А там не крокодил какой-нибудь? Как в песенке: глаза как две смородины, а ротик словно щель... Эх, мама моя, Родина, и где моя шинель?

— Ну, тридцать килограммов тому назад я посчитал бы ее подарком судьбы, — сказал Марк, — но и сейчас не испытываю к данной леди чувства брезгливости. На неделю тебя, судя по всему, хватит. А большего, возможно, и не потребуется.

— Почему на неделю?

— Если враг агрессивен, за неделю он себя проявит. И мы вступим в противоборство.

Длинным, решительным глотком допив пиво из горлышка бутылки, Виктор принялся собирать вещи.

К ресторанной певице в отставке Лиле Квасневской они прибыли уже под вечер, кряхтя от тяжести увесистых пакетов с бутылками и снедью.

Застолье, призванное укрепить взаимные симпатии, было обильным и долгим. Горячо обсуждались разнообразные темы. Степень выпитого благоприятно сказывалась на восприятии Виктором подувядшей эстрадной красотики. Взор немигающих глаз прирожденного убийцы заметно теплел, останавливаясь на округлостях, призывно выпирающих из-под тугого декольте.

Со страданием в голосе Лиля поведала об утрате дружка, надолго обособившегося в казенных стенах узилища, даже всплакнула ненароком, но, утерев слезы, приподнято заметила, что жизнь тем не менее продолжается, да и вообще каждому свое...

Утром Марк прилепил усы, окладистую бороду, нацепил на нос очки, укрепил на голове парик и натянул на него шерстяную вязаную шапочку. Расправил седые лохмы, свисающие на щеки. Надел тяжелые строительные башмаки и грязноватую бесформенную куртку, напоминающую просторный балахон. Сунул подмышку тяжелую трость.

Он вышел из дома по черной лестнице через подвал и побрел к океану, постепенно проникаясь ролью городского бродяги. В пляжной зоне Брайтон-бич и на его улочках подобных типажей встречалось немало, и публика лишь скользила по ним отчужденными взглядами, тут же отворачиваясь. Вид чужого несчастья малопривлекателен, и каждый спешит обойти его стороной, как бы не замечая, со смесью сочувствия и эгоизма.

По пути Марку встретились парочка знакомых, рассеянно посмотревших на него и тут же прибавивших ходу, с участливым презрением покоился на пожилого бездомного патрульный полицейский, захлопнул перед носом дверь хозяин продуктовой лавчонки, куда бродяга было сунулся за пивом... То есть в образе, как понял Марк, он состоялся.

Хромая, тяжело опираясь на трость, он, сгорбившись, словно под тяжестью судьбы, продолжил свой путь в закоулки района, прошел мимо свалки запакованного в пластиковые мешки мусора, нырнул в тупик между гаражами и здесь, переведя дыхание, осмотрелся.

Из-за угла в сотне метров отсюда виднелся его дом. Дверь и кованая металлическая решетка, прикрывающая ее, были закрыты. Ни малейших

следов постороннего присутствия. Только глухой микроавтобус, припаркованный на противоположной стороне в ряду других машин, внушал подозрения. В нем вполне могли находиться «наружники». Стоило возле автобуса пройти, хотя вряд ли что это дало бы. «Наружка» в России порой вычисляется по горке окурков, выброшенных из пепельницы автомобиля под бордюр тротуара, но здесь, в Америке, курящие менты становились редкостью.

Одним движением Марк нырнул под ветровую доску гаража, обрамленную пластиком, нащупав в пыльной нише загодя припрятанный здесь приемник. Присев за мусорными баками, посмотрел в оконце устройства, где виднелась кассета. Записанная пленка была отмотана на две трети. «Жучок», установленный им в гостиной своего жилища, был настроен на спящий режим и начинал активную передачу лишь в том случае, если в покинутом доме появятся посторонние.

Значит, они появились. Аппаратура, вывезенная им из Союза в эмигрантском багаже, сработанная техническими специалистами еще из бывшего КГБ, в очередной раз не оплошала.

Сунув приемник в карман, он привстал и, уже не оборачиваясь на дом, побрел прочь, в сторону шумной Кони-айленд авеню. Ноги слушались плохо, обморочно подкашиваясь, и трость в самом деле служила изрядным подспорьем.

Вновь возвратившись к океану, он уселся под навесом, сунул штекер наушника в гнездо и, прикрыв ухо ладонью, включил воспроизведение.

Нежно зашипела пленка. Послышалось какое-то звяканье, затем протопали чьи-то шаги. После раздался жесткий мужской голос:

— Он куда-то уехал, причем спешно. Смотри, свежая пара носок за дверью, похоже, выпала из саквояжа...

— Тут следы срочного сбора, это очевидно, — поддакнул другой голос.

Затем тренькнул телефонный звонок. После некоторой паузы жесткий голос поведal:

— Эдди, звонил Майкл. Второго русского тоже нет, но их вчера видели выходящими с сумками из дома.

— На какой машине они уехали?

— Это отрабатывается.

— Похоже, у них какая-то банда...

— Разберемся! Принимайся за дело, мы все должны осмотреть.

— Ты глянь, сколько у него тут дискет...

— Складывай в сумку. Все до единой, как приказано.

В наушники раздался какие-то технические звуки, похоже, сыщики произвели обыск, переворачивая мебель, простукивая стены и пол.

— Здесь работает передатчик! — донеслось внезапно с интонацией испуга и гнева. — Сукин сын слушает нас!

Марк неверной рукой выключил приемник. Сердце подпрыгнуло к горлу и тут же стремительно упало вниз, заняв болезненно.

Тяжело вдыхая упругий океанский воздух, он силой воли заставил себя вновь включить аппарат, но ничего, кроме неясных шорохов, на пленке уже не было.

Невольно стало жаль мощного «жука» штучного производства, наверняка конфискованного. Да и много чего было жаль.

Он поежил, унимая лихорадку испуга. Дошло: те, кто начал охоту, легко переиграли его хитроумный, казалось бы, ход со сторожевой техникой. Вычислить радиус действия передатчика не представило для них труда. Значит, район блокирован и набит ишейками.

Но горячие безуспешные розыски прошли еще вчера, они наверняка пытались обнаружить его неподалеку от дома. В машине, с приемным устройством в руках. Если расспросить публику, откроется, что вчера в Бруклине шерстили всех водителей без разбора. Только это уже не актуально.

Словно в подтверждение его мыслей, вдруг взвыла поблизости полицейская сирена, а после на дощатый помост набережной выкатилась белоголубая машина, притормозила возле него; скосившись, Марк поймал на себе взгляд патрульного, черного, с плохо выбритой, злобной мордой; тот что-то сказал своему напарнику, после махнул рукой с бледной ладошкой, и машина неспешно покатила по громыхающему настилу прочь.

Максим Трофимов

Я заворуженно смотрел, как в прозрачном пространстве под крылом заходящего на посадку самолета появляется то, чего я не надеялся никогда и увидеть, — Америка! Ее широченные автострады с округлыми петлями развязок, густые черно-зеленые леса и нескончаемые скопления аккуратных домиков с голубыми нишами бассейнов. Если бы я летел сюда в качестве туриста, восторгу и любознательности, наверное, не было бы предела. Но сейчас мною безраздельно владела тревога, и я был сгруппирован так, будто в любой момент меня могли выкинуть с этого самолета окружающие парни в камуфляже, радостно и возбужденно галдящие. В их бодрой толпе я вышел на бетонную полосу, где был мгновенно отсортирован от вернувшихся на отчизну счастливых и вывезен в сторону строения казарменного типа.

Внутри строения располагались многочисленные кабинеты, в одном из которых меня усадили на стул и оставили в одиночестве.

Я глазел в окно, отгороженное от меня письменным столом и креслом, осененным торчащими с двух сторон американскими флагами: одним общегражданским, а вторым — явно милитаристским. В окне виднелось летное поле с пятнистыми самолетами, ползающими, как выводок жуков. Проезжали заправщики с оранжевыми цистернами, сновали джипы с белыми звездами на дверцах.

Затем в кабинет зашел офицер с бритым затылком и налитыми бицепсами, приказав следовать за ним.

У дверей казармы стоял какой-то невероятный лимузин, длинный, как атомная субмарина. В актуальной обстановке армейской части он выглядел столь же неуместно, как балерина в строю новобранцев. Судя по недоуменным взорам проходивших мимо солдатиков, возникновение данного вида транспорта в здешних местах было в диковинку.

Между тем появился негр в белых штанах, белой фуражке и красном кителе с золотыми пуговицами. Услужливо склонившись, распахнул заднюю дверь. Я замешкался, нисколько не ассоциируя свою убогую личность с роскошным авто, но рука негра, также в белой перчатке, настойчиво указала мне путь в салон, и я проследовал в предписанном направлении. Туго и мягко хлопнула дверь. Лимузин тронулся в неведомый путь.

Впервые за долгие дни я оказался в полнейшем одиночестве, если не считать едва видневшейся вдалеке, за темным стеклом, головы шофера.

Для связи с ним, видимо, полагался телефон, прикрепленный к обтянутой бежевой кожей стойке. Слева размещался пузатый бар из карельской березы, в дальнем углу — панель телевизора, а под ногами — шелковистый ковер дорожки, окаймленной неоновыми светлячками.

Я, конечно, предполагал существование подобных автомобилей, словно пропитанных изыском и роскошью, высоким вкусом и надменностью власти, но свое присутствие здесь ощущал как плебей во дворце, маясь то ли неловкостью, то ли ущербностью. А задавшись вопросом: «Нужен ли мне такой лимузин?» — понял, что нет. Он мне был чужд своей вычурной сутью. Как золотой унитаз.

Зато ухоженные лужайки и один другого краше домики на тихих улочках под тенистыми вековыми деревьями, проносящиеся в окне, внушали

буквально благоговение. Здесь была жизнь, не имеющая ничего общего с нашей новомодной коттеджно-гнездовой культурой, ее однородным красным кирпичом, глухими заборами и нахрапистой отчужденностью от остального мира.

Мы проехали какие-то ворота, после потянулся ровный, как скатерть, газон с островками пышных розовых кустов, и наконец машина замерла под навесом у входа в особняк.

Передо мной торжественно раскрылись массивные двери с витыми вертикальными ручками из надраенной бронзы. Подобные я видел на парадных дверях нашего министерства обороны и, по-моему, КГБ.

Я ступил в полутемный мраморный холл с фонтаном, подсвеченным разноцветными огнями и со статуями в стенных нишах.

По пути сюда я ожидал чего угодно: свору жестких ребят, стремительный допрос с рукоприкладством, камеру с нарами и засовами, но все эти угрожающие образы, витавшие в сознании, мигом растаяли, когда на лестнице появилась высокая, статная женщина в длинном шелковом платье с просторными рукавами. На вид ей было едва за сорок, но фору она могла дать и двадцатилетним моделям с глянцевых обложек, настолько безупречными были ее фигура и черты лица.

Растерянно и мило улыбаясь, она спустилась ко мне, замершему, как воткнутому в песок лом, коснулась губами моей щеки и приветливо произнесла:

— Экий, оказывается, у меня племянник... Я — Барбара. Ну, что же, пойдем, Роланд...

Светопреставление началось!

Я проходил, стыдась солдатских башмаков, по вошеному широкому паркету сквозь анфилады комнат, меня представляли шмыгающей тут и там прислуге, почтительно кивавшей и вежливо пожимавшей руку; пару раз я наткнулся на каких-то коротко стриженных типчиков в костюмах и с наушниками — эти мне были близки и понятны, эти, или подобные им, со мной, видимо, в итоге и разберутся...

Затем я познакомился с шустрым мальчуганом, рассмеявшимся над моим неуклюжим английским и тут же с гиком умчавшимся по коридору к неведомым забавам; после я оказался в гостиной за столом.

Меня накормили пищей, о существовании которой я и не подозревал: прозрачная слюдянистая лапша с побегами бамбука, диковинная рыба в соусе и с диковинными овощами, а может, овощи на самом деле были фруктами; свежавыжатый сок какого-то тропического плода и, что я распознал доподлинно, сливочно-земляничный торт.

Из пояснений толстой пожилой негритянки, прислуживавшей за столом, я уяснил, что это очень качественная и полезная для здоровья еда. Но тут и пояснений не требовалось, одного взгляда было достаточно.

Барбара, сидевшая напротив, смотрела на меня с симпатией и интересом, задавая вопросы о семье, работе и планах на будущее. Ответить ей что-либо конкретное я не мог, отделяваясь уклончивыми фразами, и в итоге виновато сослался на неважное знание английского, что было чистой правдой. Я и в самом деле понимал ее наполовину, если не на треть.

После такого заявления в глазах ее появилось сочувственное понимание моей недоразвитости.

— Сейчас приедет Нина! — сообщила она с подъемом в голосе. — Моя дочь. Вот кто будет учить тебя языку, как я сразу не сообразила! И мы вместе поедем за покупками. Генри сказал, чтобы мы тебя приодели. Да!.. Пойдем, я покажу твою комнату.

Наверное, это была лучшая из всех комнат, в которых я жил.

Широченная кровать с парчовым покрывалом, огромный телевизор со спутниковой приставкой, пухлые кресла, зеркальный шкаф, встроенный в стену, и ванная комната с джакузи, сотней полотенец на полках, паровой кабиной и сантехническими агрегатами.

— Мы должны купить тебе одеколоны, бритвы, словом, все, что сочтешь нужным, — говорила между тем Барбара, увлекая меня обратно, в небольшой холл перед комнатой, в простенке которого стоял огромный стеллаж с толстенными прозрачными полками, заполненными потешными фигурками из хрусталя и цветного стекла.

Присмотревшись, я понял, что это всевозможные клоуны — в разных нарядах, позах, с собачками, шариками, котятами и цветочками. Верхнюю полку стеллажа венчала бронзовая фигура какого-то индийского божка, восседавшего на троне.

— Это коллекция Генри, — пояснила хозяйка дома. — Он собирает ее более двадцати лет по всему миру. По-моему, таким образом он убивает время в чужих городах, шляясь по разным стекольным лавкам. Но все равно симпатично, не правда ли? Кстати, теперь эта коллекция стоит уйму денег!

Я промямлил, что коллекция действительно великолепна, хотя, как прикинул, предложи мне ее, вряд ли взял бы и даром, а широченный стеллаж наверняка бы занял половину спальни в моей московской квартире. Что же касается особняка, то, достанься мне таковой, вряд ли я смог бы жить в пугающей громаде подобных пространств.

Мы вновь вернулись в гостиную, напоминавшую тронный зал, и уселись пить чай, когда в дверях появилась простецки одетая девушка: в босоножках, художественно изодранных джинсах и простенькой майке.

Я сразу понял, что это та самая Нина. В меру худенькая, высокая шатенка с косичкой-хвостиком, перехваченным заколкой. Губы ее были чувственно и призывно пухлы. Чем-то она напоминала Барбару, буквально сиявшую женской породистой зрелостью, но была еще по-девичьи хрупка, а слегка выдающиеся скулы и ясные серые глаза, в которых сквозило упрямство, выдавали явно критичный склад ума и даже некоторую недобржелательность натуры, что невольно укололо меня и заставило пододбаться. И еще. На меня накатила какая-то непонятная тревога. Но в ней не было предощущения опасности. И в следующий миг я понял, что, возможно, судьба свела меня с той, что и станет частью судьбы...

Я даже опешил от такого внезапного и пронзительного озарения, словно опьянившего меня, а после, будто встряхнувшись, с ироничной любезностью пожал ее руку. И поймал на себе изучающий взгляд. И уверенно прочел в этом взгляде дрогнувшее: «Неужели?»

Она не сводила с меня испытующего, даже слегка испуганного взгляда, от которого поднималась сладкая, как тающая сахарная вата, волна взаимного понимания и первой божественной влюбленности. Мы словно застыли одни в этом мире, поедая друг друга глазами, а все окружавшее стало блеклой, неясной декорацией. Лишь отстраненно доносилось щебетание Барбары, подливавшей чай...

— Так ты что, шпион? — сорвалось с губ Нины, словно плевок. А взгляд тут же померк, заволокшись брезгливым предубеждением.

«Шпион» прозвучало как «вор». Кстати, вполне равнозначные понятия. Крах начавшейся любви.

— Я не шпион, — произнес я надменно. — Я — солдат. И кстати, тетя Барбара, завтра надо снять швы. Меня задело осколками. Кто-нибудь здесь умеет это делать?

— Извини, Роланд, — зардевшись, произнесла Нина. После, неопределенно пожав плечами, отвела взгляд.

А Барбара, с покровительственной улыбкой разведа свои царственные руки, пояснила:

— Ты, наверное, знаешь... Дядя Генри работал в ЦРУ. Нина терпеть не может его бывших сослуживцев. Я, кстати, тоже. Не знаю, вмонтированы ли здесь их омерзительные микрофоны, но я еще и еще раз повторяю: это низкие, нечистоплотные люди. Обман, шантаж, любая гнусность — норма их жизни. А любое проявление жалости, бескорыстия, любви, наконец, — патология. Каким образом мой Генри мог там служить — загадка.

Впрочем... Нет, он просто сильный человек. И мудрый. Мне бесконечно жаль, что ему приходится и сейчас иметь дело с этой публикой. А кстати, где тебя ранило?

— Россия, Кавказ... — промямлил я.

— И что ты там делал?

В глазах Нины вновь появился интерес. Но такой, вежливый.

— Консультировал... — ответил я с подчеркнутой неохотой.

— Ну и не надо тебе туда больше, — подвела итог Барбара, вставая из-за стола. — Завтра съездим в госпиталь, тебя осмотрит врач. А сейчас — в магазин. Ты перепугаешь всю округу этой ужасной формой. Нина, составишь нам компанию? Вернее, ты должна ее нам составить. Мои вкусы несколько старомодны. И еще: займись его английским!

Ни малейшего восторга слова родительницы в Нине не вызвали. Любость, похоже, и в самом деле вошла в дверь, ведущую на выход. Если в ней и возник какой-то порыв, его скомкал привычный скепсис, бог ведает откуда взявшийся, но явно преобладающий над легкомысленными чувствами.

Впрочем, я не терял надежды.

На том же самом лимузине, оказавшемся, как мне разъяснили, переделанным в автобус «роллс-ройсом», мы, попивая холодное шампанское из бара, покатали в крупнейший магазин, где закупили две корзины шмоток и пакет бытовой мелочевки. При этом моими вкусами мало кто интересовался, да я особенно и не выступал, покладисто мыча и тараща глаза на растущую грудку своего будущего гардероба.

Неподалеку от кассы на длинном столе сортировали костюмы двое служащих. Я не без любопытства прислушался к их разговору.

— Тебе надо учить английский язык! — наставлял чернокожий рыжего, худенького парнишку.

— Да я... британец! — возмущенно пыхтел тот.

— Я знаю, что ты иностранец, о том и речь... Твой акцент — какой-то кошмар!

— Вроде бы купили все, что надо, — отвлекла мое внимание Барбара.

Увидев финальный счет, я невольно переменялся в лице, но она, выставив вперед ладошку, заверила, что все, дескать, «о'кей» и мое дело здесь сторона.

Я, покоровшись дамам, горячо обсуждавшим качество кройки и шитья, смиренно подумал, что недалек тот миг, когда данный счетик мне пристрочат суровой ниткой к заднице, и не пора ли, впервые оказавшись на свободе, слернуть куда-нибудь подальше, но только куда?

Единственно разумным представлялся визит в российское посольство, однако путь из него лежал в застенки спецслужб, а после — в тюрьму.

Нет, с поспешными действиями торопиться не следовало. И, погрузив обновки в чрево лимузина, я в компании милых благодетельниц, покатали на экскурсию по Вашингтону, располагавшемуся поблизости.

Ничем примечательным столица Америки не выделялась. Так, городишко. И Белый дом с нашим московским Кремлем ни в какое сравнение не шел.

Видя кислую реакцию на проносящиеся в окне достопримечательности, Барбара заявила, что мне необходимо съездить в Нью-Йорк и в Лас-Вегас, вот там, дескать, жизнь! Но это уже решит мистер Уитни, должный вернуться завтра.

Ее слова меня не вдохновили. Значит, завтра и может произойти позорное и неотвратимое. Хотя, что немало обнадеживало, могущественный дядя Генри, судя по словам Барбары, в глаза меня не видывал, и прикинься я простаком со слабым владением английского языка, игра в бедного родственника могла бы и затянуться.

Вечером за Ниной заехал высокий, атлетического сложения парень, представившийся Томом, и на открытом двухместном «порше» они укачи-

ли куда-то веселиться. Формально я был приглашен в компанию, и мне даже предлагался «роллс-ройс», но я посчитал нелепым тащиться в одиночестве на лимузине за спортивным авто лихой парочки, у которой наверняка имелись свои планы.

Я поймал себя на мысли о том, что здорово расстроился из-за этого счастливица, умыкнувшего Нину. Везучий парнишка. Живет, чувствуется, припеваючи, входит в круг избранных. И куда я лезу? А затем подумал, до чего же неумен человек в своих устремлениях! Ведь еще утром я опасался, что не доживу до вечера, а сейчас озабочен, как отбить девчонку у здешнего холеного жеребца!

К вечеру куда-то отлучилась и Барбара, заботливая повариха Клэр накормила меня ужином и отправилась ухаживать за каким-то котом, любимцем мистера Уитни, серьезно, как я понял, прихворнувшим.

Я же пошел в свою комнату. Отмокнув в джакузи, улегся на восхитительное парчовое ложе и включил телевизор. Долго перебирал спутниковые программы в поисках родной, российской.

Согласно легенде, русский язык я знал, поэтому, подсматривая кто за мной, такому выбору было логичное объяснение.

— Ты то включаешь, то выключаешь, положи пульт! — внезапно произнесли по-русски откуда-то из угла комнаты.

Я вздрогнул, подскочив на кровати. Мгновением позже понял: голос шел из динамика. Я нашел-таки отечественную программу с каким-то фильмом, откуда и взялся данный текст.

Я с печалью покосился на телефон, стоящий на тумбочке, — вот бы позвонить маме! Ведь для нее я — без вести пропавший, и что с ней происходит сейчас, трудно и больно представить. Но звонить отсюда нельзя. Звонок подобен самоубийству. Ведь, как ни крути, а сейчас я был разведчиком в стане врага. Не было только сопереживающих мне руководителей и благодарной отцизны. Впрочем, судьбы многих разведчиков, кто этими категориями по праву обнадёживался, были куда хуже моей. Они рассчитывали на признание заслуг, а получили обратное. Я же не рассчитывал ни на что. Разве на самое худшее. И был готов к нему. И в этом видел силу своей позиции.

Между тем на экране мелькали милые сердцу московские улицы. И люди с близкими сознанию заботами.

После новостей началась премьера сериала, следом — какая-то передача, — кстати, про знаменитых шпионов, — и я не заметил, как наступила глубокая ночь. Однако спать категорически не хотелось.

Зато остро хотелось пить. В другом случае я не побрезговал бы водой из крана, но образ здешней жизни невольно склонял к привередливости, да к тому же припомнилось, что в гостиной на столе остался целый поднос с бутылочками минеральной воды. Этот поднос предстал перед глазами: мельхиоровый, с пузатыми зелеными пузырьчиками, таящими в себе чистую, готовую зашипеть на губах упругими пузырьками живительную влагу...

Искушение было настолько сильным, что, всунув ноги в тапочки, я в одних трусах вышел из комнаты в темный, как пропасть, коридор. Ставни на окнах были опущены, и свет с улицы не пробивался. Вдалеке, у лестницы, ведущей в холл перед гостиной, тускло мерцал с нижнего этажа едва различимый огонек какой-то лампы.

Я с трудом обнаружил выключатель и, нажав на кнопку, осветил-таки наконец длинное коридорное пространство.

Пройдя в гостиную, выпил три бутылки подряд, посидел в одиночестве, наслаждаясь ранее неведомой мне роскошью быта сильных мира сего, а после пошел обратно.

Поднимаясь по лестнице, я совершенно механическим жестом выключил бра на стене, посчитав излишним расход ночного электричества, и двинулся вверх.

Когда дошел до середины лестницы, свет в коридоре погас. Вероятно, перегорела лампа. Меня окружила крошечная тьма. Но, не теряя присутствия духа, вспоминая пройденные ориентиры, я довольно уверенно продолжил свой путь. Шел строго вперед, с вытянутыми перед собой руками, должными в итоге упереться в заветную дверь спальни, но, когда, казалось, достиг ее, ладони уперлись в стену. Я принялся судорожно шарить в пространстве, но всюду наткнулся на архитектурные выступы и углы. И вдруг на полу различилась едва заметная полоска света. Наверняка от телевизионного экрана, свет которого пробивался в нижнюю щель заветной двери. Я решительно шагнул в ту сторону.

И — наткнулся на проклятый стеллаж! Послышался удар тяжелого металла по стеклу: это сверзился пудовый индийский божок, стоявший на верхней полке. Осознание случившегося было мгновенным.

После, как взрыв гранаты, обрушилась вниз сама полка, а затем звон, стон, дребезжание и уханье разлетающегося стекла оглушили меня, судорожно и потерянно застывшего в непроглядной черноте.

Я бывал в переделках, дважды попадал под артобстрел, но такого страха и беспомощности не испытывал никогда. Страх, впрочем, был не перед битыми стекляшками, да и не страх, а стыд — перед теми, кто приютил меня, накормил и обогрел, а я...

В коридоре вспыхнул свет, показался весьма целеустремленный, в костюме с галстуком паренек. С нацеленным на меня «узи».

Следом возник другой. Затем появилась прислуга, а после — заспанные Барбара с Ниной, зябко кутавшиеся в халаты.

Я, как мог, объяснил им причины произошедшего несчастья, то и дело вытряхивая из шевелюры осколки хрусталя.

— Хорошо, что не порезался, — сказала Барбара. — Но как это объяснить Генри... Он будет страшно расстроен...

А Нина внезапно зашлась в неумном хохоте, глядя на мою жалкую физиономию.

— Полагаю, ты внесешь немалое разнообразие в нашу жизнь! — посулила она, обращаясь к угрюмому сообществу домочадцев. Рассыпанная в прах коллекция интересовала ее, чувствовалось, не больше, чем свалка битых порожних бутылок. — Кстати, — заметила ядовито, — эти трусы тебе идут, мама была права. — И, данной репликой завершив миссию свидетеля моего позора, удалилась.

Барбара, растерянно потирая виски кончиками пальцев, распорядилась оставить развал до утра как есть и отправилась спать, весьма удрученная, полагая, будущим объяснением с мужем.

Я же смыл под душем стеклянную пыль, осевшую на теле, и залез под одеяло, погрузившись в спокойный сон.

Под утро приснилась Нина. Сон был восхитителен, но последствия его двусмысленны.

И когда, печально вздыхая, я выбирался из-под одеяла, услышал из-за двери торжественное и грозное:

— Приехал мистер Уитни! Он просит вас подняться к нему!

Генри Уитни

Делать в Нью-Йорке в общем-то нечего. Но лететь домой отчего-то не могу. Я словно привязан к моему развороченному сейфу и сижу возле него, будто от этого что-то изменится. Будто само собой туда вернется похищенное и чудесным образом захлопнется за ним целехонькая дверца.

Ричард развил кипучую деятельность, подключив к расследованию все свои связи. Определил личность преступника, его контакты и начал плотную оперативную работу, задействовав десятки людей. В том числе из ФБР и полиции. Но пока что процесс радует, а результат огорчает.

Этот русский, оказывается, покинул страну, вылетев в Россию. Думается, с похищенным материалом. Анализ его личности показал, что к разведке, даже в качестве мелкого агента, он вряд ли мог иметь какое-либо отношение. Из последних телефонных контактов вора следовало, что ближайшими его друзьями здесь, в США, являются два типчика явно криминальных наклонностей. Когда этих персонажей решили взять за шиворот, они также куда-то исчезли. Причем поспешно. Ричард полагает, что они, проведая, что их приятель ограбил не бакалейную лавку, а объект куда более серьезный, растворились в пространстве, дабы не попасть под каток расследования. Я же полагаю иное: эти ребята превосходно знают, что именно спер их приятель. Но об этом Ричарду, естественно, ничего сказать не могу. С другой стороны, если паркетчик посвятил в свои тайны каких-то уголовников, ударившихся в бег, это еще одно доказательство того, что происками секретных служб тут не пахнет. Если их побег не акция прикрытия, конечно. А если акция прикрытия, то тогда русские будут ждать, что в Москву направятся люди для поисков похищенного. Это большая игра с непредсказуемыми последствиями, однако финал *такой* игры для меня ясен: русские, собрав доказательства, естественно, не будут раздувать скандала, но заполучат козыри для глобального шантажа руководства США. Вся наша борьба с международным терроризмом будет дискредитирована. И военное присутствие на многих иностранных территориях лишится оснований.

Как следствие, они выйдут на меня и безо всяких хлопот завербуют. И я никуда не денусь. И это, кстати, не худший вариант. Сохраняющий мне жизнь. Хотя какая это жизнь в столь гнусной роли? И ведь придется ее принять. Хотя бы во имя семьи.

Таков наихудший вариант развития событий. Каким, впрочем, он видится сейчас. Во всем происходящем тем не менее существует некоторая несуразица. В квартире одного из знакомых вора моя служба обнаружила «клопа». Значит, человек покинул жилище, профессионально подстраховавшись. Зачем? Чтобы убедиться в серьезности расследования? Шпион бы так делать не стал. Материалы в руках, разоблачение очевидно, надо уходить на собственную территорию. Тут нечто другое. Так мог поступить человек, питающий надежду, что авось гроза обойдет его стороной. И стремящийся подкрепить желаемое доказательствами личной безопасности.

Нет, это суета дилетантов. Я слишком хорошо знаю правила шпионажа и контрразведки, чтобы поверить, будто сейчас против меня работает иностранная секретная служба. Слишком много естественных недоразумений. А их имитация обязательно оставляет следы.

В кабинет является начальник службы технической безопасности и разведки Карл Кнопп.

Я жестом указываю ему на кресло. Кнопп достает из нагрудного кармана пиджака обнаруженный при обыске передатчик и кладет на стол. Поясняет нудным, скрипучим голосом:

— Работа русских. Штучная, не заводская. Очень надежный «жук». Частота — четыреста пятьдесят мегагерц. Но ему лет пятнадцать, не меньше. Раритет.

Я молчу, соображая...

— Ты хочешь сказать, это кустарная работа?

— Именно. Я изучил и микрофон, и генератор. Все выполнено отменно, но заводской технологией тут не пахнет. — Кнопп достает сигареты и бесцеремонно закуривает.

Он принадлежит к тем, кто вышел в люди из самых низов, и по нему это видно. Он ходит в чудовищных затертых костюмах, плечи его пиджаков осыпаны перхотью, и носит короткие, сползающие на лодыжки носки. У него врожденный вывих бедра, и он сильно прихрамывает. Он всерьез воображает, будто то, как он работает, важнее того, как он выглядит.

Кноп — немец. Из ЦРУ его оттерли. Там, кстати, мы и познакомились. Он оказывал мне помощь при проведении весьма серьезных операций.

Кноп лопух, сед, пышиноволос, водянистые его глаза проницательны и всеведущи. Подозреваю, он знает обо мне больше, чем я сам. И считает меня, дурак, страшным человеком, как однажды, подвыпив, поведал мне. Странно, но мы проникнуты необъяснимой взаимной симпатией и доверием.

Долгое время после увольнения из Лэнгли он мыкался в поисках работы, но найти ее было непросто. Мешал замкнутый, сварливый и амбициозный характер. Ни у кого не хватило терпения убедиться в его поистине громадных технических знаниях и одновременно многообразных талантах мастера на все руки. Кстати, руки его грубы, напоминают клешни рака, да и в самой фигуре — в согбенной спине и выпирающем носу — нечто ракообразное, однако, несмотря на внешнюю нескладность, он способен выполнить самую кропотливую ювелирную работу, требующую микроскопа.

Я подобрал его буквально с улицы, вконец озлобленного и отчаявшегося. Сейчас он один из моих самых доверенных людей. Исполняет эту роль умело и со вкусом. Его не смущает, что он доживает свой век на службе у чужого богатства.

Его по-прежнему никто не любит, а он по-прежнему ни с кем не любим, даже со мной, но мне это даже нравится. И я постоянно повышаю ему зарплату и даю дополнительный отпуск. Он целиком посвящает его изобретению каких-то механизмов и электрических устройств.

Ему единственному позволено курить в здании и в моем кабинете, я даже держу для него пепельницу. Это здорово раздражает ревнивого Ричарда. С Кнопом у них откровенный антагонизм, весьма устраивающий меня. Нельзя допустить, чтобы они спелись. Спецслужбы, собранные в единый кулак, — это мина под задницей. Что касается экономической безопасности своих предприятий, ей я занимаюсь лично. Это основополагающая часть бизнеса. Аналитику и сбор информации осуществляет отдельное ведомство, и руковожу им я, не полагаясь на нанятого исполнителя. В данном случае довлеет тот принцип, что с собственной машиной человек управляется куда бережнее и осмотрительнее, нежели со взятой напрокат. Эту роль я мог бы доверить Кнопу, но, увы, тот ничего не смыслит в экономике и в махинациях от экономики.

От Кнопа лишнего слова не добьешься, и развязывать язык не в его правилах. Зато охотно и безмерно долго он рассуждает о всякой технике, аппаратуре и о законах природы, приводя при этом такое количество мудреных терминов, что с ним быстрее стараются распрощаться. Почувствовав потерю интереса к близким ему темам, он моментально разочаровывается в собеседнике, и более тот для него не существует.

У Карла совершенно не американское сознание: он сам ремонтирует свою машину, телевизор, красит стены в доме и даже самостоятельно стрижется.

Я отношусь к его разглагольствованиям терпимо, даже позволяю порой вставить парочку вопросов на будоражащие его сознание темы, хотя в ответ приходится выслушивать нескончаемый наукообразный монолог.

Показываю ему оскверненный варварским взломом сейф. Скрюченным пальцем он долго водит по следам распилов, пристально вглядываясь в них.

— Машина была мощной, не меньше двух с половиной тысяч ватт, — заключает он. — Но вскрывали грубо, торопились. Вот абсолютно лишний надрез. А потайную кнопку сигнализации он выключил? Та-ак... Слушай! А не подсмотрел он за тобой откуда-нибудь из-за двери, а?

— Точно! — осеняет меня. — Я заходил сюда, когда еще был ремонт... И он мог находиться там, в ванной...

Кнопп осуждающе смотрит на меня.

— Генри, я тебя не узнаю... Ты не проверил помещение и сразу полез в сейф?

— Я сам себя не узнаю! — отзываюсь с отчаянием. — Эта гадина уволокла записи заседаний... Вот в чем дело!

Кнопп озабоченно присвистывает. Содержание заседаний ему незнакомо, однако аппаратуру для их записи монтировал он, и он же ее регулярно обслуживает.

— Вор скрылся, но у него тут были всякого рода знакомые, — говорю я. — Поэтому мы невольно извлекаем кучу всяких дисков при обысках...

— Правильно, — кивает Кнопп, сразу же уясняя, о чем идет речь.

— Но их все надо просмотреть и выбрать необходимые. Подобное задание я могу поручить только тебе.

Я и в самом деле могу быть откровенным только с Карлом. В меру, конечно. Но и узнай он суть некоторых событий, в том числе одиннадцатого сентября, сенсацией они для него не станут. Он горячий поклонник наших милитаристских устремлений. И если даже просмотрит материалы, ничего страшного, это лишний раз убедит его в том, что Америка на верном пути.

— Диски я посмотрю, — говорит Кнопп. — Но советую быстрее найти этого сукиного сына и зажать ему в двери причинное место. Готов сделать это лично.

На фиолетовых губах появляется зловещая, торжественная улыбка, и я понимаю, что, возникни такая необходимость, лучшего, чем он, изувера не сыскать.

Звонит Ричард. Говорит через одышку, словно мило бежал наперегонки. Ему сейчас здорово достается!

Оказывается, нашли жену русского. Ее зовут миссис Лоренция Холлубетс. Полагаю, это английская версия ее имени и фамилии.

Дамочку уже хорошенько допросили, пригрозив иммиграционной тюрьмой. Она выдала все, что знала, и теперь лихорадочно вспоминает детали здешних и московских контактов супруга. Ричард полагает, что ее действительно стоит подержать некоторое время за решеткой под угрозой депортации, — авось вспомнится еще что-нибудь полезное.

Закончив разговор, я принимаюсь ходить по кабинету, раздумывая.

Итак... Если информация осталась в США, надо направить все усилия на поиск дружков вора. Если в самое ближайшее время усилия не дадут результатов, придется открывать второе направление мероприятий в России. Легко сказать! Иное дело, если бы пропала собственность Совета. Тогда включились бы любые механизмы, вплоть до агентуры секретных служб. А так я — частное лицо, решающее личные проблемы.

К кому обратиться? К своим российским знакомым? К этим надутым коррупционерам? У них, конечно же, есть связи и в полиции, и в криминальных кругах, но насколько такие связи надежны? И что будет, если из одних рук, рук трусливо бежавшего воришки, информация перекинется в когти прожженных мерзавцев? Ничего хорошего.

Я с тоской понимаю, что в таком деле мне необходим свой человек, такой, как Кнопп, должный руководить процессом розыска и первым перехватить материал. Подобного человека у меня нет. Во-первых, он обязан быть профессионалом, во-вторых, лидером, жестко подчиняющим себе исполнителей, а в-третьих, знать язык и страну.

Положение видится мне беспросветным.

Я еду на аэродром, и через полчаса вертолет вспархивает над серыми крышами небоскребов Манхэттена, несется к синей глади океана с вытканым из тросов мостом Веррезано, минует Стэйтен-айленд и парит над долинами Нью-Джерси, тронутыми первым багрянцем подступающей осени.

Земные красоты лишь на миг отрывают меня от тягостных мыслей.

Когда вертолет, осторожно покачиваясь, уместается на бетонный пятачок возле моего дома, я сразу же вижу Барбару, сбегающую навстречу ко мне по ступеням.

Это что-то новое. Обычно она предпочитает встречать меня в доме. С постной миной и подчеркнутым недовольством. Суть недовольства в том, что я не уделяю ей должного внимания, ей скучно, она нездорова и вообще глубоко несчастна. Естественно, из-за меня. И что мне делать? Развестись и сделать ее еще несчастнее?

Пытаюсь вспомнить, в каких отношениях с женой мы расстались. Отсюда — что и каким тоном следует говорить. Надо быть начеку. Она боится меня, а я ее. Однако подозреваю, она знает обо мне больше, чем показывает, и меньше, чем я знаю о ней.

Но откуда же такой порыв? Или что-то случилось с Патриком?

Я холодею от этой мысли.

Она сердечно целует меня, и это только прибавляет сомнений.

— У вас все нормально? — спрашиваю хрипло. Я ожидаю всего, чего угодно, кроме хорошего.

— Все отлично! — Она берет меня под руку и ведет к двери. — Патрик начал вставать. И даже пытается ходить. Представляешь, какой хитрый? Чтобы не упасть, ходит, боком прижимаясь к стене! Кстати, приехал наш племянник, славный паренек. Вчера мы ездили с Ниной в «Мэйсис», купили ему одежду. Он до сих пор, кстати, спит... Представляешь, он, оказывается, был ранен...

— Какой еще племянник?.. — раздраженно говорю я. — Так, черт знает что...

— Ну, пусть будет племянником, — увещающе произносит Барбара, ласково заглядывая мне в глаза. — Он очень хороший мальчик. — Обычно таким тоном она говорит о детях, когда те натворят каких-нибудь дел.

— Что все-таки случилось? — спрашиваю я нейтральным голосом.

— Генри, дорогой... — Она театрально вздыхает. — Роланд вчера шел в свою спальню, и вдруг в коридоре перегорела лампа. Он врезался прямоком в стеллаж.

Вот он — тот самый кинжал в букете!

— Клоуны?! — восклицаю я, высвобождая руку. — Он разбил клоунов?!

— Представь, всех до одного, — виновато говорит она, а затем, взглянув на мою ошарашенную физиономию, невольно хихикает. Но тут же, впрочем, принимает серьезный вид и добавляет: — Извини, у тебя такое лицо...

Я не знаю, какие чувства владеют мной. Сумма их — ледяная ненависть ко всем. И ко всему. Я на грани истерики. Какая-то пришлая сволочь, балбес без роду и племени, поселился в моем доме и сразу же начал его разрушать! Я собирал эту коллекцию два десятка лет! Я поставил ее в самом укромном месте! Я строго-настрого предупредил прислугу, что, если, протирая пыль, хотя бы одну статуэтку разобьют, увольнение последует незамедлительно!

— Всех до единого? — спрашиваю равнодушно.

Она молча кивает. На сей раз в ее глазах — непритворные слезы. И на миг мне становится ее жалко.

— Я жду его в кабинете, — говорю скучным голосом. — Пусть поторопится. — И, не оборачиваясь на поникшую Барбару, прохожу в дом. Тоже мне защитница приبلудных варваров.

Сначала я навещаю Патрика. Он по-прежнему лежит на боку, но глазенки явно оживляются, когда появляюсь я. Я глажу его, и он, как собака, лижет благодарно мои пальцы. Я растроган до слез. Целую кожаный влажный носик и иду к себе в кабинет.

Сев за стол, несколько остываю. И тоскливо сознаю, что у меня просто черная полоса. Надо посмотреть гороскоп. Я — Стрелец. Знак огненный, легко воспламеняющийся. Однако я давно уразумел, что с огнем шутки плохи и он способен спалить поджигателя.

А потому еще раз заставляю себя успокоиться. Разбитые клоуны и стеллаж — не худшее из бед. Это вообще мелочь по сравнению с той угрозой, что нависла над моей головой.

В кабинет входит молодой человек, ему едва за тридцать. Хорошо сложен, походка легка, как у балетного танцора, в покатых плечах — уверенная сила; черноволос, слегка смугл и чертами лица напоминает итальянца. Он хмур от осознания своей вины, но держится с достоинством. Невольно вспоминается потеющий, пришибленный Ричард. Этот — иной.

— У нас плохо начинается знакомство, мистер Уитни, — говорит он. — Но я готов отработать за все, что разбил. Пожалуйста, назовите сумму.

У него сильный немецкий акцент. И корявое построение фраз. Впрочем, так же говорят русские. Хотя тот паркетчик вообще двух слов связать не мог. И как он тут жил?

Внезапно злость испаряется. Я чувствую, что парень и в самом деле немало удручен и готов отплатить за свою неуклюжую выходку всем, чем располагает. Только чем он располагает?

В этот момент мне снова звонит секретарша Большого Босса. Словно читая мои мысли, она сообщает, что за приют постояльца мне направлен чек.

Двадцать тысяч долларов. Невелики деньги, ну да ладно.

— Меня просили приютить вас, — холодно говорю я. — Рассчитываю, что вы расскажете о тех обстоятельствах, благодаря которым здесь очутились. И вообще о дальнейших планах.

— Я думаю, об этом вам надо говорить с теми, благодаря кому я здесь оказался, — парирует он.

Вот хам! И главное, цедит слова таким тоном, будто я ему чем-то обязан!

Мною овладевает буквально бешенство. Я сжимаю зубы. Предложить ему переехать в отель? Но Большой Босс, как понимаю, против этого. Вернее, те, кто ходатайствовал перед ним за этого барбоса.

Судя по нескольким шрамам на лице, этот парень побывал в переделках. Кстати, меня просили позаботиться о его ранах. Но сочувствия и почтения к его боевому прошлому у меня нет. Он разрушитель по самой своей сути. Террорист и душегуб. Хотя бы судя по той информации, что предваряла его появление здесь.

— Если в моем доме из-за вас произойдет еще хоть какой-нибудь инцидент, — говорю я, — вы будете лететь отсюда дальше, чем открывающиеся пейзажи. Вон.

— Я прошу поселить меня в отеле и предоставить счет с указанием вашего адреса, — произносит он. — А в таком тоне говорите с прислужгой.

Я выдерживаю весьма трудную паузу.

— Хорошо, я погорячился, идите, — роняю сквозь зубы. — К сожалению, речи об отеле вестись не может. За остальное, надеюсь, сочтемся.

Он уходит, а я набираю Большого Босса. Не стеснясь в выражениях, выкладываю ему свои впечатления о навязанном мне поселенце.

Суть речи: ваш протеже — косноязычный хам, бандит, разворотил уникальную коллекцию... И главное — кто он? Если бы родная кровь, близкий человек... Да и то...

— Похоже, мы сморозили глупость, — говорит Большой Босс. — Потерпи его день-два, пускай ребята определятся, что с ним делать...

«Ребята» — наверняка бодрые злодеи из разведки.

— Я не привык выступать в роли подставного дурака! — заявляю резко. — И у меня не притон для отребья. К тому же, по-моему, вам было бы нелишне объяснить логику его пребывания не только в моем доме, но и в моей стране!

— Извини, Генри, — говорит Большой Босс. — Я думаю, совершена досадная ошибка. Я просто пошел на поводу... Я твой должник. Ты абсо-

лютно прав. И после нашего разговора я вообще не усматриваю целесообразности его присутствия... Имею в виду не только твой дом и нашу страну. Ты понял?

— Эта проблема возникла помимо меня, и пусть она будет решена также помимо меня, — злобным тоном заявляю я и прерываю связь.

Теперь мне грустно. Этот парень для меня — никто. Но он скоро умрет. Вернее, будет убит. По заслугам, вероятно. Но мне неприятно, что смертник очутился в моем доме и что моя жена испытывает к нему буквально материнскую привязанность, я это почувствовал.

Она добрая, Барбара. Помню, капотом машины я зацепил взлетающего с асфальта голубя. И сломал ему крыло.

Она заставила меня отвезти птицу к ветеринару. Но голубь по дороге сдох. И весь вечер она рыдала, не в силах простить нам случившееся. Она очень набожна и каждую неделю ходит с Марвином в церковь. Нина и я — люди верующие, но, увы, не религиозные. Молиться за нашу семью мы предоставляем усердной в занятии мамочке. Кроме того, я с недоверием отношусь к американским церквям, превратившимся в откровенные коммерческие предприятия, где принцип наживы получает свою лицемерную индугенцию. Моя женушка-идеалистка предпочитает закрывать на это глаза. Думаю, ее европейские корни питает христианский идеал, к которому она бессознательно и постоянно устремлена. А наша страна уже давно не христианская. И те, кто называет события одиннадцатого сентября началом войны ислама против христиан, уж в данной-то формулировке заблуждаются наверняка. Так или иначе, но церковь, какой бы ущербной она ни была, для Барбары — оплот. К тому же материальные основы бытия для нее глубоко вторичны. Уверен, окажись она в нищете, в ее сознании мало бы что переменилось. Это вызывает бесконечное уважение, и порой я даже сознаю собственную ущербность, выраженную в моих приспособленческих способностях, папахивающих ловкачеством плебея. Я откровенно презираю тех, в ком обнаруживаю подобного рода качества, хотя таких — большинство.

Я должен пойти к Барбаре и проявить великодушие, сказав, что прощаю этого залетного племянничка. Хотя — враки, пусть бы проваливал...

Но надо набирать очки.

Редкий момент, но сегодня я хочу оказаться в постели с женой. Именно с ней. Кстати, я не люблю ни с кем, кроме жены, проводить всю ночь. Даже с Алисой не люблю.

Моя снисходительность положительно скажется на ее отзывчивости. Главное — не переусердствовать в роли покладистого малого и весомо обозначить свой тяжкий внутренний путь к обретению прощения. Иначе — прошло безболезненно это, пройдет и другое!

Плохие руководители всегда лебезят с подчиненными, стараясь быть добрыми ребятами для всех. За это их презирают.

Не тут-то было! Через часок-другой после незабвенных минут любви я покажу ей зубы! Повод найдется.

Коллектив всегда нужно держать в здоровом напряжении.

Жуков

В Москве Юра Жуков освоился достаточно быстро. Здешняя жизнь, посвященная погоне за деньгами, мало чем отличалась от американской, за исключением неслыханной дороговизны и ужасающей экологии: в столичном воздухе витал длинный список летальных заболеваний.

Все, что находилось за пределами мегаполиса, тоже бурлило мелко-травчатой рыночной возней, однако провинциальные нравы пока еще диктовали размеренность бытия и неприязнительность. По своему духу

глубинка сохраняла как стойкие социалистические стереотипы, так и свежий ветер с полей, постепенно застраиваемых кондовым кирпичом новорусских усадеб. Такие, собственно, выводы Юра сделал из анализа окружающей обстановки.

У школьного приятеля Геннадия он прижился. В своей спальне установил на подоконнике подзорную трубу, из которой некогда наблюдал подлетающие к аэропорту Кеннеди самолеты и океанские яхты, а теперь обозревал окна квартиры родителей, уверенных, что сыночек пребывает в загадочной Америке.

Труба была установлена не баловства ради. Случись странный визит странных людей в квартиру мамы и отследил он его, значит, нашлись подтверждения худшим страхам.

С нейтрального телефона отзвонился на номер, оставленный ему Марком. Сказал, что круто законспирировался и за жизнь свою теперь опасается умеренно.

Марк в свою очередь поведал, что дела на американской территории разворачиваются подобно пушке танка, отыскивающего цель, и вообще обстановка крайне нервозна.

Жуков, ранее ни дня не сидевший без работы и забав, поневоле начал дергаться, ища советов у Геннадия: дескать, кем быть?

На первых порах тот предложил ему взять в ренту свой вездеход «Ниву» для работы в качестве нелегального таксиста. Предложение Жуков воспринял с восторгом, но, едва оказался в зловонных московских пробках, понял, что это занятие куда дороже тех денег, что приносит. Аналогичным виделась и стезя паркетчика на московских стройках.

Профессии obsługi нижнего социального ряда, обеспеченные комфортом и достойной оплатой в самой развитой стране мира, были в России уделом рабов и категорических неудачников.

Снисходительно понаблюдав за метаниями репатрианта Жукова, Геннадий предложил ему поработать у себя. На вопрос, в каком качестве, долго тянул с ответом.

Они сидели на кухне, выпивали под дежурную закуску из шпрот, сыра и резаных помидоров, и вдруг Геннадий сообщил:

— Присмотрелся я к тебе, Юрок, и решил открыться: я — черный копатель.

— И чего копаешь? — цепляя вилкой масляную тушку, спросил Юра.

— Можно сказать, занимаюсь военной археологией, — продолжил приятель. — Специализация: Великая Отечественная война.

— Оружие? — догадался Жуков.

— Естественно. Еще всякие значки, награды, бинокли, противогазы, но это — мелочь.

Из дальнейшего пояснения Юра понял, что выкопанное оружие Геннадий тщательно реставрирует, превращая его в идеальный боевой механизм, а затем, соответственно, продает. Ныне в его бизнесе возникла существенная пауза, ибо милиция арестовала партнера-посредника, лысого Леню, осуществлявшего контакты с покупателями.

— И что теперь? — вырвался у Юры невольный вопрос.

— Затоп в делах, — грустно ответил Гена. — Ленка же и материал для запчастей подтаскивал. Концов мне не оставил. А оружейная сталь — дефицит. Так что реставрационная мастерская простаивает.

— И где же она расположена? — Жуков обвел глазами углы кухни.

— Идем, покажу.

Прошли в гостиную, где обычно смотрели телевизор. Из секретера Геннадий достал стальную штангу, напоминавшую монтировку. Конец ее был изогнут, расплюсчен и остро заточен.

Уместив кромку металла в паркетную щель, он привычным движением поддел кусок настила, сдвинув в сторону. Под настилом обнаружился люк, сколоченный из плотно сбитых досок.

Открыв крышку люка, Геннадий указал Жукову на черную дыру провала, куда вела металлическая лестница.

— Прошу в гости, — произнес он и полез во тьму подвала.

Жуков последовал за товарищем.

Вспыхнул свет, и Юра обнаружил, что находится внутри достаточно уютного помещения, превращенного в слесарную мастерскую.

— Я прикинул, что эта часть подвала бесхозная, ну и углубился... — поведал Геннадий. — Провел электричество, трубу отопительную, даже телефон... Кафель, гидроизоляция... Вентиляция, естественно. Станочки поставил, как видишь. А там, — указал на стеллажи, собранные из старой мебели, — товарчик...

Юра изумленно взирал на груды ржавых винтовок, пулеметов, автоматов, связки гранат.

— Предложение такое, — сказал Геннадий. — Будем работать в доле. На мне — заказчики и расчеты, а твое дело — слесарить. Мастерству научу. Но пока будешь драить и сортировать железо.

— Погорим, — выразил задумчивое сомнение Жуков.

— Ты не расстраивайся преждевременно, — умудренно кивнул Геннадий. — Если сдавать товар по проверенным каналам, все будет в ажуре. Мой напарничек на чем спалился? На жадности. Распихивал стволы кому ни попадя. А работать надо с проверенным контингентом. Такой имеется.

— А не боишься, что напарничек тебя того... сдаст, а?

— Не боюсь, — ответил Геннадий. — Потому что проверенный контингент такого не простит. В общем, пару тысяч зеленых в месяц для начала я тебе в качестве зарплаты даю. На носу зима, работой мы обеспечены до мая, а там пойдем в поход. В заповедные чащи. Начнется другая наука: как искать, где искать, что искать. Заодно получишь специальность сапера.

— Лучше слесарить, — отозвался Жуков. — Сапер, как известно, ошибается дважды. Первый раз — при выборе профессии.

— Все не так страшно, — возразил Геннадий. — Главное — навыки. Я к первой мине пальцем боялся притронуться, а сейчас потрошу их как воблю.

Опытный реставратор вручил неопиту тяжеленный агрегат, состоящий из ржавой трубы с приваренным к ней дугообразным плечевым упором.

— Противотанковое ружье, — пояснил Геннадий. — Крайне дефицитная штука. Объясняю твои действия... Сначала берешь напильник, потом шкурку... Далее в дело вступает ортофосфорная кислота... Приступай. Завтра, после воронения, агрегат должен стать игрушкой на загляденье...

— Кто только будет в нее играть? — буркнул Жуков недовольно.

— А вот за этим как раз не заржавеет! — со значением отозвался Геннадий.

Облачившись в кожаный мастеровой фартук, Юра уселся на табурет за верстаком, уставившись на заскорузлую железяку, безмолвного свидетеля грозных, кровавых битв.

Он ощутил себя бесконечно потерянным и несчастным. Вот куда довелось угодить в итоге бесконечной череды мыканий по углам чужбины и Отчизны. И кто тому виной? Он сам. Впрочем, все дело в характере, определившем судьбу. Размеренное бытие тихони-обывателя его никогда не привлекало, хотя, что удивительно, именно оно и являло собою конечную цель всех рискованных походов. Однако то, что привело его к нынешнему положению, сейчас он расценивал как роковую ошибку. Все острее сознавалась беспомощность перед таинственным противником, чье могущество, судя по всему, было беспредельно, а месть беспощадна.

Захотелось позвонить Марку в недостижимую отныне Америку, чьи иммиграционные законы он нарушил, лишившись права на въезд. Но что толку звонить Марку? Если его уже отловили, значит, он будет дудеть в дуду врагов. И сдаст Жукова, источника своих бед, с потрохами.

В немалой степени удручало и то, что заложниками ситуации теперь поневоле стали мать и отец. В размене их голов на собственную Юра бы торговаться не стал, хотя трепетно и наивно надеялся, что жизнью родителей его шантажировать не будут. А будут — что ж, решил обреченно, сдамся, пойду под нож...

Мысль о том, чтобы поехать на Лубянку, он сразу же отменил. Никогда не соприкасавшийся с госбезопасностью, он тем не менее ни на толику ей не верил, как и миллионы сограждан, убежденных в двуличии, подлости и жестокости данного ведомства. Не отмеченный ни умом, ни способностью к анализу, Юра ориентировался по очевидным фактам: коли эталоном в стране служит доллар, коли НАТО стоит у границ, а финансовый фонд находится в американских банках, что проку идти к властям? С тем же успехом он мог бы прийти в ЦРУ или в госдепартамент, не тратясь на дорогу в Москву.

И сейчас, упорным скребком счищая наросты ржи с исторического ствола, Жуков, не лишенный философского воззрения на вещи, подумывал, что в мировых верхах определенно происходит какой-то сложнейший заговор, провоцирующий гигантские и неисповедимые процессы, что, переплетаясь, как отводы канализации мегаполиса, выплескиваются то народными волнениями, то столкновениями государств, а то и этническими миграциями. В результате же страдает простой и бесхитростный человек. Такой, как он, Юра Жуков.

Максим Трофимов

Возможно, я неверно повел себя с этим господином Уитни, проявив непочтение и заносчивость, к чему он явно не привык. Тон и замашки у него диктаторские, и уж не знаю, как он обходился с подчиненными, но в своей семье спуску, чувствуется, не давал никому. Суровый дядя. Лет пятидесяти, но моложавый, крепкий, с жестким, волевым лицом, черты, однако, не грубые, а весьма аристократичны, и — пронизательные, недружелюбные глаза. Их холодно изучающий взор давил, буквально пригвозждая к месту. Вот я, наверное, и взъершился интуитивно, почувствовав себя как жук под лупой.

Он просто кипел от негодования и, дай ему волю, отправил бы меня на свалку вслед за стеклянными клоунами, причем в таком же раздолбанном виде, однако неведомые покровители, вероятно, защищали меня своим авторитетом и всякого рода договоренностями.

Так или иначе, положение было двусмысленным, я стеснялся не только Барбары и Нины, но даже прислуги и сиднем сидел в комнате, отказавшись и от завтрака, и от обеда. Мысль о том, что мне придется усесться за один стол с мистером Уитни, отбивала всякий аппетит. Под его змеиным взором я бы подавился и собственным дыханием.

Создавшуюся патовую ситуацию разрешила великодушная Барбара. Явившись ко мне, она с обидой и недоумением спросила:

— Роланд, неужели тебе не нравится наша еда? Тогда скажи, что именно тебе приготовить...

В ее тоне было столько искреннего участия и заботы, что я безо всяких околичностей поведал о своих переживаниях, и в частности, о страхе перед властительным дядей Генри.

Лицо ее просветлело.

— Глупости! — отрезала она. — Он отходчив и вообще очень добр, не забивай себе голову. К тому же он уехал в офис, а через час улетает по делам в Атланту. Так что марш на обед! А завтра утром Нина и Том везут тебя на рыбалку в Нью-Йорк.

Ах, Барбара, королева всех добрых фей!

После обеда она опять потащила меня по магазинам, затем мы навесили пару ее подруг, разглядывавших меня с тем интересом, с каким рас-

смастривают экзотическую зверушку; я напился чаев всех сортов и отведал десятков пирожных; после настал вечер, проведенный у телевизора. А ранним утром приехал Том на широком, как корыто, кабриолете, сверкающем перламутровой краской, и мы покатали в Нью-Йорк.

Нина просила дружка проехать через Манхэттен, дабы показать мне его блистательные небоскребы, но тот ответил, что это лишний крюк, экскурсия туда — мои личные проблемы, а если в назначенный час мы не подоспеем к причалу, судно уйдет и вот уж тогда нагуляться по Нью-Йорку с удочками наперевес сможем всласть.

Кстати, с упомянутыми удочками, сачками, всякого рода ластами и подводными ружьями я жался на заднем сиденье, глядя на стриженный, уверенный затылок Тома и схваченные в тугой пучок гладкие и чистые волосы украденной им моей возлюбленной, чья ладонь, кстати, лежала на его крепком, черт побери, колене!

— У тебя мало бензина, — сказала Нина еще в самом начале пути.

— До Нью-Джерси дотянем, а там дешевле, — прозвучал ответ.

Бензин в Нью-Джерси обманул его ожидания, оказавшись, напротив, дороже, правда, в среднем на десять центов, но Тома данный факт нешуточно удручил, и, вставляя шланг обратно в колонку, он предварительно долбанул по ней заправочным пистолетом, нецензурно посетовав на жадность нефтяных спекулянтов.

Этот парень, похоже, крайне болезненно расставался с деньгами.

Накануне Барбара дала мне конверт с тысячей долларов — как она пояснила, присланных мне шефами. С собой я взял пару сотен и теперь, припомнив о них, одну сотню протянул Тому, сказав, что это, мол, мой взнос на общие расходы.

Сунув купюру в карман, он, перекатывая за щекой жвачку, удовлетворенно кивнул, и настроение его сразу же ощутимо приподнялось.

Всю дорогу он оживленно комментировал проносящиеся мимо пейзажи, удивительным образом определяя их денежный эквивалент, касалось бы это земли, лесов, частных домишек или сооружений народно-хозяйственного назначения. Я понял, что он — прирожденный финансист.

Мы перевалили через громадный мост, словно висевший в поднебесье над широченным проливом. Вдалеке виднелись знакомые мне по фильмам те самые нью-йоркские небоскребы. Далее последовали проклятия Тома по поводу оплаты за проезд по мосту на обратном пути — воистину грабительской! — после чего, поплутав улочками мимо каких-то заброшенных пустырей, мы подкатили к причалу. Там радостными криками нас встретила компания из девиц и парней, одетых в шорты, панамы и просторные майки.

После краткого представления публике мы взобрались на бот, скрипевший обшивкой о резину автомобильных покрышек, прибитых к заплесневелым сваям; затарахтел двигатель, и суденышко на тихом ходу миновало заводь, запруженную своими собратьями, устремившись к свободной воде.

Солнце уже стояло высоко, синь океана густела, отдалялся берег, и лишь в далеком туманном мареве голубым айсбергом выделялся словно парящий над сушей мираж Манхэттена со стекляшками сверкающих, будто спаянных между собой, высоток.

Я был захвачен и очарован красотой развернувшихся передо мною пространств: высокого, гулко неба, отороченного золотой каймой океанского горизонта, белизны суденышек на васильковой глади воды, скалистых уступов близкого острова Стэйтен-айленд, поросшего вековыми узловатыми деревьями с пышными кронами... А когда Нина стянула с себя майку и шорты, оставшись в одних плавках, больше похожих на нитку, и я посмотрел на ее тело, словно изваянное из розового мрамора, то по глазам словно резанула вспышка электросварки.

Впрочем, через минуту, пожившись от бодрящего бриза, майку она все-таки натянула. Чему, кстати, я был рад.

Разнузданные буржуазные нравы! Они вечно вгоняют в искус.

Мне сунули в руки удочку с нацепленным на крючок крабиком, я забросил его в воду, и буквально через минуту леска дернулась, напряглась, и, к немалому удивлению, я вытянул на борт небольшую серенькую акулу, забившуюся на настиле палубы.

Моя рыбацкая удача была отмечена одобрительными возгласами и открытием пивных бутылок.

Далее пошел бесконечный клев. Рыбья чешуя заструилась по палубе. Акулы, скаты, местные разновидности всякого рода кефали и ставриды...

Как мне пояснила одна из девиц, после рыбалки нам предстоял обильный ужин на свежем воздухе, ибо возле причала имелась жаровня с необходимой утварью.

Между тем заметно посвежел ветерок. Вспенились кружева барашков. Волны зло и хлестко зашлепали о борта.

— Включай дизель! — крикнул Том товарищу, владельцу бота. — Пойдем к острову, постреляем рыбу на мелководье. — Перекинув с борта металлическую лесенку с крюками упоров, он, одетый в гидрокостюм, полез вниз, к водному мотоциклу, закрепленному на кронштейнах под леерами.

Я ослепленно и блаженно жмурился, переполненный восторгом и вдохновением. Это был сон. Легкий и светлый, как поцелуй ангела, уносящий прочь все мысли и горести...

И совершенно не верилось, что считанные дни назад я отплевывался свинцом от свинца в залитом кровью распадке среди трупов и стреляных гильз.

Тут-то, словно кувалдой по голове, меня оглушил густой и гневный рев какого-то могучего судна.

Я обернулся. Прямо на наш бот двигалось исполненное из тысяч тонн железа чудовище. Размером с Нью-Йорк. Скулы его бортов, сходящиеся в несокрушимый нос, были грязно-багрового цвета. Врезаемая им волна взметалась, казалось, в небо. А видневшееся на борту скопление морских контейнеров напоминало спичечные коробки на кухонной полке. Какого-либо человеческого присутствия не замечалось вовсе, что придавало этому исполину мистическую жуть.

Я с надеждой взглянул на открытый люк, ведущий в трюм. Там, в глубине бота, вот-вот должен был ожить спасительный дизель, дающий нам возможность необходимого маневра.

Морской великан, застилавший небо своей несокрушимой тушей, взревел еще раз — долго и люто. Из всего им высказанного я отчетливо понял, что отворачивать он не склонен и возмущен нашим недоверием к серьезности своих намерений продолжить свое движение насквозь любого препятствия.

Из-за борта появилось испуганное лицо Тома.

— Какого черта вы там копаетесь?! — выкрикнул он в мою сторону.

Тут же из люка вынырнула озабоченная физиономия владельца бота.

— Дизель не заводится, батарея села! — донеслось злобное объяснение.

В гуде надвигающегося монстра уже сквозило отчаяние.

Охватившая меня благодать испарилась без следа.

Я видел, как устремленные на хлипкий ботик тонны металла пытаются неповоротливо обогнуть нас, видел, как слабеет их напор на воду, но остро и отчетливо понимал, что теперь нам не разминуться и надо что-то делать не мешкая.

Я поймал на себе взгляд Нины, исполненный беспомощного страха, затем покосился в сторону Тома и вдруг увидел, как он, лихо вскарабкавшись на спущенный в воду мотоцикл, тут же дал газу и, буквально взмыв над водой, по красивой, что и говорить, дуге, стал уходить от надвигающейся на нас горы.

— В воду! — прозвучал голос выпроставшегося из люка судовладельца, и вся оставшаяся на борту компания мгновенно сиганула в океан.

— Я плохо плаваю, — безголосо шепнула мне Нина.

— Зато я хорошо, — успокоил я и, взяв ее за руку, шагнул вместе с ней через низкий леер в тревожно колышущуюся бездну.

Еще в полете, без энтузиазма предвкушая разницу в перемене стихий, я увидел мелькнувший за барашками мотоцикл с сосредоточенным седоком.

Опасаться за Тома не следовало. Он уже находился в далеких и категорически нейтральных водах.

После секундной оглушенности от падения и застывшей зрение и слух воды я сразу же подхватил Нину под плечи, рывком устремившись наверх. Мы глотнули воздуха и, разинув рты, уставились сначала на нависающую над нами махину, а после друг на друга. Лицо ее было искажено испугом, и я заставил себя подмигнуть ей с задором, сам же цепenea от мысли, что нас может затянуть под винты гиганта.

— На спину и — плывем! — сказал я, ухватив ее за ворот майки. — И никакой паники, слушай меня!

Она покорно кивнула, и мы поплыли — на удивление скоро и слаженно. Я даже удивился, насколько быстро мы отдалялись от бота, и почувствовал себя просто-таки чемпионом по плаванию, причем — подгребая всего-то одной рукой и не отрывая вторую от утопающей любимой.

Головы остальных участников морского инцидента скрывали нещадно хлеставшие по щекам волны, шустрый мотоциклист тоже исчез за ними, но крупные водоплавающие предметы различались во всей красе, и я увидел, как борт высотой с многоэтажный дом боднул по касательной наш бот, отскочивший подобно пробке и закрутившийся волчком. Далее судна разминулись, и, укоризненно гудя, исполин отправился восвояси в океанские просторы.

Я перевел дух. Отирая воду с лица и отбрасывая назад намокшие волосы, в сторону бота смотрела и Нина. Бот был цел! Рискованно раскачиваясь после полученного тычка, он тем не менее обретал необходимое равновесие.

Во взоре Нины блеснула лихорадочная радость. Мы были спасены! Какие-нибудь считанные минуты, и мы — на борту!

Правда, за довольно короткое время мы умудрились отмахать от бота на столь порядочное расстояние, что я невольно восхитился как человеческими возможностями в принципе, так и собственным поразительным рекордом. А после отпустил руку от ворота Нининой майки.

Тут-то открылся секрет свершившегося чуда: меня сразу же отнесло от Нины метра на два, и я, освободившись, так сказать, от балласта, почувствовал вокруг себя плотную, упрямо стремящуюся куда-то воду. Мы попали в течение! Это моментально осознала и Нина.

Глаза ее потемнели от ужаса, она судорожно забарахталась, что-то выкрикнула, но волна ударила ее по лицу, заставив поперхнуться хиной соленой воды. Очередной накат волны скрыл ее, и мне пришлось в несколько отчаянных рывков преодолеть разделявшее нас расстояние, вновь выдернув ее на поверхность.

— Тише, тише, — приговаривал я, сжимая ладонями ее лицо, мокрое и от воды, и от слез. — Не трать силы. Снова ляг на спину. Ожидай удара волны. С ударом — не дыши.

Она поспешно и затравленно кивнула, а я с сожалением посмотрел на белое отдаляющееся пятнышко уже недостижимого бота.

Течение, властный бестрепетный поток которого я ощущал всем существом, становилось все сильнее, унося нас в безжалостный бескрайний простор. Осенняя океанская вода скользила вдоль тела, как холодный шелк.

Мысли тем не менее были ясны и взвешенны. Пусть слабенько, но вдохновлял тот факт, что нынешних возможностей выжить было куда больше,

чем в передрыге последнего похода в тыл боевиков. Нас могли заметить с других суденышек. Команда таранившего нас монстра обязательно сообщит о случившемся береговой охране. Значит, на наши поиски пошлют вертолет. День в разгаре, и с высоты нас заметят. Существовал еще Том со своим мотоциклом, болтавшийся где-то неподалеку, однако на этого проворного малого я отчего-то рассчитывал менее всего. Да и вряд ли он разглядит нас в набирающих силу барашках. И мотоцикл не выдержит троих...

— Какая же он сволочь, — внезапно произнесла Нина, словно читая мои мысли.

— Том? — на всякий случай спросил я.

В ответ она попыталась всплакнуть, но подобрала неудачные время и место: волна тут же шлепнула ей в открытый рот, она закашлялась и снова пошла бы ко дну, если бы не мои усилия.

Прошло около часа. Тупая стихия уносила нас невесть куда, накапливалась усталость, но, что хуже, мы здорово замерзли, и я начал без юмора подумывать о скором завершении своей земной а напоследок и морской эпопеи.

И вновь, будто зная все, что творится в моей голове, она спросила:

— Мы ведь не спасемся, Роланд? Нет?

— Если раскиснем, то нет, — сказал я.

И в ту же секунду что-то увесисто и больно толкнуло меня в спину.

Я сразу же подумал об угрозе праведной мести со стороны родственников изловленных нами акул, но, к счастью, это оказалось черное, осклизлое бревно, похожее на трухлявую причальную сваю. Более чем уверен, это она и была.

Для выражения какого-либо восторга у нас попросту не имелось эмоционального потенциала, однако наша благодарность к милости Всевышнего не знала границ. Облепив бревно с двух сторон, мы блаженствовали, экономя остатки сил.

Нас болтало еще пару часов, пронося в обидном удалении от многочисленных катеров и яхт, плыть к которым было, конечно же, полной бессмыслицей. Течение держало нас цепкими злорадными силками. Вдалеке пару раз пролетали вертолеты. Виднелись с регулярной частотой и авиалайнеры, заходящие на посадку в близкий аэропорт.

Туда, в сторону аэропорта, нас, видимо, и сносил бестрепетный поток.

И вдруг появилась земля. Тоненькая желтая полоска. Тут я великолепно уяснил торжество моряков всех времен и народов, после мук океанских тягот узревших вожаденную твердь, но разделил торжество умозрительно, а не всецело, поскольку обладал независимым от моей воли плаванием, стремящимся как раз подальше от берега, где оно проторчало в унынии свой долгий деревянный век. Мои попытки развернуть неповоротливое бревно поперек течения успеха не принесли.

Берег вместе с тем отчетливо и явно приближался. Я уже различал высотные дома и стальной плетень, ограждающий вившуюся над откосом автостраду. И тут почувствовал, что течение, словно выписав капризную петлю, вновь устремляется в океан, и сейчас мы — на рубеже и, не рискни, не оторвись от удобной, но уже губительной подпорки, шанса выжить не будет.

Я оттолкнул от себя бревно, с которого сорвались руки Нины, рывком подобрался к ней, судорожно цеплявшейся за ускользающее дерево, и, пытаясь преодолеть ее инстинктивное сопротивление, тягу к такому замечательному и надежному предмету, потянул прочь от него.

— К берегу, теперь — только к берегу! — отплываясь, призывал я.

И когда бревно начало стремительно удаляться, а тяга вокруг наших тел вдруг ослабла и мы словно повисли в явно потеплевшей воде, она поняла, что называется, странности моего отважного поведения и несколько успокоилась.

Мы медленно поплыли в сторону заветной суши. Вернее, плыл я, волоча за собой Нину как мог. Что управляло моим телом, я не знал, практически не ощущая его. Перед глазами качалась чернота, в голове звенело, я совершенно оглох, а горло резало от горечи морской воды. Берег же приближался нехотя, а порой казалось, будто мы барахтаемся на месте, словно застопоренные тяжеленным якорем.

Пару раз, когда мои онемевшие пальцы срывались с кома майки Нины, зажатой в кулаке, она безвольно проваливалась ко дну, и лишь какими-то потусторонними усилиями воли и еле теплящихся во мне силенок я погружался вслед и вновь выдергивал ее к зыбко качавшейся поверхности.

И все-таки настал тот миг, когда ноги нащупали придонный песок и мы в обнимку, шатаясь, как уцелевшие после артобстрела солдаты, вышли на берег. А океан, упустивший добычу, хватал нас за щиколотки отливной волной, напрасно завлекая обратно.

Некоторое время мы тупо и недвижимо сидели на песке. Над головами высился обрыв, усеянный мусором из оберток и пластиковых бутылок, а за ним свистящий шум скоростной автотрассы.

Облепленные серым песком, мокрые и босые, мы выбрались на обочину и долго плелись по ней до первого телефонного автомата. Будка его была разбита и размалевана непристойными надписями — творчеством местных уличных варваров, поэтому в исправности аппарата возникали обоснованные сомнения. Однако Нина, сняв трубку и прислушавшись, уверенно ткнула пальцем в «ноль».

— Оператор, — услышал я запыхавшийся женский голос.

— Я звоню «в коллект». Мне нужна миссис Барбара Уитни. — И Нина продиктовала номер. — Это — за счет матери, — пояснила мне.

После состоялся долгий разговор, при этом на другом конце провода раздавались такие бурные словоизлияния, что я предпочел отойти в сторону, дабы не смущать ни себя, ни Нину причастностью к чужой приватной жизни.

Когда трубка улеглась на рычаги, Нина довольно-таки весело сказала:

— Ну, вот и все, ждем машину. — И простецки уселась на бетонную приступку у будки, поросшую радостными одуванчиками, точь-в-точь такими же, как в средней российской полосе.

Я последовал ее примеру. Мимо нас, чумазых и сирых, проносились холеные машины, и я прекрасно представляю, что думали о нас сидящие в них почтенные и состоятельные граждане США и прочие люди с гринкартами. А то и всякие нелегалы. Так или иначе, в данный момент мы являли для них низший класс социального упадка и вообще на загляденье диковатую парочку.

Нина с досадой посматривала на ногти, обломанные о бревно.

Внезапно одинокий телефон на обочине требовательно затрезвонил.

Она с неохотой приподнялась, сняла трубку и тут же, расхохотавшись, с силой грохнула ею по аппарату. Затем еще и еще раз. А потом выкрикнула в нее:

— Ублюдок, только попробуй позвонить мне еще раз!

Диалог, ясное дело, велся с красавчиком Томом, и мне невольно припомнилось, как он колотил бензозаправочным пистолетом в избытке нехороших чувств по колонке. Здесь налицо была общность нравов, видимо, до сей поры объединяющая пару. Хотя и я сам как телефонной трубкой, так и пистолетом и даже голым кулаком с удовольствием и не раз съездил бы ему по самодовольной американской морде.

Как затем пояснила Нина, Том оправдывался тем обстоятельством, будто в ответственный момент его ослепил патологический приступ паники, и сейчас он, что называется, «вери сорри».

Я мрачно кивнул. Затем поднял на нее глаза и сказал:

— Я тебя люблю. Я полюбил тебя сразу, как только увидел.

— А я знаю, — просто ответила она.

Как в тот первый раз, мы глядели друг другу в глаза, напряженно и сокровенно, и уже потянулись навстречу, плюнув на всю эту мчащуюся мимо автомобильную свару, но тут закрипели тормоза, повеяло жаром от капота сияющего хромом и черным лаком лимузина, из него выпрыгнул гибкий брюнет в дорогом костюме и тут же потащил нас в роскошное кожаное убежище.

Его звали Ричард, помощник мистера Уитни. Ричард сообщил, что вся наша рыбацкая компания цела и здорова: ребят сразу же после крушения подобрала какая-то яхта. Далее я отстраненно прислушивался к диалогу между ним и Ниной, повествующей о перипетиях нашего злключения, и глазом моргнуть не успел, как оказался в том самом ослепительном Манхэттене, но насладиться его видами не сумел: скоростной лифт вознес нас на вершину небоскреба, где уже поджидал вертолет.

Мы взлетели над плоскими, неказистыми крышами стеклянных великанов, перенеслись над мостом через пролив, в котором недавно бултыхались, и вскоре, прострекотав над долинами, лесами и автострадами, в преддверии вечерних сумерек приземлились на лужайку возле заветного дома.

Ужин проходил под причитания Барбары и столпившейся возле стола прислуги. На сей раз я выступал в роли всеми обожаемого героя. Барбара зацеловала меня, как сына родного, вернувшегося с поля брани. И снова остро кольнула тоска и тревога о матери и досада оттого, что, будучи в шаге от телефона, я не могу набрать ее номер.

Своим вниманием меня удостоил и господин Уитни. Он позвонил откуда-то из дебрей США и выразил признательность с теплотой, столь несомненной, что я просто диву дался диапазону проявлений его чувств — от ледяного высокомерия до безграничной благожелательности.

А вечером, когда я улегся в постель, входная дверь скрипнула — и появилась она, Нина.

Бесцеремонно откинула одеяло. Я ощутил прикосновение губ, налитых желанием, щекопку рассыпавшихся шелковистых волос, тут же игриво откинутых ею в сторону...

— Ты думал так простенько отделаться от меня? — прошептала искусительница.

Продолжение следует

АНДРЕЙ МОЛЧАНОВ

АНТИФАДА

РОМАН

Марк

Родной, уютный Бруклин превратился в зловещую западню. Марк и Виктор осознали данный факт в полной мере, когда к Лиле начали звонить малознакомые персонажи, справляющиеся о делах, здоровье, а также о бытии ее прошлого и нынешнего окружения, где в кривых вопросиках вскользь, но непременно упоминался широко известный на Брайтон-бич аферист Марик. То бишь Марк.

— Не общались уже с полгода, — равнодушно отвечала Лиля, и глаза ее при этом насмешливо и презрительно шурились.

То, что Брайтон наспигован стукачами всех мастей и разновидностей, было ей превосходно известно. Но, судя по количеству звонков, агентурную сеть раскинули широко, с концов разнообразных и порой несогласованных. В этой тактической недоработке сквозила нервная спешка, и в ней бывший опер усматривал понятную ему взвинченность полицейского начальства, вздрюченного высшим руководством. Кольцо между тем очевидным образом сжималось.

На имя Лили был срочным образом куплен микроавтобус с затемненными стеклами, и, уместив в него необходимые пожитки, поздним вечером друзья по несчастью покинули Нью-Йорк, оставив верной сожительнице деньги, телефон для оперативной связи и лукавые обещания скорой встречи.

Лиля категорически не хотела отпускать от себя явно приглянувшегося Виктора и даже всплакнула горестно, но тот, отведя взгляд, потерянно кряхтя, косноязычно поклялся в вечной любви и в обязательном ведении совместного хозяйства в дальнейшем светлом будущем.

На чем и расстались.

Адрес источника всех бед — господин Уитни, — данный Марку Жуковым, соответствовал истине, но располагался по этому адресу неприступный особняк в тщатель-

но охраняемом поселке под Вашингтоном. Появление посторонних на его территории отслеживалось целым штатом крепких вооруженных ребят, бдительно караулящих тенистые улочки, и десятками камер наблюдения на столбах и деревьях. Здесь, в великолепии архитектурных изысков частных домов с мраморными бассейнами и надменными фонтанами, среди художественно подстриженных кустарников, пышных кустов роз и прочих ботанических красотей, обитали подлинные хозяева американской жизни, прилежно относящиеся к проблемам личной безопасности.

Произведя обескуражившую их разведку, Марк и Виктор перекусили в придорожной забегаловке, а затем отправились на поиски мотеля, где, освежившись под душем, уселись обсуждать план дальнейших действий.

Вершиной плана являлось физическое устранение Уитни, но на подступах к ней более чем вероятным представлялось свернуть себе шею.

Даже приблизительный осмотр местности показывал, что подобраться к особняку незаметно можно лишь поздним вечером и желательно в непогоду, естественно, преодолев ограждающий поселок высокий сетчатый забор, но кто знает, как охраняется сам дом, не стоят ли какие-нибудь радиолучевые системы по периметру участков?

При удачном проникновении на объект существовала теоретическая возможность вскарабкаться на один из громадных дубов, в изобилии произрастающих на его просторах, скрыться в кроне и далее произвести снайперский выстрел из имевшейся у Марка мелкокалиберной винтовки с оптическим прицелом.

За этот вариант ратовал Виктор, и в самом деле неплохо управлявшийся с оружием, но искушенный опер, хотя и не исключал подобный вариант, немало сомневался в дальнейшем успехе отхода с места совершения акции.

— Чего ты мнешься?! — напирал Виктор. — Сориентируемся на местности сегодня же ночью! Пролезу под забором, выберу подходящий баобаб, посмотрю в бинокль, как там, чего... Если все в норме, вернусь за сканером, послушаем, о чем они базарят...

— Топорно мыслишь, — отрицательно качал головой Марк. — Вообще, запомни: решение проблемы часто лежит за ее пределами.

— Это и на тот случай, если в сортир припрет?

— А тут вообще необходима особая взвешенность в действиях, — парировал Марк. — И неусыпный контроль над ситуацией. Короче, пошли за пивом, у меня возникла идея, по дороге растолкую.

Они прогулялись до торгового центра, где Марк купил упаковку пива и стащил с прилавка овощной лавчонки увесистую картофелину.

— Это тебе зачем? — спросил Виктор.

— Это наш пропуск в заветные дали, — проникновенно ответил Марк.

— Ага... — начиная постигать ход мыслей товарища, растерянно отозвался морпех.

Всласть отоспавшись, к полудню они припарковались у обочины дороги, неподалеку от контрольно-пропускного пункта поселка, видневшегося в зеркалах заднего обзора.

Необходимая им жертва появилась практически без промедлений: пожилая одинокая американка за рулем новенького «БМВ».

— Наш фасончик, — удовлетворенно кивнул Марк, включая передачу.

«БМВ» устремился к Торговому центру, остановившись на площадке среди сотен других машин. Из него, держа на полусогнутом локте расшитую бисером сумку, вылезла кривобокая, облаченная в брючный костюм, блондинистый парик и розовые стрекозиные очки преклонных лет леди и дерганой лошадиной походкой поковыляла в супермаркет.

— В начале эмиграции, — поведал Марк, показывая Виктору картофелину, — я зарабатывал на этом фокусе по полтиннику за раз. Сейчас придется вспомнить молодость бесплатно.

Выйдя из автомобиля, он, оглянувшись по сторонам, наклонился над выхлопной трубой «БМВ» и с силой вкрутил корнеплод в закопченный зев глушителя.

— Затычка должна быть капитальной, — пояснил педагогическим тоном. — Мощный движок при заводке выстреливает ею, как из ружья. Однажды я получил за свою недоработочку прямиком в глаз, на неделю утратив трудоспособность.

— Бог шельму метит, — откликнулся Виктор.

— Молчи, дешевый лицемер!

Через полчаса, катя впереди себя тележку с кефиром и овсяными хлопьями, появилась благообразная пенсионерка. Загрузив продукты в багажник, уселась за руль.

Застрекотал стартер.

Друзья-мошенники напряженно переглянулись. Когда стартер безуспешно поворачивал коленчатый вал в течение пары минут, Марк негодуяще высказался, что технически безграмотная старая дура зальет свечи и тогда впрямь не оберешься возни.

Старуха, похоже, сообразила, что в автомобиле случилась какая-то явная неисправность, и вылезла наружу, не без труда распахнув капот. Зачем она это сделала, было совершенно неясно, ибо с таким же успехом, с каким ею разглядывались соединения хитроумных агрегатов, Виктор и Марк могли бы изучать послания коринфянам в шумерском оригинале.

Скрюченные артритом пальцы с накладными ногтями в кровавом лаке, полезли в сумку, извлекли из нее телефон, но тут в дело вмешался Марк.

— Мадам, — галантно вступил он, — я вижу, у вас проблемы, и готов помочь...

Старуха что-то залепетала, но он тут же решительно оборвал ее:

— Я специалист именно по «БМВ» и представляю себе характер неисправности!

— Сколько это будет стоить? — настороженно спросила старуха.

— О чем вы говорите, мадам! Ровным счетом ничего!

— Вы француз?

— С чего вы решили?

— Мне почему-то так кажется... И потом, я сразу заметила ваш акцент...

— Вы говорите по-французски, мадам?

— О нет...

— Тогда вы не ошиблись, я действительно француз, и меня зовут Пьер Ришелье.

— У вас очень красивое имя...

— Это предки, мадам, предки... Кстати, мой соотечественник Виктор. — Ударение в имени приятеля Марк поставил на последнем слоге. — Сейчас он принесет отвертку, и мы все быстро исправим.

Морпех ослабился, как орангутан, глупо и растерянно улыбаясь. Казалось, будто кто-то сзади держит его за шиворот, принуждая к выражению любезности.

Между тем, ловко орудуя в соединениях проводов и шлангов, Марк поведал старухе, тесня ее под сень капота, дабы Виктор сумел вынуть затычку, о том, что проживает в Нью-Йорке, а здесь оказался по делам и теперь ищет партнера, телефон которого, увы, не отвечает. Когда же чудесным образом обнаружилось, что партнер назначил ему встречу у ворот поселка, где обитает уважаемая мадам, последовал вопрос, каким образом к поселку проехать? — и ответ был, несомненно, ожидаем:

— Следуйте за мной...

Марк, дождавшись условного знака от Виктора, нырнул в салон «БМВ», легонько повернул ключ. Тут же заурчал воскресший движок, положив финал мистификации.

Старуха все-таки полезла за деньгами, но Марк оскорбленным жестом остановил ее.

— Вы оплатите мне тем, что укажете дорогу, — заявил он с благородством прирожденного мушкетера.

Когда машины притормозили у стоянки перед шлагбаумом, он, подойдя к «БМВ», убитым голосом сообщил, что безмерно благодарен путеводительнице, однако только что дозвонился до приятеля, и вот беда: тот будет лишь через два часа, и не мог бы он сполоснуть измазанные после ремонта руки где-то поблизости? Товарищ подождет его возле шлагбаума...

Одновременно Марк косился на приземистое здание пропускного пункта.

Алый огонь контрольной лампы на датчике запора двери двоился, отражаясь в остеклении стойки, за которой сидел страж в униформе, и в его обращенных к входу глазах, залитых мистической краснотой, как зенки голодного вампира или киношного терминатора.

— Руки вы помоете в моем доме, — покладисто заявила благодарная женщина.

Гудком клаксона она призвала наружу охранника, сказав, что к ней проследуют двое посетителей.

Предъявлять документы, к счастью, не пришлось, мазурикам выдали нагрудные таблички с надписью «гость», и на старухином «БМВ», как на троянском коне, злоумышленники въехали на возделенную территорию.

Обстановку дома пожилой леди отличала респектабельность изящной мебели, уютная чистота, коллекция старинных полотен и изысканной посуды. Изобилие раритетов напоминало ассортимент антикварной лавки, и, уловив блудливый взор Виктора, остановившийся на нагромождении всякого рода бус, кольцо и колец возле трюмо в прихожей, Марк, припомнив, что точно такое же выражение лица морпеха предвещало совершение магазинных краж, прошипел ему в ухо:

— Только попробуй что-нибудь спереть!

Виктор поиграл бровями в игривом согласии.

После омовения рук последовало приглашение к чаю.

Чай пили степенно, слушая хозяйку дома, проживающую здесь после смерти супруга в одиночестве, сетующую на дороговизну обслуживания дома и, конечно же, несообразную инфляцию.

Через полчаса напротив окон остановился автомобиль охраны, служивые люди острыми взорами изучили благочинное собрание за столом, его безмятежную открытость и, проявив оплаченную бдительность, удалились.

— Вам надо отрегулировать инжектор, — озабоченно посоветовал Марк хозяйке. — Сейчас я не в состоянии это сделать, у меня нет необходимого инструмента, но завтра мог бы заглянуть к вам.

— О чем вы говорите, я съезжу в сервис!

— Зачем тратить время, я все равно буду проезжать мимо...

— Хорошо, буду ждать...

Взор старухи, обращенный на Марка, внезапно приобрел оттенок кокетливости. Заметивший этот нюанс Виктор безразлично воззрился в потолок, катая по скулам желваки душащего смеха. Марк же, напротив, лучился непосредственной доброжелательностью:

— Вы так похожи на мою сестру...

— В самом деле?

— Видимо, поэтому меня и потянуло к вам... Кстати... — Он взглянул на часы. — Не хотим обременять вас присутствием, но, покуда есть время, можно, мы прогуляемся вокруг? Здесь такие красивые дома, я сам мечтаю о загородном доме и сейчас продумываю проект... Тут же — гениальные образцы! Какая жалость, что я не взял фотоаппарат!

— Во-первых, возьмете его в другой раз, — сказала старуха. — Во-вторых, я с удовольствием пройду и составлю вам компанию!

— Замечательно! — с неподдельным восторгом согласился Марк: своим присутствием местная жительница обеспечивала алиби в деле изучения места будущих оперативных мероприятий.

С час они блуждали по аллеям. Марк неустанно восторгался фантазией домостроителей и ландшафтными видами, галантно поддерживая под сухой локоток экскурсовода, а Виктор, диковато озираясь, брел позади, отмечая расположения камер наблюдения, затемненные уголки и чреватые открытые пространства.

Особняк Уитни, который вчера они рассматривали в бинокль, выделялся своей массивностью, основательным фундаментом из природного камня и множеством окон, подернутых золотистой поволокой затемненного остекления.

— Вам нравится этот дом? — словно уразумев заинтересованность Марка, спросила старуха.

— О нет, он слишком велик, здесь, наверное, живет большая семья?..

— Здесь больше прислуги, чем семьи, — отозвалась старуха ворчливо.

— Какой-то важный человек? — обронил Марк.

— Не знаю, в нашей округе мы мало общаемся между собой.

В этот момент из дверей дома вышел молодой человек в светлом костюме. Что-то проговорил в рацию. С плеча его свисал компактный автомат.

Марк понял, что отсюда пора убираться. Достал телефон, сделал вид, что набрал номер, произнес в пластиковую безмолвную коробочку несколько фраз. Обернувшись к старухе, сообщил:

— Приехал мой друг. Спасибо за прогулку, нам пора.

— Я жду вас! — многозначительно подняла та узловатый палец.

— Завтра я в вашем распоряжении...

Усевшись в машину, друзья обменялись впечатлениями.

— Стекла в доме если не бронированные, то защищенные от внешнего обзора, по периметру участка — датчики, по стенам — камеры, внутри — ребятишки со стрелялками, — подытожил Марк.

— Зато внешний забор — обычная сетка на опорах, да и только, — сказал Виктор. — Подрежем и — шась в кусты...

— Цель? — отрывисто спросил Марк.

— Еще раз повторяю: у нас есть сканер, — произнес морпех устало. — Попробуем их послушать. Какие планы, кто куда идет или едет, чем будет заниматься... Отсюда и наши действия.

— Бабушка нам еще пригодится? — весело спросил Марк.

— У нее к тебе чувство, — озарился кривой улыбкой морпех. — А ты у нас любитель антиквариата, не привыкать...

— На себя посмотри! Тоже, знаешь, нашел... подругу Лилю!

— Подруга Лиля — королева красоты по сравнению с этой Медузой Горгоной. Ей уже на кладбище прогулы ставят.

— Нам тоже, хотя и по другому поводу, — буркнул Марк.

Продолжение знакомства с пожилой леди отныне представлялось ему излишними хлопотами. Все, что требовалось, было рассмотрено, оценено, необходимые выводы сделаны. А потому вечером, проделав прореху в заборе и замаскировав ее, они проникли на территорию, скрылись в примеченных кустах и включили сканер. Слышимость разговоров была слабой, но отчетливой.

До полуночи они узнали массу информации, касающейся семейного быта мистера Уитни, а также то, что завтра он возвращается домой из Атланты. Здесь он пробудет два дня, после чего на короткое время уедет в Калифорнию, в Санта-Монику. Это следовало из разговора двух женщин — судя по всему, дочери и матери.

— Если он остановится в «Ритц-Карлтон», пусть купит мне духи, именно тамошние, такая золотая коробочка с головой льва, — сказала дочь. — Запах райского сада!

— Конечно, у него там номер, — откликнулась мать. — С видом на бухту. А насчет духов, — заставь записать в блокнот, иначе забудет, я его знаю.

— Я позвоню и напомним...

Марк с победным видом посмотрел на товарища, с любопытством склонившего голову к наушнику. На лице Виктора застыла злорадная усмешка. В свете луны, пробивавшемся через листву, глаза его были бездонно темны и неумолимы, как у демона возмездия.

Уитни

Меня захлестнул круговорот дел. Нескончаемые встречи и совещания в городах и весях, переезды из отеля в отель и перелеты из штата в штат. Как хочется плюнуть на все, отключить телефоны и выспаться в просторной солнечной спальне дома на Ки-Вест, во Флориде.

Когда после очередного раута, вернувшись в отель, я предавался этим сентиментальным воспоминаниям, позвонила Барбара. Ее звонок стал для меня потрясением: Нина едва не утонула в заливе по милости Тома! Я всегда считал его парнем поверхностным и мелочно-расчетливым, однако того, что он оставит в смертельной опасности беспомощную девочку, никак не ожидал. Впрочем, случай помог разобраться в сущности этого фанфарона, избавив всех нас от грядущего и куда большего разочарования, набейся он мне в зятя. А дело к тому шло. Я едва заставил себя успокоиться. Хотя — что поделать? — маленькие дети не дают спать, большие — жить. Но без детей жизнь бессмысленна.

А вот Роланд оказался на высоте: несколько часов поддерживал Нину на плаву, и только благодаря ему она и спаслась. Этого парня мне послал Бог! И свою любимую разбитую коллекцию я ему тотчас простил. Да и вообще его пребывание в доме сказывается на всех весьма положительно. Жена хлопотет возле него, все ей развлечение. Нашла игрушку. И Марвин в восторге. Подозреваю, и Нина, что настораживает. Девочка она, конечно, взрослая, но вероятные шашни с этим славным парнем мне не по душе. Знала бы она о его сомнительном прошлом. С другой стороны, теперь для меня крайне неприятна та мысль, что его могут ликвидировать ребята из ЦРУ. И полагаю воспользоваться своим влиянием, дабы умирить их пыл.

Настроение омрачает бежавший в Москву русский. Надеюсь на Ричарда, пообещавшего решить данную проблему, хотя как он будет ее решать — неизвестно. А между тем день тянется за днем, не принося никакого результата. Нервы на пределе. Мне кажется, что-то странное появилось в интонациях членов Совета, с которыми я держу постоянную связь; что-то натянутое и неблагоприятное... Или я вязну в напрасных страхах? А если и в самом деле какие-то неведомые и грозные события развиваются за моей спиной?

Руководимый именно этими опасениями, я решил воспользоваться приглашением на празднование юбилея одного из наших бонз, куда он пригласил едва ли не всех посвященных, в том числе — Большого Босса. Пришлось отправляться в Атланту, стоило потеряться среди сборища единомышленников. Особенных надежд раскусить их планы я не питал, но флюиды, ненароком оброненные слова и взгляды тоже порой способны приблизить к истине, пускай и неутешительной. И с этой поездкой я не прогадал!

В толкотне парадного зала, где теплые огни люстр отражаются в высоких зеркалах, среди фраков, собольих и шиншилловых палантинов, шелка и кружев, блеска драгоценных камней в низких вырезах вечерних туалетов, я сразу же усматриваю одиноко жмущуюся среди чопорной знати секретаршу Большого Босса, одетую в скромный деловой костюмчик. Узнав меня, она вспыхивает радостной улыбкой и тут же растерянно сообщает, что шеф час назад перенес сердечный приступ, до завтрашнего дня про-

будет в госпитале, а она, что называется, совершенно не у дел. О, как она заблуждается!

Я тотчас составляю ей пару. Зовут ее, оказывается, Бетти.

Прием проходит довольно раскованно, возле меня то и дело возникают знакомые персонажи, и ни малейшей тени недоброжелательности с чьей-либо стороны я не испытываю. Напротив, приближенные Большого Босса высказывают мне пару предложений, весьма значительных и перспективных, что подчеркивает актуальность моей персоны в их бизнесе. Единственной неприятной деталью оказывается мелькнувшая в столпотворении магнатов и знаменитостей физиономия Пратта. На миг он останавливает на мне взгляд своих водянистых, неприветливых глаз, глумливо кивает и отходит в сторону, подчеркнуто не стремясь к общению. Под руку с ним, влюбленно глядя на супруга, держится сияющая бриллиантами Алиса, бросающая на меня нарочито рассеянный взор. И в этом взоре я со всей определенностью распознаю невысказанное: «О, как мне опротивел этот павиан! И где же, Генри, твои решительные шаги?»

Решительные шаги в отношении Пратта я, увы, в очередной раз малодушно откладываю на потом, зато в отношении Бетти, напротив, прилагаю отчаянные усилия, любезничая с ней, как только могу.

— Где вы остановились? — спрашиваю на ушко, чокаясь шампанским.

— Здесь... — Она пожимает плечами. — На втором этаже. Мне выделили апартаменты.

— Я хотел бы на них посмотреть, хочется убедиться, что они достойны такой ослепительной женщины...

— Вы невозможный, мистер Уитни, — смеется она и краснеет от смущения и удовольствия. Я замечаю, она становится очень соблазнительной, когда краснеет. — Вы хуже мальчишки!

— Я лучше мальчишки! И готов прямо сейчас вам это доказать.

— Я не против, но...

Я внезапно пугаюсь. А вдруг действительно потащит сейчас в спальню...

Надо выдержать паузу и разобраться в себе. Не давая при этом остыть Бетти, иначе можно остаться в дураках.

— Мне надоели эти тостики и шипучка, — говорю я. — Давайте поужинаем.

Приглашение принимается, и мы следуем в ресторан.

Рандеву проходит в доверительной и многообещающей атмосфере начинающейся влюбленности, в которую мы изошренно играем. Сервировка стола отличается изысканностью: болотный угорь в соусе из черепахи, улитки в сиропе из роз.

Из слов Бетти следует, что она крайне озабочена здоровьем Большого Босса, а из подтекста — что, коли случится ему помереть, ей придется расстаться с насиженным местом и высокой зарплатой, ибо преемник наверняка приведет с собой прежнюю секретаршу.

— Готов хоть завтра взять вас к себе!

— Правда? — вновь вспыхивает она.

— Конечно. Другое дело, как посмотрит на это шеф. Полагаю, торопиться не следует, но этот вариант, считайте, хранится у вас, как в банке. — Я говорю это, поскольку уже представляю себе ее вербовку и дальнейшие неоценимые услуги, которые она сможет оказать.

Дело сделано. Теперь ее заинтересованность во мне несомненна.

Из ресторана мы следуем в номер, где я без долгих церемоний ее раздеваю. Она изображает некоторое смущение, но я быстро помогаю ей преодолеть эту несуществующую преграду.

В перерывах ласк и лобзаний, за рюмкой аперитива, она сообщает мне вскользь, что нуждается в небольшой ссуде для покупки квартиры и есть ли у меня на примете подходящий банк со льготными процентами? Я с непоколебимой убежденностью отвечаю, что есть, имея в виду, конечно же,

себя. А после добавляю, что вопрос можно решить, пренебрегая как процентами, так и возвратом требуемой суммы. Поясняю:

— У меня есть некоторые проблемы среди окружения Большого Босса... И, надеюсь, ты сможешь прояснить их суть...

— Это Пратт, — понятно заявляет она.

— Откуда ты знаешь?

— Я... в самом деле могу рассчитывать на тебя? — спрашивает Бетти невольно дрогнувшим голосом.

— В моих обещаниях ты не разочаруешься, — заверяю я.

— Мне многое приходится слышать ненароком, — говорит она. — Старший сын Пратта — партнер шефа в нефтяном бизнесе. Они встречаются едва ли не ежедневно. Разговоры ведутся, как правило, в комнате отдыха, примыкающей к кабинету, она закрывается наглухо. Так что подробностями я не располагаю. Но то, что сейчас в Совете против вас создается коалиция, знаю точно.

— Мне нужна ежедневная информация, — откликаюсь я.

— Но я...

— К тебе подъедут мои люди и помогут с техническими проблемами...

— А если...

— В крайнем случае за тобой у меня всегда сохраняется место. И ты можешь перейти ко мне демонстративно — война есть война! Что касается денег, получишь их завтра.

— О, Генри, мне страшно...

Я сжимаю Бетти в объятиях, наслаждаясь ароматом ее тела. Произношу со смешком:

— Теперь ты в надежных руках.

Она хихикает:

— Ты законченный обольститель... Да! На следующей неделе они готовят какую-то публикацию в «Вашингтон пост». О том, будто ты выбил бюджетные деньги на сфальсифицированные научные изыскания. Фамилию журналиста я тебе скажу.

Вот так номер! Я едва не подсказываю на постели.

А после вновь принимаю с признательностью и обожанием к обретенному источнику плотских утех и спасительной информации.

Ранним утром она покидает меня, совершенно измочаленного, разбитого на куски, но вполне удовлетворенного очередной победой.

Некоторое время лежу, размышляя о создающейся против меня коалиции в Совете. Факт неприятный, но я воспринимаю его равнодушно. Мне есть на кого опереться, устремления многих членов Совета зависят от моей доброй воли, а интриги существуют в любом коллективе. Достаточно сойтись двум людям, и вот уже пошла игра! Другое дело, если настроения и действия, направленные против меня, начнут приобретать широкомасштабный характер. Тогда можно их вывернуть в свою пользу. В частности, если вскроется история с преступной записью совещаний Совета, можно оправдаться закономерностью опасений в искренности коллег и целесообразностью психофизической, к примеру, аналитики их реакций. Шито белыми нитками, но в условиях угрозы внутренней войны это звучит как аргумент обороны. То есть сами виноваты, довели хорошего парня до ручки.

Я заставляю себя соснуть на часок, а затем принимаюсь собираться на аэродром. Возвращение домой откладывается. Срочнейшей задачей видится предотвращение публикации, сулящей грандиозный скандал. Я лечу в Нью-Йорк, к Тони Палито, одному из глав нью-йоркской мафии, моему старинному приятелю. Мы познакомились в ранней юности во Флориде, где он проводил лето с родителями в доме по соседству, и по сей день очень дружны. Мы постоянно помогаем друг другу, не считаясь количеством услуг. У Тони колоссальные связи в прессе, да и вообще у меня к нему накопилась уйма вопросов.

Прежде чем я покидаю номер, раздается звонок телефона.

— Есть любопытные новости, — сообщает Ричард. — Вы знаете вашу соседку, миссис Тремб? Она живет практически через дорогу...

С трудом, однако, я припоминаю старуху в пышном парике, похожую на засохшую кашку.

— Так вот, — продолжает Ричард. — Вчера, используя ее машину, на территорию поселка проникли те двое русских, которых мы разыскиваем в Нью-Йорке. Старуха дьявольски хитра, она подыграла им, даже сподобилась показать окрестности, чтобы выявить интересующие их объекты. У нее с собой неотлучно радиопульт для вызова охраны, и она решила пощекотать себе нервы... Подробности при встрече, но эти бандиты, несомненно, вынюхивали что-то поблизости от вашего дома. Меры к усилению безопасности я предпринял.

Час от часу не легче! Я изнеможенно опускаюсь в кресло. Собрал силы, отрывисто спрашиваю:

— Что еще?

Ричард бодро рапортует, что через его связи в ФБР в наше московское посольство дан запрос на розыск и арест преступника, ограбившего сейф.

Я не успеваю проанализировать такого рода заявление, а этот болван уже спешит заверить меня, что ФБР давно и тесно работает с их местной полицией, а потому ее активная поддержка нам обеспечена!

— Запрос уже ушел? — Трубка в моей руке дрожит, хлопая по уху.

— Еще вчера! — сообщается мне победно.

— Что ты натворил?! — ору я. — Кроме денег он взял важнейшие документы! И если они попадут в чужие руки, да еще за границей...

— Но вы же ничего об этом не говорили... — с беспокойным смешком заявляет он.

Я беспомощно хватаю ртом воздух. Выдыхаю:

— Ни одного действия без согласования! Ни одного!

В самолете пытаюсь уснуть, но взвинченные нервы и сумятица взбудораженных мыслей отгоняют желанное забвение.

К Тони я приезжаю, едва волоча ноги.

Дом Тони стоит в глубине тенистого сада. Возводил дом его дед в начале прошлого века. Строение основательное, ухоженное, от которого буквально веет традициями и историей.

С непритворной сердечностью мы обнимаемся, и я прохожу в кабинет дона. Он одет по-домашнему: в толстый свитер грубой вязки, в джинсы с пузырящимися коленями и войлочные тапочки.

В кабинете — тяжелая резная мебель темного дерева, камин, золоченые подсвечники и старинная хрустальная люстра, под которой некогда совещались знаменитые американские гангстеры.

— Ты хреново выглядишь, — говорит мне Тони, усаживаясь в кресло за письменным столом.

— Ты не лучше, — отвечаю я, вглядываясь в мешки под глазами на одутловатом лице и обильную седину в небрежно зачесанных назад волосах. — Пора бы нам съездить во Флориду, ты как?

— Когда? — вздыхает он. — На мне куча дел и людей. Я — тяжело работающий бизнесмен.

Это правда. Тони владеет многочисленной доходной недвижимостью, у него добрая сотня ресторанов по всем Штатам, десяток отелей, кроме того, он один из главных поставщиков гранита и мрамора из Латинской Америки и владелец нескольких кладбищ, в том числе в Нью-Йорке.

Похоронный бизнес — отрасль перспективная, быстро развивающаяся и приносит, судя по всему, стабильные доходы, хотя говорить с Тони на данную тему я не расположен. Я вообще ненавижу похороны, в них что-то противоестественное, и я всегда их избегаю. Своих собственных — особенно. Кстати, недавно в прессе прошел шумок, будто на кладбищах дона Палито распространена традиция подкладывать под законно оформлен-

ного покойника труп, а то и не один, жертв мафиозных войн. Шумок, правда, пронесся и быстренько растаял.

Именно со своих неприятностей, связанных с прессой, я начинаю разговор.

— Я это решу, — мрачно кивает Тони. — Сегодня же.

— Это могу решить и я, — откликаюсь устало, — но твои заботы кое-кто верно оценит... И еще. Мне надо, чтобы твои ребята поговорили с Праттом. Его провокации не знают предела.

— А если он обратится... — Тони косо указывает в потолок.

— Он трус и сразу же сдается, — говорю я.

— Я дам тебе людей, но сам останусь в стороне, — отвечает он. — В вашу банку с пауками лучше не совать палец. И ты должен меня понять.

Мне нечего возразить, логика Тони прямолинейна, но мудра. Государство превыше мафии. А члены Совета превыше государства.

Я перехожу к иной теме, рассказывая об ограблении сейфа и сбежавшем русском.

— Тебе нужны помощники в его розыске? — спрашивает он. — Наши ребята в таком деле бесполезны. Чужая страна, чужой язык...

— Нет ли у тебя там серьезных и надежных связей? — подсказываю я.

— Я работал с русскими, — говорит Тони. — И не доверяю никому из них. Среди общего числа мошенников и болтунов лишь пару раз мне встречались толковые люди. Один из них убит, второй ушел в крупный бизнес. Он, кстати, живет в Нью-Джерси вместе с семьей, но то и дело вылетает в Россию.

— Я хорошо ему заплачу...

Тони снисходительно улыбается.

— Думаю, он скоро войдет в ваш профсоюз, — сообщает с тенью сарказма. — Твои гонорары на прирост его миллиардов не повлияют.

Я понимаю, о ком идет речь. С этим человеком я в состоянии познакомиться самостоятельно, более того, посредничество Тони здесь неуместно, однако этот русский нувориш оказывать мне гарантированные услуги не станет, переадресовав меня с моими скользкими проблемами в такие же сомнительные слои неформальных сообществ, от которых жди, чего не хочешь.

— Хотя, — будто припоминая что-то, говорит Тони, — поддержку в России я тебе обеспечу. Но желательно, если ты пошлешь туда своего ответственного человека.

— Ты читаешь мои мысли, старый друг.

Я доброжелателен, спокоен, но меня мучают досада и разочарование. Я нахожусь в положении владельца оружейного арсенала, потерявшего от него ключ и должного поразить мишень с помощью какого-нибудь корявого булыжника, но и того не сыскать.

Снова спешу на аэродром. Воспользоваться вертолетом Ричард мне предлагает: его легко могут сбить какой-нибудь ракетой — а потому я лечу самолетом из одного аэропорта в другой, а после на бронированной машине возвращаюсь домой.

Патрик уже всюду ковыляет по коридорам и орет, просясь наружу. Увидев меня, судорожно карабкается на грудь и замирает, удовлетворенно и сладко урча. Я целую жену, стыдя себя за давешнюю измену, обнимаю сына и дочь, и сердце мое переполняет нежность и какое-то обреченное грустное чувство. Боже, как я люблю их! И что без них стою?

Звонит Большой Босс. Его здоровье вне опасности, он на месте, в рабочем кабинете. С извинениями сообщает, что за моим гостем завтра к вечеру заедут компетентные люди и более он меня не потревожит.

— Давно пора, — откликаюсь я равнодушно.

И тут-то в моей голове складывается и утверждается весьма интересный план...

— Где Роланд? — спрашиваю я Барбару.

— У себя...

— Срочно ко мне!

А вообще, чего я на него взелся? Симпатия малый, только дичинка в глазах и упрямая настороженность. Но это сгладится, это вопрос дальнейших отношений. А им, видимо, суждено состояться.

Я здороваюсь с ним за руку, усаживаю в кресло.

— Еще раз спасибо за дочь, — говорю, исполненный неподдельной благодарности. — И думаю, что отплачу ответной услугой. Не знаю, да и не хочу знать никаких твоих прошлых дел, но, похоже, тебя хотят убрать. Дело связано с известным одиннадцатым числом осеннего месяца... Каким образом ты к нему причастен, тебе виднее, а твоим боссам виднее, как тобой распорядиться. А вот в чем я уверен: их планы придутся тебе не по нраву.

Глаза его прищуриваются в сосредоточенном раздумье.

— И что делать? — спрашивает он довольно-таки хладнокровно.

— Ты знаешь русский язык?

— Да, я жил в России.

— В таком случае насколько хорошо ты знаешь язык, страну и есть ли у тебя там надежные, незасвеченные контакты?

Он неопределенно улыбается. Ответает:

— От русского меня не отличит никто. Вопрос контактов следует тщательно обдумать.

— Тогда скажи, смог бы ты в качестве моего доверенного лица справиться с такого вот рода задачей...

Я повторяю историю о злосчастном сейфе.

— Таким образом, наша цель — диски, — подводит он итог.

— Совершенно верно. После чего в Москву вылетит мой человек, просматривает их, чего тебе категорически не рекомендую, и мы будем думать, как устраивать нашу жизнь дальше.

— Зачем же вам после этого со мной канителиться? — задает он резонный вопрос.

— А я и не собираюсь, — говорю я. — Ты получишь чистые документы и некоторую сумму, которая тебе понравится. Такая постановка дела устраивает?

— Хорошо, но документы мне потребуются уже сегодня.

Я вновь вспоминаю о Тони. Эту задачу он решит в течение, думаю, получаса.

— Пустяк. Главное сейчас — уносить отсюда ноги. И еще. Я понимаю, что у тебя серьезная специальная подготовка. Но ты диверсант, а не сыщик, что, увы, смущает.

— Это родственные профессии. Хороший диверсант всегда должен думать, каким образом его вынюхают ищейки.

Он прав. Разведка, кстати, тот же сыск. И в матером шпионе всегда две личности: его самого и неведомого оппонента-контрразведчика.

— В таком случае, Роланд, возлагаю на тебя большие надежды.

— Один технический вопрос, — продолжает он. — Если у этого парня в Москве родители, через них мы способны выдвинуть условия...

— Опасный ход, — делюсь я. — Напугаем старых людей, они кинутся в полицию... Да и у этого мерзавца могут не выдержать нервы. Нет, методы прямого нажима пока исключаются.

— Я понял. И очень признателен вам, мистер Уитни, — говорит он. — Надеюсь, не обману ваши ожидания. Единственно, передайте Барбаре и Нине, что я выполняю ваше задание и скоро вернусь. Мне кажется, мой отъезд их расстроит.

— Да, жаль, — рассеянно отзываюсь я. С его присутствием что-то неумолимо переменялось в доме, переменялось к лучшему, к теплоте и праздничному, что привносит с собою желанный гость. Но гостю всегда суждено уйти.

Звонит Кноп. Докладывает, что еще вчера просмотрел материалы видеонаблюдения за подступами к нашему поселку, номер машины, на ко-

торой приехали злоумышленники, вычислен и введен в контрольный файл федерального компьютера. А вот сегодня, оказывается, благодаря системе, фиксирующей транспорт на автострадах, искомая машина обнаружена. Что интересно — всего-то в пяти милях от моего дома, на платном паркинге. Менеджер опознал разыскиваемых нами мерзавцев, сказавших ему, будто отлучаются из штата на несколько дней. Организована засада. К лицу, на чье имя в Нью-Йорке оформлен автомобиль, направлены наши люди, этим занимается Ричард.

Я едва успеваю подумать, какой же я молодец, что в свое время поддержал закон о тотальном контроле транспорта на дорогах страны, принесший сейчас лично мне изрядную пользу, как дверь кабинета бесцеремонно распахивается.

— Пойдем в сад, я хочу играть в индейцев! — выкатывается на своих роликовых коньках неугомонный Марвин. С луком в одной руке и со стрелами в другой. Одержимый забавами херувим.

— Никаких индейцев! — отрезаю я. — Ни шагу из дома!

— Почему, папа?.. — хныкает младшенький.

— Потому что сегодня в нашем саду могут снять скальп даже с меня, — говорю с полнейшей убежденностью.

Максим Трофимов

Пути Господни неисповедимы, а повороты жизни непредсказуемы. В этом, наверное, и заключается ее суть. Именно суть, не смысл. Их отличие точно такое, как отличие души от духа.

Возможность проявить себя в доморощенной философии представилась мне по дороге в Нью-Йорк, куда через час после доверительной беседы отправил меня мистер Уитни.

Хорошо, что дома находилась Нина, я успел вкратце поведать ей, что уезжаю в Россию по неотложным делам ее отца и выбора у меня нет.

Глаза ее наполнились слезами, но в следующее мгновение, преодолев эмоции, она категорическим тоном заявила, что улетает вместе со мной. Я не успел вякнуть, что данный поступок вряд ли будет одобрен суровым папой, как она добавила, что поедет инкогнито, соврав родителям, будто намерена погостить у подруги в Париже. От нее веяло такой решимостью, что противоречить у меня не нашлось сил. Да и желания. Может, это было безответственно, однако расставаться с ней мне не хотелось. И я лишь сподобился на покорный кивок.

Мы не успели даже обняться на прощание: появился один из охранников, приказав спустаться вниз, к машине. Она сунула мне карточку с номером своего мобильного телефона.

— Позвонишь мне из Нью-Йорка...

— Сегодня же! — заверил я.

В Нью-Йорке меня поселили в отеле на отшибе Бруклина, приказав никуда из него не выходить. Весь вечер со мной провел Ричард. За ужином мы обсудили дальнейшие оперативные мероприятия, детали связи и финансирования моей жизни и деятельности. Особенность создавшейся ситуации заключалась в том, что на Юрия Жукова, совершившего преступление в США, ушел скоропалительный запрос в Москву, и теперь эту ошибку следовало нейтрализовать.

Выслушивая соображения Ричарда и попутно вспоминая Уитни, мне пришлось невольно усомниться в бытующем в России устойчивом мнении об американцах как о законченных идиотах. Возможно, малоразвитое население в Америке составляет большинство, но правят им, без сомнения, умы изощренные и холодные. И если бы нашему сноровистому народу везло с управителями подобного рода, за счастьем в Штаты никто бы не побежал.

Когда Ричард покинул меня, я вышел из отеля, позвонив из уличного автомата Нине. Договорились, что, как только прибуду на место, сообщу координаты и встречу ее в аэропорту. Мой отъезд, чувствовалось, привел ее в полнейшее смятение. Да и мне такая разлука была не по душе, хотя, бесспорно, спасала жизнь.

После, изрядно подготовившись морально, я позвонил матери. Самым беспечным тоном, обмирая от ее оглушенности и потрясения, отчетливо проникнувшими в меня через громаду разделяющего нас пространства, сказал:

— Мамуля, все в порядке. Я далеко, но жив, здоров, нахожусь в полнейшей безопасности.

— Мне сказали, ты без вести пропал...

— Ну вот, объявился. Как у тебя?

Она плакала, не в силах остановиться, а я, глядя на вечерние огни пригородных домишек, лепетал что-то увещающее, с некоторой толикой облегчения сознавая, что кризис пройден, со временем мать успокоится, а значит, будет легче и мне.

— Приходил какой-то следователь, — закашлявшись, сказала она. — По тому, дачному делу... Оно приостановлено.

— Уже хорошо, — сказал я. — А ты реवेशь.

— Так когда ты приедешь?

О святая наивность!

— У меня много дел. Позвоню через месяц. И запомни: о нашем разговоре — никому!

Я невольно усмехнулся. Если разговор прослушивали, мое напутствие было, мягко говоря, нелепым, но если «двоечку» не поставили, оно бы не помешало.

Еще пару минут я отбивался от ее взволнованных вопросов, отделяясь туманными объяснениями, а затем, твердо пообещав скорую встречу, повесил трубку.

Утро прошло в сборах, затем подкатил Ричард, и не успел я глазом моргнуть, как очутился в сувенирной лавке аэропорта Жи-Эф-Кей, снабженный американским паспортом, где я именовался как Хантер де Баттс, двумя кредитками и пакетом с установочными данными на Юрия Жукова, несостоявшегося эмигранта.

Ричард вручил мне криптотелефон для секретных переговоров с ним и Уитни, а также билет первого класса.

Вскоре лайнер взмыл над водной ширью. Мелькнула в иллюминаторе отдаляющаяся прибрежная полоса, окантованная кружевом прибора. Прощай, Америка. Я ее и не рассмотрел. Мои впечатления — оранжевый парод, едва не потопивший нас, и — ночь любви, стоящая всей Америки. От океана до океана.

Обласканный услужливыми стюардессами, то и дело подносившими яства, я блаженствовал в широком кресле, раздумывая о своей участи. Я направлялся в зону высокого риска.

Идентифицируй мою личность российские секретные службы, церемониться они, конечно, не станут. Передо мною и в самом деле стоял нелегкий вопрос: идти с повинной к властям или же продолжать следовать логике тех событий, в которые меня вовлекла судьба?

Я отдавал себе отчет, что правдивое повествование о моих приключениях вызовет немалую заинтересованность в официальных кабинетах, но это будет всего лишь первоначальной реакцией. Связь Генри Уитни, человека из влиятельных американских кругов, с террористом Роландом Эверхартом, причастным к событиям одиннадцатого сентября, едва ли получит огласку: пакостить США нашим политикам не резон. К тому же прямых доказательств нет. И вообще — не до жиру, быть бы живу. Обойдется без шумихи. Пойдут доклады наверх, сверху, недолго думая, спустят команду заткнуть возможный источник скандальной информации, и меня

легко и непринужденно «сотрут». Или посадят, раскрутив до упора наказание по тем статьям УК, что мне так или иначе будут вменены. Освободить от тюремного срока спецслужбы, естественно, смогли бы, но только при наличии фактора моей полезности. А такого фактора не существует. Внедрение в среду террористов исключено, я лишь чудом избежал разоблачения и уж на перспективного агента никак не тянул. Единственный щит, прикрывавший меня в сегодняшней жизни, являл собою американский паспорт, сделанный мне серьезными дядями. В частности — мистером Уитни, чью благосклонность надлежало поддерживать, с усердием и прилежанием выполняя его поручения.

Так что легализация по приезду на родину виделась мне отныне абсолютно бессмысленной. К тому же она означала прямое предательство Уитни, кому, без сомнения, я был обязан жизнью, сегодняшним достатком и чью дочь беззаветно любил. Я даже несколько озадачился, когда, любезничая с красавицей стюардессой, которой, по-видимому, приглянулся, поймал себя на мысли, что к продолжению знакомства не стремлюсь, хотя особых усилий оно не требует, а безусловный успех сулит.

Таким образом, вариант обретения приюта у какой-нибудь из своих прошлых пассий не отвечал требованиям моей высоконравственной персоны, да и к тому же в опасении, что природа все же сильнее принципов, я прямо из аэропорта покатил на квартиру к своему приятелю Толе Акимову, ныне пустующую. Толя, бывший сослуживец, по ранению был из армии уволен, пошел в частные охранники, а затем сел на шесть лет за неудачное выбивание долгов по коммерческим заказам. Квартиру оставил под моим присмотром, лишь бы я оплачивал услуги по ее содержанию со своего счета. Я уже собирался окончательно переехать туда от мамы, но помешала сначала командировка в Чечню, а затем последующие за ней события.

Ключ был на месте — в трещине бетонной плиты за сетчатой дверцей люка телефонной разводки.

Я включил холодильник, вымылся с дороги и уселся на стул возле раскрытого окна, глядя на родной кирпич московских домов. На карнизе соседнего сидела стайка ласточек, словно совещаясь перед отлетом в теплые дали. Откуда они взялись здесь, в грязном, задымленном городе? И вдруг дошло: в них память поколений, зовущих в края обетованные, где некогда были деревеньки среди идиллических дубрав. Несчастные птицы, верные своей родине! Я, наверное, сродни вам.

Одевшись, отправился за продуктами в магазин, совершенно ошале- лый от долгожданной встречи с Москвой. Рука так и тянулась к трубке, дабы обзвонить друзей и подруг, но делать этого, увы, не полагалось.

Из телефона-автомата я все-таки позвонил одному из знакомых милицеских оперов, сказал, что попал в затруднительное положение и прошу его выяснить мой сегодняшний статус. Перезвонив через двадцать минут, услышал:

— Ну, чего? Поздравляю. Интересующий вас господин находится в федеральном розыске. Статьи: нехорошая валюта, огнестрел и — оружие. Перспектива плохая.

— Но Камасутра утверждает, что безвыходных положений нет...

— Правильно. Но там уже прокурорские сферы... Тяжелые масштабы.

Это переводилось так: уголовное дело держит на контроле прокуратура, и ставка взятки для его закрытия отныне непомерна.

— Спасибо на добром слове, старина.

— Звони, если что...

Я навестил гараж-«ракушку», стоящий неподалеку от подъезда. «Жигуль» приятеля, запыленный и чумазый, пребывал, на мою радость, в ее жестяном чреве. Повернул ключ в замке зажигания, но еле забрезжившие краснотой лампочки засвидетельствовали мне почтение от мертво севшего аккумулятора. С батареей следовало повозиться, а покуда автомобиль не приведен в порядок, воспользоваться такси.

Вернулся домой. Едва вошел в прихожую, как растворилась дверь комнаты. В дымном свете, падающем из распахнутого окна, стояли двое молодых, устремив на меня пистолеты. Рожи их были искажены напряжением и злобой.

— Руки в гору! — рявкнул бас, сорвавшийся в нервный фальцет.

Марк

Ехать на машине из Вашингтона в Лос-Анджелес для дальнейшей охоты за Генри Уитни Марк посчитал делом трудоемким и экономически невыгодным, решив отправиться на западное побережье самолетом.

Из золотого августа с грустными наметками приближающейся осени они переместились в негу вечного калифорнийского лета.

Взяв напрокат неприметную машину, припарковали ее рядом с отелем, куда вот-вот должен был пожаловать неприятель.

Потекли часы непрерывного дежурства, скрашиваемые изучением атласа городских магистралей. Время от времени один из напарников сменил другого, отправляясь к тылу отеля, на солнечную набережную, тянущуюся вдоль бухты, заполненную сотнями яхт. Белесый теплый туман стоял над спокойной водой и лесом бесчисленных мачт. Звенела посуда в открытых ресторанчиках, на крахмальных скатертях дымились в серебряных супницах морские деликатесы, и местное рубиновое вино сияло в высоких бокалах. Здесь можно было славно перекусить и, что немаловажно, справиться иные актуальные нужды.

Уитни прибыл только на следующий день. К отелю его подвез «линкольн», где помимо водителя находились два паренька — безликие близнецы с грудными клетками, напоминавшими пивные бочонки и с шеями племенных боровов. Свою работу ребята знали: они даже не прикоснулись к чемоданам босса, дождавшись носильщика; после, бдительно осматриваясь, прикрыли шефа с фронта и с тыла, двинувшись в холл.

— Клыкастые псы, — подосадовал Виктор.

— Такую пехоту без танков не одолеть, — озабоченно согласился Марк. — Все, вылезай, пошатайся рядом, я буду на связи.

— И куда ты?..

— Поехал искать танк. Вопросы и объяснения — позже.

Марк действовал согласно схеме, продуманной еще в Вашингтоне. Как он и предполагал, никакой особенной охраны и кортежа с олигархом не было, так — дежурные крепкие мальчики, почетная гвардия. Способные, однако, дать качественный вооруженный отпор.

Затевать романтическую перестрелку с непредсказуемыми последствиями Марк не жаждал, предпочтя ей иную методику противоборства, способную в случае чего быть оправданной судебными и полицейскими юристами. Автокатастрофа — вот прецедент, где злокозненность умысла доказуема трудно. Именно к ней склонялся бывший оперативный уполномоченный, давно и прочно уяснивший, что способ совершения преступления прямо влияет на меру вероятного наказания.

Перелистав городской справочник и выбрав необходимый адрес, Марк двинулся в сторону почтового ведомства, проклиная Лос-Анджелес с его разбросанными по холмам районами, соединенными между собой длинными скоростными магистралями. Города в привычном понимании не существовало. Деловой центр, где на асфальтовой пустоши высилась кучка небоскребов, и многочисленные, удаленные на многие мили друг от друга поселения городского либо же откровенно дачного типа. Доехать из одного района в иной означало порой преодоление десятков миль.

У почтового департамента он увидел именно то, что хотел: множество разъездных грузовичков, в изобилии припаркованных у административного здания.

Проведя разведку, вернулся обратно, застав в вестибюле гостиницы скупающего Виктора.

— Объект на месте, — доложил тот. — Где твой танк?

— Танк на запасном пути, — сказал Марк. — Сейчас я за ним выдвигаюсь. Теперь слушай план. Ты сидишь в машине и ждешь, когда выйдет Уитни.

— А он выйдет?

— Обязательно, — уверил Марк. — И, если следовать логике и моей интуиции, вечером поедет на какой-нибудь прием. А может, просто перекусить. Ты следуешь за ним. А я привожу в боеготовность танк. Конечная задача такова: маршруты танка и лимузина господина Уитни должны пересечься.

— Здесь столько классных одеколонов, — произнес невпопад Виктор, стрельнув глазом в сторону очереди гостиничных магазинчиков. — Может, тряхнем стариной? Никаких камер, за прилавком — лохи...

— Сейчас я буду убивать тебя в изощренной форме, — прошипел Марк.

— Какой же ты скучный...

— Держи ключи от машины, я уехал на такси...

Предположения Марка оказались верны: вечером к отелю подъехал «линкольн», и Уитни отправился в Голливуд, в один из ресторанов, расположенных на холмах.

К тому времени с помощью незамысловатого инструмента Марк проник в один из почтовых автобусов, не пользующихся ни малейшей популярностью у профессиональных угонщиков, сломал отверткой нехитрый замок зажигания и, замкнув провода, завел двигатель.

После, дождавшись звонка от Виктора, поехал в сторону Голливуда. Остановившись на тихой улочке, раскрыл атлас городских трасс, вычисляя место засады.

В сумерках пронесся, шурша листвой пальм, мелкий и робкий дождь, размывая огни реклам в лобовом стекле. Таившиеся в близких садах смиренные домишки обывателей источали уют и благодать.

Он набрал номер телефона Виктора.

— У него тут одна за другой встречи, — сказал тот. — Но дело движется к финалу, подали десерт.

— После съезда с холма, — поведал напарнику Марк, — он так или иначе двинется по главной дороге. На втором светофоре, если поедет в отель, повернет направо, там узкая улица и вообще никого. Частные дома и заборы. Жду его на втором перекрестке. Когда все кончится, подъезжай не мешкая. Вольту держи на взводе, придется, видимо, ставить окончательные акценты... Номера задрапируй липой.

— Я все понял, — донеслось отрывисто. — Ты пристегнись потуже...

— Само собой. Виси у них на хвосте, телефон не отключай.

Очередной звонок прозвучал лишь через час.

— Иду в кильватере за их шаландой, — напряженно доложил Виктор. — Холм позади, пошла главная дорога...

Марк натянул перчатки. Протерев ручки и руль, завел двигатель. Грузовик стоял на пригорке, дорога, ведущая с холма, различалась отчетливо, дистанции для разгона хватало. Перекресток перед ним был пуст. В свете фонарей асфальт сиял мириадами стеклянных вкраплений, словно усыпанный бриллиантами.

Он нащупал втиснутый в карман куртки пистолет. Затем, включив передачу, подгазовал, в который раз проверяя тяжелую машину на резкий рывок.

— Свернули в твою сторону, — продолжил Виктор.

— Моргни дальним светом... Все, вижу!

— Так, проехали первый перекресток... Жми!

Стеклянные созвездия на полотне дороги вспыхнули еще ярче под светом приближающихся фар, и Марк, подобравшись, вдавил педаль газа в пол, рванув к цели.

Сознание возмущенно противилось будущему столкновению, немела нога на педали, торопливым насекомым прополз по спине внезапный озноб, однако с упрямой отрешенностью самоубийцы Марк мчался вперед, нутром ощущая тающую между машинами дистанцию и выдерживая необходимую скорость.

Черный силуэт выскочившего перед глазами «линкольна», показавшийся размытым, плоским, будто картонным, заполнил собою все пространство, в следующий миг словно свернувшееся в ослепленное тугое безмолвие, а затем, с толчками испуганно встрепенувшегося сердца, возвратилось невольное утраченное сознание, рваными фрагментами уясняя действительность: вставший горбом капот грузовика, свист пара из впрессованного в движок радиатора и — медленно вращающееся в темноте колесо перевернутого на бок лимузина.

Как в зыбком сне увиделось лицо Виктора: белое, перекошенное; заботливая сила повлекла его из кабины грузовика, в которую он цепко и намертво врос; вспомнив о пистолете, полез в карман, однако непослушная рука безвольно упала вдоль туловища; после взвыли неясные протяжные гудки, он снова провалился в небытие, и медленно, кусочками складывающаяся реальность окончательно восстановилась много позже, в автомобиле, мчавшемся по ночной трассе. Он диковато повернулся к сидевшему за рулем Виктору.

— Включился? — неприязненно спросил тот.

— Я не понял... — хрипло начал Марк.

— Ты себя едва не угробил, — угрюмо откликнулся товарищ. — Я думал — все, готов.

— Это нокаут, — согласился Марк, потерянно ощупывая грудь и осторожно приподнимая колени. — Ребра болят...

— От ремня, — сказал Виктор. — Seriously ты их уделал...

— Ребра?

— И ребра, наверное.

— Что было-то, что?!

— Навернул ты им в самую середину, — ответил морпех, затравленно усмехаясь. — «Линкольн» — как подкова... Ну, я особенно не вникал, сразу к тебе, дверь ты правильно не закрыл, замки бы точно заклинило... Ну, вроде в сознании, но глаза пустые... Отстегнул тебя, на плечо и — в салон.

— А они-то как?

— Да хрен знает, — отмахнулся морпех. — Тут, как назло, сразу три тачки принесло со всех сторон, я и газанул...

— А пистолет?.. — Марк судорожно рылся в карманах. Затем, уяснив, что до сих пор одет в перчатки, остервенело содрал их. — Где пистолет?!

— Чего ты орешь?! — рявкнул Виктор. — При таком ударе он и в открытый космос мог улететь! Или мне за ним следить в обязанности вменялось?

— Ну ладно... — примирительно промямлил Марк. — Ствол «левый», моих отпечатков на нем нет... Ты с номеров драпировку снял?

— Пока нет...

— Все, тормози, поехали обратно.

— В смысле? — удивился Виктор.

— Надо посмотреть, чем закончилось дело.

— Бери такси, езжай и смотри. С меня хватит.

— Витя, ты думаешь, меня гложет любопытство или мне больше нечем заняться?

— А чем тебе еще заниматься? — угрюмо спросил Виктор.

— Например, уложить в постель ослабший от потрясения организм, — сказал Марк. — Разворачивайся, несчастный трус!

Когда Марк, изнывая от боли в груди, доковылял до перекрестка, он застал там автопогрузчик с перекоренным «линкольном» на платформе, стайку зевак и полицейских, изучающих разбитый почтовый грузовик,

уткнувшийся расплюснутым носом в асфальт и словно прикрывающийся в испуге вывернутыми наружу из арок передними колесами.

— Трупы есть? — деловито спросил Марк одного из зевак. Задавать вопросы полиции он не рискнул.

— В «линкольне» — все, как один, — прозвучал категорический ответ.

— А в грузовике?

— Разве не видишь? Колеса впереди машины. Там вообще ужас...

Получив столь недостоверные сведения, Марк крайне разочаровался, но, поймав на себе изучающий взор одного из полицейских, поспешил ретироваться прочь.

— Дело вроде сделано, — резюмировал он, усаживаясь в машину.

— И куда теперь? — хмуро спросил Виктор.

— В Вашингтон, конечно. Послушаем, что творится в доме покойного, возложим цветы на могилу... А потом — к Лиле.

Генри Уитни

Моя поездка в Лос-Анджелес преследует единственную цель: застать влиятельное лицо, правую руку президента, Лизу Сمارт, отправившуюся из Вашингтона в Калифорнию по частному делу. Можно было бы, конечно, добиться с ней встречи и в Белом доме, однако, во-первых, мне не нужны сотни лишних глаз и ушей, а во-вторых, обстановка имперского официоза неважно соотносится с деликатностью предлагаемой для обсуждения темы.

Мы встречаемся с ней на вилле ее знакомых.

Я целую шершавую черную лапку, она мило улыбается своей губастой пастью, показывая крепкие лошадиные зубы, и угловато усаживается в кресло, целомудренно смыкая колени. Вся физиономия у нее в каких-то мелких, тщательно припудренных болячках.

Я невольно спрашиваю себя, смог бы переспать с этой дамой? Что удивительно — наверное, смог бы. И даже не во имя достижения ее административной благосклонности. Просто интересно разгадать ее. У нее нет детей, нет любовников и, похоже, нет близких друзей. Есть только работа и карьера. Полагаю, у нее что-то с головой...

А вот что у нее есть наверняка — стремление к власти. И упоенность своим положением вершительницы судеб мира. И данная роль принадлежит ей по праву. Дисциплина, логика и расчет достигают в ее характере высших масштабов, не оставляя ни единого шанса сентиментальным эмоциям.

Холодная черная сука.

Меня она ни капли не боится, и, чтобы с ней хоть как-то управляться, приходится прикидываться подхалимом.

Лиза входит в Совет, но принадлежит к третьему кругу, ее осведомленность по многим глобальным вопросам не так уж обширна. Она — величина, но — ха-ха! — бесконечно малая. С другой стороны, в нынешнем своем положении она, конечно, о-го-го! Но завтра превратится в даму на побегушках. И это ее крайне и болезненно заботит, на чем и следует сыграть.

Я выбираю доверительную интонацию. Речь идет о скандале, связанном с тотальным прослушиванием телефонных разговоров граждан США. Весьма разумный проект с точки зрения государственной безопасности. И смысл не в предотвращении или раскрытии каких-либо преступлений. Это немаловажный момент, но не главенствующий. Основа основ внутренней политики — уяснение и анализ мировоззренческих тенденций населения, выделение критических составляющих и, соответственно, их нейтрализация. Кислота зарождающихся недовольств нуждается в щелочи упреждающих мер. Нам необходима постоянная томография всех клеток страны, дабы предотвратить экстремизм и революции.

Мои телефонные разговоры тоже прослушиваются, и мне это не нравится. Но я в общем-то привык. И к тому же выкручиваюсь, то и дело меняя аппараты и пользуясь шифрованной связью. На разгадку ее кодов даже специалистам из АНБ порой нужно потратить два-три дня, и этого хватает, чтобы провернуть разные разности.

Мне известны фигуры, упорно раздувающие начавшийся скандал и вожаделенно мечтающие скovyрнуть с поста нынешнего президента. В расчете либо на то, чтобы самим оказаться на его месте, либо устроить на вершине своего парня и обстрипывать под его сенью собственные делишки. Я бы и сам дал пинка нынешнему политическому чемпиону, провинциальной выскочке, но сейчас мне это не с руки.

Я вдохновенно повествую Лизе о комбинациях, способных пригладить взъерошенную общественную ситуацию. В них, в частности, ключевыми игроками выступают мои коррумпированные дружки из конгресса. Естественно, за свою лояльность они потребуют той или иной мзды, но президенту она обойдется куда дешевле, нежели их непримиримость или индифферентность. Если же ситуация вскипит провозглашением национального недоверия, перспективам Лизы не позавидуешь. Одно дело, когда, играя в команде, оканчиваешь матч с проигрышем, другое — когда команду освистывают и дисквалифицируют.

В реальной политике при таком развороте событий ей не удержаться. Ее будущее — советник в какой-нибудь корпорации, президент фонда, развезжий лектор... Она, естественно, не пропадет, ей этого попросту не позволят, такие личности пребывают в разнарядке тех или иных позиций до конца дней своих. Но успех или провал большого спектакля, где она сегодня на первых ролях, определит ее дальнейшую сценическую судьбу на неизбежных периферийных подмостках.

— Мы будем вам очень признательны, — выслушав меня, наклоняет она голову. Гладкие прямые волосы похожи на парик из конского хвоста: отборные, тугие, с лоснящимся отливом.

А может, это впрямь парик? А под ним — кучые негритянские кудряшки на облысевшем черепе? Тогда с личной жизнью у нее вполне понятные проблемы.

— Не постесняюсь обратиться с персональной просьбой, — уверенно продолжаю я, выкладывая бумаги из своей папки.

Бумаги касаются тендера на создание новых систем телекоммуникаций. В предваряющей их справке — аргументация в пользу моей корпорации, безусловного лидера изысканных технологий.

На лице Лизы проступает легкая скука. Мое очарование только что улетучилось. Да я и сам понимаю, что данный ход крайне топорен. Однако предпочитаю поступить именно так: с обезоруживающей откровенностью. Недоговоренности и ложный такт способны ввести в заблуждение. Или дать хитрому оппоненту козырь против тебя: дескать, запутавшись в вашем витийстве, я неверно понял задачу. А она, увы, невыполнима, извините за понесенные вами издержки. Эзопов язык многих стеснительных просителей я предпочитаю переводить именно таким, удобным мне образом.

Она небрежно листает бумаги. На ее скулах я отмечаю какую-то нездоровую белизну, размывающую природный пигмент, что выглядит как смазанный след сажи.

— О, если бы у меня был такой заместитель, как вы, — пробрасываю я комплимент. — Тогда бы можно было говорить о значительных прорывах, проектах мировой перспективы...

— Вы приглашаете меня к себе на работу?

Ее взгляд пытлив и чуток, а диапазон его подвижен и широк. От моего ответа зависит, то ли он выразит снисходительное одобрение, то ли станет свиреп и непреклонен, как у готовящейся к атаке пантеры.

— Это было бы глупостью с моей стороны, — говорю я. И, выдержав паузу, добавляю с подчеркнутым пафосом: — Вам бы я предложил партнерство.

Лицо ее застывает в каком-то рассеянном раздумье. Черные немигающие глаза будто уставились в некую точку за моей макушкой. Так смотрит кошка на астральное существо в темном углу. Утверждение моей склонной к мистицизму супруги.

— Кто знает, кто знает, — будто опомнившись, произносит она. — Жизнь непредсказуема, и, возможно, когда-нибудь я воспользуюсь вашими предложениями.

Огромная победа! Если эта шука со мной не играет, конечно. Слабость моей позиции в том, что у нее коллекция подобного рода лживых посулов. Надеюсь, мой — из категории наиболее привлекательных.

— Я жду от вас новостей, — говорит она, вставая и жеманно протягивая ладонь.

Припадаю.

Надо мной качается черногубая покровительственная улыбка, сверкающая отбеленным рядом зубов.

Ноги у нее длинные и кривые, а таз широк и увесист. Бедняжка.

Я покидаю ее в состоянии некой эйфории. Придется потрудиться и потратиться, но, главное, я утвердился в сегодняшней суете закулисы, и меня принимают в расчет.

Звонит телефон. Кто-то необходим мне, а кому-то и я. Это, оказывается, Пратт. Вот же сюрприз!

Я ожидаю встретить в Лос-Анджелесе кого угодно, только не его. Впрочем, случайностью наша встреча не является. Ей предшествует ряд событий.

Люди Тони Паллито выяснили, что договоры о заказной статье велись не с владельцами газеты, что осложнило бы дело, а с редактором, причем через посредника, трусливо и мелко. Была проведена разъяснительная работа с журналистами, публикация отправилась в корзину, взбудораженные писатели высказали свое негодование заказчику, подвергнутому смертельной опасности их драгоценные жизни, а затем в укромном месте гангстеры прижали сыночка Пратта, сунув ему под нос материалы о налоговых махинациях в его нефтяной корпорации. Таким образом, агрессору был показан увесистый кулак. С кастетом.

И вот едва я получаю эти фронтовые сводки, мне незамедлительно звонит Пратт с просьбой о randevu. Любезностью его тон не отличается.

Свидание с ним я приплюсовываю к череде иных, намеченных на вечер в одном из ресторанов Голливуда.

Он подходит к столу, но руку мне не подает, ограничиваясь коротким кивком. Вопросительно указывает на пустующий стул. Я выражаю безусловное согласие.

— Я приехал сюда потому, что наши отношения перешли грань разумного, — начинает он. — Ни для кого не секрет, что ты — малый, лишенный брезгливости, но когда речь идет о шантаже моего сына...

— Стоп-стоп! — перебиваю его. — Кто начал первым? Может, сначала следует обсудить наши разногласия на русском рынке? А потом плавно перейти к кляузам на меня Большому Боссу, газетным интригам, созданию ополчения в Совете... Видишь, сколько накопилось увлекательных тем. Я долго молчал, а ты испытывал мое терпение. Теперь настала пора диалога.

— Но при чем здесь мой сын? — Его сухая, морщинистая физиономия костенеет от трудно сдерживаемой ярости. Губы плотно сомкнуты. Кажется, еще секунда, и он двинет мне прямо в лицо.

— Может, следует остыть? — повышая тон, заявляю я. — Или тебе нужен пустой скандал?

Пратт, широко раздув ноздри, откидывается на спинку стула, не отрывая от меня злобного взгляда.

— Я задал вопрос, — произносит холодно.

Он закручен в спирали своей недоброжелательности, и, похоже, ему в ней уютно.

— Не пора ли нам обоим остановиться? Разграничить интересы в космических проектах, выработать совместную программу в действиях на внутреннем рынке, просчитать перспективы...

— Я задал вопрос о своем сыне.

— Ему никто не угрожает.

— У меня другие сведения.

— А у меня — самые верные.

— Так вот, запомни, Генри, — с расстановкой произносит Пратт. — Твоих итальянских бандитов я размажу в кровавую слизь, появившись они еще раз ближе мили от моего парня. То же самое касается и тебя в отношении моей жены.

— Что за бред...

Он хлопает меня по плечу, и лицо его внезапно расцветает ободряющей улыбкой хорошо осведомленного человека.

— Ты редкий сукин сын, Генри, — с пугающей теплотой произносит Пратт. — Но похоже, твоему везению наступает конец.

Его слова ошеломили меня, и несколько секунд я растерянно молчу. Он внимательно смотрит на меня и ждет.

— Я надеялся, — произношу я довольно-таки твердым голосом, — что мы сможем договориться. Вместо этого приходится выслушивать оскорбления и угрозы.

— Путаница в терминологии, — говорит он. — Это не угрозы, а обещания. И не оскорбления, а определения. Кстати, с ними согласились бы многие. Твой бывший шеф Уильям, доложу тебе, такого же мнения.

Это Пратт о прежнем директоре ЦРУ, авторитетнейшем члене Совета, с кем, как мне известно, в последнее время он крепко сдружился. Факт, работающий против меня. Связи Уильяма безграничны, и свернуть шею тому же Тони он может мановением мизинца. Его ставленники повсюду в нашем разведывательном ведомстве. Кроме того, многие секретные операции финансируются через подвластные ему банковские и коммерческие структуры. Его отставка отнюдь не лишила его власти, а даже укрепила ее.

Пратт поднимается со стула и уходит. В его слегка сгорбленной спине — уверенная беспощадность. Не хватило ему одного — плюнуть мне в тарелку. Хотя мысленно он это проделал и такую мысль отчетливо мне передал.

Я оглядываю бесстрастные лица охранников, растерянно понимая, что, кажется, серьезно влип. Давить на Пратта через сына не следовало, это ошибка. И за такого рода промах Совет способен принудить меня к извинениям. Выразятся же они в уступках Пратту в России. То есть в потере десятков миллионов долларов. И это уже им продумано и одобрено Большим Боссом.

Настырно звонит телефон. И, будто в насмешку, в трубке звучит резкий голос Уильяма:

— Здравствуй, дорогой мой! Ты в Калифорнии? Наслышан. Мои ребята приехали за твоим племянником, а его, оказывается, и след простыл...

— И куда же он делся? — беспечно спрашиваю я.

— А ты не в курсе? — с издевкой спрашивает бывший шеф шпионов.

— Представь себе, нет. Но я выясню...

Не дослушав, он прерывает связь. Это демонстрация враждебности и откровенного недоверия.

Убедительное вранье мне сегодня удастся неважно. Видимо, я от него устал. Я устал и от самого себя, и от рутины каждодневных проблем, но деться некуда. Я в плену собственной жизни, и меня стережет конвой непреложных обязательств. Пренебрежение их исполнением разрушит все, мною созданное. Запущенные дела подобны сорнякам на грядке: не успеешь глазом моргнуть, они задушат полезную поросль. Но сейчас мне не до дел. Я обложен со всех сторон. Настроение в упадке. В отель, в тишину

спальни, сесть у окна с бокалом вина, смотреть на огни ночной гавани и предаваться печальным думам...

Я устраиваюсь на заднем сиденье машины и еду в одиночестве.

А буквально через несколько минут в мое сознание врываются грохот и визг, я потерянно вскидываю руки, инстинктивно закрываясь от неведомой опасности, и в тот же момент чудовищная сила швыряет меня грудью в спинку сиденья водителя. Впечатление такое, будто, вылетев из катапульти, я плашмя врезаюсь в бетонную плиту. Все мое существо наливается темной, свинцовой болью, я с обреченным ужасом сознаю ее крепнущую тяжесть, стискивающую нутро, наверняка, как представляется, разбитое в ошметки. Затем чувствую, что придавлен недвижимым телом охранника. Это любимец женушки, Майк, он сидел справа. Я испытываю отстраненное злорадство, компенсирующее былые уколы ревности. Вероятно, неправданной, но все-таки. Если он и остался жив, ему долгое время будет не до ухаживаний.

Между тем, где верх, а где низ — непонятно. Я шарю в крошечной темноте руками, слабыми, как лапки раздавленного паучка. Внезапно различаю пряный бензиновый запах. Мысль о том, что машина способна вспыхнуть, наполняет огнедышащим страхом. Я совершаю рывок из-под гнета мясистой, рыхло навалившейся на меня туши и, будто сорвавшись с обрыва, падаю в черноту, обескураженно подумав, насколько же стремительно и неотвратно погружение в смерть.

Максим Трофимов

Меня быстренько и небрежно обыскали. Изучили паспорт.

— По-русски говорим?

— Немного, — сказал я, привнося в интонацию необходимый акцент. — Было бы с кем.

— Уголовный розыск, капитан Ивченко, — представился один из вооруженных парней. — Каким образом вы здесь очутились?

Я объяснил, что мой русский друг Толя, ныне обретающийся в исправительном учреждении, предоставил мне право проживания в покинутом им жилище, дверь которого я открыл, заметьте, собственным ключом.

Другой опер, изучив авиабилет, спросил невольно:

— Ну и как там, в Америке?

— Без особенных происшествий, — поведал я.

— Мы думали, вернулся хозяин, — сказал капитан.

— Он же в тюрьме...

— Он сбежал, — скорбно поправили меня.

Я горестно развел руками, но, взглядевшись в мою физиономию, признаков сочувствия к себе сыщики не отметили, а потому, пригрозив ответственностью за просрочку регистрации, удалились восвояси, демонстративно опрокинув на выходе стоявшие в прихожей чемоданы.

Справившись с очередным стрессом, я позвонил Ричарду.

— Срочно в посольство, — сказал он. — Тебя ждет помощник атташе по юридическим вопросам. Запиши его телефон.

Помощник атташе, молодой, бодрый парнишка, встретил меня около южных ворот посольства. Пока я дожидался его, выскочивший из будки караульный мильтон потребовал мой паспорт, затем полюбопытствовал, кого именно я жду и по какому поводу. В вопросах его сквозили напор и азарт начинающего контрразведчика, непременно желающего отличиться. Видимо, здесь, возле проходной, он надеялся поймать крупного шпиона, не иначе.

Впрочем, я был с ним любезен, и он наслаждался своей значимостью.

Миновав раму металлоискателя, я с провожатым проследовал в здание, поднявшись по стеклянной лестнице на второй этаж.

Уселся в небольшом холле в креслах возле окна.

— Нас просили соединить вас с русской полицией, — начал помощник атташе. — Но только каким образом обозначить ваш статус?

— Как представителя потерпевшей стороны, — подсказал я.

— Вся сложность в том, что наши официальные рекомендации исключены, а дальнейшие ссылки на нас нежелательны...

— Мне нужен выход на ответственного офицера, не более.

На лице дипломата от полиции проступило явное облегчение. Я уяснил, что отношения между американскими и российскими деятелями правопорядка непросты, их отличают натянутость и фальшь, они зависят от конъюнктуры политических игр, а он уяснил мое понимание завакв сотрудничества давних заклятых партнеров.

Полюбовавшись друг другом, мы расстались. А через час я стоял у КП российского правоохранительного департамента, дожидаясь компетентного чиновника. Судя по количеству встреч с его собратьями, сегодня я мог смело отмечать персональный День милиции.

В проходе у турникета мелькали округлые физиономии блюстителей законности.

— Вы... из посольства? — донесся вопрос.

Передо мной стоял невысокого роста крепыш с аккуратно подстриженными усами. Карие ироничные глаза, намечающаяся седина в смоляных волосах. Человек с явно кавказскими корнями.

— Подполковник Укрепидзе, — представился он.

Я пожал ладонь, оказавшуюся, при всей его сухости и подтянутости, на удивление вялой и мягкой. Это насторожило. Такие руки, как правило, выдают двуличность натуры. Но что поделать, будем работать с тем, что имеем. Я предъявил ему свой загадочный паспорт.

В глазах опера мелькнула растерянность.

— А вы как... по-русски... это...

— По-русски я это только так, — сказал я. — Иначе бы здесь и не был. А вы что, не говорите по-английски?

— Учусь, учусь, — сокрушенно поведал он.

Неведение иностранных языков милиционером-международником меня не удивило. Я знал систему назначения нужных людей на те или иные должности и живо представил себе диалог назначенца и кадровика: мол, ты не дрейфь, американцам мы куда нужнее, чем они нам, а потому пусть сами изучают русский, нечего забивать светлую голову чужеземной тарабарщиной.

— Сейчас я выпишу вам пропуск, — начал он, но я его перебил:

— Я только с самолета, здорово проголодался, так что приглашаю пообедать. Тем более рабочий день на исходе.

Подполковник не заставил себя уговаривать.

В ресторан поехали на его машине — потертом, пыльном «опеле».

Я неплохо знаю нашу милицию и ее социальные срезы и сразу понял, что Укрепидзе находится на должности престижной, но далеко не хлебной. О чем говорил весь его облик. Ведя американское направление, от взяток и подачек он был, естественно, избавлен и если оказывал кому-то платные услуги, то лишь как посредник за скорбный процент. Это, собственно, я предполагал еще до встречи с ним.

На его вопрос, откуда мне столь хорошо известен русский язык, я ответил, что являюсь лицом славянского происхождения, отпрыском эмигрантов, занимался бизнесом на Украине и в Литве.

Он обратил на меня взгляд, полный снисходительной иронии, и, правильно взгляд истолковав, я, поморщившись, категорически уверил его, что к шпионажу не имею ни малейшего отношения. Подобная ремарка его сомнений не рассеяла, но вставить ее я посчитал делом необходимым — все-таки маленькая, но полезная заноза в его мозгу...

Усевшись за стол, я сделал заказ и сразу же приступил к делу.

— К вам пришел запрос на некоего Жукова, — сказал я. — Это преступник, ограбивший моих родственников. И здесь я по их поручению.

— Да, но... — Укрепидзе опустил глаза долу.

— Что «но»?..

— Мы найдем его, предположим, — кисло продолжил он. — И что дальше? Если пойдет в отказ, начнется волокита. Виновен или нет, попробуй докажи.

— А как насчет экстрадиции в США?

— Российского гражданина? На моей памяти такого не было. Тут нужна самая теплая забота со стороны Генеральной прокуратуры.

— Таковую заботу несложно устроить, — молвил я, прикинув финансовые возможности мистера Уитни. — Но у нас иные задачи. Этот Жуков похитил некоторые семейные реликвии. Хотелось бы их возвратить. Путем переговорного процесса. А запрос можно аннулировать хоть завтра.

Глаза Укрепидзе, по-прежнему устремленные куда-то под стол, сузились в напряженном раздумье.

— А вот горячую заботу о компенсации ваших усилий я беру на себя, — поставил я. — И условия компенсации хотел бы оговорить.

— Запрос пускай остается в силе, — откликнулся он. — Он как раз не помешает. Есть запрос — есть основания для работы. — И выжидательно замолчал.

— Меня интересует сумма оперативных расходов и каким вам видится гонорар, — сказал я. — Смелее, товарищ! Провокаторов здесь нет.

— Хорошему милиционеру нужна хорошая машина, — произнес Укрепидзе с уверенностью.

— Надеюсь, здесь не имеется в виду «бентли» или «фerrари»?

— «Тойота-королла», к примеру.

— Прекрасный выбор.

— Ну и пятерочка на расходы...

— Пусть будет десяточка, иначе захвораете от скромности.

— Мне нравится такой подход, — произнес он. — Только есть всякие «но». За Жуковым мне придется бегать самому. Если дело пустить на волю волн, оно причалит к берегу невесть когда. Или надо простимулировать еще парочку толковых ребят.

— Я сам готов помочь, — вызвался я. — Причем на общественных началах. Не сидеть же сиднем у телевизора.

— Тогда завтра же и начнем, — согласился он. — Можно, кстати, на «ты».

— Нужно. Связь по мобильному?

— Я тебе дам другой номер, — стесненно кашлянул он. — Рабочий телефон очень плохой, домашний — громче некуда, основной мобильный — вообще уши мира...

— Еще бы! — усмехнулся я. — Общение с американскими шпионами даже по разрешению выше требует потустороннего контроля. Угадал?

— Неусыпного, — подчеркнул он глумливо.

— Кстати, — сказал я, — дальнейшее прохождение нашей дружбы предполагает доверие. И если вдруг вам придет в голову знакомить меня с товарищами из всяких соседних служб, вы меня здорово обидите. Запомните, мои задачи просты: найти жулика и отобрать у него украденное.

— Я не дешевка, которая пытается выслужиться, — сказал Укрепидзе с негодованием и даже попытался встать из-за стола.

Я понял, что переборщил.

— Дело в том, — поправился доверительно, — что меня таким образом пытались подставить на Украине, и я просто взбешен... А тут — дураку ясно, что полицейский, работающий с иностранцами, как это у вас... Имеет кураторов, вот.

— Да что с них толку, с этих кураторов, — покривился он. — Одна головная боль. С их благодеяний себе шубы не скроишь.

Я протянул ему конверт.

— Здесь — московские связи Жукова. Прижали в Штатах его супругу, она и сдала.

— И какие же семейные реликвии утянул этот Жуков? — спросил Укрепидзе, перелистывая документы.

— Узнаешь в свое время, — пообещал я, не веря ни собственному языку, ни ушам.

Добившись взаимопонимания с ключевой фигурой в исполнении миссии, я тронулся домой, но, когда такси проезжало мимо родного района, где я вырос, попросил водителя остановить машину.

Ленинские горы. По-нынешнему — Воробьевы. Старинное название им возвратили по праву, но прежнее устойчиво пребывало в моем сознании. Трудно отказаться от того, что было заложено в тебе с детства.

Дом мой был неподалеку, но навестить его я, понятное дело, не мог.

Облокотившись на мраморный парапет, я, обозревая столицу с вышин, невольно примечал знакомые тропки бывших лыжных спусков, по которым гонял в детстве; покосился на церковку, куда прилежно ходила каждую неделю бабушка... Сколько лет прошло с той поры!

Говорят, не надо возвращаться туда, где тебе было хорошо. Надо. И туда, где было хорошо, и где было плохо. Чтобы, окончательно осознав ушедшее время, идти вперед.

На площадке этажа поджидали менты. Уже известный мне потертый местный опер и участковый с папочкой.

— Зарегистрировались? — последовал учтивый вопрос.

Не отвечая, я набрал номер подполковника Укрепидзе. Вкратце объяснил ему ситуацию. Затем передал трубку настырному оперу.

Выслушав старшего товарища, он обратился к участковому:

— Оказывается, это наш коллега из ФБР... То-то я чувствую, какие-то странности...

— Все вопросы — по данному телефону! — Я предъявил ему визитную карточку Укрепидзе.

— Мы вам верим, товарищ, — сказал участковый, переписывая номер. — Но если появится этот...

— Я понял, — посуровел мой голос. — Задержу лично. Связь — двадцать четыре часа на проводе, бдительность гарантирую, оперативная поддержка моя, силовая ваша.

И закрыл перед недоуменными физиономиями дверь. Жить в этом городе, не имея своего «укрепидзе», местному гражданину неудобно, иностранному — страшно.

Укрепидзе

Подполковник милиции Сосо Укрепидзе начал карьеру в Тбилиси, где сорок лет назад и появился на свет. Папа, мелкий партийный функционер, сразу же определил сына в столичный юридический институт, а затем позаботился о его распределении в московский уголовный розыск, где тот довольно успешно отработал более десятка лет.

Сосо женился на соплеменнице-москвичке, обзавелся детьми и трехкомнатной квартирой в панельной многоэтажке, расположенной в спальном районе Перово.

Жизнь, казалось бы, удалась, тем более, преодолев трудности перехода от недоразвитого социализма к бандитской капитализации, всевозможные милицейские перетряски и утрату идеологических ценностей, Укрепидзе остался на плаву и, хотя понимал, что с такой фамилией и национальной принадлежностью генеральского чина не получить, в среднем звене укоренился прочно и до пенсии дотянет.

Когда же мафиозные образования проросли на государственной ниве, как чертополох на заброшенном пустыре, очнувшаяся власть решила дать конкурентам из организованной преступности отпор, создав соответствующие подразделения. В одно из них был переведен на значительный пост

начальника отдела уже опытный к тому времени сыщик Сосо, и работа закипела неукротимо и круглосуточно. Казалось, вся профессиональная мощь лучших оперов и следователей обрушилась на обнаглевший криминал, в итоге распылив его.

Однако противостояние воровским группировкам с миллионными состояниями наложило известную печать как на мировоззрение Укрепидзе, так и на устремления его сослуживцев. Бизнес бандитов, выражавшийся в «крышевании» коммерсантов, плавно перешел к правоохранителям, чьи аппетиты резко возросли. Подразделения, разбившие криминал, ему же во многом уподобились. Обладая ведомственной независимостью и широчайшими силовыми возможностями, они уже не на шутку обеспокоили погрязшую в коррупции власть и ущемленных конкурентов из госбезопасности. Пошла-поехала очередная чистка рядов, санкционированная свыше. Борцов с оргпреступностью разметали по отделениям милиции, а их могучие региональные шарашки упразднили.

Укрепидзе завис в вакууме за штатом, но близкий приятель из кадров министерства посодействовал с новым назначением, должностенкой в международном отделе — хлипенькой, безденежной, зато с перспективой зарубежных командировок. Все не опер в метрополитене.

Несколько коммерческих организаций от щедрот и по прежней памяти, когда Сосо обладал реальной властью, платили ему по несколько сотен долларов в месяц на всякий, что называется, случай, но в любой момент поступления могли иссякнуть — оказать весомую поддержку он отныне не мог. Платили, собственно, за знакомство. В расчете на его связи.

Помимо всего, год назад, обуянный нездоровым азартом, Сосо крупно проигрался в казино, залез в долги к тому же министерскому товарищу, и просрочки в возврате денег могли значительно отразиться на его служебном положении. Поэтому американец, прилетевший с частным визитом и остро заинтересованный в розыске бежавшего с Запада Жукова, расценивался им как подарок судьбы. Это был, возможно, единственный клиент, способный щедро рассчитаться за услугу, подпадающую под крайне узкую юрисдикцию милицейского клерка Укрепидзе. Никаких иных доходов он не мог извлечь в принципе. Он даже с негодованием думал, что вертлявые девчонки из отделов общественных связей непринужденно получают мзду за открытую информацию журналистам и за разные интервью, а возьми он сотню зеленых от представителя ФБР за расторопность в предоставлении сведений о криминальном прошлом того или иного эмигранта, сгорит, как пушинка. Если не вменят обвинение в пособничестве ЦРУ, то уж взятку пришлют непременно.

Сосо находился под плотным контролем многих недоброжелательных служб, включая даже внешнюю разведку, и на каждый контакт с официальными представителями посольства отписывался кучей бумаг. А вся благодарность от американцев заключалась в паре сувенирных значков и флажков.

Звонок помощника атташе, просившего принять и выслушать частное лицо, естественно, не прошел мимо ушей фискалов, но Укрепидзе решил не заострять внимания на данной проблеме: спросят, кто навещал, ответит, что потерпевший интересовался ходом розыска; оставят данный факт без внимания — значит, ура.

Американец, конечно, вселял немалые сомнения. Выглядел как весьма боевой и понятливый парень, мыслил подобно полицейскому профессионалу и говорил по-русски куда лучше, чем он, Укрепидзе. Точно шпион. По всем повадкам. И просто зудело сообщить о его визите и скользких предложениях куда следует, причем не откладывая, но мешал меркантильный момент. Десять тысяч долларов и маячившая в тумане мечты новенькая машина не шли ни в какое сравнение с благодарностью руководства за проявленную бдительность и наградой в виде какого-нибудь юбилейного атрибута с мечом и щитом. Нет, тут следовало прикусить чесавшийся

язык. К тому же простота и ясность поставленной задачи вероломства не обнаруживали.

Контакт с иностранцем следовало перевести в категорию личных дружеских отношений, дабы смягчить возможную нахлобучку за доносительство, и добросовестно взяться за розыски Юрия Жукова. Вероятности попасться на какую-либо хитрую вербовку Укрепидзе не исключал, но кто не рискует, тот ест манную кашу. Сосо же предпочитал острую пищу с хорошим вином, поскольку так был воспитан. И традиции преобладали над служебным уставом.

Итак, выбрав довольно безмятежный вариант общения с американцем и, главное, уверившись в таковой концепции, утром следующего дня Укрепидзе явился на работу. Пожимая руку очередного соратника в коридоре ведомства под высокими казарменными потолками, услышал внезапный вопрос:

— Ты чего, в ГРУ собрался переходить, что ли?

— То есть? — Укрепидзе недоуменно воззрился на сослуживца.

— Ну вчера... этот парень на проходной... Ты с ним разговаривал...

— И чего? — спросил Укрепидзе, испытывая неприятный холод на сердце.

— Как «чего»? Он же из спецназа ГРУ, я его по Чечне знаю, когда в командировках там был...

— Да он свидетель... — пролепетал Сосо. — По одному делу.

— Странно. Но если и свидетель, то из ГРУ.

— Не путаешь?

— Да ты к нашим ребятам из СОБРа сходи, они его точно знают.

«Пропал!» — стукнуло в висках Укрепидзе.

Спецназ своего департамента он знал превосходно и лично и тут же пожаловал к его начальнику, спросив, нет ли у того фотографий сотоварищей по чеченским боевым командировкам.

— Отыскиваем одного парня, — объяснил он. — Из спецназа ГРУ. Проходит по делу.

— Не Трофимова, случайно?

— А кто такой?

— Есть у них один кудесник... Хороший малый, но только в розыске.

— А чем отличился?

— Точно не знаю. В кого-то стрелял по пьянке, что ли... Могу выяснить, если надо.

— Его фото у тебя есть?

— Наверное. Домой подъеду — посмотрю.

— Сегодня сможешь?

— Не терпится? Ну, давай съездим в обед...

Прибыв на квартиру, спецназовец долго копался в альбомах, а затем извлек три карточки. С них, в разных компаниях товарищей по оружию, одетый в защитный камуфляж, на Укрепидзе смотрел великолепно говоривший по-русски американец. Капитан военной разведки.

— На время фото одолжишь?

— Без вопросов...

— А можешь узнать, где этот Трофимов сейчас? И вообще подробности...

— Попробуем.

Через десять минут спецназовец сообщил, что капитан находится в федеральном розыске за ряд преступлений, в том числе за контрабанду оружия. Далее, что во время последнего боя он бесследно и подозрительно исчез, считаясь отныне пропавшим без вести.

Обескураженный Укрепидзе вернулся на работу. Кабинет, где помимо него обреталось еще трое оперов, пустовал, и ему представилась возможность для раздумий в не омраченном служебной суетой одиночестве.

Первоначальный порыв бежать к начальству со срочным доносом постепенно угас, хотя американец, оказавшийся на самом деле исконно русским, виделся теперь в несомненной роли разведчика-нелегала. Сегодня

Сосо должен был получить первый транш за свои будущие старания — пять тысяч долларов. Безо всяких расписок, в условиях блаженной конфиденциальности. Поди потом докажи, получал он их или нет. Далее. Розыски Жукова входят в круг его служебных обязанностей. А обязанности дисциплинированному милиционеру надлежит со рвением исполнять.

Вопрос: что именно этот Жуков похитил? Наверняка что-то весьма и весьма значительное, ибо не станет выезжать по его душу профессионал, рискующий головой с первого шага на территории страны, где он числится опасным преступником.

Станным казался и вчерашний звонок от местного опера: псевдоамериканец проживал на квартире беглого арестанта. Интересно, каким образом он объяснит данный факт? Объяснит, конечно, врать шпионы умеют, часть профессии, что ни говори...

Все больше и больше Сосо утверждался в той мысли, что к поиску Жукова привлекать представителя неведомого заказчика не стоит.

Жукова он найдет сам. И вытряхнет из него все. Что означает «все», было покуда непонятно, но Сосо решил, что именно — «все»! Сверхзадача данной установки предполагала извлечение прибыли, значительно превышающей сумму обозначенного гонорара за его нелегкие милицейские труды.

А вот далее, по окончании игры, сомнениями относительно лукавого американца можно анонимно поделиться и с ФСБ. Все будет зависеть от того, чем располагает беглый Жуков и каким образом произойдет дележ добычи. И нужно ли ему происходить? Единоличное присвоение представлялось подполковнику куда более привлекательным. Так или иначе, со сдачей шпиона в компетентные органы следовало повременить.

— Кто понял жизнь, тот не спешит, — произнес себе под нос Укрепидзе. Это была одна из его любимых, лично выстраданных поговорок.

Следом ему подумалось о том, что добровольное оказание услуг госбезопасности — дело, как правило, безнравственное и никчемное. Другой вопрос, если речь идет о бизнесе. А о своих ведомственных достижениях пусть госбезопасность заботится самостоятельно.

Данные мысли он оставил невысказанными. И правильно сделал.

— Чего он сказал? — склонившись к оператору, спросил технического работника Василий Закатов, оперативный уполномоченный ФСБ, у которого милицейский опер находился под самым пристальным присмотром.

— Сказал, что спешка в жизни не нужна, — неотрывно глядя на монитор, ответил собеседник.

— Любопытно, к чему это относится? — произнес Закатов, рассеянно глядя на лежавшую на столе папку.

В папке находились данные по зафиксированному контакту Укрепидзе с приезжим американским гражданином и распечатка их диалога, состоявшегося вчера в ресторане. «Наружка» поработала славно. Дело пахло крупной и перспективной разработкой.

В отличие от милицейского коллеги, оперативный уполномоченный первого, то есть американского, отдела контрразведки неведомым достоинством гражданина Жукова лично и корыстно не заинтересовался, а сразу же ринулся на доклад к начальству.

Капитан Закатов был молод, честолюбив, мечтал о звании майора, горел интересами службы и любил повторять: «Жизнь спешит, если мы медлим».

Генри Уитни

Я открыл глаза. В ровном и скучном свете мелькали какие-то люди в медицинских халатах.

Значит, я жив, нахожусь в госпитале.

Мысли текли мерно и равнодушно. Я отчетливо сознавал, что случилась серьезная авария, я наверняка ранен, и отстраненно удивлялся лишь одному — своему полному безразличию ко всему на свете. Может, в беспомощности той темноты, из которой я возвратился, мне удалось постичь какие-то всепримиряющие истины, оставшиеся во мне, но забытые в ту же секунду, когда забрезжил свет? В этом смысле я мало чем отличался от младенца, покинувшего утробу матери. Хотя нет. Младенец знает тайну вечности и безвременья, из которых пришел, но никому не может ее поведать и утрачивает ее постепенно.

Итак, я лежал на каталке под простыней и дышал ласковым и прохладным кислородом. С двух сторон высились капельницы, нагнетая в вены лекарственную влагу. С немалой озабоченностью я ощутил болезненную резь в интимном месте. Пошевелив ногой, обнаружил тянущийся вдоль нее шланг. Слава богу, это был лишь катетер.

Надо мной склонилось лицо врача.

— Вы очнулись?

— Как видите...

— Вы помните, что произошло?

— Авария.

— Очень хорошо.

— Чего же хорошего?

— Та-ак. А где вы находитесь?

Этот тип проверял мою адекватность.

— В раю, а вы — ангел. Дайте мне пить, доктор. — Я в самом деле испытывал непереносимую жажду.

— Сейчас это нежелательно.

— Эту воду можете записать мне в счет, как шампанское времен Наполеона.

Он исчез, а затем принес пластмассовый стаканчик, к которому я с жадностью приник. Это была просто волшебная вода! Амброзия, улада воспаленного естества.

— Что со мной? — спросил я.

— Перелом ребер, значительная внутренняя гематома. Вам придется у нас задержаться минимум на неделю. Вы в клинике «Синайские кедры».

— А что с остальными?

— Я не знаю, о ком идет речь. Если о тех, кто был вместе с вами, то, возможно, вас развезли по нескольким госпиталям. Сейчас ночь... Утром нас навестит менеджер, ведущий ваш случай, и ответит на все вопросы.

Меня перевезли в одноместную палату, довольно уютную. Я получил несколько уколов в шею тонкой и безболезненной иглой и провалился в сон.

Проснулся я рано, от страстного желания справить малую нужду. Проклятый катетер, видимо, неважно справлялся со своим назначением. Я решил поднатужиться, но, усилив давление в канале, едва не потерял сознание от нестерпимой рези внизу живота. Изнемогая от зябкого пота, лежал недвижимо, дожидаясь, пока утихомирится боль, догорающей петардой свербящая в моих чреслах. Собственно, боль владела мной безраздельно. При каждом движении в ребра, казалось, колотил паровой молот, обрывая дыхание. Ныли исколотые руки, покрытые черными синяками. Попытавшись кашлянуть, я чуть не отправился на тот свет, ибо, как показалось, в грудь мне тотчас услужливо всадили десяток кинжалов.

Время от времени с методичностью садиста ноги стискивали специальные надувные штаны, предотвращающие образование пролежней.

Санитар принес воды, и на мою жалобу о непереносимых болях предъявил табличку с рожицами, искаженными различного рода страданием. Пояснил, что доза болеутоляющего средства зависит от выбранной пациентом степени муки. Я указал на самую последнюю физиономию, с гримасой смертного ужаса и вздыбившимися волосами.

Озабоченно надув губы, санитар полез иглой в ампулу и сделал желанный укол. После явился менеджер, в первую очередь справившийся о страховке. Уяснив мою безусловную платежеспособность, менеджер приободрился. Дело заключалось в том, что я угодил в одну из лучших клиник, патронируемую звездами Голливуда, и расходы по моему содержанию и лечению предполагались значительные. Менеджер доложил также, что мои охранники и водитель целы, хотя получили впечатляющие увечья.

Далее в изголовье установили телефон, тут же залившийся энергичной трелью.

Сначала позвонила взволнованная Барбара, сказав, что немедленно вылетает ко мне, затем Ричард, а дальше — пошло-поехало! Мне высказал свое участие губернатор, затем как из рога изобилия посыпались соблазнования от местных знаменитостей и партнеров по бизнесу. Из Вашингтона, похоже, направлялся целый самолет сочувствующих. С одной стороны, это было лестно, с другой — удручало. Моя больничная палата превращалась в постылую приемную washingtonского офиса. Я попал не в больницу, а на работу. Большинство жаждущих выразить сострадание припрутся сюда со своими проблемами, мне ли не знать!

Следующим был полицейский детектив. Его визит меня озадачил. Окажется, в «линкольн» въехал почтовый грузовик, накануне угнанный со стоянки. Шофер грузовика с места происшествия ретировался на подьежавшем авто с фальшивыми номерами. Отпечатков пальцев в кабине грузовика не обнаружено, зато найден пистолет, видимо, утраченный злоумышленником при столкновении. Пистолет похищен у владельца пару лет назад. Вывод напрашивался сам собой: против меня планировали покушение.

Я сразу же вспомнил выпцветшие глаза Пратта, источающие ненависть и угрозу, и его многозначительные слова о конце моего везения.

Пратт! Вот кто решил поквитаться со мной самым действенным образом. А я — благодушный растяпа и мяля!

— С вами свяжется служба моей безопасности, — сказал я и закрыл глаза. Ненадолго.

Явился посетитель, которого я ждал меньше всего: старина Карл Кнопп. Кряхтя, устроился на стуле возле постели, положил свою заскорузлую лапу на мою безвольную кисть. Произнес своим скрипучим голосом:

— Извини, Генри... Не хотел тебя беспокоить, но приходится. Если твой котел варит, мне надо кое-что обсудить.

Я покорно кивнул. Для болезни в моей жизни нет места. Покой мне уготован только на кладбище. Если, конечно, я не уйду в ад, где придется, видимо, изрядно повертеться.

— Эта секретарша Бетти — толковая девчонка, — продолжил Кнопп. — Мы установили аппаратуру в их логове и открыли целый кладезь недоразумений...

— Охотно верю...

— Едва ли ты представляешь эти сюрпризы! — отзывается он с нажимом. — Против тебя оскалились большие акулы. Но главное, им удалось перетянуть на свою сторону Ричарда.

— Не может быть... — Я перевожу дыхание, внимательно глядя на Кноппа. Из красной каймы его век топырятся белесые ресницы. — Хотя...

— Вот именно. — Кнопп достает из кармана портативный магнитофон, нажимает кнопку.

«Вы слишком высокого мнения о моей информированности, — слышу я голос начальника своей службы безопасности. — Уитни говорит мне то, что я должен знать, и не более. От его откровений я никогда не уставал».

«Да вы не волнуйтесь, Ричард, — вступает сытый, полный достоинства голос, принадлежащий, без сомнения, бывшему шефу ЦРУ Уильяму. — Теперь вы с нами, и поводов для беспокойств у вас нет».

«Мне просто обидно... Я знаю, что, как только найду этого русского, он вышвырнет меня, как напакостившего кота. Он забыл, что предыдущие

семь лет я только и делал, что исправлял его ошибки и охранял это проклятое место. А он больше доверяет Кноппу».

На лиловых губах Карла появляется зловещая, торжествующая улыбка. «Значит, он отправил Эверхарта в Москву, — продолжает Уильям. — Какой-то парадокс... Что у них общего и когда они успели снюхаться?»

«Я лично вручал ему паспорт и билет, кроме того, он рапортует мне ежедневно...»

«Что весьма хорошо, — возникает в палате мерный голос Большого Босса. — Это здорово облегчает задачу. Надо отправить к нему пару ребят, чтобы они с ним скоренько разобрались».

«Достаточно одного, — произносит Уильям. — Вы, Ричард, позвоните Эверхарту, скажите, что посылаете к нему подмогу. И вот что: меня крайне интересует, что за материалы похищены. Генри всполошился всерьез, а значит — неспроста».

«Тогда и в самом деле направьте немцу подкрепление, и пусть он трудится под нашим надзором, — резюмирует Большой Босс. — Его старания ведь оплачиваются от щедрот дружка Генри?»

Смех.

Я ощущаю горечь досады во рту. Да, Ричард, увы, мы прошли с тобой слишком долгий путь для столь короткого разочарования.

— Это все они... — обращаюсь я к Карлу, обводя глазами палату в обозначение причины своего невольного нахождения здесь.

— Кто бы сомневался, — подтверждает он. — Я уже распорядился, чтобы завтра переместить тебя в Вашингтон. Под надзор надежных врачей. Охрана там тоже моя.

— Надо все сделать тонко, — замечаю я. — Ричард ничего не должен заподозрить. Его необходимо использовать. Теперь он — лучший передатчик дезинформации.

— Это твоя задача, Генри, — говорит Кноп. — Тебе придется потрянуть стариной. В ваших играх я смыслю как слон в геометрии.

Наш разговор прерывает визит адвоката. Я его не знаю, но работает он в одной из моих корпораций, и, говорят, весьма толков, хотя и молод. Адвокат сообщает, что машина, нанятая мною в Лос-Анджелесе, застрахована и за полученные травмы мне полагается не менее чем триста тысяч долларов. Слабое утешение. Зарабатывать деньги таким образом я не рекомендую никому.

Когда он уходит, я отдаю необходимые распоряжения Карлу и звоню домой. Ехать сюда Барбаре запрещаю, ведь так или иначе завтра планируются мой перелет на Восточное побережье.

После лежу, парализованный подступающей болью и сонной одурью. Слева от меня — стеклянная затемненная стена, она же — окно. Далеко внизу — кроны деревьев. Я где-то на верхних этажах черного остекленного небоскреба.

Думается трудно и бессвязно, но я преодолеваю себя, пытаюсь сконцентрироваться на выработке решений, способных спасти мое незавидное положение. Действовать нужно незамедлительно, каждая безвольно упущенная минута в итоге обернется против меня.

Я понимаю причины своей опалы. Я не поддерживал утопические национальные программы, я не вливал деньги в удобные Совету фонды, я категорически возражал против ввода армии в Ирак и Афганистан, предполагая, что мы увязнем в песках мусульманских земель и каждодневные расходы съедят иллюзорную прибыль. Наше западное сознание и устремления к суетным удобствам всегда будут чужды суровым исламским ценностям. Старик Гетти, вот кто умел работать с арабами! Он обкладывал их деловыми обязательствами, превращал в партнеров и никогда не посягал на местную власть. Потому она всегда шла ему на уступки. Старик никогда не перегибал палку! Он не грозил танками Саудовской Аравии и Кувейту, и его дело там по-прежнему процветает, не омраченное никакими

революциями и экстремизмом. Мы же глупо полезли в Ирак, накопивший под гнетом тирана темные и злобные энергии, незамедлительно выплеснувшиеся наружу, и наши алчущие дармовой нефти авантюристы, естественно, прогорели. А те, кто удовлетворился бизнесом в стабильных Эмиратах, напротив, извлекли резко возросшие дивиденды. Как я, например. Чем очень доволен. А вот Большой Босс, сильно поистратившийся на иракской афере, весьма раздосадован, что не втянул в нее мои деньги, заплатив свои. Недовольны и те, кто сунулся в Среднюю Азию в расчете нависнуть военной угрозой над Китаем. Что даст подобный демарш? Одни расходы.

Я не желаю инвестировать масштабные игрища запальчивых дураков. Я готов рискнуть в серьезной игре с просчитанными ходами. И если меня обыграет достойный противник, смирюсь с проигрышем. Но оплачивать ставки сегодняшних фигляров и политических прохиндеев — увольте! Порой я вхожу в глобальные проекты, стараясь держаться в их обслуге. В моем сознании — пример стародавших поисков золота в Калифорнии, куда устремились тысячи жаждущих разбогатеть. Золота не нашли, авантюристы прогорели, но двое ребят получили изрядную прибыль: одного звали Студебеккер, он изготавлял тележки, на которых возили грунт, а второго — Леви Страусс, шившего рабочие штаны, впоследствии — джинсы.

Совет устарел, его надо проредить. Где Морганы, Рокфеллеры, где Хант, Гетти, Торнтон, Меллон, Дюпон, Вандербильт? Разве они бы позволили сегодняшние безумства? Но их нет, остались тупые потомки, жиреющие на процентах рантие. Люмпен-буржуазия.

То же относится и к России. Развалив Советы, мы остановились на половине пути. В какой-то момент мы потеряли контроль над ситуацией. И теперь в ней наметились неутешительные тенденции. Морально разложив русских, полностью дезориентировав, мы не учли их сноровки в приспособлении к любым обстоятельствам, и они создали новую политическую систему. Ее философия — тотальная коррупция. Ей прописано все общество снизу доверху, но эта порочная система тем не менее работает и успешно защищает себя. Естественно, до поры. Но сейчас свою власть они уже не упустят и, хотя действуют с оглядкой на нас, глобальными интересами страны не пожертвуют. Мы прозевали становление их крепнущей самостоятельности. Упустили возможность создания протектората. Но еще не до конца. Мы привнесли в Россию идею паразитизма. Но общество должно бороться с паразитами. Где вы видели улей, в котором одни трутни? По просторам России еще погуляет вьюга волнений, и во мгле ее можно будет многое предпринять. Но сегодня, когда там утвердилось подобие государственности, надо действовать с оглядкой. Прохлопали ушами, хлопайте в ладоши. То есть вежливо аплодируйте, русские это любят.

Совет считает, что на них надо давить, а мне видится куда более разумным использовать российскую коррупцию как самый надежный инструмент. Он не так уж и дорог в использовании, а прибыль неизменна. Тем более все украденное они предпочитают хранить в наших банках.

Боль возвращается и торжествует, выкручивая меня, как прачка белье. Мне делают очередной укол, и, выждав время, я вновь пытаюсь удовлетворить неотвязный позыв мочеиспускания. Повторяется прежняя пытка. Катетер превращается в огнедышащий паяльник. Скрипя зубами, посылаю проклятия в равнодушный потолок.

Приносят обед, но на пищу я не могу даже смотреть. После меня осматривают врачи. Завтрашний перелет ими исключается, я понимаю их правоту и уже готов согласиться, но тут звонит Кноп. У него интересные новости: люди Ричарда только что задержали дружков взломщика. Сам Ричард с минуты на минуту должен появиться здесь, в госпитале.

— Срочно в Вашингтон, — приказываю я. — Не дай никому развязать им языки. Допрос буду вести я.

Ричард входит в палату осторожно, как примеривающийся к краже вор. Я улыбаюсь ему самой нежной улыбкой.

Он присаживается на край кровати. Пальцы у него заметно дрожат.

— Меня не хотели пускать, — сообщает с обидой. — Кнопп выставил всюду свою охрану. Он что, не доверяет моим ребятам?

— Не цепляйся к старику, — добродушно говорю я. — Он очень привязан ко мне и очень обеспокоен случившимся. Даже, представь, полагает, что меня хотели убить.

— Я тоже так полагаю, — говорит Ричард. — И думаю, тут не обошлось без этих двух мерзавцев, что рыскали возле вашего дома. Кстати, их задержали, и я через час вылетаю обратно, чтобы с ними как следует поработать.

— Вы полетите вместе со мной, дружище, — отвечаю я. — С вами, в первых, мне будет спокойнее, а кроме того, своим присутствием вы скрасите мне дорогу домой. Поработаю же я с ними лично. Поэтому поддержите их в надежном месте, не допрашивая. Это — приказ. Условия содержания должны быть суровыми, но без рукоприкладства и истязаний.

— Но... — Он возбужденно ерзает на углу кровати.

Я понимаю, ему не терпится выяснить, что именно сперли из сейфа. И срочно доложить об этом своим новым хозяевам.

— Я был с вами не до конца откровенен, дорогой мой, — с неосмотрительным вздохом, разодравшим грудь новым приступом боли, говорю я. — Кроме дисков украли один важный документ. Очень важный! Диски — чушь, там в основном бухгалтерия и банковская отчетность... Не хотелось бы увидеть ее в чужих руках, но ничего сенсационного в ней нет. А вот контракт...

— Какой контракт?

— Контракт на покупку российского оборонного предприятия, — отвечаю я. — Оно существует под эгидой холдинга, где, собственно, находятся контрольные пакеты акций. И с человеком, обладающим правом продажи этих пакетов, я договорился. И мы подписали контракт. Затем мне доложили, что его обхаживает один мой конкурент. И видимо, не напрасно. В общем, моя цена русских не устроила, но разорвать договоренности было уже нельзя. Проще было выкрасть документ. Нет документа — нет сделки. Они нашли выход на своих людей здесь, а дальше последовали известные вам события.

Я плету небылицу, глядя ему в лицо, на котором постепенно разглаживаются напряженные морщины. Мои слова и их тон утверждают его в восстановлении наших превосходных отношений. А значит, в своей нынешней агентурной ценности в глазах Большого Босса. Одновременно я даю понять, что отрицаю участие Пратта в покушении, сваливая таковое на русских бандитов. Таким образом, перед моими недоброжелателями я своими руками расстилаю широкий и гладкий путь с двумя вехами: изъятием у меня контракта, которого не существует, и перекупкой холдинга. Аферу с перекупкой следует со вкусом организовать.

— А кто сейчас хочет перекупить акции? — задает Ричард резонный вопрос.

Некоторое время я мнусь, словно в замешательстве. Затем доверяюсь:

— Это Кейт Бетке.

Кейт, проворный малый, мелкий партнер Пратта, действительно устремлен к захвату оборонных промышленных предприятий России и действует там не без успеха. Ему удалось выкрасть десяток ударных военных технологий, внедренных под покровительством Пратта в промышленность. Исподтишка он подбирается и к тем отраслям, где властвует исключительно Пратт, копошась у основания пирамиды его могущества. Пратт же поглядывает с вершины на его деловую возню с благодушием сытого хищника. Он не прочь иногда даже подбросить ему обглоданную кость. Но противоречить устремлениям старшего Кейт, конечно, не станет. Тем более, назначенный Праттом главой одной из промышленных групп, он действует вместе с ним против моих интересов, причем планомерно и порой бо-

лезненно. С другой стороны, возле созданного российского холдинга он крутился, явно раздумывая, как бы вклинуться в бизнес, отодвинув и меня, и своего патрона. Но не решался. Бороться с великанами, будучи гномом, глупо. Надо подрасти.

Однако доложи Ричард Пратту об инсинуациях растущего шустрилы, старик разозлится. На прямое выяснение отношений не пойдет, а, используя свою методику, начнет расставлять ловушки в поисках улик. Этого мне и нужно. Улики я ему подсуну. И, вбив клин в объединение врагов, расстрою их планы.

В моей голове постепенно выстраивается схема дальнейших действий. Я полностью мобилизуюсь к предстоящей борьбе.

Едва Ричард покидает госпиталь, в палату заходит специалист Кноппа, проверяющий помещение на предмет наличия «жучков», — если Ричард подсунул передатчик под кровать, я не удивлюсь. Великолепно представляю разочарование своего шефа безопасности: вместо того чтобы потрошить русских проходимцев и раскрывать разные тайны, ему придется убивать время в каких-нибудь местных клубах и ресторанах, изнывая от безделья.

Я набираю номер Роланда.

Приговоренный к смерти террорист сообщает, что чувствует себя хорошо, вошел в дружеский контакт с русской полицией и ведет розыски. Продажность русских для меня не секрет, так что в милейшем сотрудничестве между тамошними блюстителями порядка и этим разбойником я не сомневаюсь.

Я растолковываю, что Ричард — предатель и скоро, возможно, пожалует к нему в Москву в гости вместе с охотниками за его, Роланда, головой. После даю необходимые указания, воспринимаемые им довольно внимательно и чутко. Этот парень с головой!

Далее, немало вдохновленный, я обкладываюсь новенькими телефонами, принесенными Кноппом и без особенной боязни прослушивания веду один разговор за другим с членами нашего клуба миллиардеров и прочими важными деятелями. В голове словно включается в работу реактор, бурлящий обилием злокозненных идей.

Я разрушаю сделки, напуская наветы, распускаю слухи о перемещении своих и чужих капиталов в конкурирующие банки, предварительно заверяя их управляющих о таковых намерениях, советую быстрее возвратить кредиты или же не предоставлять таковых, сулю должности и перспективы, достичь которых можно, лишь навредив партнерам, предлагаю совместный бизнес, обещаю размещение инвестиций для строительства жилых комплексов в Майами, новой европейской газовой трубы, путаю карты перемещений нефтяных техасских капиталов в Азербайджан. Ворошу муравейник за муравейником. Продаю воздух, покупая лояльность; продаю лояльность за обещания услуг.

Боль приходит через два часа, и я изнеможенно откидываюсь на подушку. За эти два часа я произвел переполох в нашем королевстве финансовых магнатов и промышленных воротил. Выставить мне счет за переполох никто тем не менее не в состоянии: от всего сказанного я с легкостью отопрусь. Но Совет теперь не соберется очень долго. Я раздробил интересы, посеял подозрения и неприязнь, и теперь моим недругам хватит забот, им не до выслуживания перед Большим Боссом и не до инсинуаций против меня.

Я, как израненный солдат в окопе, сумел остановить бронированную армаду, развернув ее орудия друг против друга.

Недоразумения разъясятся, но их тени останутся надолго, впечатавшись в критические деловые умы. А пока у меня есть время окрепнуть, подлечиться и, заминировав вокруг себя уязвимые подступы, подготовиться к мощной атаке.

К вечеру, погружаясь в воспаленный сон, я все же заставляю себя снять трубку телефона.

Радостный голос Ричарда:

— Звонил Роланд! Этот парень все нашел! Все у него!

— То есть? — недоверчиво спрашиваю я.

— Он изъял этот самый контракт... Вы понимаете, босс?

Я понимаю: Роланд точно исполнил все мною сказанное.

— Готовьтесь к полету в Москву, — говорю я. — Возьмете документ — и обратно.

— Может, вылететь туда из Лос-Анджелеса?

— Нет. Сначала сопроводите меня в Вашингтон. Так спокойнее.

Кладу трубку. Этому перевербованному негодяю просто не терпится отличиться перед Большим Боссом. Наверняка вслед за ним в Москву вылетит и Пратт. Дабы перекупить русский оборонный холдинг.

Теперь в Москве моим людям предстоит напечатать эту бумажку-приманку и — готовиться к приему важных американских гостей.

Значит, ранехонько с утра предстоит большая работа.

Марк

Все произошло столь буднично и скучно, что Марк и удивиться не успел: едва они с Виктором подошли к машине, оставленной на стоянке, из будки вышла парочка черных придурков, приплясывающих в такт рэпа, бьющего им в головы из наушников плееров; «шахтеры», как называл их Марк, по-гусиному дергая шеями в такт музыке, направились в сторону выезда, а поравнявшись с ним, внезапно предъявили полицейские жетоны. И в сей же миг, сияя «люстрами» на крышах, у выезда с лота нос к носу остановились две бело-голубые патрульные машины.

Наручники, обыск, потертое казенное сиденье, сетка, отгораживающая арестанта от водителя, булькающий вой sireны и — безрадостный путь в темницу.

Их везли на двух машинах, отдельно, что бывший опер счел вполне логичным рутинным решением, но вот когда машины остановились не у полицейского участка, а въехали на территорию военной базы, затормозив возле угрюмого строения, до Марка дошла пугающая несуразность происходящего.

С вопросами он не спешил, понимая, что в свое время ему на них ответят в полном объеме, а потому безропотно проследовал в подвал здания, откуда на него пахло обреченностью. Грубая керамическая плитка на полу, лампы дневного освещения, решетчатый вход в коридор, упирающийся в бетонный тупик, а по бокам — стальные двери камер.

Лязнул замок. В помещении, лишенном окна, стояли голая солдатская койка и привинченный к полу стул. В одном углу раковина, в другом — унитаз.

— Проходите, — бесцветно обронил тюремщик, одетый в военную форму без знаков различий.

Потекли минуты ожидания. Минуты превращались в часы, не потревоженные ни единым звуком извне.

Марк понял, что угодил в серьезную переделку. Изобранный мозг судорожно просчитывал всевозможные варианты будущего допроса, в попытке предугадать основную партию игры под названием «Преступник и следователь». Беспокоило и то, как поведет себя Виктор. Малейшее несоответствие в показаниях выведет к истине. А если откроется, что нападение на Уитни организовали они, кара будет страшной, в чем Марк ни на мгновение не сомневался.

К вечеру в оконце двери ему просунули поднос с пластиковой бутылкой воды и парой худосочных бутербродов. На вопрос, принесут ли матрас, заметили, что здесь не отель и придется удовлетвориться панцирной сеткой. Оконце неприятно захлопнулось.

Утром подали завтрак, состоящий из той же воды и пары разваренных сосисок. Понятия обеда и ужина тюремщики проигнорировали вовсе, что привело Марка к закономерному выводу о плачевности его перспектив.

На следующее утро в оконце опять задымились дешевые сосиски, и он несколько воспрянул духом.

Время он угадывал интуитивно, ближе к вечеру в камеру вошли двое мордоворотов в штатском, надели наручники и повели на второй этаж здания.

Его ввели в кабинет, обставленный казенно и неудобно. В кабинете за пустынным письменным столом сидел человек, чье лицо показалось Марку до оторопи знакомым.

Уитни! Как?!

Человек был бледен, ему явно нездоровилось, но в болезненно блестящих глазах, устремленных на Марка, несомненно, угадывались непреклонная воля, ирония и некоторая отчетливая брезгливость.

Мордовороты усадили Марка в кресло напротив, освободили от наручников, а затем, завернув кисти за высокую спинку кресла, снова замкнули кандалы.

Уитни удовлетворенно кивнул, и стражи покинули помещение, встав, вероятно, за дверью — звука удаляющихся шагов Марк не услышал.

— По-английски, как понимаю, вы говорите, — сказал Генри. — И кто я — знаете. — Голос его был тих, слова срывались с губ через одышку, и Марк уяснил, что перед ним действительно Уитни, видимо, изрядно пострадавший в аварии.

— Да, я говорю по-английски, а вы — Генри Уитни, — подтвердил он.

— Я посмотрел данные на вас, — продолжил собеседник. — Вы большой плут. Однако советую собрать весь неприкосновенный запас своей искренности, поскольку только он в состоянии скрасить ваше будущее.

— Я постараюсь, — заверил Марк.

— Это в ваших интересах, — устало произнес Уитни. — И хочу сразу же предупредить: едва я начинаю испытывать сомнения в ваших ответах, как здесь появляется специалист и делает вам известного рода укол... После этого ваша дальнейшая судьба не будет вызывать у меня ни малейшего любопытства.

В этих тяжелых словах, падающих, как гири, было столько угрожающей силы и правды, а взгляд Уитни налился такой безжалостной непреклонностью, что Марк почувствовал безотчетный страх. Единственный раз он испытал нечто подобное, когда, плавая в тропических рифах с аквалангом, увидел мчавшуюся на него из синего сумрака огромную белую акулу.

— Я отвечу на все ваши вопросы, сэр... — молвил он срывающимся голосом.

— И правильно сделаете. Только зачем мне утруждаться? Вы сами знаете, что мне хотелось бы от вас услышать. Начинайте.

— Предыстория моей американской жизни вас, полагаю, не волнует, — сказал Марк.

— Почему? Полезно услышать, какой путь привел вас в это кресло...

— Тогда — так!

И Марк впервые в жизни честно и беспристрастно поведал свою биографию до того момента, как оказался в кустах возле дома Уитни со сканером. Рассказывать о своих похождениях в Лос-Анджелесе категорически не хотелось, несмотря на пагубность последствий.

— И что же дальше?

— Дальше в горле у Шехерезады пересохло, и ей необходимо его промочить.

Уитни нажал на какую-то скрытую кнопку, и в кабинет вошел молчаливый верзила.

— Принесите ему воды.

Пластиковый стакан ткнулся в губы. Ручеек потек по подбородку, скатившись за ворот рубашки.

— Жду продолжения, — проронил Уитни.

— Мы хотели послушать ваши разговоры, а дальше, если речь в них пойдет о наших персонах, наметить дальнейшие действия.

— То есть?

— В зависимости от ситуации. Если она стабильна, имеет смысл затаиться в Штатах, если накалена — скрыться в России. Лично я склонялся к последнему варианту.

— В вашей машине мои люди обнаружили много американских документов. С их помощью ваше нелегальное положение было бы весьма стабильным. Зачем вам Россия?

— Документы и фото на них надо обновлять, — сказал Марк. — И тут можно нарваться на засаду в компьютерных сетях. Помимо того, мои отпечатки существуют в полицейских досье. Попади я даже в мелкую переделку и будь идентифицирован, остаток дней проведу в тюрьме за подделку федеральных документов. Так что в России было бы надежнее. А уж Виктору... ну, моему товарищу, тем более. Языка не знает, интеллект, извините, как у мартышки... Хотя партнер он надежный и толковый.

— То есть вы хотите сказать, что очутились в тупике?

— Вот именно. — С огромным облегчением Марк начал сознавать, что Уитни, во-первых, настроен отнюдь не кровожадно, а во-вторых, отчего-то не соотносит инцидент в Лос-Анджелесе с его, Марка, происками.

Или это игра, или какое-то безумное везение! Только бы не прокололся Витя, если сейчас с ним ведут задушевные беседы палачи олигарха.

— Вы посмотрели диски, — сказал Уитни. — И какой сделали вывод?

— Я посмотрел несколько фрагментов, — поправил его Марк. — Вывод? Это не вывод, а подтверждение того, о чем знают практически все. Есть мировое правительство, пытающееся держать в рамках существующую цивилизацию. Оно далеко не всемерно. Устремления его встречают отпор тех или иных национальных сообществ. Приходится идти на разного рода маневры. Зачастую непопулярные. Секретность этих маневров шита белыми нитками. Если завтра, к примеру, в Китае, вспыхнет какой-нибудь грипп, поражающий лиц только с определенным разрезом глаз, меня это совершенно не удивит. Вас, судя по всему, тоже. Но попробуй только заикнись кто-либо с высокой трибуны о лабораторном происхождении вируса! Несмываемое оскорбление, враждебный выпад, грязная провокация! И — ответствующий демарш, который вывернет скандал в пользу разоблаченной стороны... Поиски доказательств, вдумчивые разоблачения? Да кому они в общем-то нужны? Успокойтесь, мистер Уитни, мир давно принадлежит вам. И главный храм в нем — храм золотого тельца. В Библии об этом все есть.

— И как вы видите свое будущее?

— Если вы милостиво оставите меня в живых, то я продолжу свое пресмыкание. Держа язык за зубами. И помня, что мне в любой момент его могут отрезать. Может, женюсь, ибо мечтаю о детях.

Уитни медленно откинулся на спинку кресла. Лицо его смягчилось, а глаза равнодушно потухли, уставившись в пространство за головой Марка.

— Что же, — сказал он, — мне кажется, настало время извлечь выгоду из наших отношений. Помогите вернуть материалы. Признаюсь, мне крайне неприятен факт их пребывания вне моего сейфа.

— Какой я идиот! — с чувством произнес Марк. — Что стоило мне оставить их здесь!

— Ваш товарищ увез их в Москву? Это точно?

— В том-то и дело! И если вы спросите, почему мы так решили, я не смогу дать внятного ответа. Мы находились в горячке...

— Вы поддерживаете с ним связь?

— Я дал ему номер своего нового сотового телефона. Он позвонил один раз. Затем — пропал.

— Очевидно, он понимает, что, если вы попали к нам, разговоры с вами — занятие пустое. А если не попали, то попадете. А он не имеет желания отнести эти материалы... во всякого рода инстанции?

— Я ему объяснил: тому, кто сдает такие козыри, отрубают руки. Он понял.

— Хорошо. Что бы вы сделали, рассуждая, как бывший полицейский?

— Я мог бы поехать в Москву, навестить его родителей и через них убедить его выйти на меня.

— Хм-м... — Уитни помедлил. — Знаете, а мне пришла в голову забавная идея... Может быть, вы действительно отправитесь в Москву? Хотя там и без вас хватает народу. Но отправитесь чуть позже. А пока я доверю вам и вашему товарищу несколько поручений. Если справитесь с ними, то считайте, что приняты на работу. Вам же нужна работа? Тем более давно пора заняться полезным трудом. Через труд совершенствуется душа, и я ненавижу бездельников.

— Я готов проявить себя в деле сыска, — начал Марк, но Уитни отмахнулся:

— Сыщик из вас никакой. По крайней мере здесь. Вы не росли в наш менталитет... По-моему, живя в Америке, вы постоянно путаете ее с Россией. Потому, собственно, вас без труда вычислили.

— Подробности можно?

— В свое время. Добавлю, что подготовка разведчика в вас отсутствует вовсе. Но применение вам мы найдем. Так вот. После выполнения первого же задания я со спокойным сердцем предоставлю вам свободу в любых передвижениях. И жизнь наполнится смыслом, поскольку авантюризм вашей натуры удовлетворится незабываемыми приключениями.

— Мне надо пройти испытательный срок? — уточнил Марк. — Понял. Но в чем будут выражаться эти задания?

— В совершении ряда тяжких преступлений, — небрежно произнес Уитни. — Под нашим прикрытием. В вашем случае доверие можно заслужить лишь таким образом.

— Речь, надеюсь, идет не об убийстве?

— Вы же только что поведали мне, что исполняли смертные приговоры.

— Я не испытывал от этого ни малейшего удовольствия.

— Этим вы мне и приглянулись.

— Неужели у вас мало людей для выполнения подобных акций?

— Вы не поверите, но острой нужды в головорезах я до сей поры не испытывал. То есть мне всегда было к кому обратиться... Однако сейчас обстоятельства изменились, и вот я подбираю соответствующие кадры.

— Альтернативы, как понимаю, у меня нет...

— Почему же? Если откажетесь, то посидите здесь с месячишко, а когда мои люди вернут диски, я вышвырну вас на улицу. Зла вы мне не сделали, в переплет угодили случайно, ситуация теперь ясна, зачем же проливать кровь понапрасну?

— Но вы же прекрасно понимаете, что если сейчас я выйду отсюда, то буду нем, как полено! И такие же гарантии, кстати, даю за своего товарища.

— Это теоретический подход, — сказал Уитни. — Личности, подобные вам, управляемы лишь в тисках обязательств. У вас экстремальное мышление и комплекс предателя. Очень опасное сочетание.

— Кого же я предавал? — жалко усмехнулся Марк.

— Да вы не обижайтесь. Порою предать — это всего-навсего предвидеть... Ваша эмиграция — предвидение дальнейших экономических и политических неопределенностей в России, к примеру.

— Значит, все эмигранты — предатели?

— Большинство. Конечно. Если человек спасает этим семью, сам не желая покидать отечество, тогда его можно понять. Основы же эмиграции: погоня за благополучием, трусость, тщеславие. Попутно — отсутствие национального сознания и затаенные обиды на свою родину.

— Вы неверно сформулировали мой мотив, — сказал Марк. — Для меня это была просто игра. Причем — на голый интерес. С легким меркантильным душком, конечно. Теперь, пока мы здесь говорили, во мне окрепло мнение, что с вашим предложением следует согласиться. Но я хотел бы, чтобы вы оставили наш дуэт с Виктором неприкосновенным...

— А мнение вашего товарища вас не интересует?

Марк от души расхохотался. Дверь скрипнула, и в нее просунулась озабоченная физиономия охранника.

— Лучшего предложения ему, наверное, не делали за всю жизнь! — заявил Марк убежденно. — Уж этот-то... расстарается! Витя — слуга антихристов...

— Что вы сказали?

— Да так, к слову, не обращайтесь внимания. Мне надо с ним поговорить, естественно, но много времени разговор не займет, обещаю.

Согнутым пальцем Уитни поманил охранника, призывая его подойти ближе. Задумчиво покусывая сухие губы, приказал:

— Снимите с него браслеты. После — отвезите к Кноппу, он обо всем позаботится.

Проскрипели зубцы наручников. Марк согнул в локтях затекшие руки. Уитни не двигался с кресла, уставившись на него стыл原因, насмешливым взглядом. Один глаз был широко, напряженно раскрыт, а второй привычно скептически сужен.

— Вы все сделали очень правильно, господин Уитни, — сказал Марк, поднимаясь с кресла. — Бог нам всем судья, но, как бы там ни было, мы перед вами в большом долгу и ваши ожидания оправдаем.

— Вы не поинтересовались вознаграждением за предстоящие, так сказать, труды, — промолвил Уитни, не меняя ни позы, ни выражения лица.

— Какие счета? — Марк воздел руки к потолку. — Вы только что подарили нам жизнь. Испытательный срок мы готовы пройти без зарплат. А дальше, надеюсь, договоримся... Вернее, с уважением воспримем все ваши предложения.

Жуков

Московская жизнь, казавшаяся поначалу безысходной и сумеречной, неожиданно расцвела для Жукова привлекательными оттенками.

Он быстро освоил ремесло оружейника-реставратора, и оно приглянулось ему своей кропотливостью, неспешностью, а главное — высокой доходностью. К новому бытию он также приноровился, считая его увлекательным и многосторонним.

Жизнь двух бодрых холостяков была заполнена, помимо ведения хозяйства, поездками за город к многочисленным друзьям Геннадия, походами в кегельбаны, бильярдные клубы, кино, застольями, а также регулярными посещениями дам. Дамы делились на две категории: платные, со счетчиком времени, именуемые «таксомоторами», и беззаветные подруги на общественных началах. Выбор «таксомоторов» диктовался необходимостью обновления чувств, рутинные варианты — сухой экономией. Порой в кафе или на улице снимались невозмутимые девочки «на разок».

В их развлечениях неизменно участвовал напористый и хамоватый пожарник Суходрищенко. На вопрос Гены, почему он не поменяет фамилию на более благозвучную, тот с горестью отвечал, что в юности не хотел огорчать папу, а в зрелости, получив две медали за борьбу с огнем, столкнулся с неразрешимой проблемой переделки наградных документов, сулящих пенсионные льготы. Это был немногословный, невозмутимый человек, пьющий каждый день и на результат. С недавней поры, после посадки Лени, пожарный, как пояснил Гена, взялся за реализацию огнестрельного товара по своим каналам, ибо остро нуждался в средствах, поскольку

зарплата на службе была скудна и соответствовала лишь цене акцизных марок на алкогольной таре. Очередные посиделки проходили в плановом порядке: когда избыток алкоголя затмил в Суходрищенко остатки разума и он сполз со стула на пол, Жуков привычно подхватил его под микитки и отволок в кладовку, где стояла персональная раскладушка подельника-пияницы. После, вернувшись к столу, бодро поведаль Геннадия:

— Теперь можно дать гудок девочкам. Пусть выезжают. Халява отключалась надолго.

Суходрищенко, как правило, избегал оплачивать услуги дам по вызову, предоставляя это товарищам и неизменно отделиваясь той фразой, что, мол, расходы по разврату вычтутся из доходов по реализации тротила или пистолетов. Когда же дело доходило до вычетов, вставал в позу, возмущаясь мелочностью компаньонов, и, бия себя кулачищем в грудь, восклицал, что сбыт опасного товара на нем, его риск непомерен и унижительные счета оскорбляют его принципиально... Последний свой долг по данному поводу, впрочем, с неохотой признал, но предложил возратить его вялыми судачками, подаренными ему сослуживцем, заядлым рыболовом.

Гости были легкомысленно жизнерадостны, непринужденно уселись за стол, скривились от наличия в ассортименте одной только водки, но затем удовлетворились и ею.

Плату Геннадий внес вперед и указал Жукову на часы — оговоренное время протекало быстро. Пока Жуков, теряясь, оценивал фактуру дам, Геннадий утянул в гостиную ладную брюнетку с налитым бюстом, а Юре досталась худосочная блондинка.

Прошли в спальню, озаряемую приглушенным светом настольной лампы. Под ней когда-то прилежный мальчик Гена делал школьные уроки и получал подзатыльники за нерадивость.

— Чего это? — Блондинка, механически разоблачаясь, указала на подзорную трубу, водруженную на подоконник. — Подсматриваем за девушками в соседнем доме?

— Астрономы мы, — поведаль Жуков, стягивая с себя майку. Пояс с деньгами, который он постоянно носил на себе, сейчас был предусмотрительно упрятан за платяной шкаф.

Банковской ячейкой, памятуя напутствие Марка, он не воспользовался, а надежного места, куда припрятать деньги, найти не мог. Со злосчастными дисками, которыми Юра дорожил в степени куда меньшей, он обошелся довольно бесцеремонно: ночью вывернул монтировкой бордюрный камень, подкопал нишу и сунул в нее запаянный в полиэтилен пакет. К своей досаде, на следующий день, роясь в сумке с вещами, он обнаружил еще один диск, выпавший, видимо, из коробки в спешке сборов. На диске, выведенная фломастером, имелась подпись: «11 сентября. Часть вторая, окончание».

Просмотрев диск, Жуков обнаружил на нем лишь пятиминутный фрагмент какого-то совещания с присутствием Уитни, видимо, финальную часть, не уместившуюся на основном носителе. Ничего из сказанного Юра, как ни прислушивался, уразуметь не смог. Что делать с диском, не знал. Вновь выворачивать тяжеленную глыбу, чтобы доложить его к остальным, охоты не было. Не мучаясь раздумьями, он оставил его в проигрывателе, решив на досуге поупражняться в постижении разговорных нюансов.

Проститутка подтолкнула Юру к постели. В выверенной и скучной сноровке она напоминала медицинского работника. Отстраненно воспринимая оплаченные ласки, Жуков, уставившись в потолок, припомнил вероломную Лору Голубец, обнаружив в себе лишь отрицательные чувства к прошлой сожительнице. Подумал, что на баб ему отчаянно не везет. Сплошные расчетливые шкуры.

Когда процесс завершился, он отправил девицу с охапкой ее обмундирования в ванную, ибо оставить порочное существо наедине с деньгами, пусть и запрятанными, не хотел. Пока в ванной лилась вода, он подошел к подзорной трубе, отодвинул штору.

Приникнув к окуляру, посмотрел сначала на окна родителей, потом на машины возле подъезда. Спускались осенние сумерки, загорались огни в домах, мелась по тротуарам порывами ветра ломкая опавшая листва.

Одна из машин, стоявшая возле подъезда родительского дома, чем-то Жукову не понравилась. Он заметил ее еще часа три назад, в ней находились два типа, явно кого-то поджидавшие.

Теперь ситуация переменялась: неизвестные вышли из машины, направились к остановившемуся неподалеку темному «опелю». Из него вылез мужчина лет сорока, в деловом костюмчике, похожий на банковского клерка. Невысокого роста, подвижный, крепкого сложения, он с успехом мог сойти за кавказца. Последовали рукопожатия и доверительный, судя по наклону голов, разговор. Кавказец снял пиджак, галстук, положил в салон, откуда затем извлек свитер и мятую матерчатую куртку. Надел их. Куртка оказалась рабочей спецовкой с желтеющим на спине обозначением городской телефонной компании. Один из незнакомцев полез в карман, вытащив оттуда пассатижи. Клерк, обрядившийся в мастерового человека, небрежно отмахнулся от них, открыл багажник и извлек железный инструментальный ящик. Загадочные типы, дожидавшиеся его, сели в машину и уехали. Телефонист же последовал в подъезд.

Жуков наведалься в ванную, а затем в свою комнату. Вновь приник к окуляру.

«Опель» кавказца стоял на месте.

Переведя мощную оптику на окна родительской квартиры, Жуков похолодел. На кухне горел свет, а за столом сидели мать и телефонный мастер, попивающий чай. Парочка вела неспешную беседу.

«Подстава! — мелькнуло у Жукова. — Испортили провод, потом якобы починили, теперь разводят маму на информацию».

Он оторвался от трубы, зашагав в раздумье по комнате. Вот тот момент, которого, собственно, он и ждал, если это не какая-нибудь накладка или ошибка.

Снова навел трубу на окно кухни. Телефонист поднимался из-за стола и галантно кивал, видимо на прощание. Мать улыбалась ему благодарно и польщенно.

«Не иначе отвечает ей комплимент за комплиментом, подлюга», — подумал Жуков.

Голова телефониста мелькнула, скрывшись в изгибе коридора.

К Жукову пришла шальная мысль.

Схватив висевшие в прихожей ключи от «Нивы», стоявшей у подъезда, он крикнул сидевшей на кухне компании:

— Скоро буду! — и вылетел на лестничную площадку, на ходу втискиваясь в куртку.

Прикрыв дверь, вспомнил о поясе с деньгами и ринулся обратно. Лихорадочно просунул руку за шкаф, но неловко толкнул пояс, ускользнувший вглубь. Пришлось, поднатужившись, отодвигать громоздкую мебель. Пояс свалился на пол. Чертыхаясь, Жуков пал на четвереньки, изогнувшись, достал его, застегнул вместе с кожей на животе. Ругнувшись растерянно, втянул раздобревшее пузо, едва справившись с заевшим замком. После, поправляя выбившуюся наружу рубаху, скатился по ступенькам, отчаянно и суеверно плюясь по сторонам, ибо в возвращении виделась плохая примета.

Держа ключ, как стилет, он уже вознамерился вонзить его в замок «Нивы», но тут увидел, что переднее колесо машины спущено.

Между тем «опель», видневшийся на другой стороне сквера, разворачивался, устремляясь к выезду на магистраль.

Жуков заметался. Перебежал газон, детскую площадку с грибочками и чуть не уткнулся в серую «Волгу», выезжающую со двора.

Вздурораженно замахал руками. «Волга» притормозила.

— Брат, хорошо заплачу! — выкрикнул Жуков водителю. — Давай вот за этим «опелем»!

Водитель, лысый, степенный мужчина, попыхивающий сигаретой, недоуменно указал на вспыхнувшие стоп-сигналы скрывающейся за поворотом машины:

— За этим?

— Да, брат, да!..

— Ну, ныряй...

Жуков обогнул «Волгу», дабы усесться рядом с шофером, но там обнаружился еще один пассажир — парень лет двадцати пяти с плоской, как блин, прыщавой продувной физиономией.

Пока Жуков забирался на заднее сиденье, «опель» исчез.

Его с трудом нагнали лишь на втором светофоре.

— Ты чего, сыщик? — спросил Жукова молодой парень, блестя узкими, хитрыми глазками.

— Не, я это... — замялся Юра. — В общем, жена у меня косяков дает... А тут крендель от нее этот выходит... Помогите, мужики, надо узнать, кто такой... Ручка есть? Запишу номер...

Ручку, покопавшись в вещевом ящике, нашли. На сигаретной пачке Жуков накорябал цифры и плохо различимые из-за въевшейся грязи буквы.

— Ты чего, в кустах сидел, его ждал? — спросил водитель безразличным тоном.

— Приятель у меня в соседнем доме живет, все как на ладони...

«Опель» маневрировал, откровенно нарушая правила движения. Водитель, невольно следуя дурному примеру, заметил Жукову:

— Если чего, штрафы на тебе, кореш...

— О чем речь!

Трасса сузилась, и машины замедлили ход. До светофора тянулась тоскливая пробка. Наглый «мерседес» с мигалкой и с федеральным номером притер «Волгу», поневоле переместившуюся из крайнего ряда правее. «Опель», видневшийся через крыши впереди стоящих машин и поначалу покорно томившийся в замершем железном стаде, начал нагло выворачивать на встречную полосу. Водитель «Волги», лишенный возможности маневра, разочарованно крикнул. «Опель» между тем бессовестно пересек две сплошные линии и помчался к светофору, круто свернув налево под него-дующий рев тронувшейся встречной армады. Через мгновение он исчез.

— Вот сука... — На лице водителя «Волги» читалась отчетливая злоба. — Извини, брат, хахаль у твоей супруги борзой, не иначе как с ксивой...

— Пробью по номеру... — процедил Жуков.

— Слышь, — заелозил, растерянно шаря по карманам, молодой парень. — Я у Светки документы забыл, давай обратно...

— В смысле? — озадачился водитель.

— В смысле — обратно, ты чё, тупой?

— А-а... Ну, тебе повезло, — обратился водитель к Жукову. — Если б не этот растяпа, шкандыбал бы ты сейчас...

На обратном пути горячо обсуждали неверность и коварство женского пола. Жукову, вновь припомнившему незабвенную Лору Голубец, было чем поделиться с компанией.

Доставив Юру до дома за весьма умеренную плату, водитель и пассажир, напутствовав его «крепче влупить козе по рогам», уехали, а разгоряченный неудачей Жуков вернулся в квартиру. Девушки отбыли.

Геннадий стягивал вилкой с паяльника очередную подогретую котлету: накануне у него поломалась электроплита.

— Куда срывался? — спросил его Геннадий.

— Да тут такое дело... — Внезапно Жукову пришло в голову рассказать товарищу все как есть. Что и сделал.

— Серьезная над тобой коса, — посочувствовал Геннадий. — Как бы и мне под нее не пристроиться... А этот телефонист пожаловал с первым звонком. Эх, Юра! Всегда тебя тянуло на тернистый путь!

В прихожей брякнул звонок.

— Девки чего-нибудь забыли, — рассеянно произнес Гена. — Как всегда. Поди открой.

Жуков беспечно открыл входную дверь и тут же отлетел в коридор под напором трех плечистых громил.

Дверь захлопнулась. Жуков увидел направленный на него пистолет. За черным зрачком навинченного на ствол глушителя размыто увиделась длинная, словно стекающая вниз рожа с агрессивно выпирающей челюстью. Различились татуированные перстни на пальцах, сжимающих рукоять.

— Чего сипишь? — донеслось хрипло и злобно. — Где Генка?

— На кухне...

— Ну вот и давай на кухню!

Жуков с опаской подчинился.

Узрев мрачную тройцу, вошедшую с оружием наперевес в безмятежность уютного быта, Геннадий скорее озадачился, нежели испугался.

— Ты чего, Антифриз? — обратился он к субъекту с чернильными пальцами. — Вообще охренел? Куда вломился? Хату мою засветить хочешь?

— Дыхание задержи, — посоветовал тот. — И слушай сюда. Напарник твой бывший, Леня, где?

— Как... В тюрьге...

— Был в тюрьге. Вчера ушел под подписку и свинтил сквозняком... А на нем долг. Тридцать штук. Под ваши поставки. Вместе работали? Тебе отвечать!

— Он взял бабки вперед за железо?! — Геннадий разродился возмущенным монологом, в котором он, неудавшийся пролетарский интеллигент, проявил естественные и недюжинные познания криминальной терминологии.

— Ты мне изумление на вывеске не вывешивай! — прервал его Антифриз. — Или монеты на стол, или закусишь свинцом. Эт кто? — Небрежный кивок на Жукова. — Что за пингвин жеваный?

— Приятель мой...

— Плохой день у приятеля.

— Слышь, Антифриз, ты это... — У Геннадия потерянно бегали глаза. — Я ж в натуре не при делах, у меня другой разносчик даже...

— Я считаю до трех, — сказал уголовник, поднимая пистолет ко лбу Гены. К ведению дальнейшей полемики он был явно не склонен.

Палец на спусковом крючке опасно подался назад, и Жуков понял, что от дороги на тот свет Геннадия отделяет то же расстояние, что и боек от капсюля. Его мысли, казалось, передались и товарищу.

— Спокойно, я согласен, — произнес Гена севшим голосом. — Отдам товаром.

— И где товар?

— Здесь...

— Ну, показывай, купец...

Подталкиваемые настырными стволами, Жуков и Геннадий проследовали в гостиную.

От сознания, что на нем сейчас пояс, за который бандиты способны разрезать его на куски, Юру пробрал колкий озноб. Вместе с тем о сопротивлении не могло быть и речи.

— У меня там подвал, — сказал Геннадий, указуя пальцем в пол.

— Разумно, — откликнулся Антифриз и глубокомысленно поджал губы.

Когда панель с приклеенным к ней паркетом взгромоздилась у стены и взорам собравшихся открылся ход в черноту, Антифриз скомандовал:

— Гена, ныряй! Хвощ и Мурзилка — туда же... Ты, фраер, — покосился на Жукова, — присядь на диван. Дернешься — замочу.

В подвале зажегся свет. Геннадий в сопровождении бандитов спустился в мастерскую. Антифриз, усевшись на корточки, пытливо заглянул в подземелье. Усмешливо качнул головой:

— Во конспирация... Большевистское подполье.

— Антифриз, да тут у них арсенал на два полка! — донесся из подвала восхищенный голос. — Тут грузовик нужен! Держи!

Из подпола появился сначала армейский вальтер, а вслед за ним — противотанковое ружье, боеспособность которого Жуков восстановил накануне.

— Тут и заряд к этой дуре, — последовал комментарий. — Ржавый слегда, правда...

— Ты меньше рассуждай... — Склонившись над зевом провала, Антифриз деловито, одной левой рукой принимал оружие, укладывая его подле себя. Пистолета не выпускал и то и дело косился на Жукова, не оставляя тому ни единого шанса на противодействие.

— Слышь, ты... — донесся раздраженный голос Геннадия. — Куда лезешь? Это не пирожки на прилавке, а гранаты.

— А то я не видел гранат...

— Да осторожнее, муди...

Страшный взрыв потряс пространство гостиной. Жуков захлебнулся тугой ударной волной. Грохоту перевернутой мебели вторил льющийся звон битого стекла.

Жуков в мгновение оглох и на какое-то время утратил сознание. После сквозь плавающую в глазах дымную пелену, в густом и страшном безмолвии различил вывернутое винтом тело Антифриза, отброшенное взрывом к его ногам и напоминавшее застывшего в судороге червяка. Рот уголовника был открыт, словно он выставлял напоказ все свои коронки и пломбы. Рубаха и куртка намокали кровью, истыканные добрым десятком коряво торчащих из тела осколков. Один его башмак валялся на диване, другой улетел неведь куда.

Из гробовой тишины подземелья валил густой черный дым.

Ни чувств, ни мыслей Жуков не испытывал, действуя по какому-то наитию. Некоторое мгновение он всматривался в удушливую черноту, затем подволок к ней обмякшее тело бандита и сбросил его вниз. Прилаживая на место панель, услышал сердитый голос:

— Чего тут за Курская аномалия?

Вскинул глаза на вошедшего в комнату Суходрищенко. Он был довольным и полусонным, как кот после случки. Затем, протирая глаза, невразумительно заморгал, постигая картину развала.

— Взорвалось... — поведал Юра потрясенно.

— Не понял, что? — Суходрищенко играл задумчивыми желваками на скулах.

— Неосторожное обращение...

— Этого следовало ожидать! — с чувством изрек Суходрищенко.

Будто охваченный каким-то болезненным порывом, Жуков спешно начал устанавливать на места перевернутую мебель, сбегал на кухню за веником и совком, дабы вымести хрустальный бой содержимого серванта и осколки оконного стекла.

Суходрищенко, задумчиво почесав затылок, отправился в ванную. Он был еще не вполне трезв.

В самый разгар уборки в коридоре протопали чужие стремительные шаги, и Юра вспомнил о входной двери, оставшейся после визита уголовника незапертой.

В комнате появились какие-то возбужденные люди и низкорослый милиционер в засаленном бушлате, явно участковый. Из сбивчивой речи посетителей Юра уразумел, что, во-первых, публика взволнована неясной природой взрыва, а во-вторых, из вентиляции по подъезду распространяется смрадная гарь, отрицательно влияющая на благополучие жильцов.

— Что случилось, дорогой? — спросил участковый Жукова.

Юра оторопело взглянул на милиционера.

— Вот... — Он кивнул на разбитый телевизор, валявшийся на полу. — Взорвался прибор. Во время просмотра...

Милиционер недоуменно покрутил головой. Выдвинул версию:

— Китайский, наверное...

— Просто диверсия! — возмутился Жуков.

Милиционер внезапно нагнулся и поднял с пола валявшийся паспорт. Паспорт принадлежал Геннадию.

То и дело переводя внимательный взор с фотографии на лицо Жукова, участковый перелистал документ.

— Кстати, паспорт давно пора бы менять!

Жуков смущенно развел руками. Затем полез в карман, достал купюру, оставшуюся со сдачи водителя «Волги», сунул ее милиционеру. Тот механически и совершенно естественно, словно предложенную сигарету, купюру принял, даже не взглянув на мелкое достоинство денежного знака.

Посетители еще потолклись, посудачив о таинственных свойствах китайской техники, и отправились восвояси. Закрывая за ними дверь, Жуков узрел в зеркале, висевшем в прихожей, свой лик. Лик покрывала сажа, прорезанная струйками нервного пота.

Возвратившись в комнату, он застал там Суходрищенко, пытающегося вновь отодвинуть панель, открывающую тайный лаз.

— Скребают... — передернув плечами, пояснил он Жукову. — И кричат. Кто-то выходит на связь...

Юра обернулся в поисках оружия. С удивлением обнаружил пистолет Антифриза, выглядывающий из-под дивана и чудом оставшийся незамеченным незваными пришельцами.

Вооружившись, помог освободить проход в подzemелье. Поваяло остатками дыма, а затем наружу вылезла закопченная голова Геннадия, захлебывающегося отчаянным кашлем.

Извлеки безвольное тело приятеля в разор гостиной, Юра спросил, опасно всматриваясь в темноту:

— А эти?

— Кретины! — прохрипел Гена. — Там чека у гранаты на ладан дышала... Он ее хват... Я рыбой под верстак... У нас там тротила три пуда, как не сдетонировал — чудеса! — Он непрерывно и мелко икал.

— Что-то горит, — приняхавшись, произнес Суходрищенко.

— Картон тлеет, наверное, — равнодушно произнес Геннадий. — Неси лампу и воду.

— А эти-то как? — не унимался Жуков.

— Как? Учатся играть на арфе... — Геннадий постепенно приходил в себя. Неторопливо крестился и, что-то беззвучно бормоча, с благоговением взирал на почерневший потолок. После, поднявшись с колен и осмотрев развал, произнес, кивнув на разбитые окна: — Отдираем фанеру от шкафа, заколачиваем хибару. Быстрый сбор и — уходим в бега.

— Куда? — воодушевленно спросил Юра.

— На даче у меня отсидимся. — Гена потерянно махнул рукой. — Подалее надо отсюда... Где город — там черт, где деревня — Бог. Покойников сегодня же вывезем. Антифриза, кстати, ты мне на башку спихнул?

— Почему он Антифриз? — спросил Юра механически.

— Клиентов при разборках охлаждал, — кратко ответил Гена.

Закончив уборку, полезли в воняющий гарью провал. Обыскали трупы. У одного из покойников в кармане нашлись ключи от машины. Характерный значок на ключах указывал, что бандиты приехали на «хонде».

Невозмутимый Суходрищенко, уже окончательно протрезвевший, сказал, что готов вывезти тела в соседний район. У него имелось удостоверение офицера МВД, к которому ранее относилось пожарное ведомство, и это давало ему существенные преимущества.

Покойников упаковали в полиэтилен, рулон которого нашелся в подвале. Геннадий принялся за сборы.

— И чего будем делать на даче? — спросил Юра. — Арбузы сеять, пора прошла...

— Должны отстояться мысли, — патетически произнес Геннадий. — Антифриз в крутой банде, нагрянут — кишки выпустят без вопросов!

К полуночи, без особенного труда обнаружив во дворе дома искомую «хонду», Суходрищенко подогнал ее под окно квартиры.

При погрузке тел в багажник обнаружили его непрактичная маломерность и крупногабаритность усопших, отчего в тесноту пространства их умещалось лишь двое.

— Третьего возьми в салон, — посоветовал Гена Суходрищенко.

— Мало ли, остановят? — засомневался он. — А тут такая компания...

После долгих препирательств решили погрузить самого тощего — Антифриза — в «Ниву», освободившись от него по дороге на дачу.

— Вот вам и антифриз в упаковке, — жалко сострил Геннадий.

Вскоре Суходрищенко убыл, а Жуков пошел менять на «Ниве» спущенное колесо. Патрульная милицмейская машина едва не забрала его, приняв за ночного вора, посягающего на целостность автомобиля, но недоразумение, впрочем, разъяснилось. Далее, следуя примеру пожарного, Юра подал «Ниву» к окну и уместил, содрогаюсь от брезгливости, в задний ее отсек останки грозного Антифриза.

Вернулся бесшабашный Суходрищенко с закуской и водкой. Глядя в тоскливое лицо Геннадия, не перестававшего икать не то от страха, не то от последствий контузии, произнес торжественным, низким голосом:

— Их надо помянуть. — Затем добавил: — Остаюсь с вами, жена все равно сегодня не пустит.

— А если сейчас подкатит братва? — затравленно спросил Геннадий.

— У нас еще много гранат, — заметил Суходрищенко, открывая водку.

— Тогда так... Завтра проводишь нас на дачу... Ты за рулем. У тебя ксива, а у нас жмурик...

— Посодействуем.

На том и порешили. Пьянка затянулась до утра.

Окончание следует.

АНДРЕЙ МОЛЧАНОВ

АНТИФАДА

РОМАН

Максим Трофимов

Нина прилетела в Москву, когда я вполне освоился с бытом, наладил машину и приступил к розыску Жукова.

Скромная квартира на отшибе города ее совершенно не смутила, тем более одну комнату практически целиком занимала обширная кровать, с которой в угаре страсти нам пару раз удалось-таки сверзиться.

Я окончательно уяснил, что влюбился в нее всецело и беззаветно; она была сродни наркотику, я цепенел от пленительной глубины ее глаз — серых, открытых, словно сияющих юной чистотой.

Ни в какие шикарные отели она не стремилась, к дискотекам и казино относилась едва ли не с презрением, зато обожала рестораны с домашней кухней, ибо стряпню ненавидела органически. Щедроты ее папы, не ведающего, в чьи лапы угодила его дочь, позволяли нам каждодневно предаваться самому изысканному обжорству.

От Большого театра и московских музеев она пришла в трепетный восторг, и меня коснулось редкое чувство гордости за свою измученную страну, хотя поневоле приходилось играть тягостную в своей фальши роль восхищенного славянскими древностями иностранца. В Кремле, глубокомысленно и уважительно кивая, мы обошли царские надгробия в храме, поглазели на иконы и фрески, виденные мною добрый десяток раз, заглянули в жерло Царь-пушки... На том культурную программу мне пришлось завершить, ибо не стоило забывать про основную задачу.

Укрепидзе заверял, что тщательно отработывает связи Жукова, но ни единой нити, ведущей к его лежбищу, покуда не обнаружил. Кроме того, дополнительно выторговал пару тысяч на непредвиденные оперативные расходы. Я заплатил не моргнув глазом, в твердой уверенности дальнейшего вымогательства

Окончание. Начало — № 6–8.

на разного рода внеплановые затраты. Милиционер явно наращивал пробудившийся финансовый аппетит. От помощи категорически отказался, что поселило во мне смутные подозрения: а не решил ли сметливый оперок повести какую-нибудь витиеватую игру? Его собратьев я знал превосходно, их цинизм и двуличие являлись частью профессии, а потому ухо предстояло держать остро. Мир, увы, пронизан подлостью и интригами, в чем я лишний раз убедился после звонка Уитни, сообщившего обескуражившую весть о предавшем его Ричарде. Уитни готовил здесь, в Москве, какую-то заковыристую аферу, в которой мне предстояло, думаю, принять участие. По крайней мере, он связал меня с одним здешним своим помощником — пожилым респектабельным делягой, который готовил некий значительный контракт. На подписание контракта должны были явиться Ричард, а также некие личности, заинтересованные в кончине Роланда Эверхарта. То есть меня ждали, судя по всему, увлекательные приключения. Однако до их начала следовало разобраться с канувшим в неизвестность Жуковым.

К его матери Укрепидзе решил наведаться под личиной водопроводчика или же телефониста. Произвести ремонт, денег не брать, попутно починить какую-нибудь разболтавшуюся розетку, ненастойчиво разговаривать старушку, вызвав ее на откровенность. День и время визита он обозначил, сказав, что немедленно отзвонит о результате, однако я посчитал нелишним проверить его радивость.

Памятуя успешно освоенные в разведшколе дисциплины, оставил машину за два квартала от нужного дома и посвятил около часа неспешной прогулке по окрестностям. Район был старый, тусклый, выстроенный в середине прошлого века, со множеством сквериков, закоулков, разросшихся деревьев и густого кустарника.

Две машины, стоявшие среди множества иных легковушек на территории оперативного интереса, показались мне подозрительными. В одной из них, сиром жигуленке, сидели двое мужиков, а чуть поодаль, прижавшись к «ракушкам», виднелась серая «Волга», также с двумя ожидавшими кого-то дядьками. Слой дорожной пыли на капоте и оперении «Волги» никак не вязался с новеньким, будто из-под пресса, номерным знаком. У водительской двери лежало пять окурков — верный признак поджидающих добычу хищников с погонами.

Я вернулся к машине и поехал обратно, встав на примеченное место за трансформаторной будкой, откуда просматривались подход к подъезду и обе загадочные машины.

Укрепидзе не обманул ожиданий, прибыв к оговоренному сроку. К нему незамедлительно направились парни из «Жигулей». Судя по выражению лиц, с неким установочным докладом. Когда же опер напаялил на себя спецовку телефонного мастера, я понял, что ребята готовили почву для его визита, — то ли повредили провод, то ли контакт в распределительной коробке. Едва он скрылся в подъезде, они не мешкая уехали. Таким образом, секрет присутствия «Жигулей» раскрылся.

Укрепидзе действовал согласно плану, в его добросовестности я убедился, но уезжать тем не менее не спешил: меня озаботила странная «Волга».

Через некоторое время Укрепидзе вышел из подъезда. На лице его я отметил явное удовлетворение проведенной акцией.

Он завел свой потертый «Опель», и уже тронулся со двора, как вдруг хлопнула дверь подъезда в соседнем доме, и через сквер, будто догоняя отъезжавшую машину, метнулся тучный косоплечий верзила. Он едва не столкнулся с выезжающей вслед серой «Волгой»; замахал руками, что-то горячо объяснял водителю, указывая в направлении свернувшего за угол «Опеля»; достигнув договоренности, едва не оторвав заднюю дверь, брякнулся на сиденье, и «Волга» шустро тронулась с места. Я поспешил пристроиться в хвост кавалькады, попутно размышляя, не последует ли кто-либо за мной? Если мои контакты с Укрепидзе зафиксировали гэбэшники-

ки, слежка была вполне вероятна. Впрочем, на всех маршрутах я тщательно проверялся и ничего огорчительного пока не отметил.

Неспешно руля в неизвестность, я озадаченно размышлял, кто этот таинственный парень, выскочивший как черт из шкатулки. Лицо его мне было определенно знакомо.

Неужели Жуков?!

Я аж подпрыгнул на сиденье. Полез в бумажник, достал его фото — копию с американских водительских прав. Похож. Или желаемое выдавалось мною за действительное?

А вот то, что «Волга» профессионально висела в кильватере «Опеля», я уяснил на первом же километре пути. Значит, не ошибся, точно «наружка». Следовало проявить особую предосторожность, чтобы не засветить себя. Я вел объекты, на мой взгляд, весьма продуманно, скрываясь за громоздкими тушами грузовиков, держась на выверенном отдалении, но дело сильно осложнила пробка на очередном светофоре.

Укрепидзе, используя преимущество своих милицейских полномочий, пренебрег условностями правил, выехал на встречную и под накатывающий поток ушел на примыкающую улицу, умчавшись в неизвестность.

«Волга», поджатая холемым «Мерседесом» с номером беспредельной Госдумы, некоторое время понуро тащилась в потоке, затем развернулась под эстакадой, поехав обратно. В отличие от тех, кто в ней находился, дальнейший маршрут Укрепидзе меня не интересовал. А вот куда отправится «Волга» — весьма.

К немалому моему удивлению, «наружники» подружили прямо к подъезду, откуда выскочил здоровенный мужик, похожий на одетого в штаны медведя. Свою машину я оставил у торца дома и, скрываясь за кустами, быстренько пересек сквер, оказавшись в нескольких метрах от «Волги». Мужик как раз вылезал из салона. Помахав на прощание рукой боевому экипажу, вошел в подъезд. В проеме растворенной входной двери я увидел, как он вставляет ключ в замок квартиры на первом этаже.

Это, без сомнения, был самый настоящий Жуков.

Я прошел чуть дальше, свернул за угол и уселся на лавочку. «Волга» въехала в тупик тянувшейся вдоль дома дорожки и теперь неуклюже разворачивалась в нем. Однако, развернувшись, водитель притушил движок, и подозрительная парочка снова продолжила терпеливое выжидание неизвестно кого и чего.

Прошло полчаса. На дорожке появился микроавтобус с глухим кузовом, окрашенным в тусклый сиреневый цвет. Он двигался медленно, словно наугад, но тут у «Волги» приветственно вспыхнули фары, автобус притормозил, водители, скорее всего, обменялись вводными по радиосвязи, после чего «Волга» съехала с удобной парковки, а автобус уверенно занял ее место. Явно сменный экипаж. И если он прибыл сюда по душу Жукова, мои оперативные перспективы рассыпались в прах. Конкурировать с государственной системой частному лицу, да еще с липовым статусом, представлялось обреченной на провал авантюрой.

На соседней скамейке между тем устраивалась стая подростков, по облику и повадкам беспризорников. Открывались жестяные банки с кока-колой, из мятых сигаретных пачек извлекались кривые «бычки». Попутно происходил обмен мнениями с коробящим слух матерком, срывающимся с юных губ. Грязные лапки с подчеркнутыми ногтями, взъерошенные волосы, налет городской пыли на лицах, потрепанные кеды с битыми мысками, засаленные штанишки и куртки... Преданное страной поколение. С жизнью, исковерканной уже непоправимо и безоглядно. Им уже неясно и даже враждебно иное бытие — тех, кто живет в теплых квартирах, ходит на работу и высчитывает семейный бюджет. Оно тускло, плоско и затхло в сравнении с вольницей улицы, легкой поживой, дурманом дешевых наркотиков и устремлениями своей бесшабашной стаи. А я? К чему стремлюсь я, такой же повзрослевший беспризорник? Ведь если не убьют, я когда-

нибудь устану от войны и злоключений, но только как буду жить на тихом берегу, в скуке благоденствия? Или меня образумит и сломает старость? Но какое общее будущее у меня и у Нины? Вероятно, таковое невозможно. Ей невыносимо без приключений и перемен обстановки, она обошла пешком Ближний Восток, Индию и Непал, была в дебрях Амазонки, а вот сейчас ей интересна Москва. Но так или иначе ей суждено вернуться к своим корням и устоям, в роскошь отцовского дома, к всецелой защищенности и надстоянию над миром тех, кто бьется за свое выживание, копошась где-то внизу, урывая спасительные гроши и кусок хлеба. А мне одинаково тягостно и в сытости ее раззолоченного гнезда, и в сирой пришибленности обывательщины. Накажет меня Господь за гордыню!

Сняв опустошенные жестянки и докурив «бычки», бродячая компания двинулась к соседнему дому, направляясь к решетке, загораживающей вход в подвал, но тут я окликнул приглянувшегося мне паренька, явно лидера, лет пятнадцати, с глазами, в которых сквозил живой и острый ум.

— Чего тебе, дядя? — В вопросе звучала нескрываемая опаска и одновременно готовность дать отпор.

— Есть дело.

— В смысле — заработать? — Глаза парня прищурились. Он хватко и привычно оценивал мою внешность, уже заранее предполагая сомнительность всякого рода предложений.

— Я не из этих, которые... ну, сам понимаешь, — поспешил заверить я.

— А из каких?

— Хороший вопрос. А у меня другой: вы с ребятами в этом районе крутитесь?

— А чё?

— Если в этом — одно дело, а в другом — разговора не будет.

— Если есть дело, район ни при чем, — последовал ответ.

— Тебя как зовут?

— Ну, Гарик...

— Тогда, Гарик, слушай...

Я вкратце обрисовал мальчишке оперативную задачу и финансовые перспективы по ее исполнению.

— Справишься?

— Почему бы и нет? — прозвучало бодро.

Я дал ему несколько телефонных карт и пару крупных купюр. Глаза его загорелись. Но тень подозрения в них осталась.

— Дядя, ты мусор?

— Частный сыщик, — заметил я оскорбленно. — А вон видишь тот темный автобус? Вот там — менты. И перед ними хорошо бы тебе не маячить.

— Мы тут дворнику помогаем, все обтяпаем, как надо...

Я пожал худенькую, но уверенную руку.

— Давай, боец, не подведи...

Расставшись с Гариком, я прошел мимо окон Жукова. На одном из них приметил крупнокалиберную подозрительную трубу, выглядывающую из-под края небрежно задвинутой шторы.

Вот оно что! Непрост прохвост! Поселился в доме напротив, приобрел тем самым возможность наблюдения за своей квартирой... И, ловя «левака», в порыве любознательности напоролся на засаду. А я тем самым, решив одну задачу, оказался в лабиринте другой.

На обратном пути слежки за собой не обнаружил и, несколько воодушевленный данным фактом, вошел в подъезд.

Как только я оказался в квартире, раздался телефонный звонок.

Звонил Гарик.

— Слышь, там чего-то грохнуло в этой квартире, — доложил он. — И здорово. Просто конкретная бомба. Менты были, говорят, телевизор взорвался. Сейчас все тихо.

— Продолжай наблюдение, — сказал я. — Как автобус? Стоит?

— Как вкопанный. Мужик из него вышел, вернулся с бутылкой. Надолго расположились... Может, им шины проколоть?

Я почувствовал, что в моих руках появилась действенная тайная сила.

— Пока не надо. Однако идея рабочая. До связи!

Нежные руки обвили мою грудь. Во мне словно грянул оркестр, и я поспешил погрузиться в его нарастающую симфонию.

Игрища закулисья

Люди из серой «Волги» выполняли плановое наблюдение за Укрепидзе, занимавшимся текучкой оперативных изысканий. Работа «наружников» была рутинной, сводилась к механической фиксации контактов и представлялась малоперспективной как для наблюдателей, так и для курировавшего их старания Закатова. Полной неожиданностью явилось возникновение странного типа, ринувшегося в слезку за милицейским опером. Незадачливого, да и к тому же не вполне трезвого филера удалось заснять на камеру. Когда же Закатов, выслушав доклад, уяснил, что неизвестный квартирует в доме напротив, он обостренным чутьем ощутил необходимость продолжения неотступного наблюдения и срочного выяснения его личности. Срочного, но деликатного, дабы не разрушить призрачные таинства складывающейся ситуации.

Время шло к вечеру, руководство давно разбехалось, а без согласования с ним предпринимать лихие демарши он остерегся. Очевидной представлялась невозможность использования засвеченной «Волги», и, пораздумав, Закатов послал ей на подмену микроавтобус, оборудованный внушительной техникой и ведомый опытным экипажем. Автобус, выпарянный громадными административными усилиями у шефов «наружников», уже сегодня должен был «вести» усиленного американца, но внезапно возникший на горизонте объект отчего-то представился Закатову более приоритетным и, главное, непредсказуемым в своих маневрах. Он чувствовал, что возможно любое развитие событий. И события, причем весьма странного свойства, случились. Сначала ему сообщили, что из квартиры вышли две девушки по вызову. Затем туда нагрянули трое персонажей явно криминального вида. После чего дом содрогнулся от взрыва непонятной природы.

Соединившись с местной милицией, выяснили, что в жилище на первом этаже случился самоподрыв телевизора китайской вероломной технологии. Документы хозяина проверены, личность и прописка установлены, посторонние лица отсутствуют. Далее последовали перипетии вовсе несуразные и противоречащие объективности милицейского отчета.

Из квартиры вышел еще один неизвестный, сел в «Хонду», на которой приехали уголовные типажи, машина подрулила к торцу дома, к окнам искомой квартиры, и в ее багажник погрузили какие-то тюки. После чего столь же непонятный груз устроился в задний отсек «Нивы», совершившей краткий маршрут с места своего пристанища у подъезда к тому же окну и тут же вернувшейся на прежнее место.

Пока Закатов раздумывал о правомочности и целесообразности активных действий, «Хонда» убыла в неизвестные дали.

Уже стояла глубокая ночь, Закатов хотел спать, но все-таки нашел в себе силы скомандовать, чтобы машину перехватила с целью проверки патрульно-постовая служба.

Известие о перехвате поступило ему лишь ранним утром, растревожив и без того взволнованный сон: в брошенной на обочине в соседнем районе «Хонде» обнаружены трупы двух неизвестных мужчин с многочисленными осколочными ранениями. Происхождение травм категорически не вязалось с бытовой версией взорвавшегося телевизора. По поводу же

запроса на машину из ФСБ милиция теперь настойчиво требовала объяснений.

Как истинный карьерист, Закатов давно усвоил для себя основное правило освобождения от ответственности: на каждый шаг нужна подстеленная бумажка с визой начальства. И чем больше бумажек, тем лучше.

Между тем начальник на телефонные звонки не откликался, и Закатов припомнил, что прошедший вечер тот провел на каком-то банкете, отчего дееспособность босса наверняка сильно пострадала, и сейчас ему не до служебного рвения и принятия взвешенных решений. Пришлось ограничиться советом старших коллег, ибо идти с докладом к начальнику отдела означало бросить тень на его заместителя, кому Закатов был непосредственно подчинен. Эта тень в итоге могла покрыть своим мраком многие достижения и вожеления. Коллективным разумом решили, не привлекая милиции, обитателей странной квартиры задержать, проверить «Ниву», а далее действовать по обстановке. Отдохнувшему экипажу «Волги» вменялось наблюдение за бойким американцем и установка на его машине радиомаяка.

С раздачей окончательных и радикальных команд Закатов спешить все-таки не стал: в квартире стояло затишье, «Нива» никуда не трогалась, оперативный состав не дремал, а вскоре должен был подоспеть вызванный на Лубянку Укрепидзе, которого следовало предварительно прокачать по возникшим вопросам, обнаружив в его реакциях ответ на главное: кто следил за ним с помощью смехотворно подловленной в качестве «левака» «наружки»?

Прибывший Укрепидзе был, как всегда, подчеркнуто корректен и невозмутим. Аккуратно подстриженные усики, крахмальный воротничок рубашки, костюм без единой складочки, глянцевого блеска штиблет. Внешне — менеджер средней руки.

Поприветствовав Закатова степенным наклоном головы, он остался стоять в дверях, ожидая приглашения присесть. Отношения двух оперов из разных карательных ведомств, погрязших в исторической неприязни, не отличали задушевность и доверительность, чему вдобавок способствовала специфика их личного вынужденного содружества.

После общих слов Закатов предъявил поднадзорному несколько снимков. На одних были запечатлены входившие в подъезд бандиты, на других — неустановленный следопыт.

Милиционер при взгляде на фотографии не проявил ни тени узнавания тех или иных персонажей.

— Внимательно смотрите! — настаивал Закатов.

— Может, чего-то и вспомнится... — равнодушно недоумевал Укрепидзе. — Хотя бы скажите, по какому поводу проводится опознание?..

— Пока не могу.

— А вот я пока не могу вспомнить.

— Хорошо, давайте пропуск...

В этот момент отзвонила «наружка».

— Они в «Ниве» и отъезжают!

— Задержать! — воскликнул Закатов заполошно.

— По-моему, клиенты серьезно вооружены...

— Тогда — за ними!

Укрепидзе, как показалось, смотрел на него с легкой издевкой.

«Сейчас же в этот притон! — промелькнуло в голове Закатова. — Все обыскать, все проверить... Немедленно!»

Он с ненавистью посмотрел в ироничные глаза учтивого кавказца.

— У меня для вас вскоре будет много новостей! — пообещал значительно.

— Из них состоит вся жизнь, — тонко заметил тот.

Выйдя из серого неуютного здания на Лубянке, Укрепидзе последовал к себе на работу. Он с трудом подавлял раздражение после общения с

гладким румяным выскочкой, из которого перла, как перекашанное тесто, значимость собственной причастности к всеведущему и кровавому ведомству, подчиняться которому, увы, приходилось, играя в уважительную лояльность. Настроение было удрученным. Гэбэшники, похоже, принялись за его разработку. Впрочем, он из нее и не выходил, усилилось лишь напряжение незримого прессы. Вопрос: какой здесь мотив и повод? На фотографиях, предъявленных надсмотрщиком, он узнал двух человек: Жукова и Антифриза. Первый отпечатался в его памяти как основной фигурант розыска, последнего он знал еще по временам службы в региональном отделе по организованной преступности: бандюга из коды Питона, патологический убийца. В группировке присутствовал агент, переданный по наследству пришедшему на место Укрепидзе оперу, и с агентом теперь следовало незамедлительно связаться.

Но Жуков?... Откуда и каким образом возник данный экспонат в поле зрения госбезопасности? Да еще многозначительная фраза с оттенком угрозы, произнесенная на прощание этим сопливом... Неужели отмечена его, Укрепидзе, связь с Трофимовым? Тогда жди любых неприятностей.

Он прикинул, что находится в эпицентре непонятных, но острых событий. Сами собой взвесились вероятные опасности, проистекающие из его отступлений по службе. Обнаружилось три греха: взятка от псевдоамериканца, недонесение об его истинном лице беглого спецназовца, ложь Зака-тову при опознании фотографий. Взятку, впрочем, следовало доказать, что являло собой дело невозможное, недонесение также отличалось сомнительностью факта, а узнавание или же неузнавание посторонних лиц вообще причислялось к туманным процессам загадочного человеческого сознания. Ни малейшей ответственностью перед уголовным законом тут не пахло. Разве служебным недоверием, способным привести к увольнению со службы, однако, как и любой битый опер, Укрепидзе к бесславному окончанию своей карьеры был постоянно и обреченно готов. На благодарность системы, с аппетитом сжирающей преданных адептов, он не рассчитывал, убедившись в ее бессердечном изуверстве давно и категорично. Как привык к постоянной угрозе возмездия за любой пустяковый промах. С другой стороны, трусливо замыкаться в кругу служебного нищего благонаравия означало всего лишь влачение существования и пресмыкание перед грядущей никчемной пенсией, и не более. В прошлых условиях тоталитарного государства подобная точка зрения была бы единственно верной, ибо винт, допустивший в резьбе люфт, отправлялся на невозвратную свалку, как, впрочем, и в сегодняшней демократической Америке, постепенно превращающейся в СССР. Но пенсия и льготы полицейского в Америке представляли существенную и несомненную ценность, а в России являли жалкую подачку. Посему, будь он с позором изгнан со службы, всегда мог найти в вакханалии российского разброда многоликие альтернативы, пристроившись на теплое место. И сейчас Укрепидзе в первую очередь интересовала сиюминутная живая выгода, складывающаяся в капитал, нежели лизание подметок начальственному сброду, то и дело менявшемуся в калейдоскопе коррупционных карьер. Таким образом, нынешнюю собственную игру, возможность которой выпала случайно и счастливо, следовало с оглядкой, но продолжать.

Из вестибюля метро, заполненного шумами электричек и рекламными объявлениями по радио, он отзвонил бывшему агенту. Разговор, состоявший из туманных фраз и полунамеков, обнадежил: агент сообщил, что тусуется в прежней колоде, чувствуя себя в ней довольно вольготно. Встречу назначили на вечер, в проверенном месте.

Всерьез огорчало одно: коли Жуков попал под наблюдение, добыча могла в любую секунду оказаться в чужих цепких когтях. Отбивать ее из этих когтей было делом бессмысленным, но помочь добыче бежать, дабы та прямоком угодила в его, Укрепидзе, силки, представлялось вероятным. Хотя и крайне рискованным. С другой стороны, он действовал в рамках закона,

выполнял возложенные на него обязанности, а потому — какие претензии, господи?

Вернувшись на службу, он первым делом ответил на запрос из американского посольства, пытающегося выяснить криминальное прошлое двух эмигрантов: «Сведений нет». Какого черта ему надрываться, выясняя хитросплетения судеб каких-то мазуриков? По учетам не проходят, значит, гуд бай! Криминальные наклонности, в чем Укрепидзе был бесповоротно уверен, выявляет сам факт эмиграции, основанный на мотивах, лежащих вне политических разногласий. Ибо в основе криминала — авантюризм натуры.

Со мстительным удовольствием отпечатав казенную отписку, он отметил ее лиловой печатью в секретариате и передал в папку на подпись начальству.

От начальника секретариата и смазливой девчонки, сидевшей за канцелярской стойкой, веяло вежливой неприязнью. Он хорошо знал ее природу, она касалась его национальности. Сколько бы он ни прожил здесь, все равно был и будет чужим для этих славян. И дети его, выросшие среди них, будут такими же чужими. Их удел — частный бизнес. А должности в государственном управлении придется приобретать за взятки, чтобы затем взятки брать и раздавать во имя сохранения достигнутых позиций и для последующих выдвиганий. А он их научит этому топорному в стратегии, но тончайшему в тактике искусству, гарантирующему выживание среди тупой, продажной номенклатуры, узурпировавшей власть над географической третью планеты.

Шагая обратно, в забитый коллегами-операми кабинет, он подумал, что предстоящий день не терпит просрочек и отлагательств: необходимо предупредить Трофимова о возможной опасности со стороны ФСБ. Продумать вариант с переменой его жилища. Приобрести новые телефоны. Ибо, что касается шпионов, горят они, как правило, на связи. А может, Трофимов порекомендует его в ЦРУ, если с таковым действительно связан? Мог бы он, Укрепидзе, подписаться под этакое? Наверное, нет. И удержал бы его страх, а не мораль. По роду своей профессии он сталкивался с контрразведчиками, уяснив из общения с ними одну интересную истину: зачастую дилетанты идут в шпионы из меркантильных соображений, напрочь не сознавая последствий вербовки. Предложи им ограбить банк — с ужасом откажутся: дескать, нет, поймают и посадят лет на восемь. А тут расстрельная статья, и все же идут на нее. К тому же банк грабят в течение пяти минут, а шпионаж — криминал ежедневный, ежечасный и пожизненный. Где выше степень риска? Впрочем, в шпионаже, как в медицине и в литературе, разбираются все... Да, от этой стези его удержали бы знание и страх. Но не более.

На миг он почувствовал себя преступником. И отступником. А потом в голове вяло и озлобленно мелькнуло: «Да пошли они все!..»

Треск телефона сломал и исковеркал Питону все утро. Звонила подручная шестерка. Новости были печальны: бригада, посланная им вчера вынуть должок с черных оружейников, похоже, была перебита. Два трупа, по крайней мере, обнаружены в машине, отправленной по надлежащему адресу, но найденной гаишниками на трассе. Куда-то подевался командовавший операцией Антифриз.

— А что на хате? — свирепо спросил Питон.

Шестерка залепетала нечто невразумительное, но смысл сказанного глава группировки уяснил: братва ожидает его указаний.

— Значит, так... — Питон дотянулся до тумбочки, взяв с нее настольное зеркало, взгляделся, сокрушенно нахмурившись, на сизые мешки под глазами. Затем высунул язык. Язык был покрыт белесо-желтым налетом. Ровные белые зубы из металлокерамики насмешливо скалились над гнилой плотью. Скорбно прищурившись, поведал подручному: — Летите на адрес.

Схоронитесь в закутке. Пошлите туда бабу какую вначале... Ну, вроде почта, телеграмма... Если фуфлыжники на точке, колите на правду. А если там стрем какой — торчите, секите... Будут вылезать из норы, глушите по оди-ночке и на базу. Там разберемся. Быть при железе: пассажиры, кажись, не подарки.

Начинался тяжелый «рабочий» день.

Закатов уже собирался покинуть рабочий кабинет, когда ему позволили по внутреннему телефону из управления «М», курировавшего работу милиции. Попросили срочно зайти к начальнику одного из отделов.

— Укрепидзе ведешь ты? — напрямик спросил тот, едва Закатов уселся за казенным столом.

— Так точно...

— Этот экземпляр тебе знаком? — Полковник положил перед ним фотографию — явно копию из личного дела офицера.

С фотографии на Закатова смотрел установленный американец, одетый в военную форму российского образца.

— Да, вроде контакт моего проходимца... Прибыл из Штатов. Занимаемся...

— Откуда прибыл?! — Полковник оторопел.

— Даже не сомневайтесь, проверено...

— Интересно живем! — Раскрыв папку, он передал Закатову страницу с красной полосой, означающей принадлежность документа к категории агентурных донесений. Оттого и осведомителей госбезопасности также издавна именовали внутри ведомства полосатыми.

Прочтя донесение, Закатов ошеломленно уставился на старшего по званию коллегу.

— Хорошо, нам вовремя отстучали, — поведал полковник. — Видели его на проходной в ихней ментуре, а мой казачок с ним по Чечне знаком... Хороший такой казачок, все рвался у нас служить, да рылом не вышел... Но надеется еще, романтизм остался. В общем, мы поставили в курс руководство ГРУ, надо этого коня зачехлить... Ишь, как его из одной степи в другую мотает! Но то, что он здесь с американским паспортом... Заковыристая новость!

— Вот именно, — поддакнул Закатов. — Необходимо срочное совместное совещание. Ситуация усугубилась буквально трагически. Тут пахнет выбросом большого сероводорода. Нужны выводы руководства. А пока поводим лазутчика на поводке. «Наружку» выставяем завтра с утра, но на его машине есть маяк...

— Почему с утра?

— У них и так на наш отдел отвлечены обильные силы. К тому же две машины сломались.

— Смотри не упусти... «Обильные»! — Полковник подпустил матершинки, отдаляя тем самым младшего по званию на дистанцию уважительного внимания к старшему. — И срочно свяжись с пограницами, мало ли...

— Само собой, — задумчиво отозвался Закатов, выпрямляясь с ленцой в положение стойки «смирно». В его глазах светился далекий блеск заветной майорской звезды. И этот блеск завораживал.

Генри Уитни

Я с трудом отходил от контузии, полученной при аварии в Лос-Анджелесе. Дышать было трудно, переломанные ребра не давали покоя, постоянно клонило в сон, но громадный синяк, раскинувшийся, как лиловое море, по правой стороне туловища, постепенно желтел, уменьшаясь в зловещих

границах, и я даже позволил себе поездку в Нью-Йорк, встретившись там с Алисой.

Я рассказал ей о разговоре с Праттом. То, что наша связь отныне раскрыта, явилось для нее ужасающей новостью.

Держать удар она все-таки умела, обошлось без истерик и беспомощных реплик.

— У меня тоже есть новости, — поведала она. — Мы не спим с ним уже два месяца. Нет, он приветлив, нет ни единого намека на отчужденность... Ссылается, кстати, на какую-то терапию... Якобы лечит сосуды в тибетской клинике, пьет настои из горных трав...

— По-моему, он что-то готовит.

— Теперь, полагаю, ты прав. Но кое-что приготовила и я на свою голову. Ты хотел ребенка, милый Генри? — Она с вызовом посмотрела на меня.

— Та-ак... — Я не сумел скрыть озадаченности.

— Нам придется решить это прямо сейчас.

— Я не ошибусь, если скажу, что у тебя существуют собственные соображения...

— Естественно. Я всегда мечтала о ребенке от тебя. Мне он его не простит. Наивные обманы здесь не пройдут. Как, впрочем, и с тобой. Он размажет меня как мороженое по асфальту. Теперь. Если Пратт покушался на твою жизнь, что останавливает тебя в обеспечении собственной безопасности подобными же действиями? Я читала Толстого, там есть парадоксальная доктрина о непротивлении злу насилием. Но это — философия одного человека. Не обремененного обязательствами перед другими. А у тебя их множество, и они составляют твою жизнь. Ее следует защитить, не правда ли? Тем более сейчас я — на краю гибели. И твоё дитя — вместе со мной. Думаю, он разделается с нами в самый ближайший срок.

— Тебе нужно на некоторое время уехать... В путешествие.

Она прильнула ко мне.

— Не беспокойся ни о каких притязаниях, — продолжила она. — Твоя Барбара — святая женщина, и я никогда не посмею посягнуть на ее счастье. Мне будет необходима лишь твоя поддержка в бизнесе и встречи... От них, надеюсь, ты не открутишься. Хотя бы ближайшие лет пять... Я критична, я продержусь в форме сколько смогу, а потом стану покупать себе пошлых самцов... Но и тогда ты не дашь в обиду будущий бизнес своего ребенка, это главное.

— Ты умная негодяйка...

— Мог бы выразиться и покрепче. — Она обвила мою ногу своей. Нежная, сильная лиана, наполненная сладким ядом. — Но кто меня сделал такой, великий учитель? И разве я не с тобой? Мы же одно целое...

— Время от времени, — буркнул я.

Она счастливо и безмятежно рассмеялась, провела пальцем по моим губам:

— Я сегодня же улечу на Бермуды.

— Нет, в Доминикану, — сказал я. — Там шикарное логово у Тони Палито. Ты будешь под охраной. Бирюзовый океан, белая вилла в колониальном стиле, лангусты в винном соусе...

— Его ребята сильно насолили сыночку моего муженька.

— А теперь твой муженек сильно насолил Тони, — поделился я. — Грядет серьезный скандал. ФБР арестовало его племянника. Наркотики, серия убийств... Естественно, я не верю.

— Тем более тебе необходимо помочь Тони...

Женщина... слабое, незащитное существо, спастись от которого невозможно. Однако насчет Тони она определенно попала в точку: меня и итальянца отныне спланивали горячие общие проблемы. Они возникли благодаря моей инициативе, это я повел Тони на поводу в противостоянии с Праттом, однако приятель юности данный факт в упрек мне не ставил, но требовал совместных действий по их устранению. Приходилось

раздумывать о свершении новых тяжких грехов. Актуальных врагов у нас было двое: шеф шпионов Уильям и олигарх Пратт.

Кардинальных шагов в отношении столь значимых фигур Тони не без оснований опасался и напрямую ввязываться в совершение громких убийств не желал. О том, чтобы он дал своих исполнителей, не могло быть и речи. Впрочем, этого я и не требовал. От него мне было достаточно заполучить пяток надежных ребят на подхвате, за остальное безоглядно и даже напористо брались русские гангстеры, отныне перешедшие под мое покровительство. Этих парней, как я не без удивления осознал, не смущало ничто. Полнейшее бесстрашие и небрежение любой опасностью. И еще я понял чего им не хватало здесь, в Америке. Они нуждались в хозяине. Им не требовалась наша свобода, лишь ее материальные плоды. Они не стремились к созиданию состояний, их вполне устраивало усредненное существование под чьей-то эгидой. Они с удовольствием загоняли себя в клетку, где гарантировались неприкосновенность и обильное питание с руки повелителя. Они были подобны смышленным, вынесшим бездну невзгод бродячим псам, желающим обрести надзор и участие, и, получив их, служить бездумно и вдохновленно своему господину. Злые дети рабов, готовые на самопожертвование за приближенность к сильному, благодарные к снисхождению. Но, как я понял, органически не прощающие слабину. С них не только не стоило снимать узды, но и постоянно поддегивать ее. Рабы не уважают тех, кто уважает их. Впрочем, они находились под присмотром Кноппа, и должный стиль мышления он поддерживал в подчиненных неукоснительно.

Алиса долго смотрела в окно, о чем-то раздумывая. Затем произнесла беспечным голосом:

— Я смотрю на Манхэттен, и мне так не хватает наших незабвенных «Близнецов». Какие все-таки были красавцы... Без них Нью-Йорк определенно не тот...

— Их не заменишь, — сочувственно откликнулся я, невольно представив себе нежно-голубые столпы, парящие над стеклянной стеной небоскребов делового центра.

— Ответь мне, Генри, — доверительно продолжила она. — А стоило ли устраивать это страшное шоу во имя ваших политических игр? Неужели нельзя было придумать более скромный сценарий? Или наши стратеги до последней клетки своих мозгов отравлены кухней Голливуда?

— Я не понимаю тебя...

— Да ладно, я же умная девочка. И слышала кое-какие обрывки бесед ваших с Праттом дружков...

— Что ты мелешь!

Она печально усмехнулась:

— Я не собираюсь вызывать тебя на откровения, не сомневайся. Или промолчи, или скажи «нет». А я пойму, что к чему.

— Честно? — с горечью спросил я.

— Повторяю: мне достаточно любого ответа.

Это напоминало мне продуманный разговор под запись. Возможно, спровоцированный ею с неведомыми пока целями. Хотя и я записывал разглагольствования Совета, чего уж там...

— Мы просто использовали ситуацию, — сказал я убежденно и печально. — В этом весь наш цинизм... Но обвинять Америку в подобном кощунстве... — Я поймал себя на мысли, что свято верю в произнесенное.

— О! — сказала она потолку. — Какой слог! Прекрати, далее я могу продолжить сама как по писаному. А могу поделиться и собственными соображениями.

— Любопытно послушать.

— Пожалуйста. Никаких существенных мотивов для сентябрьских событий не существовало. Здесь налицо продуманный ответ на геополитические и экономические вызовы. Время акции, ее стиль, наконец, органи-

зация ее трансляции, выбор целей и исполнителей — все это идеально соотносится с глобальной задачей.

— С какой же?

— Отступить от порога гигантского кризиса, на краешке которого в тот момент стояли. И мы не только отступили от него, но и блистательно решили все проблемы в отношении собственного экономического коллапса и положения всех мировых игроков. Мы спутали им карты. Причем в нужный момент, когда они только начинали консолидироваться в своих интересах, и ничего не могли нам противопоставить. Мы разрушили всякого рода коалиции и на Западе, и на Востоке. Переломили всю ситуацию, выдвинув четкое требование: кто не с нами, тот против всего мира. Причем выдвинули молниеносно, а такая находчивость и выверенная геополитическая реакция абсолютно не в духе и стиле нашего президента. Схема слишком идеальна, чтобы строиться на случайностях. Теперь же, когда на всех углах пророчат разгул терроризма, я твердо уверена, что масштабного теракта уже не будет. По крайней мере, у нас. А вот у союзников по общей борьбе, встань кто-нибудь из них в позу, подобное способно случиться в любой момент. Сценарии уже написаны, специалисты подобраны и пока пребывают в действующем резерве.

— Ты... заблуждаешься.

— По-моему, мы все заблуждаемся. Но, увы, только сбившись с дороги, понимаешь, что был на верном пути... Вы ведете нас не туда, Генри, а я поневоле тащусь вслед, вот в чем дело. Вы строите из страны чудовище. С вашей электронной слежкой, тотальной дактилоскопией, министерством внутренней безопасности...

— Ты хочешь, чтобы бандиты и террористы спокойно гуляли по нашим улицам?

— Вы строите четвертый рейх, — спокойно сказала она. — И я вместе с вами. Мы перекачиваем ресурсы с оккупированных территорий, а граждан стремимся с детства превращать в одномерные существа со вбитыми в голову стереотипами. Дабы они механически находили свое место в общем строю.

— Ты сравниваешь нас с нацистами?

— Вы умнее. Вы, кстати, использовали их для построения наших секретных ведомств. Отличие в одном: в рейхе был персонифицированный лидер, а наш лидер — национальный капитал. Стремящийся к умножению. А расу арийцев подменил тип патриота-американца. Главное не в стандарте кожи и разреза глаз, а в стандарте мышления. В нем перспектива и смысл. И еще во внедрении подсознательной идеологии. Она — основа всего.

— Этому я тебя не учил...

— Ты учил меня холодному анализу. — Она подошла ко мне, нежно, как ребенка, поцеловала в щеку. — Закажи мне билет на вечер. Жду сообщений.

— Так все же каков из всего вывод? — спросил я, засмотревшись на ее удаляющуюся элегантную спину, затянутую в обливной фиолетовый шелк.

— Мы плывем по течению, — произнесла она, обернувшись и смешливо наморщив носик. — Вырвавшиеся из него тонут сразу, остальные чуть позже.

И — исчезла.

Вот во что превратилась робкая девочка из заснеженной Аляски. Что делать? Ее жизненный опыт — сплошная хина. Мое создание. Мой шедевр. Моя Галатея. Если она в итоге не уничтожит меня, будет на кого опереться.

Я люблю эту терпеливую стерву. Холодно, отстраненно, с подозрением, но люблю. А ожидание от нее ребенка радует меня. Дети от Бога. Хотя от генетической экспертизы при всем своем благородстве и доверчивости я воздерживаться не стану. И Алиса воспримет ее, не надувая губы, это

не королева Барбара, с кем после такого предложения случился бы удар от праведного возмущения. Трудно жить между двумя полюсами, но мне удастся.

Теперь одна из главных задач — убить Пратта. Подходами к ее решению кропотливо занимаются русские отчаянные наймиты и хладнокровные Тони и Кношп. Что-нибудь, уверен, придумается.

Трезвонит телефон. Это изменник Ричард. Покуда благоденствующий. Голос его отдает неслышанной и настораживающей теплотой.

— Звоню из вашего дома, — говорит он. — У нас большая проблема...

Я привычно цепенею в ожидании неприятностей. Он мнетя. Затем с неохотой продолжает:

— Патрик пошел погулять в сад...

— Ну? — требовательно восклицаю я.

— Он еще слаб после болезни... А тут собака вашего соседа...

— И что? — произношу я зловеще.

— В общем, Патрика больше нет... — с преувеличенным сочувствием заявляет он.

На голову словно падает огромная стальная плита. Я раздавлен. Я наполнен невыносимым страданием, куда худшим, нежели то, что испытал недавно в калифорнийском госпитале. Выставившем мне, кстати, счет на семьдесят две тысячи долларов. Включая шестьсот сорок за вызов пожарной машины на место происшествия. Машину я не вызывал. Расходы оплатит страховая компания, но все равно — сволочи!

— Сволочи! — говорю я. — Не могли уследить за парнем. Где Барбара?

— Она не в состоянии говорить, сэр...

— Пристрели собаку, я не знаю, как ты это сделаешь, но это приказ.

— Мы уже это сделали, сэр, — смиренно отвечает он. — Один человек из охраны... Он сразу все понял. Собака напала на него, если дело дойдет до суда.

— Я скоро буду, — откликаюсь я, едва сдерживая рыдания.

Мой милый Патрик, частица души моей! Сейчас она словно вырвана из меня злобной, когтистой лапой. И боль от раны нестерпима. Я плачу. Не могу остановить слезы от этой боли, утраты и горчайшей обиды на бессердечие судьбы.

Иду в ванную, ледяной водой вымываю заплаканные глаза и принимаюсь одеваться. Через два часа я дома.

Домашние не встречают, скрывшись по своим комнатам. Они ждут обвинений и иступленной истерики. Глупые. Это я боюсь встречи с ними, боюсь их слез и необходимости сопереживания, на которое нет воли и сил. Неужели они не понимают, что я люблю их больше всех на свете.

Меня захлестывает волна великодушия и любви к ним, всем троим. Нина, впрочем, во Франции, и ее отстраненность от случившегося — к лучшему.

Я захожу в спальню к Барбаре. Она понуро сидит на кровати. Лицо заплакано.

Сажусь рядом, молча обнимаю. Она благодарно шмыгает носом, припадая к моей груди.

— Мы не должны были выпускать Патрика из дома, — сдавленно произносит она.

— Как его удержишь?.. — сокрушаюсь я покорно.

— Этот ротвейлер... Он всегда обходил его стороной и вдруг...

— Мои парни пристрелили его.

— Этим ничего не поправишь. Бертона час назад увезли с сердечным приступом.

Бертон — мой бывший сослуживец, сосед, владелец проклятой собаки.

Барбара подавляет рвущийся из горла всхлип. Произносит с тяжелым вздохом:

— Звонила его жена.

— У них какие-то претензии? — с ледяной яростью вопрошаю я.

— Они боятся...

— То есть?

— Они боятся, что ты их убьешь. Она так и сказала: «Мой муж хорошо знает Генри» — и умоляла меня поговорить с тобой...

— Вот идиоты... — бормочу я.

Я озадачен: неужели меня воспринимают со стороны как законченного злодея? Какой повод я дал? Бред... И главное, не один Бертон, а тот же Кноп... По-моему, я инстинктивно вжился в чуждую роль, и она мне здорово удается, хотя сути ее я даже не сознаю.

Жуков

— Мы с тобой сегодня схожи на предмет помятой рожи, — сказал Геннадий Жукову, всматриваясь в приятеля и неодобрительно покачивая головой.

— Да, зеркало с утра опять с похмелья, — уныло согласился тот.

Они сидели на кухне среди собранных сумок и порожних бутылок, ожидая, пока освободится ванная, где Суходрищенко под обильную россыпь душевых струй напевал ласковым баском нечто жизнеутверждающее. Казалось, события прошедшей ночи прошли мимо его рассудка. Психика у этого человека была создана из прочнейшего материала.

Похмелье было тяжелым, но его пересиливал заполошный страх перед местью бандитов и бестолково упущенным временем.

Наспех позавтракав, подхватили баулы и принялись грузить в «Ниву». Во дворе было тихо, в сквере под присмотром мамаш играли детишки, опасности ничто не сулило. Мимо проехал смердящий зловонием грузовик с облезлым контейнером, набитым мусором. Нос к носу уперся в микроавтобус, стоявший в тупике и закрывавший ему подъезд к помойке. В автобусе никого не было. Чумазый водитель грузовика заглушил двигатель, высунувшись из окна, крикнул Жукову:

— Чья тачка, не знаешь? — И, получив отрицательный ответ, нехорошо выругался.

В ржавом проеме мусоросборника, над кривой, задымленной балкой и прочим нагромождением грубого железа Жуков приметил выведенную мелом надпись: «Здесь ваш последний причал, чайники...»

Суходрищенко, усевшийся за руль, осторожно подгазовывал, разогревая движок.

В этот момент возле грузовика, словно материализовавшийся из пространства, возник верткий, как крыса, тип, чеканно обратившись к водителю:

— Немедленно убрать машину!

— Да куда ж я...

— Подать назад!

— Трогай быстрее, — сказал Гена Суходрищенко. — Иначе этот черти-ла нам все перекроет!

Стартер мусоровоза между тем вяло всхлипнул, а дальше последовал беспомощный щелчок реле.

— Аккумулятор! — сокрушенно проговорил водитель, возмущенно скопив рачьи глаза к кончику длинного, хрящеватого носа.

Взгляд неизвестного гражданина, метнувшись потеряннo, в следующий момент внезапно и сверляще остановился на Жукове, захлопывающем багажник. После незнакомец повел себя странно. Полез за пазуху, доставая оттуда явно милицейского свойства документ, в два шага пересек разделяющее его и Юру пространство, раскрыл документик и произнес:

— Господа, вам придется...

Договорить, впрочем, он не сумел: Жуков, не раздумывая ни мгновения, нанес ему сокрушительный удар в гладкую, волевою скулу. Огромный вес бывшего десантника и отлично усвоенные навыки вкупе с нерастраченной злостью от вчерашней беспомощности перед бандитами сделали свое дело: словно втянутый пылесосом фантик, человек с удостоверением канул в зев мусоросборника, прямо под пророческую надпись.

Жуков запрогнул в «Ниву», живо сорвавшуюся с места. Оглянувшись назад, увидел понурую фигуру водителя мусоровоза, торчащие из ниши ноги с заголенными икрами и в шегольских штиблетах, и двух мужчин, сгорбленно, как солдаты в атаке, выбегающих из-за микроавтобуса.

— Нас пасли, — мерно проронил Суходрищенко, твердой рукой поправляя зеркало заднего вида. — Но фокус у врагов не удался.

— Что же будет-то, что же будет?.. — причитал, словно в беспамятстве, Геннадий, лихорадочно открывая жестянку с пивом.

— Сначала похороны, потом отдохнем на природе, — невозмутимо молвил Суходрищенко. — Главное — проскочить пост на кольце.

— Я знаю один хитрый выезд, — нашелся бывший таксист Жуков. — Давай-ка сейчас налево... — Он затравленно озирался в опаске возможной погони.

И его худшие подозрения подтвердились: уже в самом начале загородного шоссе он заметил черный «Лексус», неотступно виляющий за ними. Мощный автомобиль давно бы мог обогнать слабосильную «Ниву», ехавшую со своим криминальным грузом строго по правилам, дабы не привлекать внимания постовых, однако ее законопослушному примеру следовала и быстроходная машина, явно таясь в глубине общего потока.

Жуков поделился своими сомнениями с товарищами. Неотрывно хлебавший пиво Геннадий, услышав такую новость, начал сидеть на глазах. Суходрищенко, напротив, воспринял версию Жукова без малейшего замешательства.

— Значит, это не милиция, — сказал он. — И хорошо. Пусть едут себе... В нужный момент мы дадим им решительный бой.

— Это еще какой бой?! — закричал Геннадий.

— Я, кстати, герой Афганской войны, — поделился Суходрищенко значительно. — Мы будем пересекать удобную местность, и там получат свое развитие необходимые события.

Суходрищенко принял в левый ряд, съезжая с магистрали к повороту, ведущему в деревеньку. Пролетели за окном бревенчатые дома с замшевым шифером крыш, усеянных палой листвой. Разбитый асфальт перешел в щебенку широкой пустынной дороги, ведущей в глубь синеющих вдаль лесов. За «Нивой» вился, как смерч, белесый пыльный туман, но в нем отчетливо различался хромированный блеск носовой решетки преследующего их «Лексуса», явно прибавившего прыти в заповедной глухомани, не омраченной посторонним присутствием и свидетельством.

Нажал на педаль газа и Суходрищенко, отвердев сосредоточенным лицом. Сказал:

— Великолепная машина! Бегаёт как перепутанная. — Затем коротко обернулся к Жукову: — Готов?

Юра, будто бы переброшенный через время и вновь ощутивший себя солдатом, произнес краткое «Есть!», закладывая снаряд в жерло противотанкового ружья.

«Лексус» требовательно и зловеще мигал фарами, а затем из его оконца вырвалось, прорезав пыльную мглу, злое и длинное оранжевое пламя. Стреляли явно из автомата, требуя остановиться.

Кургузой трубой ружья Юра вмиг высадил заднее стекло. Подумал: «В драке волос не жалеют».

«Лексус», дышащий жаром, овеянный дымным маревом, надвигался, скалясь решеткой облицовки радиатора и яростно выбрасывая струи щебня из-под широких, напористых колес. Он был похож на разгоряченного но-

сорога, устремленного на хлипкого обидчика границ его территориальных владений.

Жуков нажал на спуск. Упорная дуга, казалось, вырвала у него плечо своей жестокой, непримиримой отдачей. Раздался раздирающий небеса грохот, и позади надулся гигантский оранжевый пузырь спрессованного огня. Юру откинуло назад. Суходрищенко затормозил.

Пыль постепенно развевалась. Истаивали остатки дыма, уносимого в безмятежные пожухлые поля. Никакого «Лексуса» на дороге не было. Лишь белесый грубый щебень с пятнами саж.

Вдалеке, в канаве кювета, что-то слабо потрескивало. Вылезшая из «Нивы» троица подошла ближе.

Сиявший лаком, налитый мощью и нахрапистостью автомобиль представлял собой дымящиеся покоробленные жестянки изуродованного до неузнаваемости кузова, смиренно догорающего в ядовитом ленивом чаду. Чернели подпаленными перекрученными поленьями какие-то неясные останки, в которых едва различались разнесенные взрывом трупы людей.

— Теряем время, это не Третьяковская галерея, — сказал Суходрищенко, нарушив трагическую тишину.

Смысл его слов едва дошел до сознания Юры.

«Нива» помчалась дальше. Через пару километров свернули в лес. Лавируя между вековых сосен, пней и кустарника, углубились в чашу.

Суходрищенко вытащил из багажника лопату, передал Геннадию:

— Теперь потрудись и ты...

Отточенный титан хрустко вонзился в сухую глинистую почву, давно не ведавшую дождей.

После упрямого дерна, прoderнутого жилистыми корнями, пошел песок — золотой, отборный. Гора его неуклонно росла.

— Река, видимо, невдалеке, — прокомментировал Жуков.

— Откуда знаешь? — Геннадий отер потный лоб ладонью, оставив на нем земляную полосу. Копал он на удивление сноровисто, короткими, скупными движениями, видимо, сказывался опыт профессии нелегального поисковика.

— Старое русло, наверняка... — Юра осекся.

Вертикальный пласт песка со стены ямы обвалился Геннадию под ноги, обнажив соты проржавевших снарядов. Плотно спаянные ломкой, обваленной в земле коростой, они напоминали засахаренные леденцы в банке.

— Здесь гремели бои, — произнес Суходрищенко.

— Да что же такое, куда ни плюнь... — закашлялся Геннадий. — Вот же у меня участь...

Юра подал ему руку, помогая покинуть опасную яму.

Свалив в нее окоченевшее тело Антифриза, бросили вслед противотанковое ружье, затем, меняясь по очереди, аккуратно засыпали безымянную могилу, уместили, плотно подогнав друг к другу, нарезанные, как вафельный торт, куски дерна.

— Сделано большое дело, — подвел итог Суходрищенко и вдумчиво перекрестился.

Его примеру последовали Гена и Жуков.

— При дальнейших раскопках, — заметил Геннадий самым серьезным тоном, — его могут принять за бойца.

Пока Юра очищал лопату и поливал заголившегося по пояс копателя водой из припасенной пластиковой бутылки, вернулся отлучавшийся по нужде Суходрищенко. Положил на капот пять отборных белых грибов. Сказал:

— Сгодятся на суп. Надо бы посмотреть еще... Леса тут богатые. А какой воздух!

Побродили вокруг машины, нашли еще пару десятков осенних крепких подосиновиков и белых.

Выбравшись на проселок, вернулись к повороту, ведущему в сторону дачных участков. Путь к воротам преграждали «Жигули», неловко съехавшие с обочины и застрявшие задним колесом в канаве. У «Жигулей» стояли двое: подтянутый парень в легкой кожаной куртке и стройная, в блузке и джинсах девушка. Лица их были скорбны от случившейся оплошности.

Совместными усилиями машину без особенного труда переместили на дорогу.

— Огибал яму, и вот... — пояснил парень Жукову раздраженным голосом. — Пока буксовал, сцепление поджег...

— У меня эстакада, — сказал Геннадий. — Вскарабкаешься, подтянешь нажимную вилку, авось поможет...

— А где это?

— Дуй за мной.

Пока баулы вносились в дом, включались водопровод и холодильник, парень, снабженный имеющимся у запасливого Гены инструментом, подтянул необходимые гайки, предварительно водрузив машину на сваренную из швеллера горку, приткнувшуюся к палисаднику с живописной налитой калиной и облетевшей сиренью. Девушка с интересом наблюдала за его манипуляциями, не произнося, впрочем, ни слова.

— Чего тут делаете-то? — небрежно поинтересовался Жуков.

— Дачу ищем, — ответил парень. — Ну, чтобы купить...

— А чего к осени?

— Так ведь дешевле...

— Купи мою, — услышав разговор, предложил, подходя к машине, Геннадий. — Отдам практически задаром.

Парень с интересом оглядел высившийся за перекошенной изгородью дом.

— Всего тысяч семь, — проговорил Геннадий. — Со всем хозяйством. Грабли, тяпки, бочки...

— А почему продаешь?

— А на кой мне она? — пожал плечами Геннадий. — Я холостой, все лето по дачам друзей, а эта вон заросла, как могила антихриста... А у вас, глядишь, дети, я правильно понимаю? — вежливо обратился к спутнице парня.

Та принужденно улыбнулась.

— Она глухонемая, — отчужденно пояснил парень.

— Во как... А красивая! — Геннадий оглянулся по сторонам, упорно и судорожно о чем-то раздумывая. — Ну, будешь смотреть хату? — вновь обратился к парню. — Вся мебель оставляю, котел у меня. Дровяной, правда... И подтекает. Но всющико работы тут — полчаса, было б желание.

— Отчего бы и нет? — покладисто произнес парень. Протянув руку, представился: — Сергей. А она, — указал на свою спутницу, — Лена.

Девушка вновь натянуто улыбнулась, протянув Геннадию ладошку. Среди убогих курятников блеклых летних домов, обнесенных кривыми заборами, она выглядела диковинной, пестрой птицей, занесенной сюда неведомым чудом. Фото модель с атласной обложки, ступившая с пышного бархата подиума в захолустье дощатых трущоб.

— Так, может, это... — в свою очередь приветливо оскалился Геннадий. — Мы с друзьями сюда по грибы, собрали уже... Может, того, по сто грамм? Картошечки изжарим, как?

— Мы, в общем, не против... — сказал невозмутимый спутник красоты. — Да и дом — вполне... Меня интригует ваше предложение.

— Можете, кстати, заночевать. Мы баню истопим... — Геннадий увлекал гостей к калитке. — Все в лучшем виде...

Жуков, рассеянно поглядывающий на приятеля, и в самом деле не чаявшего избавиться от редко им посещаемой и заброшенной дачи, поймал себя на мысли, что негаданно попавшаяся на дороге парочка отличается

некой узнаваемостью... Нет, он определенно не встречал этих людей, ни малейшей опасности от них не исходило, но что-то неожиданно и колко встревожило его... Что именно — уяснить не пришлось: гремя раздолбанной подвеской и недовольно пофыркивая на ухабах пожилым двигателем, к дому подрулила милицейская машина, явно местной принадлежности. Неприятный джип с воинственной ведомственной раскраской.

Из машины вышел низкорослый угрюмый милиционер, вынеся в идилическую безмятежность пространства осенней природы обрюзгшую и значительную, как сургучная печать, морду с золотыми зубами. Званием милиционер был капитан.

— Генка здесь? — хмуро спросил он у Жукова, застывшего в столбняке пронзившего его страха.

— Тут, тут, — услужливо проговорил Юра деревянным языком. — Вот, по грибы мы...

Милиционер не мешкая прошел в калитку.

Страж порядка оказался местным участковым, проверенным собутыльником Геннадия, и приехал в поселок с целью обнаружения свидетелей странного происшествия, случившегося неподалеку на проселке, где подорвался автомобиль с экипажем в составе четырех человек, вооруженных автоматами и пистолетами.

Данную информацию дачное сообщество выслушало с живейшим интересом и соболезнованиями.

— Бабахнуло так, что в деревне окна перекосило, — повествовал участковый, принимая из рук Геннадия рюмку и нанизанную на вилку шпротку. — Ваше здоровье...

— Если у них было оружие, — степенно поднял бровь Суходрищенко, — не исключено и наличие гранат... Следовательно, налицо несчастный случай.

— В наших краях отродясь таких аль-капонов не мелькало, — морщился участковый, вдохновенно принохиваясь к хлебной корке, а затем поглощая ее. — Чего им тут делать с таким боезапасом?

— Возможно, «черные копатели», — выдвинул версию Геннадий. — Нашли мину...

— С «калашниковыми»? — опроверг участковый. — Но... да, на мину похоже, вот и прокурор говорит... Везли, дескать, внутри машины. Хотя у него интерес... Год до пенсии, к чему морока? Вчера у Петровича, соседа моего, двух индюков из загона сперли, а он: пиши отказ, мол, улетели с перелетными птицами, надо было вовремя подстригать крылья... А у этих, кстати, номера-то — того... Липа.

— Это уже проблемы погибших, — заметил Суходрищенко. — Люди встали на кривой путь, и он привел их к несовершенству.

— Предлагаю, чтобы нам таким образом не окончить свой глобальный маршрут, — сказал Юра, поднимая стакан. — Вы здесь прожили всю жизнь? — обратился он к участковому.

— Пока нет... — растерянно ответил тот.

Стихийный банкет перешел в застолье с дымящейся картошкой, жареными грибами, прошлогодними соленьями, извлеченными из подпола и обилием алкоголя, хранящегося у предусмотрительного Геннадия в забитом хламом гараже.

— Люблю проснуться среди запасов, — пояснил он собранию, восхвалявшему его хозяйскую сметку.

Поздним вечером, поминутно врезаясь в заборы привычным к таким столкновениям бампером своего автомобиля, милиционер отправился в деревню, на место постоянного проживания. Суходрищенко ушел спать в комнату вместе с Геннадием, гостям отвели спальню на втором этаже, а Жуков разместился в бане, перетащив туда свои сумки.

В этот вечер он пил мало, терзаемый каким-то неясным, но неотступным предчувствием значительных перемен. Что-то должно было случиться.

Хотя что — неясно. Приют, найденный им у Геннадия, на поверку оказался опасным капканом, и стоило незамедлительно покинуть его.

Уже под утро в дверь бани осторожно постучали. Жуков вскочил с топчана, настороженно вглядываясь в темень. Светящиеся фосфором стрелки часов указывали на половину четвертого утра.

— Юра, вы спите? — донесся заспанный голос Сергея. — Ленке в туалет приспичило, а я не знаю, где тут и как...

Жуков нажал клавишу выключателя. Резкий свет болезненно ударил в истомленные глаза. Он отодвинул задвижку двери.

Увиделось виноватое лицо потревожившего его постояльца. Тот нерешительно ступил на порог, а затем нога его буквально выстрелила Жукову в грудь. Юра отлетел на топчан. Сухие дубовые веники и заскорузлые войлочные шляпы, сорвавшиеся с сотрясшейся стены, завалили его. Потерянно отмахиваясь, он отбросил банные причиндалы на пол.

— Если ты будешь вести себя разумно, — буднично и приветливо сказал Сергей, — то останешься жив и здоров. Я обещаю. Диски с собой?

Только сейчас Жукова озарила догадка, что именно озадачило его при взгляде на эту парочку: американская одежда!

Уж ему-то не узнать элегантную курточку, словно с витрины бутика «Донна Каран», рубашку с конником «Ральф Лаурен», женскую блузочку «Гэп», кольцо с розой из черных бриллиантов, столь модных среди нью-йоркских вертхвосток, джинсы «Сэвен» и «Кэлвин Клейн», ремни от «Гуччи»... И дело не в названиях фирм, а в несомненной подлинности их качества, дышащего дорогими магазинами Штатов, облазанными им вдоль и поперек... В нивелированности китайского и турецкого расхожего барахла, заповнившего Россию, эти вещи терялись, как истинные фрукты среди пластиковых муляжей. Надо было лишь присмотреться и различить изысканность их добротной сути...

— Еще раз спрашиваю: диски с собой? — уже с твердой угрозой произнес посланец сил возмездия. То, что он был мускулист, строен, Жуков отметил сразу, однако никакими особыми атлетическими признаками незнакомец не выделялся, казался вяло-благожелательным, заторможенным, и распознать таящуюся в нем силу и прыть Юра смог только сейчас.

Словно откликаясь на его мысли, парень произнес:

— Я знаю: ты малый не промах, служил в десанте... Но даже не пробуй выходить за пределы... Лет пятнадцать назад, когда ты еще был в форме, тебя едва ли взяли бы в нашу шарагу даже в ученики.

— Я все понял, — сказал Жуков, постепенно справляясь с помутнением сознания. — Но нам надо правильно договориться.

— Затем я и здесь, — коротко улыбнулся незнакомец. — Присаживайся поудобней. Время у нас, полагаю, имеется.

В дверь заглянула его спутница. Лицо ее было сосредоточенным и отчужденным. Что-то произнесла на английском. Парень невнятно ответил, и девушка исчезла в темноте.

— Вот тебе и немая... — произнес Жуков. Помедлив, прибавил: — Серьезная за вами сила. Только теперь понял.

— Это очень сложный вопрос, — сказал парень. — Многое зависит от обстоятельств. И сейчас они сложились в твою пользу. Твоя задача — умно ими воспользоваться.

— Точно не убьете? — спросил Жуков.

— Постараюсь изо всех сил.

— Тогда так... Все диски в сумке...

— Все двадцать одна штука?

Тут Юра вспомнил, что один из дисков забыт им в проигрывателе, оставленном в доме Геннадия.

Впрочем, сейчас это не имело особенного значения.

— Да, двадцать один. Можете пересчитать.

Максим Трофимов

В полночь позвонил Уитни. Сообщил, что в Москву вылетел Ричард. При этом многозначительно намекнул, что его неверный служащий прибывает в Россию не один. Что означало: с головорезами, должными уничтожить выпавшего из их обоймы собрата, то бишь Роланда Эверхарта, под чьей личиной я существовал. Получив указания босса, я отправился к его здешнему поверенному Льву Моисеевичу Труману, от которого получил некий контракт, заключенный между американской и российской корпорациями. Контракт, как следовало из канвы легенды, я изъясил у найденного и нейтрализованного мною Жукова.

Ранним утром я прибыл в отель, где должен был остановиться Ричард, и оставил для него пакет у портье. Затем позвонил сам Ричард. Услышав, что я на пару дней вынужден отлучиться из столицы по неотложным делам, не скрыл разочарования, сказав, что непременно и очно обязан встретиться со мной. Что я, естественно, ему пообещал самым непринужденным образом.

Затем со мной связался Гарик. Поведал, что ночью возле дома происходили непонятные передвижения машин, однако он подозревает, что обитатели интересующей меня квартиры с утра намерены ее покинуть, ибо зачем среди ночи они меняли спущенное колесо и заливали воду в бачок омывателя?

Медлить было нельзя. Истомленная бездействием Нина напросилась взять ее с собой. Поневоле пришлось согласиться — торчать в четырех стенах и глядеть в телевизор, где не было ни одной англоязычной программы, являлось занятием тоскливым, а отпускать ее одну в город я не хотел.

Уже отъезжая от дома, заметил крадущуюся за нами серую «Волгу». Присмотревшись к номеру, уяснил, что это именно та машина, за которой я следовал накануне. Вот те раз! И каким же таким образом... Раздумывать, впрочем, было некогда.

Я проскочил на красный сигнал светофора, завернул в переулок, путая след, а затем проехал по односторонней улице в противоположную сторону, снова нырнув в подворотню. Затормозил и вышел из машины под арку, наблюдая из-за ее стены перекресток.

«Волга», каким-то чудом разгадавшая мои маневры, выехала из переулочка, замерла в нерешительности, а затем последовала по предписанным правилам, сгинув вдаль.

— За нами следят? — взволнованно обратилась ко мне Нина.

— Полагаю, да.

— Это серьезно?

— Более чем.

— Мне с тобой безумно интересно, Роланд!

Законченная авантюристка.

Когда подъезжали к дому Жукова, вновь отзвонил Гарик. Сообщил:

— Они срочно отруливают. На «Ниве». С сумками. Поедут по Калужскому, я слышал базар. Там какая-то новая трасса... Ну, дела! Менты из автобуса выскочили, чуть не повязали, один в морду получил, урод, прямо в мусорку улетел... Все, слиняли!

«Нива» проскочила прямо у капота моих «Жигулей». Я увидел бледное лицо Жукова, вертящего головой. Но не успел тронуться, как заметил устремившийся за беглецами черный «Лексус».

На миг захотелось плюнуть на все и никуда не ехать. Вокруг меня кипела непонятная и, чувствовалось, опасная игра, влезать в которую определенно не стоило. И все же я пересилил себя, в очередной раз встроившись в хвост скрывающихся в потоке машин.

«Нива» направлялась на юго-запад, но в какой-то момент ушла в сторону, непонятно зачем пытаясь обогнуть прямую, достаточно свободную

трассу. «Лексус» сумел вклиниться за ней, а меня, бестолково метнувшего вправо, отрезал поток.

Я помчался вперед, лихорадочно соображая, что если водитель «Нивы» решил схитрить, оторвавшись от вероятного преследования, то так или иначе сделает крюк до выезда на шоссе, а у меня, напротив, будет серьезная форя. Я пересек кольцевую и двинулся в сторону аэропорта. Дорога сузилась, потянулась пробка, и я переместился в правый ряд, поглядывая в зеркальце заднего обзора.

Прошло более двадцати минут, в течение которых я уныло тащился среди чадающих грузовиков, но тут появилась искомая «Нива». За ней «Лексус». Различить в нем кого-либо за густо затемненными стеклами возможности не было.

Мы долго и чинно ехали по трассе. «Нива» сбавила первоначальную прыть, ровно и даже неспешно катя в среднем ряду. Мощный «Лексус», изнывая от нерастраченной энергии таящегося в его движении табуна, покорно тащился следом. Я поддерживал общую тактику нашего движения в неведомое.

Закончилась Московская область, началась Калужская. На очередном съезде влево «Нива» мигнула желтым сигналом, уходя на поворот. Я приотстал и снова, отрезанный встречным движением, потерял из виду свернувшие на сельскую дорогу машины. Когда же удалось повторить их маневр, след «Нивы» простыл.

Я проехал деревню, далее пошел проселок с небрежно утрамбованным крупным щебнем, уходящий к лесным горизонтам. Проселок был пуст. Проехав по нему пару километров в шлейфе взбитой колесами мучнистой пыли, я заметил в кювете догорающую машину. Вернее, покоренный, растерзанный остов. Вглядевшись в него, понял: тот самый «Лексус». Сожженные, разваленные взрывом трупы, многократно виденные мною в Чечне, заставили озадачиться: это было похоже на серьезную противотанковую мину, но следов подрыва на дорожном полотне не усматривалось.

Нина глядела на меня то ли с опаской, то ли с каким-то странным уважением.

— Вот так, милая, — обтекаемо высказался я.

— И для тебя это всего лишь работа?.. — В тоне ее звучали ужас и озадаченность.

— Ты говоришь так, как будто я это сделал... — Я тронул машину, устремляясь вперед, за исчезнувшей «Нивой».

— Я видела твой взгляд... Ты просто это оценивал... Будто картину в музее. Можешь объяснить, что здесь происходит? Ты здесь по делам отца... Это что, тоже его дела? — У нее нервно подергивалась щека.

И тут я подумал: а почему бы не рассказать все, как есть?

И — начал свою историю, гоня по расстилавшейся меж лесов пустынной дороге.

Проехав километров пятнадцать мимо чащоб и редких глухих деревень, уперся в тупик старого ельника.

«Нива» исчезла. Вероятно, свернула в лес или к какому-то неизвестному пристанищу.

— Вот и все, — сказал я.

— И что теперь? — грустно поинтересовалась она.

— Теперь я знаю номер машины. У нее есть владелец. Попробуем зайти с другого конца.

— Я говорю, что ты будешь делать потом, когда все это закончится?

— Есть предложения? — спросил я.

— Не знаю, — сказала она. — Когда-то мне нравился Роланд Эверхарт. Теперь его нет. Мне предстоит во многом разобраться.

Мы поехали обратно. До того места, где догорали останки «Лексуса», оставалось рукой подать, и вдруг Нина сказала:

— Я хочу пить.

Я приметил съезд на глинистую дорожку, ведущую, вероятно, к какому-то жилью. Там наверняка были колодцы.

Объезжая бесчисленные колдобины, увидел обвислые, сваренные из арматуры ворота дачного товарищества. И, заглядевшись, съехал с обочины в канаву, прочно засев в ней. Побуксовав с пяток минут, почувствовал ядовитый запах горелой пластмассы. Педаль сцепления ватно провалилась в пол. Я затухил движок, выйдя из машины. Вокруг царила нежная осенняя тишина. Дачники разъехались, посвятив себя трудовым будням, поселок пустовал. Надо было идти вглубь, отыскивая подкрепление.

Сзади послышался шум подъезжающей машины. Это была та самая разлюбезная «Нива».

— Это они, — бросил я Нине. — Не говори ни слова. Ты — глухонемая.

— То есть?

— То есть я налагаю на тебя обет молчания.

Марк

Отныне у Марка и Виктора появился начальник — колченогий и не приветливый старикан Карл Кноп. Чувство юмора этому человеку было неведомо, а улыбка на морщинистой физиономии, унылой, как долина смерти, выглядела кошунством.

Шеф был требователен, пунктуален, и любой разговор с ним больше напоминал допрос. Под его надзором и указкой тандем занялся техническим шпионажем, внедряя различного рода элементы подслушивания и подсматривания по надлежащим адресам, проникая туда или под видом работников вспомогательных служб, либо тайно, по-воровски, что вполне отвечало их опыту и широте мировоззренческих восприятий.

В Нью-Йорке теперь приходилось бывать нечасто: география секретных мероприятий простиралась по всей территории США и даже выходила за пределы империи. В частности, парочка вылетала на шикарные курорты, где, наслаждаясь красотами и удобствами, внедряла «жучки», микрофоны и камеры в номера отдыхающих важных персон, расслабляющихся в беспечности своей оторванности от просчитанного официоза будней.

Прежде чем ознакомить подопечных с очередным заданием, настырный Кноп поинтересовался, знакомы ли они с техникой подводного плавания. Морпех Виктор надменно заверил, что прошел в свое время диверсионную подготовку, плавает как с аквалангом, так и с кислородным аппаратом и, если надо установить мину на какое-нибудь судно, берется сделать это столь же естественно и привычно, как сантехник — ремонт унитаза. Предстоящая задача оказалась куда банальнее, хотя ее отличала известная деликатность: требовалось аккуратно утопить достопочтенного джентльмена, вступившего, как догадался Марк, в неприязненные отношения с мистером Уитни.

В группу поддержки входили двое мордатых итало-американцев, представившихся как Анджело и Чатти. Внешне итальянцы являли собой копии голливудских персонажей из мафии. Все предыдущие сутки они вели наблюдение за интересующим объектом, приехав за исполнителями акции в предрассветную темень.

Глаза их были воспалены от бессонницы, лица устало бледны, но тщательно выбриты, а шевелюры уложены и набриолинены, как вороны крылья.

В «вэне» с глухим кузовом Марк и Виктор переоделись, натянув на себя упругие шкуры гидрокостюмов. Навесили на пояс грузы, проверили кислородные аппараты с замкнутым циклом дыхания, что гарантировало скрытное, без всплывающих пузырей, приближение к объекту.

Машина доставила их в небольшой лиственный лесок, тянувшийся вдоль обширного пустынного озера.

Вода была неприветливо-темна, но прозрачна. Длинные шлейфы водорослей ласкали придонную тусклую гальку. Вылетела с заполошным криком птица из ломко треснувшей гущи осоки. Утренний туман относил в прибрежный кустарник зыбкими, истаявающими на листе пластинами.

— Объект на месте, — сказал Анджело, выслушав сообщение по радиации. — Чатти будет ждать вас здесь, я подстрахую с берега.

Марк сполоснул маску. Виктор уже был в воде и, поправляя загубник, указывал рукой направление движения.

Около получаса они плыли в метре от поверхности, сверяя направление по перископу. Наконец увиделась лодка, стоявшая посреди тихого залива. В ней сидел одинокий рыбак.

Марк увидел его сгорбленную спину в теплой, простеганной куртке и широкополую шляпу.

Подплыв к лодке, замерли, переводя дыхание и собираясь с силами. Над ними чернело, покачиваясь, округлое днище с выступом неглубокого киля.

Вспыхнуло солнце, прорезав толщу воды. Прозрачная рябь пронеслась над головами. Увиделся торчащий над поверхностью прут удилища.

Обменялись знаками готовности. Шевельнув ластами, неторопливо устремились вверх.

Акцию выполнял Виктор, Марк страховал его с противоположного борта.

Длинное, сильное тело морпеха взметнулось над водой по пояс. Хваткие пальцы уцепили запястье неизвестного рыбака. Марк нащупал край борта, подтянувшись на нем, и увидел довольно странную сцену: перед ним на дне лодки грузно и вяло лежало тело незнакомца. Перегнувшийся через низкий борт морпех словно уткнулся озадаченным взором в его спокойное, отчужденное лицо.

Марк выдернул изо рта загубник. Поднял маску.

Утренняя гладь воды была зачарованно пуста. Наохлившийся за высоким камышом лесок словно дремал, сохраняя в глубине остатки ночи. Белели вдалеке, на пригорке побережья, тихие домики.

— Он готов, — сказал Виктор, поворачивая из стороны в сторону длинными, сильными пальцами безвольно болтавшуюся голову жертвы. — Точно, зрочки по семь копеек...

— Не понял... — Марк слизнул капли воды, сорвавшиеся с верхней губы.

— Я его хватя за руку, а он и очурился... Нежданчик.

Убедившись, что перед ними и в самом деле труп, поплыли назад.

Невозмутимые итальянцы расспросами не утомляли. Диалог состоял из вопросительных взглядов и ответных вдумчивых кивков. Не тратя время, покатили обратно, переодевшись в просторном отсеке машины.

Вечером они уже находились в Нью-Йорке, сидя в ресторане на родном Брайтон-Бич. День был будний, не отмеченный обилием посетителей, и ничто не мешало спокойной дружеской беседе за кружкой пива и вымоченными в чесночном соусе голубыми крабами. Разве телевизор, светивший на кронштейне в углу барной стойки. Передавали новости.

— Так вот насчет этих кислородных аппаратов, — повествовал Виктор, недовольно косясь на телевизор, где холеная дикторша докладывала о событиях прошедшего дня. — Мне еще наш старшина наказывал: если ночью ошибешься с выбором глубины — копец без комментариев. А я однажды...

— Стоп! — поднял руку Марк, напряженно прислушиваясь.

На экране виднелось знакомое озеро. После на его идиллический фон выплыло фото дородного, седовласого человека в очках. С испытующим, неприязненным взглядом. Затем возбужденно заговорила дикторша.

— Чего такое? — не без интереса произнес мало сведущий в английском Виктор.

— Сегодня на рыбалке, — поведал Марк равнодушно, — скончался от инфаркта бывший директор ЦРУ. Публика выдвигает всякие скользкие версии, но медицина их опровергает.

— Ювелирная работа нуждается в премиальных, — задумчиво рассудил Виктор.

— Мы их получили, пять дней отпуска, — откликнулся Марк. — Дедушка Кноп и без того расщедрился.

— Во в какие дела мы впутались, — произнес Виктор. — В какие сферы углубились... Даже не верится. Масштаб!

— На самом деле ничего удивительного, — откликнулся Марк. — Босы и миллиардеры, мы все живем в одном мире, Витя. Мы плывем на одном корабле, только в каютах разных классов. Не было бы одних, не было бы и других. И любой король зависит от сантехника.

— Ну уж да! — возразил тот. — Ты знаки равенства не расставляй где ни попадя... Если бы все были такими умными, как Уитни, например, то он бы работал на почте.

— Почему на почте?

— Так, пришло в голову. Кстати, Лильке я сказал, что устроился электриком, — добавил невпопад.

— А рабочий шлем у тебя есть?

— А как же! Каски-то нам выдали, когда мы дурика выкручивали, что антенны, мол, проверяем...

— Тогда на касках надо обозначить две молнии.

— Это уже расшифровка.

— По-моему, Витя, — грустно произнес Марк, — мы попали с тобой на суровый крючок. Как мыслишь?

— Если крючок не колет, его можно считать удобным, — ответил тот. — А сорвемся с него, пойдем на дно. Так что будем извиваться. Я, например, доволен...

— Чем?

— А мы с тобой теперь часть силы, — ответил морпех. — Я вот кожей чувствую, что мы не в кодле какой-нибудь и не в шараге временной... Мы... как бы сказать... в системе, во! Я, например, не смеюсь только, будто в секретном отделе ЧК себя ощущаю.

— Там все отделы секретные.

— У нас не хуже! В общем, не переживаю. Чего там дальше — неясно, а сейчас мне все в цвет. И так думаю, что если язык за зубами плотно держать и выполнять все, как надо, продержимся долго.

— До второго пришествия?

— А оно тебе надо?

— Вот сейчас ты точно попал в цвет! — усмехнулся Марк. — О чем даже не подозреваешь. Второе пришествие пахнет для нас озером огненным.

— Сформулируй...

— Это долго. Почитай Библию, там все есть.

Максим Трофимов

— Значит, ты зря обнадеживал Гену, — сказал Жуков, вытаскивая из дорожной сумки квадратную бархатную коробку. — Зарастут его грядки, обветшает сарай... А он так рассчитывал на преемника!

Я отслеживал его движения, как кот — перемещения мыши. Этот увалень, чувствовалось, мог выкинуть любой злокозненный трюк, и мне следовало быть начеку. Некоторое время назад, когда его мышцы еще не оплыли жирком, я бы мог получить от него серьезный отпор, но возраст,

разбросанный быт и алкоголь сделали свою разрушительную работу: он обрыхлел, стал неповоротлив и пробивался до основания точным жестким ударом. И сам это, чувствовалось, признавал.

Ничего особенного, впрочем, не случилось. Я пересчитал диски. Число сходилось. Сказал, глядя в блеск хитрых глаз на тугой, щекастой физиономии веселого и наглого мошенника:

— Там еще были деньги...

— Деньги — в Москве, — заготовленно проговорил тот. — В банке. Прирастают неуклонно падающим долларом. И по понятиям они — мои. Я выполнил свою работу...

— Хорошо, с этим разберемся позже, — сказал я. — Не принимая в счет уголовные доктрины. Я, между прочим, могу привести другие доводы. Тот, кто платит по своим долгам, становится богаче. А жадность — путь к бедности. Учти и другое: мой шеф придерживается отличной точки зрения и если будет настаивать, мы вернемся к данному вопросу.

— Это как?

— У тебя есть родители. Пока мы их не тревожили. Тебе стоит с признательностью оценить такое благородство. Теперь вопрос: как вы сумели ухайдакать «Лексус»? И кто в нем был?

— Дела Гены, — скучно ответил он. — Долги, бандиты... Местная тухлая каша. Как сумели? Просто. Противотанковое ружье. Со времен Второй мировой. Ну, фаустпатрон, типа того.

— Суровые вещи мастерили предки...

— Сам удивляюсь. Умели. Вот... Потому мы сюда и намылились. Пересидеть.

— Тогда ройте окопы и минируйте.

— Думаешь? Я вот тоже... — Он помедлил. — Слышь, мне надо лично сказать господину Уитни кое-что еще, — произнес после запинки. — Для него это важно. Хотелось бы узнать номер телефона. Это ведь не секрет?

— Я могу связаться с ним прямо сейчас.

— Сейчас не с руки.

Я дал ему номер телефона. В конце концов, это ничем Уитни не грозило. Затем проронил:

— Мне нужны ключи от «Нивы».

— Это зачем?

— Я хочу уехать отсюда на машине с исправным сцеплением.

— Ключи в доме.

— Знаю, сейчас мы туда пойдем. Но учти: одно неправильное движение, и я сломаю тебе позвоночник.

— Охотно верю. — Юра вышел из бани, ненароком взглянув на часы. Что-то крутилось в его голове, что-то он замышлял... Однако диски были у меня, угрозу его родственникам я обозначил, а потому теперь нам следовало корректно расстаться, и не более.

Осенняя ночь была студена, черна и свежа. Россыпи созвездий блистали в раскинувшейся над нами бездне. Мелькнул оранжевой истаявшей чертой метеор. Мимолетная гибель после миллиона лет странствий.

— Звезда упала, — сказал я Юрию в напряженную спину. — Загадай желание.

— Это так шутят над теми, кого ведут на расстрел? — откликнулся он.

— Ты останешься жив, — вновь успокоил его я. — Но вот насколько это будет для тебя интересно, другой вопрос.

Он включил свет на веранде, указал на ключи и техпаспорт, лежавшие на проржавевшей лысине допотопного холодильника, рокошущего разболтанными потрохами.

До последней секунды я ожидал от него неведомого подвоха, как, впрочем, и он от меня, но расстались мы мирно, пускай и на пределе взвинченных от предчувствия вероятного отчаянного поединка нервов.

Я завел «Ниву», Нина уселась рядом, и мы тронулись обратно в Москву. Край неба на горизонте тусклого предрассветного шоссе мутно бледнел, возвещая зачинавшееся зябкое утро. Гаишники храпели в закутанных тяжелым сырым туманом кирпичных будках, и тратиться на взятки нам не пришлось.

— Ты блестяще выполнил задание, и теперь можно почивать на лаврах, — произнесла Нина, бездумно глядя на сереющую дорогу, убегающую под гудящие колеса. — Так какие у нас все-таки планы?

— Мне надо дождаться человека от твоего отца, — ответил я, механически набирая номер телефона Уитни. — Он возьмет диски и произведет со мною расчет. Вопрос: в какой только форме?..

— Отец расплатится, не бойся, — сказала она. — Я его знаю. Кстати, он ни у кого, ни разу в жизни не брал в долг, ни цента. Он даже возьмет тебя на работу, если захочешь. Ты пошел бы к нему на работу?

— Вышибалой?

— У тебя тот возраст, когда ты мог бы многому научиться. И пойти вперед.

— Если только ради тебя, — сказал я. — И с твоей помощью.

— Да? — сухо откликнулся на другом конце земли мистер Уитни.

— Я не могу давать тебе никаких гарантий! — воскликнула в этот момент Нина. — И не смей спекулировать нашими отношениями! Они — не навеки! Я даже тебя не знаю...

Я отмахнулся от нее. Сказал:

— Мне все удалось. Готов передать материалы.

После густого, задумчивого молчания трубка отозвалась нехотя и неприязненно:

— Что там делает Нина?

Я понял, что мы серьезно прокололись.

— Так получилось, — проронил я.

— Ты понимаешь, что рискуешь моей дочерью? Впрочем, что ты вообще понимаешь... Дай мне ее.

Я молча передал ей трубку. Она уяснила свой промах, скрипнув зубами от досады. Долго и молча выслушивала отца. В итоге сказала ему:

— Ты не все знаешь. Да, хорошо, я вылечу завтра. — И дала отбой.

— Ну вот видишь, как хорошо складывается, — заметил я. — Ты пережила славное приключение, которому подошел счастливый конец.

— Ты вернешься в Америку? — отчужденно и строго спросила она.

— Вообще-то здесь мне привычней... А тебе не понравилась моя страна?

— У вас глупая страна. Вы не уважаете друг друга. И не уважаете чужую жизнь, потому что не верите в свою собственную. Это я поняла. И еще. Я не хочу жить в государстве, где есть беспризорные дети и животные. Поэтому, если ты желаешь быть со мной, у тебя нет альтернативы.

— А что будет, если потом ты уйдешь от меня?

— Сюда тебе никогда не поздно вернуться. Вопрос в ином: стоит ли мне быть с тобой?

— Аналогично, — горько подытожил я, отстраненно раздумывая, следует ли возвращаться на оставленную нами квартиру.

Словно читая мои мысли, Нина произнесла:

— Я оставила дома свой паспорт.

Мне не без уныния припомнилась серая «Волга». Вероятно, ее сменила иная машина, но квартира, рупь за сто, находилась под наблюдением.

— Ты готова рискнуть? — спросил я.

— Если ты научишь.

— Это проще простого. Набираешь любое сообщение на телефоне и держишь палец на кнопке. Если что — нажимаешь, и я прихожу на помощь. Перед квартирой — половичок. Подними его. Я положил под него

печенье. Если оно растрескано, в квартиру не входи, а сразу же возвращайся. — Я говорил, с каждым словом сознавая, что подобный план никуда не годится, ибо грозил Нине внезапными опасностями, отчего-то предошущаемыми мной. А рисковать ее благополучием я не собирался. Тем более свой домашний телефон я сразу же по прибытии в Москву продиктовал изменнику Ричарду. Вычислить мой адрес было минутной забавой. — Сделаем иначе, — сказал я. — Туда иду я. Если не возвращаюсь, ты едешь в отель. Позвонишь отцу и передашь ему диски. Попасть в чужие руки они не должны.

Я оставил машину в соседнем дворе. Положив в пакет монтировку и буксировочный трос, прошел, прикрывая лицо воротником куртки, к дальнему подъезду, из которого, на мою удачу, вышел ранний жилец, торопящийся на работу.

Поднявшись на лифте на последний этаж, взобрался по лестнице на чердак. Монтировка не понадобилась: замков на люке, ведущем на крышу, не было. Укрепив трос на балке под чердачным окном, я соскользнул по мокрой жести к краю и, выбирая трос, осторожно спустился на свой балкон седьмого этажа. Троса хватило с запасом в лишний метр.

Балконную дверь я оставил приоткрытой. Осторожно заглянул через нее в комнату.

Взору моему предстала забавная картина: на полу лежал человек со связанными за спиной кистями рук. Виднелись его напряженный затылок и залитая от натуги багровым румянцем натуги атлетическая шея. Перед ним на стуле сидел другой человек, в котором я узнал хозяина квартиры Толю Акимова, ныне, как следовало из милицейских пояснений, находящегося в бегах. Толя пил сок, купленный мною накануне, и о чем-то негромко спрашивал человека, сопровождая вопросы тычками в физиономию подошвой ботинка.

— Здорово, дружище, — вышел я из укрытия.

Толик упруго подскочил со стула, развернулся, готовясь к атаке, но, признав меня, успокоился. Фыркнув, спросил с некоторой, как показалось, обидой:

— А ты чего в окно-то?

— Я тоже на нелегалке. А тебя зачем сюда принесло? И кто это? — Я указал на возмущенно пыхтящего на полу незнакомца.

— У меня тут был тайничок, — объяснил Толя. — Пришлось наведаться... Три дня все вокруг вынюхивал, тебя видел, подругу твою... Ну, решился наконец. Напаялил паричок, очечки... Наружка тут, кстати, торчит. По твою, что ли, душу? Ага... В общем, забрал имущество, пошел к двери — звонок. Я затих. Потом отмычкой зашуровали. И вот входит этот... Дальше как учили в средней школе разведки. Сейчас он очухался. А с ним смотри какая штука была... — Он вытащил из кармана странный пистолет, снабженный выдающимся назад округлым вороненым баллоном.

— Пневматика?

— Да, но только боезапас интересный. Яд в окисляющейся оболочке. Я о таких изысках лишь отдаленно слышал. Вот теперь пытаюсь разговорить человека...

— Сейчас и я попробую, — пообещал я. — Ты русский?

Он приподнял голову. Взгляд его светился испытующей ненавистью. Ни малейшей растерянности или страха.

— Если будешь молчать, мы испытаем работу пистолетика на тебе. Неужели не ясно?

— Спрашивай... — словно сплюнул он.

— Ты пришел сюда за Роландом, верно?

— Мне показали фото, я не в курсе...

— Тогда так, — сказал я. — Сейчас мы тебя развяжем и отпустим. Выйдешь через чердак, отвяжешь трос и сбросишь нам, понял?

— Что еще?

— Скажешь заказчику: Роланда Эверхарта в живых уже нет. Пусть не беспокоится. Запомнил имя? Толя, развяжи его, он пришел по верному адресу, но за мертвецом.

Незнакомец приподнялся с ковра. Растер запястья. Лицо его было совершенно невыразительно и безучастно. Холодный, мощный профессионал, неопределенной национальности и ведомственной принадлежности. Весь он дышал агрессией. И еще — взъерошен досадой допущенного промаха. Сейчас он явно взвешивал возможности атаки, понимая, что выигрыш не на его стороне. От нас веяло рабочей бойцовской сноровкой и абсолютным бесстрашием, выработанными в полевых сражениях, а не в теплых тренировочных залах. Помимо всего, Толя держал его на безукоризненном прицеле.

— Ты очень похож на объект, — произнес злодей, пристально глядя в меня. — Но ты не он... У меня просьба. Покажи левое предплечье...

Я оголил руку, подняв ее на уровень его глаз. Спросил:

— Должна быть татуировка?

— Пулевой шрам. — Он помедлил. — И где он похоронен?

— Скажи заказчику, — ответил я, — что на это ему ответит господин Уитни.

— Кто? — наморщил он лоб.

— Генри Уитни, — произнес я как заклинание.

— Мне непременно надо уйти через балкон?

— Да, нам не нужен свисающий в квартиру трос. Поупражняйся. Это будет платой за нашу гуманность.

— Какая еще плата? Тебе выгодно, чтобы я ушел с информацией. Но я должен вернуться с оружием.

— Это вряд ли, — сказал Толя. — Я никогда не отдавал трофеи врагу.

Наемный убийца, жмуря гневливо глаз, прошел на балкон. В считанные секунды поднялся к крыше и, громыхнув ботинками по жести, исчез. Трос, сволочь, умышленно сбросил в кусты тянувшегося вдоль тыльной стороны дома палисадника.

— У тебя тоже дела — не соскучишься, — сказал Толя. — Квартиру запири и ключ положи на место. Завтра сюда въезжает другой мой приятель. Выходим вместе. Надень парик и остекление морды. Со мной, думаю, обойдется, а ты под прицелом...

Я собрал вещи. Сунул в нагрудный карман паспорт Нины. Открыв входную дверь, приподнял половик. Печенья под ним не было. Я поднял глаза на понимающе усмехнувшегося Анатолия.

Из дома я вышел одетым в длинный плащ и шляпу, из-под которой выбивались седые лохмы парика. На носу висели роговые очки. Я отчаянно прихрамывал, опираясь на стариковскую трость и выворачивал колесом ноги. Толя в одной руке нес сумки, а второй поддерживал меня за локоток, как заботливый сын — пожилого, хворого папу.

К наружке, таящейся неподалеку в примеченном Толей грузовичке, я был обращен боком. Доковыляли до «Нивы».

Толя помог уложить вещи в багажник. Мы добросили его до перекрестка.

— Прощай, брат!

— Удачи, авось увидимся!

— Куда теперь? — спросил я Нину, со снисходительной усмешкой поглядывающую на меня.

Только тут дошло, что забыл снять шляпу и парик.

— В агентство, а потом в аэропорт, — сказала она. — Мне звонила мать, там бушует скандал и истерика.

Проводы были коротки. Мы обменялись мимолетными поцелуями, ставшими неловко и отчужденно, словно смущались друг друга. Я не до конца понимал, что творится в моем сознании, воспаленном от напряжения и бессонницы, но одно уяснил горько и точно: ее безоглядный порыв

любви ко мне отнесло холодным ветерком пробудившейся рассудочности. Она получила то, что хотела прочувствовать и узнать; точно так же пробуют диковинный деликатес, чтобы, отведав его, возвратиться к привычным блюдам. В этом, собственно, была ее суть. А может, не в этом. Я не сумел разгадать до конца. Впрочем, анатомия любого характера всегда приближительна и никогда не раскроет потаенных в каждом из нас тайн.

Пройдя таможду, она исчезла в толпе, стоящей перед паспортным контролем.

Я подошел к «Ниве», открыл дверцу. В этот момент услышал ленивый, исполненный уверенного достоинства голос:

— Стойте на месте, Трофимов. У нас приказ открывать огонь на поражение. В связи с вашей исключительной опасностью.

— Враки, — сказал я, не оборачиваясь. — Я вам нужен живым.

Жуков

Проводив остановившимся взглядом фонари отъезжающей от дачи «Нивы», Жуков осторожно присел на крыльцо, не в состоянии пересилить дрожь в ослабевших ногах. Погибель, в чьей неотвратимости он был уверен, каким-то чудом минула его.

Он вернулся в баню, сел на топчан, задумавшись. Жуткий гость исчез, самое страшное, казалось бы, осталось позади, но его не покидала тревога. Теперь его мучило то, что он совершил ошибку, всучив этому парню болванки пустых носителей, загодя приготовленные еще на квартире Геннадия. Он не знал, что руководило им, когда купил их на рынке, решив на всякий случай сделать этакую «куклу». Но сейчас его донимали сомнения. Хитрость удалась, однако предстояло срочно извиниться за нее, сказав, что он готов отдать все, в том числе, похищенные деньги, впоследствии отработав потраченное, лишь бы ему дали шанс вернуться в Америку. Там, понятное дело, за такие выкрутасы могут снести голову, но рисковать он уже привык. И надеялся на снисхождение. Ведь в любом случае этот невесть откуда взявшийся тип вручить ему необходимые документы не пожелал бы, да и не смог. А торг наверняка закончился бы плачевно.

С недавней поры Жуков все более отчетливо сознавал, что привязался к Америке, врос в нее и, очутившись в России, действительно оказался за границей. Хотя бы за границей привычного бытия. В последнее время ему попросту слезно мечталось настилать пол или же красить стены в любой трущобе Нью-Йорка, но только не сидеть в криминальном подвале, считающая ржавчину с орудий полувековой давности.

И еще. Дачу надлежало без промедления покинуть. Пускай бросив на произвол судьбы товарищей по приключениям и пьяному бестолковому быту. Это была их жизнь, но никак не его. Да и вообще не стоит связываться с людьми, у которых проблем больше, чем у тебя.

Собрал вещи. Сначала решил поехать на оставленных «Жигулях» — авось дотянут, — но после свое взяла подозрительность: а не таится ли в машине какая-нибудь бомба? Отчего этот умелец непременно захотел отчалить на «Ниве»? Легкая пробуксовка сцепления не являлась особенной помехой в преодолении расстояния до Москвы.

Испытывать судьбу Жуков не захотел. Подхватил на плечи баулы и вышел на проселок. Утренний колесный трактор, ведомый нетрезвым механизатором и неизвестно откуда появившийся на дороге, подобрал его и, вихляя, доставил до трассы.

Там он поймал попутку.

— Куда? — открыв окно, спросил водителя.

— До Москвы.

— Чего в такую рань с вещами?

— В аэропорт.

И когда Жуков устроился в тесноте салона, спросил:

— Далеко летим?

— В Америку, брат...

— Да ты что?

— Не поверишь, но больше и некуда.

С аэропортом он, конечно, сильно лукавил, выдавая страстно желаемое за недоступное действительное.

Приехав в город, позвонил одному из приятелей, попросив приюта. Приятель числился в категории легко устанавливаемых ищейками связей, но теперь это мало смущало Жукова. Приятель не отказал.

В ближайшем книжном магазине Юра купил русско-английский словарь и после часа усердного корпения над ним составил необходимые фразы. Далее последовала репетиция в их внятном произнесении, от которой он даже слегка вспотел.

К вечеру, собравшись с духом, прикинул разницу в часовых поясах, неторопливо, как перед погружением в ледяную прорубь, перекрестился и — позвонил Уитни.

Ответил знакомый, суховатый голос. Юра неуверенно представился. Реакция Уитни была внезапной: он радостно и учтиво приветствовал ограбившего его негодяя. Налицо было утонченное лицемерие, однако оно вдохновило Жукова на дальнейшее произнесение записанной на бумажке речи. Одновременно он раздумывал, что только американцы способны на столь вдумчивое, обескураживающее радушие при знакомстве или же встрече — насквозь фальшивое, однако принуждающее к ответной любезности.

— То есть вам необходима въездная виза? — в итоге уточнил Уитни.

— Виза, виза! — горячо поддержал собеседника Юра, поглядывая в зеркало гардероба на свое озабоченное лицо. — Это... Экспресс-сервис, в общем...

— Ваш номер телефона? — медленно и внятно проговорил Уитни.

Юра послушно продиктовал. Положив трубку, произнес в пространство, обращаясь к собственной персоне:

— Будет тебе сервис как в лучшем морге... Со вскрытием черепа и погребением. Или пронесет? А?

Закатов

«Наружка» оплошала дважды: первая машина, перекрытая застрявшим у подъезда мусоровозом, не смогла двинуться с места, а запоздалые действия сотрудников были топорны и неудачны, позволив объектам непринадлежно и насмешливо скрыться. От второй, «Волги», оторвался Трофимов, разгадав за собой слежку, и, пока бушевала сумятица докладов, решений и приказов, беглый спецназовец, судя по установленному на его «Жигулях» маяку, переместился в глубины Калужской области.

На квартире, покинутой отчаянной троицей, незамедлительно произвели обыск, не утруждаясь получением прокурорских благословений. Результаты обыска впечатляли: был обнаружен подвал с обилием трофейного оружия и боеприпасов, закопченный очевидными следами недавнего взрыва и с лужами засохшей крови. Ознакомившись с количественной мерой изъятого тола, Закатов схватился за голову, вторым планом постигая, что заработал медаль за предотвращение теракта.

В приемном устройстве проигрывателя нашлась дискета, переданная им заместителю начальника отдела: времени на ее просмотр у оперуполномоченного не было. Он метался от одного телефона к другому, координируя взаимодействие различных служб.

К дому, где обитал Трофимов, направился очередной экипаж. Произведя обыск, ничего любопытного не обнаружили, если не считать паспор-

та американской гражданки Нины Уитни. Вещи оставили на месте. Засаду в квартире посчитали мероприятием сомнительным, связанным с возможным скандалом: здесь проживала уроженка отнюдь не Вьетнама или заштатной Киргизии. К тому же, следуя логике, доведись Трофимову неожиданно возникнуть в городе и навестить жилье, арестовать его могли на входе в подъезд.

Радиомаяк тем временем исправно выходил в эфир, свидетельствуя о долгой стоянке машины на территории дачного поселка. Фигурант явно намеревался провести ночь на природе.

Поздним вечером в кабинете Закатова собралась ударная группа из спецназа «Альфы». Однако выезд на место операции отложился: скромного капитана лично желал видеть заместитель директора ведомства. Беседа была долгой, витиеватой и крутилась вокруг известных Закатову персонажей: опять-таки Трофимова, Укрепидзе, Нины Уитни... Пояснений к своим вопросам начальство не давало, ограничиваясь построением тех или иных глубокомысленных мин и неопределенного свойства междометиями.

На прощание капитан был удостоен генеральского рукопожатия и участливого совета отдохнуть перед задержанием преступника и, возможно, шпиона.

— А стоит туда в ночь переться? — предположил высокий чин. — В темень кромешную? Сквозанет он в щель какую — и привет! Автомобиль на месте? Вот и ладушки. Берите его перед рассветом, размякшего. — И когда, щелкнув каблуками штатских ботинок, опер пошел к лакированной двери, отечески добавил вслед: — Если привезешь труп, можешь писать рапорт на увольнение.

Рекомендации руководства в сознании Закатова ничем не отличались от конкретных приказов: боевая группа выехала поздней ночью, на ее переломе к едва ощущаемому рассвету.

Всматриваясь в подробную карту местности, предоставленную вспомогательной службой, капитан соображал, каким образом укрыть машины и рассредоточиться в скоплении дач, обозначенных на карте неопределенным пробелом. Данные спутникового наблюдения заполучить не удалось, приходилось пользоваться имеющимися материалами.

Машины оставили в лесу. Уже рассвело, ровно побледнело небо, заволокло звезды белесой пеленой, зябкая сырость наполнила воздух. Дачный поселок казался заброшенным и глухим. В узких глинистых проулках царил сонная пустота.

«Жигули» Трофимова стояли возле гнилого забора, заляпанного сизыми, ноздреватыми бородавками древесного лишая. За забором высился дом, выкрашенный поблекшей зелененькой краской. Свисала с ржавых петель приоткрытая косая калитка.

Трое спецназовцев вошли на участок, заросший высоченной дурной травой, уже пожухлой от первых заморозков. Один караулил дорогу на выезде, укрывшись за бетонным кольцом колодца, другой остался возле машины.

Закатов нащупал рифленую рукоять пистолета в наплечной кобуре.

— Ты страхуешь под окнами, — шепнул ему в ухо командир штурмовой группы. — Я иду к двери... — Он осекся: раздался шум подъезжающих к дому машин.

Спецназовцы, не раздумывая, залегли в траву. Их примеру сметливо последовал капитан.

Хлопнула испуганно и визгливо калитка. На двор ступили трое: воинственные, в черных кожаных куртках, с перекошенными отвратительными рожами явно уголовного толка. Двое держали в руках под цевье потертые «калаши», у другого, худосочного, наголо стриженного, с узким лобиком и оттопыренными ушами, был пистолет, похожий на старый армейский «вальтер».

— Стоять, ФСБ! — выныривая из травы, скомандовал командир спецназа, направив автомат на вошедших. — Оружие бросить!

Тут же грохнул выстрел из «вальтера», без раздумий вскинутого в сторону окрика.

В следующие мгновения вся троица неловко и ватно попадала, скошенная бесшумной очередью офицера, страховавшего командира.

Закатов, впервые очутившийся в подобной передрыге, рвал из кобуры застрявший пистолет. На пятачке, где остановились машины, гремела пальба. Черные тени спецназовцев метнулись к забору, исчезли, вмявшись в землю, и сразу же сухо застучали затворы от выверенных беспламенных очередей.

Когда Закатов сообразил наконец-таки отстегнуть кожаную застежку, удерживающую оружие в кожаном чреве футляра, наступила тишина. Поднялся командир группы, сокрушенно ковыряя пальцем свинец, застрявший в бронежилете.

В доме зажегся свет. На веранду вышел коренастый мужик в длинных цветастых трусах с изображениями волка и зайца из народного мультфильма «Ну, погоди!». Потерев крепкую, коротко остриженную голову, мужик, взглядевшись в Закатова, сказал:

— Прямо-таки деревенский детектив. Или чего, открылся сезон охоты?

— Кто в доме? — остервенело ринулся к нему капитан, потрясая табельным пистолетом.

— Ну я... — ничуть не смутился мужик. — Гена, Юра... Еще гости у нас. — После, озабоченно пощупав живот, добавил: — Это грибы, точно. Всю ночь происходил неясный метеоризм. Вы проходите, — кивнул на раскрытую дверь. — Я отлучусь буквально на семнадцать мгновений. — И, не успев Закатов произнести очередную фразу, скрылся в облезлой будке неприхотливого туалета.

С первыми лучами неуклонно встающего из-за леса солнца закипела суэта оперативной страды: прибыла заспанная милиция, «труповозка», «скорая» и похмельный прокурорский чин.

Закатов начал подсчет потерь и приобретений. Из «Альфы» не пострадал никто, зато вокруг дома насчитали шесть убитых бандитов и одного подранка, голосившего на всю округу и бережно качающего простреленную ногу. В доме оказалось лишь двое субъектов: коротко остриженный невозмутимый человек, страдающий животом, и унылый сутулый тип, хозяин дачного пристанища. Трофимов исчез.

На этом сюрпризы не кончились. Сторожевой пост, оставленный на подъезде к поселку, перехватил еще одно значительное лицо: подъехавшего вслед за бандитами на личном автомобиле Укрепидзе. На участки тот не заехал, держась поодаль от агрессивных мероприятий братьев.

— Ты чего здесь? — злорадно спросил Закатов помятого спецназом милиционера. — На дележ чьей добычи прибыл?

— Выполняю обязанности по службе, — равнодушно отозвался тот. — Следуя полученным от агента данным. Агент, кстати, тот, что вопит... Ну, раненый. Он подтвердит...

— Какие еще обязанности?!

— Розыск гражданина Жукова. Мне сообщили, что он здесь. Я приехал. — Укрепидзе то и дело пробирала легкая дрожь, но голос его был ровен и тускл.

— Разберемся. И с агентом, и с тобой, — пообещал Закатов. — Увести пока.

Последующая беседа с Геннадием выявила несуразности: на вопрос, куда делись постояльцы, он ответил, что те улеглись спать на втором этаже, после чего он забылся глубоким сном и проснулся от пальбы и криков. Ничего не смог пояснить и об исчезнувшем Жукове, но, когда Закатов поведал ему о подвале с тротилом, поплел что-то о мировом масонском

заговоре, некоторые подробности которого готов открыть за гарантии личной свободы и безопасности.

Среди убитых бандитов, лежавших рядом на участке, признал авторитетного жулика Питона, с кем у него, оказывается, не сложились личные отношения.

Крепыш с короткой стрижкой бесстрастно сообщил, что оказался здесь вовсе по недоразумению, решив провести время за сбором грибов.

— Сегодня большая роса, — сказал он Закатову. — Самая погода для белых. Если вам не нужна моя помощь, пожалуй, пройдусь во-он вдоль тех березок. В прошлом году нашел там два десятка.

Тон его при этом был абсолютно безмятежен и будничен. Понять, кто это, законченный придурок или большой философ, Закатов не смог. Махнул рукой стоявшему в дверях милиционеру:

— Задержите пока...

— Может, картошечки? — спросил непробиваемый гражданин. — Осталась со вчерашнего. Давайте, чего стесняться? А то у вас и вид лица нездоровый... А если страдаете запором, пробой на корпус гарантирую, проверено только что.

— Слушай, ты! — свирепея, воскликнул Закатов.

— Я понял. У вас отсутствие аппетита.

Постепенно причины случившихся событий начали выстраиваться в понятную для Закатова схему. Он вышел на веранду, обратившись к сидевшему под конвоем Укрепидзе:

— А как бандиты вычислили этого самого Гену?

— Как и мы. По телефону. Наука, операторы сети, прогресс. Прощу, кстати, снять с меня наручники. Вы увлеклись своей значимостью, капитан.

— А вы — сомнительными связями.

— Я их обосную перед своим руководством.

— Мы тоже, только в иной интерпретации.

Поспать в этот день Закатову так и не удалось. Ближе к полудню поступила благая весть: беглого Трофимова задержали в аэропорту после проводов Нины Уитни в США. Никаких сомнительных вещей у пассажирки не обнаружилось.

Арестовали Трофимова не без помощи оставленной возле дома «наружки». Он подъехал к себе на квартиру на «Ниве», опознанной отлучившимся в соседний двор по нужде сотрудником, до сего момента наблюдавшим за квартирой Геннадия. С Трофимовым был еще один человек, но прапорщик, посланный по его следу, был час спустя найден с черепно-мозговой травмой в ближайшей подворотне. Этим неизвестным мерзавцем еще предстояло заняться.

К вечеру помятый, истаскавшийся Закатов был вновь достоин чести предстать перед заместителем директора учреждения. Выслушав его доклад, большой руководитель отчего-то особенно заинтересовался тем бредом, что нес сутулый Геннадий о всемирном правительстве и тотальном заговоре потусторонних сил. Затем горячо поблагодарил капитана за службу. Уверил, гипнотизируя осанистостью суждений, что не за горами повышение доблестного чекиста в очередном звании. Но да и только.

А к вечеру Закатова вызвал начальник отдела, сочувственно поведав о его переводе в экономический департамент, правда, на повышение. Теперь оперативный уполномоченный становился старшим оперативным уполномоченным. Дела предлагалось сдать незамедлительно и с утра оформлять перевод в управлении кадров.

«За что?!» — хотелось воскликнуть Закатову, окаменевшему от внезапной обиды.

— Не расстраивайся, все к лучшему, — умудренно сказал начальник. — В каком-то смысле это награда, я так ощущаю. Уж поверь. И прикинь на досуге... Ага?

— Но ведь остался Жуков... Потом, каким образом этот Трофимов...

— Вот дурак! — Начальник возмущенно заерзал в кресле, испуганно косясь по сторонам. — Забуди! Или ты ничего не понял? — Глаза его озлобленно округлились.

До Закатова наконец дошло: он вторгся в запретную зону высоких интересов. И дальнейший шаг в нее означает невозвратность.

— Извините, горячка инерции... — пробормотал он. — Можно спросить, какое у меня там направление?

— Таможня. — Тон шефа смягчился. — Лучше не бывает. Это тебе не усатый мент Укрепидзе... Кстати, его посылают в командировку в Нальчик. На полгода. Для укрепления рядов. С его экстерьером это что надо для Родины. А у тебя полгода пройдут, другими глазами посмотришь на жизнь. Главное, чтобы не из-за решетки, это учти... Ну все, бывай, Закатов.

Контракт

Смутное время перехода загнивающего советского социализма в стихийный российский капитализм Лев Моисеевич Труман сумел пережить, находясь в эпицентре становлений новых скоропалительных состояний, кровавого дележа рынков и политической неразберихи.

Ему не удалось войти в лигу олигархов, хотя многих из них знал лично, считаясь надежным и толковым посредником в серьезных сделках, из которых он скромно, но уверенно извлекал те или иные комиссионные. Порой внушительные

Ему никогда не хватало широты кругозора стратегических устремлений, он был тонким и умным тактиком и, превосходно сознавая это, удовлетворялся малым, но стабильным заработком, благодаря чему, вероятно, и спас свою голову в безумстве криминальных войн и разграблений прошлого народного достояния.

Когда неуклонно приумножаемое «малое» составилось в десяток миллионов долларов, Лев Моисеевич понял, что с беспокойного места обретения капитала надо уезжать в благополучные дали, к тихому домику с бирюзовым бассейном. Дочь и сын уже давно проживали в Америке, устроившись там на стабильные должности в крупных компаниях, чему немало посодействовал американский воротила Генри Уитни, поручения которого Лев Моисеевич аккуратно и вдумчиво выполнял, являясь его представителем на российской земле. Судьба свела их на одной из крупных финансовых сделок, где искусный американский делец сразу же приметил толкового и остроумного строителя контрактов, приблизив его к себе.

Прошрое Льва Моисеевича было тяжким и многотрудным, отмеченным тремя судимостями за становление нелегальных производств и мошенничество. Особенным авторитетом в уголовной среде он не пользовался, но ее лидеры, с кем ему пришлось попариться на тюремных нарах, считали его «честным фраером» и относились снисходительно, благодаря чему Труман счастливо избежал многих «наездов» с финальными огнестрельными выводами.

Тюремный быт и пребывание в кругах откровенных бандитов послужили ему лишь приобретением жизненного опыта, но никак не отразились на его сущности человека деликатного, уравновешенного и напроочь не склонного к варварству и насилию. Внешне Лев Моисеевич походил на английский аристократа в летах, хотя, в чем сам себе признавался, мыслил как шельмоватый меняла.

Прибыв на постоянное жительство в Америку и связавшись с Уитни, понял, что дальнейшего интереса для своего патрона не представляет: он был необходим ему в той, тягостной и противоречивой российской жизни, где мог сноровисто преодолеть подводные камни каверзных деловых стремнин, а здесь, в США, сиятельный миллиардер управлял сот-

ниями подобных умников, куда более искушенных в местных нравах, установках и коллизиях.

Тупо проживать в четырех стенах, изредка плескаясь в вожделенном бассейне, было не в характере Льва Моисеевича. Многочисленные друзья, обитавшие в русскоязычной общине, тут же потянули его в бизнес. И здесь самым роковым образом сказалась специфика чужеземного бытия: все проекты, видевшиеся несомненно успешными, неотягощенные ни малейшим намеком на риск, с треском провалились, унеся в пучину тонко подстроенных обманов практически все деньги многострадального коммерсанта. Остались лишь дом и миллион долларов, который Лев Моисеевич сначала решил вложить в приобретение закуской, но потом передумал из боязни утратить последнее. Эмиграция не удалась.

Уитни, которому он горестно поведал о своих деловых начинаниях на здешней коварной почве, наспигованной минами всевозможных афер, каверз и законодательных капканов, пригласил его к себе, лично ознакомившись с технологией погорелых проектов. Мгновенно уясняя их смысл, хохотал, непринужденно объясняя, каким образом в той или иной ситуации его бывшему подопечному натянули нос. В итоге, посерьезнев, сказал:

— Оставь здесь семью и поезжай в Россию. Коли ты не способен сидеть без дела, доработай на меня там. Часть потерянного я тебе верну. У меня есть определенные рычаги.

За вычетом разумного процента босс действительно возвратил ему порядочную сумму, прижав хвосты оболванившим Льва Моисеевича лукавым друзьям, а тот в свою очередь прибыл в столицу, снял скромную квартиру в центре и принялся за исполнение поручений заокеанского благодетеля.

Все шло гладко, холостую жизнь вдали от пожилой супруги скрашивали многочисленные дамы, Лев Моисеевич не отказывал себе ни в чем, однако явно слабело здоровье, подорванное в социалистических застенках за те преступления, что ныне являли собою узаконенную доблесть в развитии отечественной экономики. На что, впрочем, он особенно не сетовал, давно и покорно уяснив, что сегодняшняя норма в России уже завтра с непринужденной легкостью способна быть переквалифицирована в преступление, и наоборот.

Походив по докторам, ознакомился с неутешительным диагнозом. Светила от медицины отводили ему три-четыре года на последующее существование в вертикальном, что называется, положении. Данное известие пациент воспринял мужественно. Дети были устроены, малопритязательная супруга едва ли смогла освоить и треть из накопленных средств, и теперь предстояло несуетно дожить отведенный Богом последний срок, о чем Лев Моисеевич уведомил хозяина.

Такое известие тот воспринял сочувственно, попросив напоследок оказать ему серьезную, хорошо оплачиваемую услугу. Суть услуги пахла несомненным уголовным преследованием, но, взвесив все «про» и «контра», Лев Моисеевич выразил согласие.

Крепкий мальчик, посланец Уитни, получил на руки липовый контракт, якобы заключенный между оборонным российским холдингом, руководимым неким господином Кузнецовым, и корпорацией Уитни. Согласно контракту, один из заводов холдинга переходил к зарубежному владельцу. Далее, по легенде, американский экземпляр контракта был похищен людьми Кузнецова, решившего продать предприятие по более выгодной цене. А вернее — за куда весомую взятку. Однако в итоге исполнитель акции пустился вместе с контрактом в бега, полагая себя нежелательным свидетелем тайных игр. Из последующей логики событий он был обнаружен людьми Уитни. Очередной этап комбинации предполагал вручение контракта перевербованному порученцу Уитни, должно-му отдать документ не хозяину, а его конкурентам.

Вскоре в Москву прибыла делегация американских бизнесменов, представителей концерна Пратта. Ее появлению предшествовали звонки в специально снятый по подложным документам офис, якобы занимаемый пресловутым холдингом. Кузнецов, истинный глава подлинного холдинга, являлся партнером Уитни, и замещение его роли Львом Моисеевичем было, естественно, согласовано с физическим оригиналом. Холдинг, объединяющий несколько оборонных предприятий, стоял на грани инспирированного банкротства и вскоре должен был перейти в собственность Уитни. Таким образом, до этого рубежа предстояло инсценировать продажу одного из заводов конкурентам Уитни, подложив им увесистую свинью.

Схема аферы была естественна и банальна: предприятие отходило на сторону за сущие гроши, а господин Кузнецов получал на свой счет в офшорном островном банке многомиллионный куш.

Каверзы, как всегда, таились в деталях, но уж их Лев Моисеевич предусмотрел во всех надлежащих подробностях и оттенках.

Первая встреча с представителями западного концерна состоялась до приезда основного состава переговорщиков. Лев Моисеевич взял на себя роль озабоченного неразрешимыми проблемами бизнесмена. Выслушав уклончивые предложения гостей, нахмурил кустистые седые брови. Сказал веско:

— Не стану скрывать: у нас была договоренность с Генри Уитни. И сейчас идет процесс ее расторжения. Однако возникли непредвиденные обстоятельства. И пока они не решены, я не в состоянии вести конструктивные переговоры.

— Вы не можете найти человека, в руках у которого прежний контракт? — спросил его вальяжный черноволосый американец, похожий по повадкам на опытного детектива.

— Скажем, так... — нахмурился Лев Моисеевич.

— Люди порой пугаются своих поступков, — сочувственно произнес собеседник. — А также не доверяют тем, кто таковые поступки заказывал...

Лев Моисеевич неопределенно и скорбно качнул головой.

— Однако мы решили вашу проблему, — сказал американец. — Если хотите, это жест нашей доброй воли... — Он раскрыл папку, положив на стол документ.

Лев Моисеевич, обладавший незаурядным актерским талантом, неторопливо надел очки, а затем ошеломленно впился глазами в знакомый текст, состряпанный им же неделю назад.

Собеседники явно наслаждались его растерянностью.

— Как... — потерянно оглядевшись, выдавил он и судорожно потянулся к стакану с водой. — Откуда у вас это? Мы сбились с ног...

— Теперь вы убедились, что имеете дело с надежными партнерами? — донеслось до него с покровительственным смешком.

— Я...

— У нас лишь один невыясненный до конца вопрос, — продолжил ловкий брюнет. — В чем заключался ваш конфликт с Уитни?

— Да все очень просто, — небрежно произнес Лев Моисеевич, убирая бумагу в портфель. — Он отчего-то начал затягивать выплату основной суммы... Вы понимаете, о чем идет речь... Мы в свою очередь блокировали расчет по основному договору, изменив реквизиты. История не могла тянуться бесконечно... Уитни, кстати, ничем не рисковал. Его права на предприятие были бы очевидны для любого суда. Однако он предпочел пуститься в торги вместо выполнения оговоренных обязательств. Мы приняли определенного рода действия. Скажем, не совсем джентльменские... Кроме того, исполнитель также не отличался существенной благонадежностью... Но такова жизнь! Впрочем, сейчас это принадлежит истории.

— Ах, вот как! А мы полагали, что цену решили задним числом набить вы...

— Я полагаю, так считает Уитни. Лживые рассказы.

— В любом случае, — очаровательно улыбнулся брюнет, — с нашим контрактом такого не произойдет. Поверьте, мы куда более осмотрительны. И главное, добропорядочны.

— Вы не оставили мне сомнений... — Благородное лицо Льва Моисеевича выражало безусловную почтительность с налетом суровой убежденности в правоте гостей.

Последующую встречу заокеанских партнеров обставили с помпой. Были приглашены даже деятели с телевидения и радио, имитирующие разнообразные интервью и с усердием запечатлевшие гостей. Отснятые пленки, естественно, перекочевали ко Льву Моисеевичу. После экскурсии на завод, где в своем рабочем кабинете, снятом в аренду подставной компанией, мошенники напоили гостей шампанским, началась работа над документацией. Данный процесс был перенесен из непритязательных производственных стен в уют фешенебельного офиса с длинноногими секретаршами, тем паче визит иностранцев на предприятие шифровался для ничего не ведающих работников как ознакомление возможных инвесторов с реалиями российского промышленного базиса. Лев Моисеевич превосходным образом представлял себе перипетии маячившего в скором будущем уголовного следствия. Темная сторона сделки была недоказуема, но деньги, переведенные по основному контракту, предстояло похитить, а потому статья о мошенничестве в особо крупных вырисовывалась для него однозначно. Как, впрочем, и скорый отъезд в зарубежные дали, к последнему приюту.

Итогом переговоров стала кулуарная беседа Льва Моисеевича с сияющими от удовольствия потерпевшими.

— Новый управляющий придет через неделю, — сообщили ему. — Деньги перечислены, вот копии банковских проводок. Чем собираетесь заниматься, господин Кузнецов?

— Думать о душе, дорогие мои.

Генри Уитни

Моя несносная любимая дочурка, похоже, решила устроить мне обширный инфаркт. Подлая, скрытная девка! С непомерной заносчивостью и безрассудной дурью. Ее путешествие в Россию к этому негодяю, вползшему подлой змеей в дом, привело меня в иступление. И когда только сумели снюхаться, он и был-то здесь считанные дни... Прыткий малый, признаться. Но главное, исполнитель, отправившийся за его головой, мог бы запросто приплюсовать к своему заданию попавшуюся под руку Нину, обретавшуюся под одной крышей с объектом устранения.

У меня существует немалое подозрение, что об этих шашнях прекрасно осведомлена Барбара, покрывавшая и эту порочную связь, и последующий любовный туризм с авантюрным оттенком, предтечу свадебного путешествия, ха-ха. Впрочем, чем черт не шутит, и с такими мыслями следует быть осторожнее. Плохие идеи запросто материализуются в скверные события.

Я брожу по дому мрачный, как осматривающий свой замок демон. У ниши, где некогда высился элегантный стеклянный стеллаж с ушедшими в небытие клоунами, невольно останавливаюсь. Вот наглядное подтверждение зловерности этого парня. Пусть бы и в самом деле ему пробили башку. Всех спасает моя доброта.

Я смотрю на часы. Нина уже вылетела в Нью-Йорк. К вечеру она будет здесь, и я устрою ей незабываемый бэмс. Меня распирает от предвкушения.

Барбара уехала навестить увечного Майка, лежащего в госпитале с переломом бедра и ключицы, Кнопш запишет их трогательную беседу. Если

всплывет нечто сомнительное, немедленно разведусь, все надоело! Уйду к Алисе. Хотя — блажь, конечно.

Марвин в школе. Я прохожу в его милую детскую комнатку. Аляповатые рисунки на стенах, разбросанные по полу игрушки... Встревоженная душа нехотя умиляется.

В дверь просовывается голова Клэр в кружевной крахмальной короне.
— Вы просили чай, сэр...

Раздается звонок «московского» телефона. Это, должно быть, Эверхарт. Но вот сюрприз, мне звонит русский паркетчик. Твердит корявые фразы, явно читая с бумаги, и я, холодея от ненависти к этому проходимцу, понимаю, что он провел Роланда, диски по-прежнему неизвестно где, и вероятна любая провокация. С другой стороны, он просит о въездной визе в США, обещая вернуть все, включая похищенные деньги. На шантаж не похоже. Значит, в России ему приходится несладко, и он напуган возможностью безжалостного возмездия. Если бы так.

Приезжает Барбара. Я вижу в окно, как она выходит из машины и скрывается под навесом парадного входа.

Некоторое время томлюсь от переизбытка бушующих во мне неприязненных чувств. Затем прохожу в ее комнату. Барбара сидит на низком диванчике, копаясь в своей сумке.

— Где была? — спрашиваю мирным голосом.

— Ездил к Майку, — говорит она. — У тебя ведь нет времени навестить своего работника. Кстати, прикрывшего ваше величество своим телом.

У меня так и чешется язык вульгарно обыграть произнесенную ей фразу, вывернув ее смысл в намек на их сомнительные, с моей точки зрения, отношения, но я избегаю искушения.

Сказать ей о кассете?

— Нина скоро должна прилететь, я послал людей встретить ее, — говорю сквозь зубы.

— Приятно, что у тебя наконец-таки нашлось время позаботиться о родной дочери, — отвечает она.

Ах, неблагодарная язва! Горло мне обжигает желчь.

— Зато ты готова ее утробить! — заявляю я с горячностью. — Ты ворковала с ней каждый вечер, зная, что она не в Париже, а развлекается в постели с этим ублюдком в Москве! И не надо мне врать, будто бы ничего не ведала!

— Не ведала, — спокойно подтверждает она, глядя мне прямо в глаза. — Но я не осуждаю девочку. Ты никогда не старался понять ее, ты лишь отмахивался, когда она пыталась с тобой чем-то поделиться. Ты у нас важная персона, как же! Зачем тебе наши мелкие переживания? Ты вершишь судьбы страны в компании своих шарлатанов! А теперь все, милый, она повзрослела, и с этим — смирись! Жаль только, что в ней еще остался детский страх перед тобой, поэтому она и сочиняла про поездку в Париж. А я бы послала все куда подальше и поехала к этому парню весело и открыто, вот так!

Мне на ум тотчас приходит несколько горячих ответов, но я вновь сдерживаюсь, сверля ее взглядом.

— И не смотри на меня так, здесь это не действует, гипнотизируй других, — продолжает она.

— Ты не понимаешь, я забочусь о ее счастье, — произношу жалким голосом.

— Ты заботишься не о ее счастье, а о своем, — отвечает жена. — Лишь бы тебя ничто не беспокоило. Тебе ни до кого нет дела, а то я не знаю.

— А кому из вас есть дело до меня?! До того, кто только и печется о вашем благоденствии! Кто, кто меня здесь хоть чуточку любит, скажи!

— Мы все любим тебя, и ты это прекрасно знаешь, — говорит она, и я сознаю, что это, увы, правда. Правда и то, что дети даже не знают, кто я. Жена тоже.

— С трудом верится... — произношу механически.

— Ты в постоянном озлоблении, ты срываешься на нас по поводу и без повода, ты не готов порадовать меня даже таким пустяком, как букет цветов...

И это верно. Нелегко быть добрым и радовать жену, если думаешь о смерти, убийствах, изменах и разводе.

— Ты сбросил меня и детей со счетов, списал нас в архив, точно старые документы, которые тебя уже не касаются!

— От разговоров, какие вы несчастные, я сам начинаю чувствовать себя несчастным! — срываюсь на крик. — Я списал детей в архив?! Я постоянно думаю о них! Поэтому Нина будет сегодня здесь! Я настоял на этом!

Выхожу из комнаты, и мне докладывают, что прибыл Кнопш.

Мы запираемся с ним в кабинете. Я открываю окно и с демонстративным неудовольствием ставлю перед ним пепельницу. С праздными целями он бы сюда не появился. Значит, случилось нечто значительное.

Он незамедлительно закуривает, изрекая через покашливание:

— Совершенно съехали с ума с этими сигаретами. Скоро дымить можно будет лишь в собственном сортире.

— Но это же действительно гадость, — говорю я. — Ознакомься с перечислением разного рода заболеваний...

— Все правильно, но полвека назад к этому относились как сегодня к кока-коле. Кстати, не удивлюсь, если и ее запретят. Так вот. Попробуй покурить полвека и бросить в один день по распоряжению свыше. Но ладно бы табак... Выпивка теперь тоже не в чести. За бутылку пива в машине можно угодить в тюрьму. Дойдет до того, что скоро без брачного свидетельства нельзя будет переспать ни с одной бабой. И где же наша хваленая демократия?

— Демократия, дешевые курево и алкоголь нужны в других странах, — говорю я. — Вот там за наличие демократии, то есть народовластия, мы ратуем постоянно. Демократия — инструмент разрушения государственности. И этим инструментом можно распотрошить любого врага.

В этом Кнопш со мной безраздельно согласен, что и выказывает своей скупой, непримиримой мимикой.

Из кармана пиджака он достает прозрачную пластиковую коробочку. В ней — диск.

Проверив, закрыта ли дверь кабинета, включаю проигрыватель.

Действие, происходящее на экране, бросает меня в пот. Фигурантов двое: Большой Босс и сын Пратта. Оба в пиджаках, но со спущенными брюками. События развиваются в комнате, примыкающей к кабинету водителя нашей шайки. Роль его, на мой взгляд, незavidна.

Отрывки доносящихся рыков и хрипов заставляют меня поморщиться, как от тухлятины. Погибшие души, добыча дьявола. Сумевшие все свои добродетели обратить в пороки. Отвратительная сцена. Но я вдумчиво досматриваю до конца.

— Вот и все, — говорит Кнопш. — Затея удалась. Самым неожиданным образом. Я сделал пару дубликатов, вдруг пригодятся?

— Надеюсь, — я еще не в состоянии осознать всю силу пришедших мне в руки козырей. Пока отстраненно понимаю лишь одно: пусть эту запись даже внутри Совета, Большой Босс станет Большим Посмешищем и будут по-новому сданы все карты.

Если бы я получил этот материал, будучи иностранным шпионом, все наши геополитические планы провалились бы в дряблую задницу Большого Босса, сгинув там без следа. И он бы справился с такой нагрузкой! Творчески переработав ее. И, действуя по наущению и указке всезнающего врага, вывернул бы наизнанку всю мировую ситуацию. И я великолепно представляю себе его глашатая, родного придурковатого президента, живо и страстно опровергающего наши вчерашние инициативы и уст-

ремления во благо якобы нации, а на самом деле — на руку взявшему нас за горло противнику. Хотя какое там горло...

— Ну, как тебе? — вопрошает Кнопш. Он ждет восторгов и благодарности.

— Ничего нового, — отвечаю я. — Но фактура забавная. Думаю, свое применение она способна найти.

Карл разочарован моей реакцией, но я не собираюсь восторгаться достижениями подчиненных. Это плохо влияет на дисциплину и подталкивает к панибратству. Кстати, Кнопш следует аналогичной манере. Он все-таки умница.

— Надо выводить Бетти из игры, — говорю я. — Дело сделано.

— Проще пожертвовать... — отзывается Кнопш. — Зачем нам изменники? Предавший единожды предаст снова.

— У меня есть моральные обязательства перед этой дурочкой. Отправь ее в Англию, в наш тамошний офис свободно место референта.

— Это ее спасет? — ухмыляется Кнопш.

— Хотя бы на первых порах...

— Мне расценивать ее как агента на перспективу?

Я киваю.

— А что делать с Ричардом?

— Примем обратно. Вернее, сделаем вид, будто ничего не произошло. Он наврал мне о необходимости отпуска и снова отбыл в Москву. Любоваться славянскими ценностями. Контракт вот-вот будет подписан, он скоро вернется и пусть приступает к своим обязанностям. Обеспечь ему вакуум. Афера с заводом вскроется буквально на днях, и мы посмотрим, как с него будут спускать шкуру...

— Думаю, он вовремя поймет свою роль подкидного дурака, — возражает Кнопш. — И попытается смыться.

— Возможность такой попытки — моя премия за его предыдущие труды, — говорю я. — Со временем он это оценит. Но ему, конечно, не позавидуешь.

Кнопш передает мне другой диск. Бормочет смущенно:

— Встреча вашей жены с этим... Охранником. — И покидает меня.

Собравшись с духом, смотрю запись.

Больница, капельница, все очень знакомо, тем более травмы еще мучают меня. На кровати Майк. Глаза, обращенные на Барбару, светятся любовью.

— Я так благодарен вам, миссис Уитни, — произносит он. — Вы замечательная женщина. И так похожи на мою покойную мать... Ваша улыбка, глаза... Ваш голос... Какая-то мистика! Я рассказывал о вас моей невесте, и мы решили, что вы станете крестной наших детей. И еще я мечтаю, чтобы крестным стал и мистер Уитни. Как вы думаете, он пойдет навстречу?

Выключаю проигрыватель. Я красен от стыда. У меня большое воображение. Идиот. Завтра же навещу этого парня, и в самом деле спасшего мне жизнь. Я — скотина! Мерзкое, злобное существо, вонючий гоблин.

Стук в дверь. Это охранник.

— Машина подана, сэр...

Спыхватываюсь. Через полчаса похороны Уильяма, жертвы инфаркта. Мне непременно стоит на них присутствовать. Пройгнорировать — значит дать пищу для скользких размышлений недружественным умам. Эти русские гангстеры весьма добросовестно выполнили свою миссию, а я немало опасался кривотолков и всякого рода домыслов по поводу кончины главы секретного ведомства. Теперь он числится в моей картотеке несчастных случаев. Пышное расследование окончилось ничем. Но некоторые многозначительные взоры посвященных в наши отношения лиц я на себе поймал. Что, впрочем, к лучшему. Подобного рода подозрения охлаждают пыл многих недругов. Теперь наступила пора разобраться с Прат-

том. Люди Тони и русские злодеи должны решить данную задачу в ближайшее время. Алиса уже стонет, ей скучно скрываться в Доминикане — среди прислуги, орхидей и бирюзового моря. Мне бы ее проблемы. Хотя — как сказать...

Еду в скорбный приют. С унылым лицом здороваюсь с толпящимися у могилы родственниками покойного, запечатляю иудин поцелуй на зятянутой в черную прозрачную перчатку руке вдовы, рассеянно киваю хмурым соратникам. Смотрю на гроб, скрывающийся в глубине ямы. Прощай, Уильям. На душе грустно и горько. В первую очередь потому, что подобное ждет и меня.

Возвращаюсь к машине.

Кладбище старое, огромное, ухоженное и торжественное. Над аллеями сцепились сучья вековых деревьев. Порхает по зеленым лужайкам палый кленовый лист, сухая багряная бабочка. Суровы замшелые склепы. Изъеденный камень древних могил первых переселенцев хранит тайны. Загадки ушедших времен. Живущие в снах мертвых.

Тогда здесь еще не было Америки. Америку мы придумали позже.

Я еду на совещание в офис, затем происходит пара незначительных встреч, а после посылаю нарочного с двумя пакетами для личного вручения адресатам: один предназначен Пратту, другой — Большому Боссу. В пакетах — диски с увлекательным скабрёзным сюжетом.

Теперь следует ждать реакции. От ожидания холодит под ложечкой. Это страх. Что есть страх? Отсутствие информации.

Домой прибываю поздним вечером. Сразу же справляюсь у Барбары, где Нина. Я настроен на дружеский, спокойный разговор с ней. Кстати, мне весьма любопытно узнать, что происходило в Москве.

— Она спит, не тревожь ее, — говорит Барбара.

Симпатий по отношению к моей персоне в ее голосе я не обнаруживаю и оттого чувствую себя виноватым.

— А давай-ка поедем в ресторан! — предлагаю задушевно. — Сколько времени не ужинали вместе!

— У меня болит голова, — отвечает она сухо. — И вообще, твои внезапные предложения, как всегда, некстати.

Я проглатываю обиду.

— А может, выпьем по бокалу вина? Клэр, кстати, приготовила торт. Такого не купишь, в этом деле она мастерица.

— Мне нехорошо от вина. И у меня повысился сахар, ты забыл.

Голова у нее болит постоянно. От вина ее тошнит, сладкого она не может. Так что жизнь у меня не простая.

Пожимаю плечами и ухожу к себе в кабинет.

Сижу в кресле, бездумно глядя на золоченые корешки книг в высоких, сумрачных стеллажах.

Поздний телефонный звонок пугает меня своей неожиданной громогласной трелью.

— И что означает этот выпад, Генри? — дышит арктическим льдом голос Большого Босса.

Это он о полученном пакете.

— Всего лишь пожелание дружбы и паритета, — отвечаю я. — Их гарантии согреют мне душу.

— Воду мутит Уильям, — говорит Большой Босс с запинкой. — Поверь, он сильно давил на меня. Но сейчас его люди хотят переместиться под ваше крыло...

Это похоже на притупляющую бдительность ложь. Расхожий прием, хорошо мне известный. Одновременно в такой формулировке неявный намек, что меня способны урезонить навеки холодные мальчишки из ЦРУ.

— Готов взять на себя часть обязательств покойного, — отзываюсь я. — Лишь бы это пошло на пользу Совета и лично вам.

— Я полагаюсь на ваш разум, Генри, — выносит резюме наш главарь. — Кстати, готов вернуться к предложению о вашей новой роли в организации...

— Мне куда удобнее работать под вашей опекой, — парирую я.

Прощаемся мы по-товарищески тепло.

— Да, кстати, — сообщается мне, когда я уже собираюсь класть трубку. — Час назад застрелился Пратт.

— Это с чего? — спрашиваю я, хотя «с чего», понимаю прекрасно. Его сгубили консерватизм и крайняя узость взглядов.

— Сразу же после похорон Уильяма, — равнодушно поясняет Большой Босс. — Еще не успели пожелтеть одни газетные некрологи, на смену им... Причуды психики, не иначе. Античная драма. Вам следует помочь его супруге разобраться с делами, ей переходит значительная часть акций концерна. Думаю, ваше участие найдет благую оценку даже в самых предвзятых умах.

— У него надо изъять диск...

— Я уже позаботился.

Звоню Алисе.

— Все в порядке, ты можешь возвращаться, — сообщаю, не вдаваясь в подробности.

— Да, я уже знаю, — скорбным голосом отвечает она. — Какая трагедия!

Кладу трубку. Через день-два опять плестись на эти ужасные похороны. Они угнетают меня. Они уносят часть моей жизни. Я всегда обязан разделять чье-то горе.

Незавидна доля.

Совещание Совета. После 11.09.2001 г.

— ...и давайте укротим неуместные здесь эмоции. Да, удар нанесен в самое сердце Америки, он грандиозен в своей зрелищности, подразумевает покушение на гаранта мировой безопасности и процветания, на планетарную стабильность, в том числе — социально-психологическую, но ведь, по сути, это булавочный укол в сравнении с тем, если бы события развивались в прежнем направлении. Мы пустили их поток вспять, и тому есть явные доказательства. Что у нас на бирже? Что за стоны о каком-то кризисе?

— Ситуация обнадеживающая. NASDAQ падает, но весьма плавно. Что же касается кризиса, я бы охарактеризовал его как временный сбой. В нем нет системности и лихорадки, он более схож с деформациями от влияния внешних факторов, вполне оправданных и понятных как бизнесу, так и населению. Паники, как мы и полагали, никакой. О критическом состоянии экономики речи никто не ведет. Все воспринимается как естественное следствие произошедшей встряски. Люди сейчас прикованы к телевизорам в ожидании нашего ответа экстремизму и куда более озабочены не умозрительными индексами, а тем, когда мы выловим негодяя Бен Ладена. Усиление внутренних мер воспринимается с воодушевлением, их критика — вне общественного мнения. Мы получили существенную передышку.

— Главное, что проблема трещины между виртуальной и реальной экономикой ушла на второй план.

— Да, но эта трещина хотя и сузилась, ее упорная маскировка — не самая правильная задача.

— На день сегодняшний это актуальная и самая первая задача. Мы должны сохранить экономический порядок в обществе. И кстати, сейчас вполне уместен контроль над тем, как сбрасываются акции. В каком объеме, под каким предлогом... Тут можно кое-кого приструнить, дав определенного рода огласку в прессе... Это положительно повлияет на народный

патриотизм и, соответственно, на стабильность рынка. В первую очередь рынка деривативов.

— Абсолютно согласен. Начнись суматоха, пострадают корпорации, а не мелкие акционеры. Вспомните токийский кризис. Публика осталась при своем, а положение в национальной экономике едва не дошло до разрухи.

— Смело могу заявить, что ситуацию на фондовом рынке мы кардинально поправили. Теперь ее надо улучшить. Президент должен объявить о чрезвычайных мерах по предотвращению кризиса. В свете случившихся событий это прозвучит вполне логично.

— Теракты не влияют на экономические кризисы. Но впрочем... В демагогии нас постесняются упрекнуть. А в качестве чрезвычайных мер вы имеете в виду привлечение бюджетных средств?

— Естественно. Расчет показывает, что девяносто или же девяносто пять миллиардов здесь хватит...

— Не уверен, что это покроет весь дефицит, до одиннадцатого мы находились практически в фатальной стадии упадка.

— По крайней мере, убытки от нанесенного ущерба на фоне этих цифр меркнут, простите за неуместный юмор. Не побоюсь далее сказать, что с обрушением этих башен мы извлекли выгоду. Причем разноплановую. Теперь наращивание военной мощи вполне оправданно, мы даем стимул развитию ВПК. Причем любой оппонент при этом будет оплеван международным общественным мнением. А ВПК и его отрасли, господа, ядро нашей реальной экономики.

— Не вызовет ли это шума в стане крайних либералов?

— Помилуйте, что они значат? К тому же у нас есть опыт. Вспомните Пёрл-Харбор. Тогда мы перевели все ударные промышленные силы в сектор обороны, получив самые благоприятные результаты. Следующую волну упадка погасило противостояние с СССР. Внешняя угроза — надежный спасательный круг. И надо его раскрасить самыми привлекательными красками.

— Вы вспомнили времена «холодной войны» очень кстати. Союзники в той или иной форме платили нам за ядерную защиту. Сейчас мы должны внедрить подобную же методу. Если мы защищаем мир от глобального терроризма, объявившего всем Третью мировую войну, надо нести общие расходы. По крайней мере, оказывать поддержку лидеру движения, должному крепить свою силу. Наши политические и экономические недоразумения с Европой, таким образом, затормозятся. Как и ее устремления к автономии.

— Замечу, что это способно также повлиять и на контакты европейцев с Россией и Востоком. Из них произрастают опасные для нас тенденции. Но мы не можем использовать лишь инструмент упреков неговорчивых сторон за их якобы пособничество террористам на том или ином направлении, нам необходимы самые решительные действия...

— При чем здесь упреки? Если миру объявлена война, именно логикой военного времени мы и должны руководствоваться. Наша планетарная глобальная функция должна быть бесспорной. Мы исключили с самого начала и для всех любой выбор и нейтралитет. Уже заявлено: тот, кто не с нами, тот с террористами. Да, это влияет на эволюционное развитие геополитических субъектов и их взаимосвязи, что разрушает многополярный ансамбль, но с этим им придется смириться. Тем более главные наши угрозы до сентябрьских событий таились именно среди тех, с кем сейчас мы создаем коалицию. А насчет решительных действий... Я полагаю, что мусульманская составляющая в Европе нарастает, а потому волнения и разброд неизбежны. Как и наше миротворческое вмешательство. Надо понять, что любые конфликты за океаном положительно скажутся на нашей доминации и способны устранить многих конкурентов. А вот отсутствие горячих ситуаций — наоборот. В итоге же мы обязаны получить право безоговорочной интервенции в любую страну.

— Но не забывайте, что кроме территориальных врагов нам нужны и экстерриториальные. Бен Ладен с его бандой — выразительный образ этого вездесущего зла. И чем более он зыбок, тем лучше. Эта дымовая завеса должна висеть постоянно.

— Но в этом вопросе придется изрядно потрудиться. Многое необходимо обосновать. Сегодняшний противник слишком хлипкий для нас, чтобы обыватель объективно воспринимал его всерьез. Он маргинален, его геополитический потенциал ничтожен, помимо того, всем известно, что мы его породили и неоднократно использовали в той же афганской войне против русских и для всякого рода смут на Кавказе и в Средней Азии... Мы должны удалить элемент фикции. И поведать о наличии неких ловких схем финансирования экстремистов. Согласитесь, смешно говорить о тайных перемещениях через банки сколь-нибудь значительных капиталов, не способных подлежать никакому выявлению...

— Почему? Положите в банк десять тысяч долларов наличными, и вас тут же возьмут за горло. А некоторые наши ребята вполне успешно вгоняют в свои банковские активы десятки миллионов из кокаиновой Колумбии. Теми же наличными.

— Не путайте приоритеты. В провал предвзятого профильного расследования не поверит и ребенок. Кстати, тотальный контроль в банковской сфере нам будет весьма на руку, и о нем надлежит торжественно заявить. Интересы трудящихся масс это не ущемит, напротив, найдет в них понимание. Если хотите, таковое действие даже демократично.

— Я перебыю. Это тактические вопросы, сейчас нам необходимо обсудить главное: наши требования к основным зарубежным субъектам. Для Евросоюза и Тихоокеанского региона приоритетная задача — блокирование диверсификации валютных вкладов и поддержка долларовых активов, оплата военных расходов коалиции, подготовка общественного мнения о необходимости похода на Ближний Восток. России надо пригрозить экономическим давлением и зачислением в изгой, если она не ликвидирует свои военные базы за пределами собственных границ, в первую очередь на территориях бывших республик Советов. Кстати, русские самыми первыми выразили нам свое почтение и солидарность, упредив некоторые весьма перспективные наши маневры в их отношении...

— Уместны деликатные переговоры с Китаем...

— Да, тут особенно не нажать, но о проблемах в Синьцзянь-Уйгурском округе их надо поставить в известность. А вот с бывшими советскими республиками нужды церемониться нет. Они — младшие партнеры в новой коалиции, а значит, безоговорочно подчиняются старшим — тем, кто за них отвечает и заботится. А вхождение в какие-либо иные клубы недопустимо не только для них, но и для всех.

— Если бы мы запоздали с действиями, то как раз подобного рода клубы стали бы неодолимой преградой в нашей сегодняшней консолидации. Мы очень вовремя успели вмешаться в процесс медлительной, раздробленной эволюции! Если бы она набрала силу и общность, наша гегемония оказалась бы под вопросом. Борьбой с терроризмом занимался бы целый мировой коллектив, инициатива была бы планетарной.

— И повсеместно гласной, заметьте.

— Не в этом дело. Если бы наши партнеры были сплочены в геополитике, то через неделю после акции мы бы опять оказались в том же капкане, в котором сидели до одиннадцатого. А спустя какое-то время принимали бы гуманитарную помощь со всего мира.

— Вы знаете, что напоминает мне наш лозунг: «Все на борьбу с терроризмом!»? Очень похоже на «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», вы не находите?

— В том смысле, что и то и другое весьма расплывчато?

— Суть лозунга о пролетариях тем не менее уясняли почти что век... Но так и не уяснили. В итоге махнули рукой, тем дело и завершилось.

- Не будем обнадеживаться чужими успехами.
- Почему же они чужие?..

Максим Трофимов

Даже при аресте со мной обращались вежливо, без единого оскорбления и тычка. Отвезли не в тюрьму, а на какой-то загородный секретный объект, где, впрочем, имелась стандартная камера с решеткой на оконце размером с ладонь и с солдатской койкой, застеленной чистым бельем.

Вечером двое конвойных отвели меня в кабинет, где начался допрос.

Допрос вел явно не рядовой следователь, а офицер высокого звания, не удивлюсь, если и генеральского. Лет за пятьдесят, но моложавый, подтянутый и крайне корректный. Некто Анатолий Иванович, если данное имя не вымысел.

Я рассказывал все, как есть, ничего не тая. Собственно, скрывать что-либо не имело ни малейшего смысла. За рамками исповеди остался лишь контакт со Львом Моисеевичем, ибо мне не хотелось вовлекать в свои личные передрыги безвинного человека. Также я опустил факт отданных Укрепидзе взяток: в конце концов, тот ничего не вымогал, и деньги давались ему по нашей с Ричардом инициативе.

Допрос, впрочем, проходил без протокола, в форме непринужденного разговора под запись, с чаем и даже с пряниками.

— А какого рода информация была на этих дисках, вы знали? — спросил Анатолий Иванович.

— Понятия не имею. Даже не интересовался. Если хотите продублировать мои ответы через полиграф, всегда готов.

— Спасибо за подсказку, — мягко улыбнулся он. — То есть Жуков передал вам материалы, и на том дело закончилось.

— Дело закончилось, когда я оказался перед вами, — ответил я. — И чувствую, с этого момента начинается следующее.

— Вполне вероятно, — согласился следователь. — Тем более, как понимаю, у вас перспективные отношения с Ниной Уитни и вы готовы их продолжить?

— Вы хотите заслать меня в тыл врага?

— Мы не враги, а партнеры, — с прежней улыбкой произнес он. — А вы — профессиональный человек, в погонах, с богатым боевым опытом...

— Это предложение? Или вам нужна моя реакция на него?

— Нужна реакция.

— Я подумаю, потому что знаю, сколько согласований предшествует такого рода вербовке. И сколько столкнется мнений. Одно из них, кстати, мое. Еще не созревшее. — Я хотел прибавить, что его скользкая затея мне явно не по душе, но, естественно, удержался.

— А какого разрешения ситуации хотелось бы вам? — спросил Анатолий Иванович.

И это был интересный вопрос. Я всерьез призадумался. Потом сказал:

— Готов вернуться в Чечню. Или туда, где стреляют. Стремящихся побывать в тех краях немного. А толку от меня там будет больше, чем на нарах.

— А у вас что, имеется острое желание лезть под пули?

— А чего я еще умею?

— Вам теперь привились навыки в искусстве наружного наблюдения, к примеру...

— Это скучно. Но если таким образом я компенсирую тюремный срок, то готов.

Двое последующих суток я провел в камере, читая газеты.

Очередным утром меня отвезли в комендатуру ГРУ, сдав с рук на руки. Вернули деньги, банковскую карточку и телефон.

Через полчаса я стоял навтыжку перед начальником нашего управления кадров.

Безразличным голосом тот проинформировал меня о понижении в звании за неосторожное обращение с табельным оружием, имея в виду, как понимаю, инцидент, произошедший на даче, а после приказал оформлять командировку на место прохождения службы.

Один день отводился на сборы и прощание с мамой. Встречу и прощание. День сегодняшний.

Со мной поступили бережно. Как с погнутым гвоздем. Распрямили, прикинули на глазок — подходящ ли? — и установили под удар бестрепетного молотка.

Выскользнуть из умело державших меня рук я не пытался.

Предварительно, через секретаря, директор ФСБ попросил у президента разрешения задержаться после совещания Совета безопасности. Предстояло оговорить несколько келейных вопросов.

Соблюдая протокол, он вышел вместе со всеми из кабинета, раскланялся, перебросился парой слов с шефом внешней разведки и министром внутренних дел и остался в секретариате, принужденный к тому якобы важным звонком.

Когда коллеги исчезли за дверью, выждал минуту, а после раскрыл ведущую в святилище дверь.

Президент по-прежнему оставался в кресле, незряче глядя на вернувшегося соратника.

Директор стеснительно кашлянул. Их связывали давние теплые отношения, оставшиеся по-прежнему доверительными и прочными, но он отчетливо понимал всю разделявшую их ныне пропасть. Пропать между хозяином и инструментом хозяина.

Хозяину он не завидовал. Вернее, его власти. Он видел, как она иссушала и ломала его, непоправимо разрушая и старя, как жестокий коварный наркотик, уже необходимый.

Он сам обладал немалой властью, но его мера ответственности была формальна, а сидящий перед ним человек отвечал за все, на нем перекрещивались, сталкиваясь, бездны энергий этой страны, ее надежды, трагедии, вожеления и разочарования. Он назывался президентом, но, по сути народной неубиенной традиции, был царем. В актуальной же ипостаси — царь-менеджер.

За чередой почивавших на лаврах бездарных властителей, опиравшихся на фундамент коммунистической государственности, незыблемо стояла фигура создателя, человека в шинели, с уса­тым лицом. Злодея, умевшего править, карать и созидать, содрогая массы послушных ему миллионов человеческих существ. Ныне фундамент распался. Его осколками цементировал, складывая неуверенной, но старательной рукой, нынешний владыка. Алчная камарилья управителей и помощников взирала на его труды с подобострастным уважением. Вокруг бушевали, лопа­ясь мыльными пузырями, политические страсти. Если ранее политикой занимался тиран, а все остальные работали, то теперь политикой занимались все кому не лень, предоставляя работать главенствующей персоне.

Шеф госбезопасности искренне сочувствовал президенту. Он отвечал за страну, извечно окруженную врагами, но теперь к ним примыкали те, кто ранее являлся ее частью. А что опаснее друга, ставшего врагом? Или врага, с кем необходимо дружить?

Обсудили вопросы, касавшиеся разоблаченной на контактах с агентами посольской английской резидентуры.

— Ну, пните их бережно, — сказал президент. — Время от времени надо показывать зубы. Но без обозначения внутренних источников. Имею в виду прессу.

— Теперь по поводу того материала, что я вам передал, — осторожно сказал директор. — Там была сопроводительная записка, перевод речи...

— Я посмотрел, да. — Президент, расправляя плечи, откинулся на округлую спинку кресла. — Ну... Я так понимаю, что это обрывок какого-то разговора. Про давние сентябрьские события. Между уважаемыми людьми. Странно, что это пришло не из разведки, а от вас. Впрочем, молодцы, работаете... Но разговор-то, в общем, оценочный, он ни о чем... А когда состоялся, вообще неясно, календарь там на стенке не висел. Я... не вижу в этом полезной для нас информации.

В возникшей паузе был ответ: развитие темы по меньшей мере не отвечает высшим политическим соображениям.

Президент ждал отклика от собеседника, но тот предпочел стеснительно улыбнуться, опустив глаза долу.

Он подумал, что ему в общем-то исторически везет, представив себя Абакумовым на приеме у Сталина, где любое праздное слово означало безвозвратный шаг в пропасть, который, впрочем, в итоге случился. Ему же было куда легче. Неосторожная инициатива или повышенная осведомленность означала лишь перемещение по ветвям номенклатурного древа, но и только.

— Есть более существенные материалы? — догадливо спросил президент. В нем оставалась живая, просчитывающая перспективные варианты суть бывшего опера из разведки.

— Мы постараемся их достать.

— Если они будут такого же общего толка, то в их практическом применении я не уверен. — У президента сосредоточенно, до обозначившихся скул, охолодело лицо, а взгляд отстраненно и вдумчиво ушел в сторону. Казалось, он взирает на поверженного хладнокровным приемом противника. — Прикиньте сами — что это, по сути? Безнравственные технические записи. А их последующая провокационная интерпретация... Да еще с нашей территории... Кому это надо?

— Ну, с таким вопросом я просто вынужден обратиться к вам, поймите правильно... Не сообщить — ошибка, сообщить... — Шеф госбезопасности смущенно пожал плечами.

Взгляд президента потеплел. И сам он стал на какое-то мгновение прежним, не богоподобным, человеческим, с кем в бережно забытой ими действительности они могли выпить пива и непринужденно обсудить, что за чертовщина творится в стране с ее бездарным руководством и разнузданными порядками.

— Тебе нужен совет? — спросил президент. — Отошли эту бодягу кому следует. С надписью: «Копий нет». Это ход, это благородно. И запомни: чем лучше зрение, тем на большее приходится закрывать глаза. К тому же мы не вечны, а они... Они, в общем, тоже. Но есть мотылек и есть ястреб. Оба с крыльями, оба летают. Но это две сущности абсолютно разной природы. Тебе ли давать разъяснения? Тем более мы вошли в коалицию, у нас общие цели, мы партнеры... Да и не только мы.

— До сих пор меня озадачивает повсеместное доброволье в данном вопросе.

— А чему удивляться? Мгновенно уясненным правилам игры? Сентябрьские события застали нас врасплох. Нас — это Европу, Россию и Азию. Шах с первого хода. Через две упавшие пешки. Мы были в начале работы над многими общими конфигурациями, но совместными стратегическими планами не обладали, для их выработки нам требовалось время. А тут всем предложили ультиматум. Причем в атмосфере нервозности и спешки. Каждому предстояло ответить за себя. Под этот прессинг попали все, дистанцироваться никто не смог. Нейтралитет в данной просчитанной ситуации был приговором. Сейчас, повязанные обязательствами, исполненными и исполняемыми, мы, отброшенные назад, снова пытаемся взяться за руки. Но в том или ином переговорном процессе у многих они связаны.

— Это понятно. Комбинация сама по себе несложная. Завораживает ее масштабность. И внешние эффекты, определяющие реакцию на них. Имею в виду тот самый первый ход...

— Много там вокруг этого материала персонажей? — последовал равнодушный вопрос.

— В смысле кто в курсе насчет этой записи? Единицы.

— Ну и устрой все помягче. А с англичанами, согласен, займись, давно не огрызались.

Вернувшись к себе на Лубянку, директор задумчиво походил по кабинету, глядя на портрет основоположника ведомства. Железный Феликс смотрел на него испытующе и требовательно.

Была ли в нем правда, в этом Феликсе? Или только слепая убежденность, как и в его соратниках-чекистах, исполненных непримиримости и ожесточения. В итоге — под корень уничтоживших самих же себя.

Где же истина? Нет ее и во власти Сталина с его крошечными лагерями, и в нынешнем тотальном неверии ни во что. Страна победившего социализма перечеркнула все свои победы вместе с социализмом, и перспективы ее были невнятные, ибо новое название ее государственного строя уместилось теперь в одном лишь кратком определении: коррупция. И любое противостояние этой коррупции, провозглашаемое на всех углах, было под стать призывам о вреде алкоголя на пивном фестивале. Порой страна напоминала ракового больного. С ясным критичным сознанием, в отличие от злокачественных клеток, убивавших не только организм, но и себя.

Разрушение России — в саморазрушении нас самих.

Хоть начинай все снова, с варягов.

«Всемирное правительство? — подумалось с усмешкой. — А что, неглупая мысль».

Жуков

Звонок раздался под утро. Казенный голос с металлическим акцентом справился, имеет ли он честь общаться с господином Жуковым и где тому удобно встретиться по взаимно интересующей стороны теме. Юра ответил, что ему все равно. Ему и в самом деле было все равно, где произойдет встреча, другой вопрос — чем таковая завершится. Он шел на нее с безоглядным отчаянием, как израненный солдат на непоколебимый вражеский дот.

Свидание назначили в небольшом ресторане в центре Москвы.

За столиком сидели двое: седовласый старик со злыми, прозрачными глазами и изборожденным морщинами лицом и человек лет сорока, в официальном костюме, с внешностью, не отмеченной ни одной запоминающейся чертой.

Странно, но едва Юра появился на входе, невзрачный человек тут же призывно помахал ему рукой, призывая к столу.

— Чай, кофе, пиво? — произнес он, и Жуков понял, что переговоры по телефону вел именно этот субъект.

От угощения вежливо отказался: чего доброго, еще отравят...

— Он не говорит по-русски, — произнес человек, кивнув на старика, тяжелым взглядом изучавшего Жукова, стеснительно мнущегося на стуле напротив. — Я буду переводить.

— Диски у вас? — кратко спросил старик. От него ощутимо веяло взвешенной, неотвратимой угрозой. Он напоминал палача в пенсионном возрасте, заржавленный кинжал в кровавой коросте, способный, однако, в любой момент быть пущенным в дело.

— Все, кроме одного, — торопливо произнес Юра. — Один я повредил и выбросил.

— Каким образом повредили и зачем выбросили?

— Я уронил его на электроплиту.

Брови у старика недоуменно поползли вверх, губы недобро поджались, но от дальнейшего развития темы он воздержался, недоверчиво удовлетворившись ответом.

— Я совершил большую ошибку, — сказал Юра, — но готов исправить ее. Я верну все, но мне нужна американская виза. Я хочу вернуться обратно.

— Здесь так плохо? — спросил старик.

— Чувствую себя отрезанным ломтем, — признался Жуков.

На сей раз в глазах старика мелькнуло безразличное понимание.

— Так где остальные диски?

— Мне хотелось бы сначала оговорить вопрос с визой.

— В целях вашей же безопасности, — вступил переводчик, видимо, посвященный в проблему, — лучше, если вы покинете родину с нашим паспортом. — Он полез во внутренний карман пиджака и вытащил из него зеленую корочку с тиснением гордого золотого орла с пучком тринадцати стрел и веткой акации в когтистых лапах. Акация, священное дерево мудрости и знания, символизировала масонское просвещение над миром, стрелы предназначались отвергавшим данное просвещение. Этих тонкостей Юра не ведал. Знаки иудейской каббалы, украшавшие документ, его не интересовали. Зато сам документ — весьма.

Ногтем старик подтолкнул паспорт к Жукову.

Тот, робея, раскрыл документ.

Стены ресторана поплыли перед глазами, перехватило дыхание. Фотография была сделана с его американского водительского удостоверения. В паспорте стояла пограничная отметка въезда в Россию.

«Во работают...» — выстрелило в мозг Юры.

Однако фамилия и имя, проставленные в паспорте, несколько озадачили его: «Джордж Колорадский». Что за ерунда? Затем промелькнуло: «Юрий — Джордж, Жуков — Колорадский...» Над паспортом, видимо, потрудились неведомые остряки.

— Так где же диски? — повторил зловеющий дедок.

Юра набросал на бумаге схему расположения бордюрного камня, под которым таилось достояние сильных мира сего.

— Вы понимаете, что сейчас мы даем вам последний шанс? — равнодушно произнес собеседник.

— Еще как понимаю!

— И этот паспорт не более чем ваш обратный билет туда, где никто никаких обманов не потерпит. Вы когда-нибудь были в тюрьме?

— Нет...

— Тогда вам предоставляется возможность значительно расширить свой кругозор. Кстати, а почему вы не спрашиваете, как поживают ваши друзья — Марк и Виктор?

— А они поживают? — обнаружил чувство юмора Жуков.

Лиловые старческие губы тронула кривая улыбка. С такой улыбкой маньяк всаживает нож под дых трепещущей жертве.

— Они добросовестно работают на благо нашей страны.

— Я могу идти? — Жуков привстал со стула.

— Конечно, но только вы забыли вернуть наши деньги.

Жуков отлучился в туалет, снял нательный пояс с валютой. Наугад выдернул из одной пачки ворох купюр, убрал в карман. Сожалений от расставания с деньгами он не испытывал, наоборот, ощущал необыкновенное, окрыляющее облегчение. Вернувшись, положил пояс на пустой стул рядом с переводчиком, сказал:

— Я кое-что потратил, а кое-что взял на расходы. Проживание, билет, такси... Но я обязательно верну...

Старик посмотрел на Жукова как на насекомое, соответствующее его фамилии, и убрал пояс в портфель. Затем произнес:

— Я в этом сомневаюсь гораздо меньше, чем вы.

В этот же день, без огрехов и проволочек пройдя таможенную и пограничный дозор, Джордж Колорадский вылетел в США. В аэропорту Кеннеди, выстояв очередь, петлями тянувшуюся вдоль обшитых темно-вишневым бархатом канатов, положил на стойку паспорт, обмирая от страха. Однако ничего не случилось: иммиграционный чиновник сверился с компьютером и вернул документ.

— Добро пожаловать домой...

Катя к выходу тележку с вещами, Жуков, жадно раздувая ноздри, вдыхал запах родного Нью-Йорка. Страшный московский сон остался позади, сгинув в невозвратное, как он надеялся, прошлое.

— Смотри-ка, его вроде качает от счастья, — донесся знакомый голос.

Юра вздрогнул. Перед ним стоял Виктор, чуть поодаль — Марк.

— Вы откуда? — произнес он, справляясь с оторопью.

— Приказано встретить ваше высочество.

— Кем приказано?

— Задаешь много вопросов. Давай сюда паспорт, он — собственность правительства США. Как мы тебе в ксиве погоняло устроили? В цвет? А, мистер колорадский жучара?

Подталкиваемый дружескими тычками, Жуков прошел к автомобилю. Машина помчалась в Бруклин.

— И куда везете меня? — спросил он, глядя на знакомую дорогу. — Вообще, как в порту нарисовались?

— Хочешь, поживешь у меня, — ответил ему Марк, — хочешь, поедem к Лоре... Вот кто нарисовался, так это она. Вернулась в вашу квартиру. Долги оплатила. Хранит верность, ждет мужа.

— Да ладно...

— По Сеньке и Сонька, — неопределенно произнес Марк, а затем вкратце поведал о событиях, отгремевших после отъезда Юры в Россию.

— А со мной чего теперь? — спросил тот. — Я ведь опять — двадцать пять. Ни документов, ни работы. И от голодной смерти меня отделяют десять бакинских рублей.

— Бери консервную банку и иди просить милостыню, — равнодушно посоветовал Виктор.

— Да ладно, мы за тебя ходатайствуем, — неохотно процедил Марк. — Чего и встречали. Если приглянешься шефу, может, и повезет... К тому же за тобой должок висит... Я имею в виду бабки мистера Уитни. С ним шутки плохи. Надо отработать. — В голосе его сквозила странная идейная убежденность.

— А то придется нам отрезать твои уши, — вдумчиво поддакнул Виктор. — Пусть это мне и не по душе.

Жуков рассеянно посмотрел в окно, на синеющий вдаль океан. Глубоко, осознанно понял: здесь и в самом деле отбушевало немало страстей. И он, оказавшись вне их столкновений, стал аутсайдером. Правда, с надеждой нагнать упущенное. Однако люди, сидевшие рядом с ним, уже не были его друзьями, теперь их дружбу следовало заслужить.

— У русского царя была дикая дивизия, — продолжил Марк смешливо и сокрушенно. — Самая надежная. Теперь надо убедить нашего короля взять в штат своей прислуги русскую криминальную гвардию. Если называть вещи своими именами. Думаю, к такой идее он склонен и сам. Так что, Жуков, не унывай. Но по магазинам теперь — ни-ни! Мы — солидные ребята, понял?

— Да и чего ради? — подал голос Виктор. — Нравится вещь, плати. И с достоинством удаляйся.

Ох, как здесь все переменялось...

Жуков вспомнил об утраченном диске. Зря он наврал этому деду, зря... А вдруг ложь выплывет?

— У меня один серьезный косяк, — сказал Юра, тяжело вздохнув. И поведал горькую правду.

— Так это был Кноп! — воскликнул едва ли не с испугом Марк. — Ты не понимаешь, кому парил мозги! Ну дурак...

— Боялся, отберут паспорт... — промямлил Жуков.

— Ты вовремя колонулся, — мрачно изрек Виктор. — Попытаемся, конечно, выправить закавыку... Однако дело серьезное. Какие будут выводы — не обещаю...

— Постарайтесь, а? — слезно попросил Жуков.

— Будет непросто, — важно произнес Марк. — Но ты не дрейфь, в случае чего мы убьем тебя совершенно небожно.

Генри Уитни

Роланда, оказывается, звали Макс. Я слушал Нину, поражаясь причудам человеческих судеб и отчаянному везению этого солдата, случаем выбравшегося из колючего переплета. Его выдержке приходилось отдать должное. Как и умению достигать цели, хотя мерзавец паркетчик все-таки провёл нас, сунув вместо необходимых дисков загодя приготовленную фальшивку. Но, так или иначе, материалы вернулись ко мне и теперь находились в надежном хранилище. За исключением одного носителя, мало информативного, однако способного принести неприятности, воспользуюсь им враг. С другой стороны, я помню содержание записи, она невразумительна, и, если опираясь на нее, обвинить нас в событиях одиннадцатого, такую сенсацию оплуют со всех сторон! Невольно я вспоминаю про внедрение подсознательной идеологии.

С дочерью я говорил дружески, без резкостей, обходясь лишь мягкими нравоучениями. Сама того не ведая, она прошла по скользкой гибельной грани, и теперь я боялся ее потерять, впервые болезненно сознавая, что в ней — мой смысл и не дай бог его утратить.

Затем последовал доверительный разговор с Барбарой, в течение которого я сосредоточенно молчал, поскольку у меня отсох язык: Нина была беременна и категорическим образом настроена сохранить ребенка. Данный факт преподносился как нечто само собой разумеющееся и неоспоримое. Другой моей заботой, как утверждала жена, становилось обеспечение переезда в США отца внука. Барбара стелила робко и мягко, но мои возражения подразумевали раскол семьи с непредсказуемыми последствиями. Противопоставить что-либо этому утонченному шантажу я не мог.

Радости от подобного разворота событий мной не испытывалось. Я уповал на пышный брак Нины с какой-нибудь выдающейся персоной. Но приходилось удовлетвориться тем, что послал Господь. Так Ему, видимо, было надо.

Я вышел из комнаты жены, ощущая ее благодарность к себе. За что? За то, что не ратовал за детоубийство?

О Боже! Она не понимала, что спасает меня святой сутью своих устремлений. О, Барбара, светлый ангел! Я почувствовал раскаяние.

А потом с любопытством подумал: а каким будет мой потомок? В нем же будет течь азиатская кровь каких-нибудь скифов. Она, конечно, повлияет на его характер, но ведь душа его, ниспосланная свыше, может, обитала в некогда древнем Египте, кто знает?..

Впрочем, пора оставить мистику и приступить к текущим делам. Их, как всегда, хоть отбавляй. В офисе меня ждет неутешная вдова Алиса.

Наша встреча отличается сдержанной теплотой и некоторым официозом, к которому принуждает обстановка рабочего кабинета.

Мне сообщается неплохая новость: при вскрытии у Пратта обнаружен безнадежный рак. Так что, вероятно, я помог ему в освобождении от бездн грядущих мучений. Темное пятно, лежащее на моей измученной совести, заметно бледнеет. Определенно, во всем существует Промысл Божий. И я его часть.

Алиса выглядит загоревшей и отдохнувшей. Время, проведенное в тропиках на вилле Тони Паллито, пошло ей на пользу.

Я справляюсь о ее здоровье, подразумевая, естественно, течение беременности.

— Позаботься о нашей встрече в другом месте, — смеется она. — Скоро я потеряю всякую привлекательность, и хотелось бы не тратить время попусту...

Свидание мы назначаем на завтрашний день, а после переходим к вопросам доставшегося ей наследства.

Я пытаюсь доказать, что отныне мы соратники, а не конкуренты и должны выстраивать планы совместно, однако, когда переходим в предметную сферу дележа рынка и цифр, она проявляет завидное упрямство в отстаивании своих позиций и весьма глубокую осведомленность в бизнесе Пратта. Она столь виртуозно пытается вывернуть дело в свою пользу, что я впадаю в уныние. Она оперирует десятками цифр, анализирует сложнейшие схемы, мгновенно вычлняя узловую суть, и не попадаетея ни на одну удочку.

Судя по всему, у этой дамы большое будущее. Сейчас выручает лишь ее снисходительность ко мне как к близкому человеку, но что будет завтра? Завтра, впрочем, будет отель с широкой постелью. Как ни смешно, но это способно повлиять на ее сговорчивость. Поэтому мне придется потрудиться с перспективой заработать большие деньги.

— И вот еще что, — говорит она, испытующе глядя. — Пратт умудрился вляпаться в нелепую историю. С ним подписали сфальсифицированный контракт в России.

Я, морща лоб, изображаю недоумение.

Следует рассказ, известный мне во всех подробностях. Мои реакции, чувствую кожей, тщательно отслеживаются.

— Ну и что? — подвожу итоги. — Пратт решил в очередной раз зайти мне с тыла, но нарвался на мошенников.

— Если я узнаю, что за этим стоял ты... — задумчивым голосом предупреждает Алиса.

Я принимаю оскорбленный вид, и она сразу же поправляется:

— Извини, но моя служба безопасности думает именно в таком направлении.

Ах, у нее ведь теперь личная служба безопасности. Я невольно усмехаюсь.

— Все произошло на территории твоих интересов, — продолжает она. — Согласись, ты мог бы устроить подобное. И я тебе легко бы это простила. Но вчера. А сегодня уже не Пратт, а я потеряла собственные деньги.

— Готов помочь, — отзываюсь я. — У меня действительно есть связи в России. Могу, кстати, дать хороших специалистов, действительно рассматривающих в вопросах безопасности.

— Это я решу сама... А что касается контракта, не успокоюсь, пока не выясню истины.

Данные фразы переводятся так: твоя агентура в рядах моих сотрудников мне не нужна, а за украденные деньги кому-то придется крепко ответить.

Настрой боевой. И я прикидываю, что, коли ищейки выйдут на моего русского друга, осуществившего операцию, возможен скандал. Но и при самом неблагоприятном развитии расследования мне ничего не грозит. В конце концов, выставлю Алисе встречный счет за возведение ее на нынешний престол и утешу привычным образом.

— Я понимаю, насколько тебе обязана, — со значением заявляет она, будто читая мои мысли. — И думаю, что те уступки, на которые иду сегодня в переговорах с тобой, компенсируют мои долги.

— Ты хочешь легко отделаться, — с милой улыбкой отзываюсь я.

— А что говорить про тебя? — лучится нежностью ее взор. — Кстати, где твой пес Ричард?

— Представь себе — исчез, — сокрушаюсь я. — Вместе с семьей, сняв деньги со всех своих счетов. Ломаем головы.

— Он участвовал в этой афере, — сообщает она. — Он переметнулся к Пратту, но...

— Ах, вот в чем дело!

— Да, в этом и вся странность... И, не скрою, твое алиби.

— А может, он работал вместе с мошенниками? — предполагаю я.

— Или они его тонко использовали, — прозорливо отзывается Алиса.

Я восхищенно качаю головой, будто удивляясь замысловатостям жизненных несообразностей. Затем, прощаясь, целую ароматную ручку.

— В принципе меня бы устроило пятьдесят процентов потерянного, — роняет она, уже направляясь к двери.

— Опять намеки? — недовольным голосом спрашиваю я.

— Я в том смысле, если твои люди сообразоволят мне помочь, — звучит двусмысленный ответ, и дверь закрывается.

С Праттом все-таки было попроще. А эта шкатулка полна неведомых сюрпризов. И от них никуда не деться.

Звонит Кноп. С вопросом, что делать с русским паркетчиком, таким же бандитом, как и его дружки, славно, впрочем, служащие мне. Паркетчик, оказывается, в очередной раз обманул, сказав неправду о якобы уничтоженном диске, но теперь одумался и признался в его утрате по оплошности. Теперь же этот отщепенец рвется в состав моей зондер-команды. Помоему, у этих русских нет ни малейшего чувства самосохранения.

— На твое усмотрение, — говорю я Кнопу, проявляя неслыханное великодушие, возможно, способное вернуться ко мне благодатью Божьей. — Но если потерянный носитель каким-то образом проявит себя... Тогда ты знаешь, что делать.

В ответ доносится зловещее, торжествующее клекотание, от которого берет оторопь. После я растерянно понимаю: ах, да это всего лишь смех старины Кнопа.

Я справляюсь у него о Бетти. Она в Англии, принялась за работу и покуда жива. Думаю, ее не тронут. Резкий демарш я могу расценить как воинственный вызов, а Большой Босс весьма расчетлив и труслив. Скорее он выждет время для нанесения удара по всем флангам, нежели пойдет на мелкие уколы в заботе об оскорбленном самолюбии. Кстати, последние дни он только и занят выражением мне своей безграничной лояльности.

Это беспокоит. Он боится моей осведомленности, подкрепленной убийственным компроматом, способным быть размноженным многократно. Мое устранение ничего не решит, оно, напротив, способно только усугубить проблему. Но, так или иначе, я злейший враг. И значит, нахожусь в постоянной опасности. Впрочем, не привыкать.

Стоит подумать и о другом: как занять место Большого Босса и таким образом снять проблему. Его добровольные предложения на сей счет — опасная провокация. И сейчас я отчетливо понимаю ее конечную цель: столкнуть меня с иными претендентами, уже подготовленными дать мне достойный отпор. Он хочет стравить всех, расправившись со мною чужими руками. У него заготовлена комбинация. Но я обойду западню. И постараюсь сделать это непринужденно, не давая ему понять о разоблачении его замысла. К чему лишний раз злить подраненного зверя?

Следующие посетители — двое ребят из ЦРУ. Самоуверенные лощеные сопливки. Держат себя в рамках, но из них так и лезут чванство и прыть. С небрежными извинениями мне сообщается, что они вынуждены задать вопросы, касающиеся судьбы Роланда Эверхарта. И, как бывший высокопоставленный сотрудник ведомства, я должен с пониманием отнестись к их служебным обязанностям.

— Его больше нет, — говорю я. — И в этом можете твердо увериться.

— Нам необходимо знать обстоятельства...

— Они связаны с моими личными счетами, — говорю я. — Какими именно — также мое личное дело. Что же касается государственных интересов, то мой добросовестный патриотизм, не подлежащий, надеюсь, сомнению, никогда не позволит мне совершить безответственные действия. В частности, способные нанести ущерб репутации нашего... учреждения. Скажу больше: за свои слова я готов ответить головой. И мне весьма странно, что подобный разговор со мной ведет не первое лицо, а...

— Мы несем персональную ответственность за этот вопрос, — торопливо уверяют меня.

— Вопрос закрыт, — буркаю я, листая бумаги. Лимит моего внимания к посетителям исчерпан.

Порученцы скраивают обиженные физиономии и удаляются.

Максим Трофимов

Все было по-прежнему: вокзальная кутерьма, груда вещмешков на перроне, переключки, купе, набитые одетыми в камуфляж рослыми развязными парнями — моими товарищами, обилие закуски и водки на столиках, уплывающий перрон и волнующая даль предстоящей дороги.

Я шатался по вагону, заглядывая то к одним, то к другим сослуживцам, прислушивался к разгоряченным речам, воспоминаниям о горячих кавказских буднях, спорам и анекдотам, понимая, что это ветреное дорожное празднество мимолетно и уже завтра сменится тревожной опасной явью.

Скоро пойдут дожди, раскиснут дороги, дымная, тяжелая хмарь повиснет над горами, подернутыми первым снежком, и радовать будет одно: облетит «зеленка», просторнее станет в корявой горной поросли, запрядутся по норам «духи» и шансы получить неизвестно откуда прилетевшую пулю значительно сократятся.

Большинство из тех, кто ехал в поезде, было мне знакомо. Но, зайдя в очередное купе, в дымном бесшабашном веселье, среди звона стаканов, гвалта и запальчивых тостов я словно напоролся на клинок чужого, отстраненного взора.

Я не встречал этого парня прежде. Ряшка была вполне стандартной: раскормленной, туповато-сосредоточенной, невозмутимой, но его выдавала суть обращенного на меня взгляда. За ним таился беспощадный, звериный ум. И еще — ледяная, продумываемая оценочка. Так опытный забойщик смотрит, примериваясь, на матерого кабана.

Задержав я на нем взгляд лишнюю долю мгновения, и мы бы прониклись враждебным откровением понимания друг друга. Но я вовремя обернулся к иному служивому, рассмеявшись беспечно, указал ему на прилипший к подбородку хвост кильки:

— Тебе надо побриться, товарищ...

— Слышь, Макс, ты же был капитаном, а сейчас вдруг — старлей...

— Да, получил очередное звание. Если так дело дальше пойдет, надеюсь через пару лет дослужиться до прапора...

И, покосившись на зеркало, среди простецких разгоряченных лиц вновь различил улыбчивую физиономию и стальные глаза, продолжавшие холодно изучать меня, безмятежную глупую жертву.

Я не мог ошибиться, сразу же вычленив его среди тех, кого ощущал органически как собратьев по оружию, готовых подставить плечо и прикрыть тебя. А потому безошибочно различил втесавшееся в нашу прямодушную общность чужеродное существо.

Вышел в тряский, пропахший табачным смрадом тамбур. В мутном зарешеченном оконце двери тянулись посеревшие соломенные поля. Бился в стекло сонный комар.

Я отчетливо и опустошенно уяснил, что опять угодил в западню. Что именно придумали относительно моей персоны людоеды из тайных сфер, оставалось загадкой, но попытка ее разрешения означала всего лишь бездействие и безотрадную надежду на то, что, мол, глядишь, и пронесет... Но если существует приказ о ликвидации, он, несомненно, рано или поздно исполнится. Уж кто-кто, а я это знал.

И тут раздался звонок.

— Ну, Роланд, — сказал голос Уитни, — как жизнь?

— Проходит, — откликнулся я.

— У тебя все в порядке? Ты долго не выходил на связь.

— Я провалил дело, — признался я глухо. — Ваши материалы ушли на сторону.

— Мои материалы в сейфе, — сказал он. — И ты немало этому поспособствовал, не переживай. Но оставим это. Нина беременна, и ты должен вернуться.

Я остолбенел.

— Ты свободен в передвижениях? — догадливо спросил Уитни. И тут же прибавил: — Чутье подсказывает, что ты в опасности.

— Вполне вероятно, — отозвался я.

— Ты помнишь моего человека, которого навещал?

Я понял, что речь идет о Льве Моисеевиче.

— Приезжай немедленно по его адресу. Там тебя встретят. Но учти, в твоём распоряжении неполные сутки.

— Спасибо за участие, мистер Уитни.

Я снова припомнил взор нехорошего попутчика. Неполные сутки... Если бы. В лучшем случае — часа два, пока не хватились...

Из кожаного футляра, пристегнутого к ремню, я достал нож-мастерскую. Разведя звенья, таящие лезвия, отвертки и пилы, получил в итоге пассатижи с узким, хватким зажимом.

Нехотя повернулся треугольный выступ потаенного замка двери. Скрипнули кривые петли. В лицо хлынул горьковатый, с запахом железнодорожного полотна воздух.

Поезд, подъезжая к узловой станции, начал, словно бы по заказу, притормаживать. Под низкой насыпью тянулся ровный, выстланный увядшими, прибитыми травами грунт.

Я взялся за поручень. Один шаг — и свобода. Она призывала и словно молила ступить в нее. Всего лишь шаг, ну...

Как же трудно сделать его. В нем то, что противоречит всей моей сути.

И неужели он необходим?

Вагон качнуло, и я, неловко оступившись, повис на поручне. Теперь вернуться в вагон требовало куда больших усилий, чем ошутить подошвами пробегающую под ними землю и расцепить пальцы, скатившись в траву и глядя вслед уходящему составу.

Совет

Большое совещание Совета избранных — явление знаменательное и нечастое. Обычно мы собираемся не за столом переговоров в сухой и чопорной обстановке делового помещения, а в закрытых уютных клубах, где у каждого свой номер, гардероб и прислуга. Там можно поиграть в теннис, поплескаться в бассейне, заказать блюдо любой кухни мира и даже пригласить девочек, что обеспечивают молчаливые, услужливые менеджеры. Обстановка вполне домашняя, располагающая к неспешным беседам вдали от посторонних глаз и ушей. Сюда приглашаются сенаторы, министры, издатели, светила науки и компетентные эксперты.

В замкнутом пространстве, среди мрамора, зелени, цветов, стоек с кулинарными изысками, заключаются договоренности и строятся планы, оп-

ределяющие работу механизма власти, хотя протоколов не ведется и голова не подсчитываются.

Однако порой келейность решений требует корректив и утверждений высших лиц, сплоченных официозом собрания — естественно, собрания избранных, кому доверено вершить все. Список влиятельных лиц внушительен, но его выверенная элита — тринадцать человек. Она исключает даже исполнительного и научного директоров и ответственного секретаря. Кто утвердил это число, не знаю. Бытует миф, что это соотносится с двенадцатью коленами израилевыми и отдельно взятым предводителем. Выдумка теоретиков-антисемитов: слева от меня сидит ирландец, а справа — француз. Кстати, я слышал, что такое же количество избранных было и в ордене СС, в симпатиях к которому заподозрить кого-либо из нас трудно. Посему построение аналогий — занятие праздное.

Я сижу среди соратников, сосредоточен, серьезен, замкнут и проникнут торжественным таинством общего дела. Оно именуется строительством Америки на всей планете. При этом население планеты, живущее вне империи и ее благ, нас очень не любит, что печально.

Вокруг меня — белые воротники рубашек, консервативные — с иголочки — костюмы, уголки шелковых платков в нагрудных карманах, дряблые щеки, благородные седины. Все замерли в ожидании появления Большого Босса, и сборище напоминает мне музей восковых фигур. Как их назвала Барбара? Шарлатаны? Вполне может быть. Иной раз я тоже чувствую себя мошенником при обсуждении мировых проблем, чье неумелое разрешение предполагает неведомые, но явно губительные для миллионов людей последствия. В таких случаях я теряюсь, ибо остается полагаться на знания и мудрость окружающих, хотя сознаю, что многие из них куда глупее меня. Или все гораздо умнее, а я попал в их круг по недоразумению? Но, озираясь вокруг, нахожу лишь уважение к своей персоне. И, кто знает, может, я впрямь заслужил его.

Большой Босс усаживается в кресло. Шуршат бумаги, скрещиваются в молчаливом ритуале признания общности исполненные достоинства взгляды.

Вначале мы обсуждаем общие тенденции и опасности. Зачитывается аналитический доклад по Китаю, России, странам Европы и Латинской Америки, звучат сравнения и выводы, касающиеся демографических, военных и экономических ситуаций. Естественно, соотносящихся со сферами наших интересов, постоянно и досадно ущемляемых. Нас нагло теснят на многих мировых рынках, давление конкурентов ужесточается с каждым днем, и многим из них предстоит дать планомерный и жесткий отпор. Это возможно при объединении усилий всех наших капиталов. Но, увы, здесь проблема: мы не очень-то доверяем друг другу. И кстати, правильно делаем. Но так или иначе мы союзники в начатой нами Третьей мировой войне, спрятанной пока за именем глобализации. И ведет ее уже не только Америка, а сильные мира сего. И в этой войне, цель которой — установить Новый Мировой Порядок, обречены все — и Штаты, и Европа, и Азия с ее могущественным Китаем. Обречены с точки зрения аналитической стратегии.

Большой Босс переходит к обсуждению внутренних дел. Всех настораживает горлопанство по поводу тотальной электронной слежки, урезанию социальных программ и сравнение действий формального руководства с внедрением фашистских порядков. Кроме того, ширится провокационная кампания, что, дескать, руководство страны знало о готовящемся теракте одиннадцатого сентября и не предотвратило его из-за очевидных геополитических выгод. Все это — не более чем запоздалое тявканье из-под забора. Думаю, представь кто-либо на сей счет неоспоримые доказательства, народец отнесется к ним равнодушно: страсти давно остыли, а новых животрепещущих проблем прибавилось.

Мы приходим к мнению, что надо быть еще жестче, вырабатывая ресурс непопулярных мер до конца. Естественно, неуклонно остужая накал общественных страстей. Финалом будут новые выборы, новые надежды и — новый президент, подсунутый публике из парочки манекенов, согласованных кандидатов от наших единых партий, чье содержание, кстати, обходится в последнее время неоправданно дорого. Возникнет пауза, знаменующая закрепление достигнутых достижений. Возврат к их критике станет неуместен, они превратятся в досадную, но непреложную данность.

С каждым словом, произнесенным собравшимися, для меня все отчетливее становится, что мы обязаны двигаться лишь вперед, несмотря на то что завязли во многих зарубежных болотах. Нас должен воодушевлять пример предков. Некогда мы отхватили у Испании Флориду, у Мексики — Техас и Северную Калифорнию, у Англии — Орегон, увеличив с конца XVIII века площадь страны в восемь раз. И все обошлось — попищали и заткнулись... Но сейчас сложнее, у нас нет возможности затормозить экспресс экономики, горячее которой — ничем не обеспеченный доллар, детище вероломных замыслов наших поводырей-предшественников.

Сейчас, выбрасывая тонны зеленых бумажек за рубеж, мы перекачиваем с их помощью чужие ресурсы, услуги и труд. Мы наводнили ими весь мир, но я отчего-то уверен, что, рухнувшая на них пирамида с вершиной треугольного ока Великого Архитектора Вселенной, начнется гигантская катавасия, из которой в итоге выберутся все, но только не мы. Доллар — это цемент, скрепляющий нацию, а вернее, сообщество чуждых друг другу лиц, только и занятых его ежеминутным обретением. И нам нечего терять, кроме него, символа великого блефа. И еще нас спланивает инстинктивный страх за общие преступления перед иными народами, преступления, начавшиеся с захвата страны, что стала нашим достоянием. Мы строили ее на костях миллионов индейцев, хорошо отныне забытых, как уничтоженные виды фауны, всеобщее скорбное злодеяние. Их скальпы, выставленные в национальных музеях, стали почтенными экспонатами нашей сомнительной истории. Впрочем, чьи истории лучше? Вражда племен — их извечный двигатель, и где есть святой народ?

Мы выбились в лидеры, мы — сильнейшие. Мы привыкли жить без оглядки на расходы. Мы начнем резать друг друга, если настанет пора умижаться и экономить. И сейчас объявили антифаду всему миру, дабы только она в состоянии продлить такое наше существование. Нам нужны революции во имя утверждения нашей власти, ибо они порождают неустойчивость и деградацию и расширяют пути для нашего победного шествия. Не продолжи мы его, нас смнут. И надежды только на то, что оно приведет нас к неожиданным благим далям будущего. Они эфемерны и неясны, они — некое спасительное чудо, но нам остается лишь полагаться на его свершение. Мы вынуждены, противопоставляя себя всем, доказать абсолют своего мировоззрения. Лично я не верю в него, но об этом следует признаться только себе. Дабы не заблуждаться в сути происходящего. Тешащий себя иллюзиями утрачивает чувство самосохранения. Верит ли в праведность и истину такого абсолюта наше собрание? Едва ли. Но коллективизм предполагает неукоснительное следование идее и ритуалам, ей сопутствующим. То есть неважно, если что-то идет плохо. Возможно, со стороны это выглядит хорошо.

— Главное, не повторить ошибки СССР, — доносится до меня реплика.

Я невольно улыбаюсь. Наше собрание неожиданно ассоциируется с совещанием политбюро коммунистических режимов. И как бы со временем нам действительно не впасть в идеологический маразм и склонность к нерушимым догмам. Как бы самим не увериться в собственной пропаганде.

Начинаются философствования. Без них не обходится ни одна подобная встреча. В этом — публичная реализация высоких и одиноких

дум, не способных быть оцененными ни по существу, ни по достоинству окружающими нас убогими приближенными. Разве поймут секретарши и жены глубину наших умозаключений о судьбах мира? Здесь же, в кружке избранных, самое время утвердить поразительную силу своего интеллекта. В надежде на признание и памятьливость властительных коллег, ха-ха...

— СССР разрушила демократия, — морщится Большой Босс, еще тот краснобай, привычно и с удовольствием подхватывая дискуссию. — И неудовлетворенные амбиции лидеров национальных меньшинств, получивших благодаря ей самостоятельность. Это нам не грозит, демократия у нас на контроле. Наша стабильность зависит от внешних побед. И от внешней добычи.

— Есть кое-что еще, — вступаю я, теща тщеславие умника, дорвавшегося до привлекательной аудитории. — Советы были страной нищих. И чтобы получить дополнительные блага, там следовало выбиться в начальники. Выбрав себе при этом в заместители кого поглупее. Умного заместителя было иметь опасно. Когда же начальника повышали, его место занимал зам, после чего срабатывал прежний принцип. В итоге они получили верховное руководство, состоящее из клинических демагогов и спесивых простофиль. Среди наших функционеров на местах тоже бытуют подобные тенденции, но мы их отслеживаем и исправляем. Принцип главенства капитала подавляет административные огрехи. Нам необходимы исключительно умные замы. Ведь кто они? Не более чем нанятые управленцы...

Я слышу сдержанные одобрительные смешки. Они звякают, как сваливающиеся в мешок большого капитала монеты прибывающих процентов.

— Вы весьма кстати заметили о важности стабильной роли руководителя, Уитни, — отзывается Большой Босс. — Это непосредственно связано и с нашим Советом. Увы, как бы ни было прискорбно, но я сознаю тот факт, что нам всем предстоит подумать о кандидатуре моего преемника, ибо возраст и здоровье предполагают любые неожиданности... Что вы скажете на это, Генри?

Я отдаю должное коварству Большого Босса. Как элегантно и непридуманно он подвесил меня над пропастью. Вокруг — тени двусмысленных соображений и неразличимый ропот.

— Не стану лицемерить, — отвечаю уверенно. — Все мы смертны, причем зачастую внезапно, и я предлагаю вам оставить свое завещание Совету. В нужный момент оно сыграет роль первоначального предложения. Дальнейшее обсуждение выявит наиболее достойного. Пока же говорить о столь ответственной фигуре полагаю преждевременным. Не ошибусь, если скажу от имени всех, что ваше присутствие в кресле председателя должно продлиться как можно дольше. И если порой вам трудно справляться с обязанностями, используйте без церемоний нашу помощь... Я должен вас упрекнуть: порой вы излишне скромны и деликатны. Но ведь нельзя же тащить в одиночку столь тяжкий груз, не обременяя тех, кто с готовностью разделит ваши усилия... — Я картинно развожу руки, оборачиваясь, словно ища поддержки, по сторонам и вижу чинные и благосклонные лики. Двое новых членов, заменивших Уильяма и Пратта, особенно усердны в сопереживании. — Что же касается меня, — продолжаю убежденно, — считаю незавидным оказаться на вашем месте. Обретение подобных полномочий должно сочетаться со способностью решения задач, стоящих перед всей цивилизацией. И пока мы не видим никого, способного к выполнению подобной миссии более продуманно, нежели вы.

Аплодисменты не звучат, но подразумеваются. Впрочем, я не оболящаюсь ими. Временная, вежливая реакция. Я знаю себе цену среди собравшихся здесь и их нелицеприятные оценки моей особы. Я отличаюсь от большинства тем, что не меняла, а пират. Но мой бриг — в составе дисциплинированной флотилии, где не принято толкаться бортами. Однако за-

крепить к днищу притирающего тебя судна хитроумную анонимную мину не возбраняется.

Если же когда-нибудь сбудется воплощаемый нами проект мирового единства, взаимодоверие в нашем сообществе больших и малых вождей несколько окрепнет. Зато возрастет борьба за влияние на главного правителя. Но так или иначе я склоняюсь к мысли, что тоталитарной модели муравейника человечеству не избежать, только она в состоянии спасти его. Единый центр должен определять численность населения, его сортировку по роду деятельности и ее направления, стирая национальные признаки и амбиции, способные ввергнуть цивилизацию в хаос. Приоритет западной гуманистической культуры в решении такой задачи несомненен хотя бы потому, что мы рациональны, но и либеральны к любой народности, имеющей созидательный потенциал. Мы должны бережно выделить его из остальной руды, получив легион подмастерьев для дальнейшей великой стройки.

Совещание заканчивается через три часа, после чего Большой Босс присылает мне записку с просьбой остаться.

Публика разезжается, я мило раскланиваюсь с единомышленниками, а затем возвращаюсь в опустевший зал. Большой Босс неторопливо пьет чай. Он выглядит озабоченным и усталым. Лицо бледное, под глазами набрякшие мешки. Ему и в самом деле пора на покой. Но он также никуда не денется из своей колеи. Сейчас он действительно устраивает на своем месте всех. И знает все про всех. А я — кое-какую мелочишку о нем.

— Я и вправду хотел обозначить вас как преемника, — говорит он. — Может, это неловко получилось...

— Я признателен, — отзываюсь я, — но такой разговор действительно неуместен. К подобной роли я пока не готов. Кроме того, мы неравнозначные величины. Меня узнают, а вас признают. Император должен быть возведен на трон с ликованием, а не со скепсисом. Мне еще далеко до вашего безраздельного почитания. Вы, — улыбаюсь, — наш маленький бог...

— А вы наш маленький сатана, — усмехается он в ответ. — В общем-то да, пока еще вы не фюрер... Скорее рейхсфюрер... И мне нравится, что вы не мните себя безраздельно во все посвященным. Скажу вам больше: вы замкнуты в круге расхожих земных проблем. И даже не знаете, кого собою являете.

— А вы?

— Я знаю чуть больше. И знаю, что вы не верите такому утверждению.

— Почему же...

— Потому что вы не верите никому. Редкий раз — себе. Но я и впрямь склонен передать вам кое-что из своих знаний. Особенных откровений не будет, но крепезные детали многих конструкций прояснятся... А сегодня, если вам дорого мое мнение, вы сыграли в верную лужу. Кстати, Бетти окончательно перешла на службу к вам?

— Пощадите дрянную девчонку... Вы окажете мне этим услугу. Признаюсь, это я запутал ее.

— Ваша страсть к бабам до хорошего не доведет.

Я стеснительно хмыкаю, думая, что пикантные увлечения собеседника уже не довели его ни до чего хорошего, так что лучше бы ему обойтись без нравоучений.

Большой Босс сознает свою оплошность и несколько розовеет от досады. Я пытаюсь сгладить ее, сетуя:

— Знаете, шеф, когда я слышу предостережения, что, мол, кто-то плохо закончит, мне всегда хочется спросить: а где хотя бы один человек, закончивший хорошо?

— Это верно, — вздыхает он. — Другое дело, в каком качестве подойти к конечной грани. И что будет за ней благодаря нашим земным упорствам.

Я молчу. Дискуссия на данную тему — пустопорожняя игра ума. Реальной информации оттуда — ноль. Нам неведомы сны мертвых.

— Итак, Генри, продолжаем работать? — следует неопределенный вопрос.

— На меня вы можете положиться во всем, — веско отвечаю я. — Сегодня мы все расставили по полкам. И вы сами это превосходно сознаете.

По полкам... На ум мне приходит стеллаж с разбитыми клоунами. Все это прямо и дико ассоциируется с Советом. Может, мне последовать дурному примеру, поданному этим Максом-Роландом? Я избавился от многих врагов, но все равно вокруг меня ложь и опасность. И в моем положении мало что поменялось. Настоящее предупреждает, что прошлое все еще впереди.

Надо усердно думать о том, как спастись.

Мы дружески обнимаемся на прощание. Меня переполняют брезгливость и ненависть. Но я креплюсь. Он, похоже, тоже держит марку.

— Видеть вас — одно удовольствие, — говорю я и берусь за ручку двери.

— А не видеть — другое? — усмехается он.

У машины помощник вручает мне конверт с пометкой «Срочно». Жестом я прошу раскрыть его. В конверте — последний диск, канувший, как мне представлялось, в неизвестность. На диске выведено: «Копий нет».

Это значит, русские — неглупые ребята, стремящиеся к диалогу. Он возможен в условиях общей опасности, когда антифада, огненная река нашей вынужденной агрессии, столкнется с извержением иной магмы. К чему, впрочем, все и идет.

Сегодня одиннадцатое сентября, день крушения больших небоскребов. Но не стоит вникать в сакральную суть дат. Ее нет. Мы придумали ее в страхе и преклонении перед фатальностью обычных цифр, удобного и очевидного в своей рациональности изобретения.

Я возвращаюсь в привычность домашнего бытия, в центр своей маленькой вселенной. В том, что я расцениваю свой дом именно таким образом, ничего удивительного. В этом — естественное свойство человеческой натуры, стремление к основополагающему ориентиру. Если несколько увеличить масштаб, то мы живем на планете, которую также считаем сутью всего мироздания. Но свой маленький дом мы ценим куда больше общего, принадлежащего всем и никому. И я всеми силами обороняю именно свой. В нем мой смысл. Благополучием всего остального пространства приходится по мере необходимости жертвовать. Это неприятно. Но кто возьмет на себя грех за безгрешность и процветание ближних? Только сильный и мужественный.

Да поможет мне Бог!

Январь 2005 г. — март 2006 г.